

REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE

*Moldavian Journal
of International Law
and International Relations*

*Молдавский журнал
международного права
и международных отношений*

*Nr. 4
2013*

**REVISTA MOLDOVENEASCĂ
DE DREPT INTERNAȚIONAL
ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE**

ISSN 1857-1999

Apare din 2006 de 4 ori pe an

Nr. 4 (30), 2013

Publicație periodică științifico-teoretică
și informațional-practică fondată de
Asociația de Drept Internațional din Republica Moldova

Asociați:

Institutul de Cercetări Juridice și Politice
al Academiei de Științe a Moldovei,
Universitatea de Studii Europene din Moldova,
Institutul de Stat de Relații Internaționale din Moldova,
Asociația pentru Politică Externă
și Cooperare Internațională din Republica Moldova

Înregistrată
de către Camera Înregistrării de Stat
de pe lângă Ministerul Justiției al Republicii Moldova
Certificatul nr. MD 000039
din „04., august 2009

Acreditată
prin Hotărârea C.S.Ș.D.T. al A.Ș.M.
și C.N.A.A. Nr. 146 din 27.06.2013
în calitate de publicație științifică de profil,
Categorია „B”, la specialitățile:
12.00.10 - drept internațional public;
12.00.03 - drept internațional privat
(profilul drept)

și
23.00.04 – teoria și istoria relațiilor internaționale
și dezvoltării globale
(profilul științe politice)

Revista este inclusă în bazele de date internaționale:
Social Science Research Network (SSRN) și
Biblioteca Științifică Electronică eLIBRARY.RU
pentru calcularea factorului de impact
și indexului de citare

ADRESA NOASTRĂ:

Republica Moldova, mun. Chișinău,
str. Gh. Iablocikin, 2/1, bir. 305, MD 2069.
Tel: (+373) 69185527
Fax: (+373) 22.43.03.05

E-mail: alexandruburian@yahoo.com; alexandruburian@mail.ru

<http://www.rmdiri.md>

Indexul poștal: PM 32028

Toate materialele sunt recenzate.

Formulările și prezentarea materialelor nu reprezintă întotdeauna
poziția revistei și nu angajează în nici un fel redacția.

Responsabilitatea asupra conținutului articolelor
revine în exclusivitate autorilor.

© „Revista Moldovenească de Drept Internațional
și Relații Internaționale”, 2013.

Toate drepturile rezervate

SUMAR

DREPT INTERNAȚIONAL PUBLIC

- **SUCEVEANU Natalia.** Politica europeană de vecinătate: studiu de caz: Moldova - partenerul Uniunii Europene9
- **CHIRTOACĂ Natalia, GRIMAILO Nelea.** Evoluția procesului de legiferare internațională în cadrul Uniunii Europene: supranaționalitatea în Dreptul Organizațiilor Internaționale.....24

DREPT INTERNAȚIONAL PRIVAT

- **BĂIEȘU Aurel, PLOTNIC Olesea.** Eliminarea clauzelor abuzive în contractele de consum prin prisma conflictului de legi42
- **CHIRTOACĂ Leonid.** Răspunderea civilă delictuală pentru fapta altuia.....51

RELAȚII INTERNAȚIONALE

- **ALBU Natalia, CULICOVSCHI Constantin.** Conceptul de frontieră în analiza securității naționale: perspectiva europeană a securității de frontieră65
- **CHINDÎBALIUC Oleana.** Securitatea energetică a Republicii Moldova în sistemul de arhitectură geopolitică regională.....79

TRIBUNA TINERILOR CERCETĂTORI

- **BOBOC Lucia.** Caracterile și conținutul principiului soluționării pașnice a diferendelor internaționale88
- **BUIUC Stela.** Raționamentele Curții de Justiție a Uniunii Europene utilizate în contextul interpretării Dreptului Uniunii Europene96
- **KONONENKO Julia.** Conceptul de drept la un proces judiciar echitabil în practica Curții Europene pentru Drepturile Omului.108
- **LITRA Stela.** Poziția dreptului refugiaților vis a vis de alte ramuri și instituții ale dreptului internațional public.....117
- **PROTSENKO Irina.** Noi tendințe de cooperare juridică internațională în Regiunea Mării Negre (cazul Organizația de Cooperare Economică la Marea Neagră).....124

COMUNICĂRI ȘTIINȚIFICE

- **EVDOCHIMOV Valeriu, EDGAROVA Ivanna.** Unele aspecte de asistență organizatorică și juridică privind monitorizarea activității funcționarilor publici din serviciile administrative.....133
- **SILAGADZE Avtandil.** Unele considerente externe privitor la economia Georgiei la etapa actuală.....143
- **STRELTSOVA Olga.** Inițiativele UE vis a vis de statele post-sovietice din Regiunea Mării Negre (aspecte juridice).....150

TRIBUNA DISCUȚIONALĂ

- **ANDRIEVSCHI Vitalie.** Moldova între UE și Rusia.....157
- **MEDVEDEV Andrei.** Experiența de integrare în spațiul post-sovietic, starea actuală și perspectivele procesului de instituire a Uniunii Economice Euroasiatice.....162
- **MELNICIUC Elena.** Perspectivele cooperării statelor din regiunea Mării Negre în domeniul protecției patrimoniului cultural (aspecte de drept internațional).....176
- **METREVELI Nikoloz.** Politica de tineret și Statul Georgia.....184
- **SHEVTSOV Iurie.** Perspectivele geopolitice ale spațiului economic eurasiatic (SEE) și Republica Moldova.....190

RUBRICA REVISTEI

- Consiliul redacțional al revistei „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”196
- Colegiul de redacție (Recenzenții).....203
- Date despre autori.....207
- Cerințele privind condițiile de prezentare a manuscriselor pentru publicare în „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”.....212

REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE

Nr. 4 (30), 2013

ISSN 1857-1999

CONSILIUL REDACȚIONAL:

REDACTOR-ȘEF:

BURIAN Alexandru

doctor habilitat în drept, profesor universitar

REDACTOR-ȘEF ADJUNCT:

CHINDÎBALIUC Oleana

doctor în științe politice

SECRETAR ȘTIINȚIFIC:

CHIRTOACĂ Natalia

doctor în drept, conferențiar universitar

MEMBRI AI CONSILIULUI REDACȚIONAL:

ANGEL Jose Luis IRIARTE	Doctor în drept, profesor universitar (Spania)	
ARHILIUC Victoria	Doctor habilitat în drept, profesor cercetător (Republica Moldova)	
ABASHIDZE Aslan	Doctor habilitat în drept, profesor universitar (Federația Rusă)	
BALAN Oleg	Doctor habilitat în drept, profesor universitar (Republica Moldova)	
BENIUC Valentin	Doctor habilitat în științe politice, profesor universitar (Republica Moldova)	
BOSHITSKY Iuryi	Doctor în drept, profesor universitar (Ucraina)	
DERGACIOV Vladimir	Doctor habilitat în științe geografice, profesor universitar (Ucraina)	
DYULGEROVA Nina	Doctor habilitat în economie, Profesor universitar (Bulgaria)	
FUAREA Augustin	Doctor în drept, profesor universitar (România)	
HEINRICH Hans-Georg	Doctor în drept, profesor universitar (Austria)	
KAPUSTIN Anatolii	Doctor habilitat în drept, profesor universitar (Federația Rusă)	
KOPYLOV Mihail	Doctor habilitat în drept, profesor universitar (Federația Rusă)	
LIPKOVA Ludmila	Doctor, ing., profesor universitar (Slovacia)	
MAZILU Dumitru	Doctor în drept, profesor universitar (România)	
NAZARIA Sergiu	Doctor habilitat în științe politice, conferențiar universitar (Republica Moldova)	
PAPAVA Vladimer	Doctor habilitat în economie, Profesor universitar (Georgia)	
POPESCU Dumitra	Doctor în drept, profesor universitar (România)	
ROȘCA Alla	Doctor habilitat în științe politice, profesor universitar (SUA)	
SEDLIȚCHI Iurie	Doctor în drept, profesor universitar (Republica Moldova)	
TIMCENCO Leonid	Doctor habilitat în drept, profesor universitar (Ucraina)	
VERESHCHETIN Vladlen	Doctor habilitat în drept, profesor universitar (Federația Rusă)	

COLEGIUL DE REDACȚIE (RECENZENȚII):

REDACTOR-ȘEF ADJUNCT, PREȘEDINTE AL COLEGIULUI DE REDACȚIE:

CHINDÎBALIUC Oleana

doctor în științe politice

MEMBRI AI COLEGIULUI DE REDACȚIE:

ANIȚEI Nadia Cerasela	Doctor în drept, conferențiar universitar (România)	
CAUIA Alexandr	Doctor în drept (Republica Moldova)	
DORUL Olga	Doctor în drept, conferențiar universitar (Republica Moldova)	
GLADARENCO-STOIAN Maia	Doctor în istorie (România)	
GLUHAIA Diana	Doctor în drept (Spania)	
IOVIȚĂ Alexandrina	Doctor în drept (Republica Moldova – Elveția)	
KOVALEVA Natalia	Doctor în pedagogie, conferențiar universitar (Federația Rusă)	
LISENCO Vlada	Doctor în drept, conferențiar universitar (Republica Moldova)	
METREVELI Levan	Doctor în științe politice (Georgia)	
MOUSMOUTI Maria	Doctor în drept (Grecia)	
SÂRCU Diana	Doctor în drept, conferențiar universitar (Republica Moldova)	
SYCI Alexandru	Doctor habilitat în științe istorice, profesor universitar (Ucraina)	
SMOCHINĂ Carolina	Doctor în drept, conferențiar universitar (Cipru)	
SOLNȚEV Alexandr	Doctor în drept, conferențiar universitar (Federația Rusă)	
STARODUBȚEV Grigorii	Doctor habilitat în drept, profesor universitar (Federația Rusă)	
ISMAYL Togrul	Doctor în istorie, Doctor în economie, conferențiar universitar (Turcia)	
ȚIGĂNAȘ Ion	Doctor în drept (Republica Moldova)	
YURCHENKO Serghei	Doctor habilitat în științe politice, profesor universitar (Ucraina)	

© „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”, 2013.

Toate drepturile rezervate

**MOLDAVIAN JOURNAL
OF INTERNATIONAL LAW
AND INTERNATIONAL RELATIONS**

ISSN 1857-1999

Published quarterly

No. 4 (30), 2013

Scientific-theoretical and information-practical
periodical publication founded by
Association of International Law from the Republic of Moldova

Co-founders:

The Institute of Legal and Political Research
of The Academy of Sciences of Moldova,
The University of European Studies of Moldova,
The Moldavian State Institute of International Relations,
The Association of Foreign Policy
and International Cooperation from the Republic of Moldova

Registered
by the State Registration Chamber
of the Ministry of Justice of the Republic of Moldova
the Certificate No. MD 000039
„4” august 2009

Accredited
by decision No. 146/27.06.2013
of the Supreme Council for Science and Technological Development
of the Academy of Sciences of Moldova and the National Council
for Accreditation and Attestation of the Republic of Moldova
as of profile scientific publication, Category „B”,
in the field of:

12.00.10 - Public International Law;

12.00.03 - Private International Law

(profile of legal science)

and

23.00.04 - Theory and History of International Relations
and Global Development
(profile of political science)

The journal is included in the international database:
Social Science Research Network (SSRN) and
Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU
to calculate the impact factor and citation index

OUR ADDRESS:

MD-2069, The Republic of Moldova, Chisinau, of. 305,
2/1 Ghenadie Iablocikin str.

Tel: (+373) 69185527

Fax: (+373) 22.43.03.05

E-mail: alexandruruburian@yahoo.com; alexandruruburian@mail.ru
<http://www.rmdir.md>

Edition index PIN: PM 32028

All materials are reviewed.

The views of Editors do not necessarily coincide
with the opinions of the authors.

The responsibility for the authenticity and accuracy of the facts
in the published articles rests with the authors.

© Moldavian Journal of International Law
and International Relations, 2013.

All rights reserved.

CONTENTS

PUBLIC INTERNATIONAL LAW

- *SUCEVEANU Natalia*. The European neighbourhood policy: a case study: Moldova as a partner of the European Union.....9
- *CHIRTOACA Natalia, GRIMAILO Nelea*. Evolution of the international legitimation within the European Union: Supranationality in the Law of International Organizations.....24

PRIVATE INTERNATIONAL LAW

- *BAIESU Aurel, PLOTNIC Olesia*. Elimination of the unfair terms in consumer contracts through conflict of laws.....42
- *CHIRTOACA Leonid*. Civil tort liability for violation committed by another person.....51

INTERNATIONAL RELATIONS

- *ALBU Natalia, CULICOVSKI Constantin*. The concept of border in the context of national security analysis: european perspective of border security.....65
- *KINDIBALYK Olyana*. Energy security of the Republic of Moldova in the system of regional geopolitical architecture.....79

THE TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

- *BOBOC Lucia*. The character and content of the principle peaceful settlement of the international disputes.....88
- *BUIUC Stella*. The reasoning of the Court of Justice of the European Union used in the context of interpretation of the European Union Law.....96
- *KONONENKO Julia*. Concept of Right on Fair Judicial Hearing in practice of European Court on Human Rights.....108
- *LITRA Stela*. The position of Refugees Law vis a vis other branches and institutions of Public International Law.....117
- *PROTSENKO Irina*. The new trends of international legal cooperation in the Black Sea Region (on the example of the Organization of the Black Sea Economic Cooperation).....124

THE SCIENTIFIC COMMUNICATIONS

- *EVDOKIMOV Valery, EDGAROVA Ivanna*. Some aspects of organizational and legal support for monitoring activity of civil servants of administrative services.....133
- *SILAGADZE Avtandil*. Some of the external aspects of the Georgian economy in modern times.....143
- *STRELTSOVA Olga*. EU initiatives in the former soviet states of the Black Sea Region (legal aspects).....150

THE TRIBUNE OF DISCUSSION

- *ANDRIEVSKY Vitaly*. Moldova between the EU and Russia....157
- *MEDVEDEV Andrey*. Experience of integration in the Post-Soviet Space, condition and prospects of the construction process of the Eurasian Economic Union.....162
- *MELNICHUK Elena*. International legal perspective of Black Sea Cooperation between states in the field of protection of cultural heritage.....176
- *METREVELI Nikoloz*. Youth policy and the State of Georgia....184
- *SHEVTSOV Yury*. The geopolitical perspectives of Eurasian Economic Area (EEA) and the Republic of Moldova.....190

OUR JOURNAL

- Editorial board of the „Moldavian Journal of International Law and International Relations”.....196
- Reviewers.....203
- About authors.....207
- Requirements to papers for publication in the „Moldavian Journal of International Law and International Relations”.....216

MOLDAVIAN JOURNAL
OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

Nr. 4 (30), 2013

ISSN 1857-1999

EDITORIAL BOARD (CONSILIUM):

EDITOR –IN – CHIEF:

BURIAN Alexander

Doctor of Juridical Sciences, Professor

DEPUTY EDITOR–IN–CHIEF:

KINDIBALYK Olyana

Ph.D in Political Sciences

SCIENTIFIC SECRETARY:

CHIRTOACA Natalia

Ph.D in Law, Associate Professor

MEMBER OF THE EDITORIAL BOARD (CONSILIUM):

ANGEL Jose Luis IRIARTE	Doctor of Law, Professor (Spain)	
ARHILIU Victoria	Doctor of Juridical Sciences, Professor (The Republic of Moldova)	
ABASHIDZE Aslan	Doctor of Juridical Sciences, Professor (The Russian Federation)	
BALAN Oleg	Doctor of Juridical Sciences, Professor (The Republic of Moldova)	
BENIUC Valentin	Doctor of Political Sciences, Professor (The Republic of Moldova)	
BOSHITSKYI Iurii	Ph.D in Law, Professor (Ukraine)	
DERGACHEV Vladimir A.	Dr. Sc. (Geography), Professor, Expert in geopolitics (Ukraine)	
DYULGEROVA Nina	Doctor of Economic Sciences, Professor (Bulgaria)	
FUAREA Augustin	Doctor of Law, Professor (Romania)	
HEINRICH Hans-Georg	Doctor of Juridical Sciences, Professor (Austria)	
KAPUSTIN Anatoly	Doctor of Juridical Sciences, Professor (The Russian Federation)	
KOPYLOV Mikhail	Doctor of Juridical Sciences, Professor (The Russian Federation)	
LIPKOVA Ludmila	Doctor Eng., Professor (The Slovak Republic)	
MAZILU Dumitru	Doctor of Law, Professor (Romania)	
NAZARIA Sergej	Doctor of Political Sciences (The Republic of Moldova)	
PAPAVA Vladimir	Doctor of Economic Sciences, Professor (Georgia)	
POPESCU Dumitra	Doctor of Law, Professor (Romania)	
ROSCA Alla	Doctor of Political Sciences, Professor (USA)	
SEDLETSCHI Yuri	Ph.D in Law, Professor (The Republic of Moldova)	
TIMCHENKO Leonid	Doctor of Juridical Sciences, Professor (Ukraine)	
VERESHCHETIN Vladlen	Doctor of Juridical Sciences, Professor (The Russian Federation)	

EDITORSHIP (REVIEWERS):

DEPUTY EDITOR–IN–CHIEF, HEAD OF EDITORSHIP:

KINDIBALYK Olyana

Ph.D in Political Sciences

MEMBER OF THE EDITORSHIP:

ANITEI Nadia Cerasela	Ph.D in Law, Associate Professor (Romania)	
CAUIA Alexandr	Ph.D in Law (The Republic of Moldova)	
DORUL Olga	Ph.D in Law, Associate Professor (The Republic of Moldova)	
GLADARENCO-STOIAN Maia	Ph.D. in History (Romania)	
GLUHAIA Diana	Ph.D in Law (Spain)	
IOVITA Aşlexandrina	Ph.D in Law (The Republic of Moldova – Switzerland)	
KOVALEVA Natalia	Ph.D in Pedagogical Sciences, Associate Professor (The Russian Federation)	
LISENCO Vlada	Ph.D in Law, Associate Professor (The Republic of Moldova)	
METREVELI Levan	Doctor of Political Sciences (Georgia)	
MOUSMOUTI Maria	Ph.D in Law (Grece)	
SARCU Diana	Ph.D in Law, Associate Professor (The Republic of Moldova)	
SYCH Alexander	Doctor of History, Professor (Ukraine)	
SMOCHINA Carolina	Ph.D in Law, Associate Professor (Cyprus)	
SOLNTSEV Alexander	Ph.D in Law, Associate Professor (The Russian Federation)	
STARODUBTSEV Grigory	Doctor of Juridical Sciences, Professor (The Russian Federation)	
ISMAYL Togrul	Ph.D in History, Ph.D in Economic Sciences, Associate Professor (Turkey)	
TIGANAS Ion	Ph.D in Law (The Republic of Moldova)	
YURCHENKO Serghei	Doctor of Political Sciences, Professor (Ukraine)	

© Moldavian Journal of International Law and International Relations, 2013.

All rights reserved.

**МОЛДАВСКИЙ ЖУРНАЛ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

ISSN 1857-1999

Выходит с 2006 года. Издаётся 4 раза в год

№ 4 (30), 2013 год.

Научно-теоретический и информационно-практический
периодический журнал, основанный
Ассоциацией международного права Республики Молдова

Соучредители:

Институт юридических и политических исследований
Академии наук Молдовы,
Европейский университет Молдовы,
Молдавский государственный институт
международных отношений,
Ассоциация внешней политики
и международного сотрудничества Республики Молдова

Зарегистрирован
Государственной Регистрационной Палатой
при Министерстве юстиции Республики Молдова
Сертификат № MD 000039
от «4» августа 2009 года

Аккредитован
решением № 146 от 27.06.2013 г.

Верховного Совета по Науке и Технологическому развитию
Академии наук Молдовы и Национального Совета по
Аккредитации и Аттестации Республики Молдова как
профильная научная публикация, категория «Б»,
по специальностям:

12.00.10 - международное публичное право;
12.00.03 – международное частное право
(профиль юридические науки)

и

23.00.04 - теория и история международных отношений
и глобального развития
(профиль политические науки)

Журнал включен в международные базы данных:
Social Science Research Network (SSRN) и
Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU
для учета импакт-фактора и индекса цитирования

НАШ АДРЕС:

ул. Г. Яблочкин, 2/1, оф. 305, мун. Кишинёв,
Республика Молдова, MD 2069

Тел. (+373) 69185527

Факс: (+373) 22.43.03.05

E-mail: alexandruburian@yahoo.com; alexandruburian@mail.ru
<http://www.rmdiri.md>

Почтовый индекс: RM 32028

Все материалы рецензируются.

Мнения редакции не обязательно совпадают
с мнениями авторов публикаций.

Ответственность за точность проводимой информации
и изложение фактов лежит на авторах.

© «Молдавский журнал международного права
и международных отношений», 2013.

Все права зарегистрированы

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

- **СУЧЕВЯНУ Наталья.** Европейская политика соседства: тематическое исследование: Республика Молдова-партнёр ЕС.....**9**
- **КИРТОАКЭ Наталья, ГРИМАЙЛО Неля.** Эволюция процесса международного узаконивания в рамках ЕС: надгосударственность в праве международных организаций.....**24**

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

- **БЭШУ Аурел, ПЛОТНИК Олеся.** Устранение несправедливых условий в потребительских договорах через призму коллизий законов.....**42**
- **КИРТОАКЭ Леонид.** Гражданская деликтная ответственность за правонарушение совершенное другим лицом.....**51**

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- **АЛБУ Наталья, КУЛИКОВСКИЙ Константин.** Концепция границы в контексте анализа национальной безопасности: европейская перспектива безопасности границ.....**65**
- **КИНДЫБАЛЮК Оляна.** Энергетическая безопасность Республики Молдова в системе региональной геополитической архитектуры.....**79**

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

- **БОБОК Люция.** Характер и содержание принципа мирного разрешения международных споров.....**88**
- **БУЮК Стелла.** Аргументации Суда ЕС используемые в контексте толкования права Европейского союза.....**96**
- **КОНОНЕНКО Юлия.** Понятие права на справедливое судебное разбирательство в практике ЕСЧП.....**108**
- **ЛИТРА Стелла.** Позиционирование права беженцев относительно других отраслей и институтов международного публичного права.....**117**
- **ПРОЦЕНКО Ирина.** Новые тенденции международно-правового сотрудничества в Причерноморском регионе.....**124**

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- **ЕВДОКИМОВ Валерий, ЕДГАРОВА Иванна.** Некоторые аспекты организационно-правового обеспечения мониторинга деятельности государственных служащих.....**133**
- **СИЛАГАДЗЕ Автандил.** Некоторые внешние аспекты экономики Грузии в современный период.....**143**
- **СТРЕЛЬЦОВА Ольга.** Инициативы ЕС в отношении постсоветских государств Причерноморского региона.....**150**

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

- **АНДРИЕВСКИЙ Виталий.** Молдова между ЕС и Россией.....**157**
- **МЕДВЕДЕВ Андрей.** Опыт интеграции на постсоветском пространстве, состояние и перспективы процесса строительства Евразийского экономического союза.....**162**
- **МЕЛЬНИЧУК Елена.** Международно-правовая перспектива причерноморского сотрудничества государств в сфере охраны культурного наследия.....**176**
- **МЕТРЕВЕЛИ Николоз.** Молодежная политика и государство Грузия.....**184**
- **ШЕВЦОВ Юрий.** Геополитические перспективы ЕЭП и Молдова.....**190**

О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ

- Редакционный совет „Молдавского журнала международного права и международных отношений”.....**196**
- Редакционная коллегия (Рецензенты).....**203**
- Наши авторы.....**207**
- Требования к оформлению статей для публикации в «Молдавском журнале международного права и международных отношений».....**220**

**МОЛДАВСКИЙ ЖУРНАЛ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

№. 4 (30), 2013

ISSN 1857-1999

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

БУРИАН Александр

доктор юридических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

КИНДЫБАЛЮК Оляна

кандидат политических наук

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

КИРТОАКЭ Наталья

кандидат юридических наук, доцент

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

АНХЕЛ Хосе Луис ИРИАРТЕ

Доктор права, профессор (Испания)

АРХИЛЮК Виктория

Доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)

АБАШИДЗЕ Аслан

Доктор юридических наук, профессор (Российская Федерация)

БАЛАН Олег

Доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)

БЕНЮК Валентин

Доктор политических наук, профессор (Республика Молдова)

БОШИЦКИЙ Юрий

Кандидат юридических наук, профессор (Украина)

ВЕРЕЩЕТИН Владлен

Доктор юридических наук, профессор (Российская Федерация)

ДЕРГАЧЕВ Владимир

Доктор географических наук, профессор (Украина)

ДЮЛГЕРОВА Нина

Доктор экономических наук, профессор (Болгария)

КАПУСТИН Анатолий

Доктор юридических наук, профессор (Российская Федерация)

КОПЫЛОВ Михаил

Доктор юридических наук, профессор (Российская Федерация)

ЛИПКОВА Людмила

Доктор, профессор (Словакия)

МАЗИЛУ Думитру

Доктор права, профессор (Румыния)

НАЗАРИЯ Сергей

Доктор политических наук, доцент (Республика Молдова)

ПАПАВА Владимир

Доктор экономических наук, профессор (Грузия)

ПОПЕСКУ Думитра

Доктор права, профессор (Румыния)

РОШКА Алла

Доктор политических наук, профессор (США)

СЕДЛЕЦКИЙ Юрий

Кандидат юридических наук, профессор (Республика Молдова)

ТИМЧЕНКО Леонид

Доктор юридических наук, профессор (Украина)

ФУЕРЕА Августин

Доктор права, профессор (Румыния)

ХЕЙНДРИЧ Ханс-Георг

Доктор права, профессор (Австрия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ (РЕЦЕНЗЕНТЫ):

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА,

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

КИНДЫБАЛЮК Оляна

кандидат политических наук

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

АНИЦЕЙ Надия Черасела

Доктор права, доцент (Румыния)

ГЛАДАРЕНКО-СТОЯН Майя

Доктор истории (Румыния)

ГЛУХАЯ Диана

Доктор права (Испания)

ДОРУЛ Ольга

Кандидат юридических наук, доцент (Республика Молдова)

ИОВИЦЭ Александрина

Кандидат юридических наук (Республика Молдова – Швейцария)

КАУЯ Александр

Кандидат юридических наук (Республика Молдова)

КОВАЛЕВА Наталья

Кандидат педагогических наук, доцент (Российская Федерация)

ЛЫСЕНКО Влада

Кандидат юридических наук, доцент (Республика Молдова)

МЕТРЕВЕЛИ Леван

Доктор политических наук (Грузия)

МОУСМУТИ Мария

Доктор права (Греция)

СЫРКУ Диана

Кандидат юридических наук, доцент (Республика Молдова)

СЫЧ Александр

Доктор исторических наук, профессор (Украина)

СМОКИНА Каролина

Доктор права, доцент (Кипр)

СОЛНЦЕВ Александр

Кандидат юридических наук, доцент (Российская Федерация)

СТАРОДУБЦЕВ Григорий

Доктор юридических наук, профессор (Российская Федерация)

ИСМАИЛ Тогрул

Доктор истории, доктор экономики, доцент (Турция)

ЦИГЭНАШ Ион

Кандидат юридических наук (Республика Молдова)

ЮРЧЕНКО Сергей

Доктор политических наук, профессор (Украина)

REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE

„Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale, a fost lansată în anul 2006 ca proiecție a unui forum ce promovează valorificarea diferitelor opinii, uneori diametral opuse, cu privire la starea actuală a dreptului internațional și a relațiilor internaționale. Într-o perioadă relativ scurtă, grație revistei, arta dezbaterilor axate pe diverse probleme științifico-practice, purtate pe paginile sale, a cunoscut o ascensiune substanțială. De asemenea, publicația a reușit să creeze și să dezvolte un profil propriu, să devină mai bogată și variată, abordând o arie tematică științifico-analitică complexă.

Aceste calificative reflectă un grad înalt de profesionalism și erudiție, diferite abordări inovatoare în elucidarea temelor dificile, prin care atrage atenția practicienilor cu experiență, precum și a tinerilor cercetători.

Actualmente, publicația este o revistă de concept despre diferite domenii ale dreptului internațional, ultimul devenind un centru de atracție pentru forțele de creație, care a obținut recunoașterea publicului și a creat un colectiv larg de autori. Unul din avantajele importante ale revistei îl constituie faptul că oferă tinerilor cercetători oportunitatea de a se manifesta. Doctoranzii și magiștrii, care abia acumulează experiență în domeniul cercetărilor științifice, dar care doresc să se afirme, își pot face publice opiniile cu privire la diferite probleme actuale din domeniul relațiilor internaționale contemporane și al dreptului internațional.

Publicația conține articole ale specialiștilor de vază din republică și de peste hotare, doctori habilitați și doctori – adepți ai diferitelor viziuni, care tratează și se expun activ pe marginea proceselor ce au loc în viața politică, economică și socială a țării. Spectrul problemelor examinate a devenit extrem de larg. O atenție sporită este acordată elucidării problemelor teoretico-practice din domeniul dreptului internațional și a relațiilor internaționale.

MOLDAVIAN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

The „Moldavian Journal of International Law and International Relations” was launched in 2006 as an open forum for different, sometimes diametrically opposite points of view on the current state of international law and international relations. In a relatively short period of his life the journal raised an art of scientific and practical discussions to a higher altitude developed its profile, become richer and more varied, designed scientific-analytical subject. In this connection, it differs from high professionalism, erudition, new approaches to disclosing the difficult themes. Consequently, journal attracts both skilled experts, and young researchers.

Today it is a conceptual journal about various fields of international law, which became the centre of attraction of creative forces and managed to find its readers, forming around a wide group of authors. One of the important advantages of the publication is that it provides an opportunity for young authors as – post-graduate students and master’s students, yet not possessing a wide experience of researching, but willing to assert themselves, express their views on topical issues about contemporary international relations and international law.

The journal contains articles of known Moldavian and foreign experts, doctors and candidates of sciences – advocates of different views, who actively illuminate the processes occurring in the political, economic and social life. Spectrum of the issues was as broad as possible. Particular attention is given to coverage of theoretical and practical issues of international law and international relations.

МОЛДАВСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Издание «Молдавского журнала международного права и международных отношений» стартовало в 2006 г. как открывающая трибуна для различных, подчас диаметрально противоположных точек зрения на современное состояние международного права и международных отношений. За относительно короткий срок своей жизни журнал поднял на большую высоту искусство научно-практических дискуссий, выработал свой профиль, стал более насыщенным и разнообразным, оформил научно-аналитическую тематику, в связи с чем и отличается высоким профессионализмом, эрудицией, инновационными подходами к раскрытию сложных тем, чем привлекает к себе как опытных практиков, так и молодых исследователей.

Сегодня это концептуальный журнал о самых различных сферах международного права, который стал центром притяжения творческих сил и сумел найти своего читателя, сформировав вокруг себя широкий авторский коллектив. Одним из важных достоинств издания является то, что он предоставляет возможность молодым авторам – аспирантам и магистрантам, пока не обладающим большим опытом исследовательской работы, но желающих заявить о себе, высказать свою точку зрения по актуальным вопросам современных международных отношений и международного права.

На страницах нашего журнала публикуются статьи известных молдавских и иностранных специалистов, докторов и кандидатов наук – сторонников разных взглядов, которые активно освещают процессы, происходящие в политической, экономической и социальной жизни страны. Спектр рассматриваемых проблем стал максимально широким. Особое внимание уделяется освещению теоретических и практических вопросов международного права и международных отношений.

Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
 Moldavian Journal of International Law and International Relations /
 Молдавский журнал международного права и международных отношений

2013, Issue 4, Volume 30, Pages 9-24.
 ISSN 1857-1999
 Submitted: 16. 10. 2013 | Accepted: 30.11. 2013 | Published: 15.12. 2013

**DREPT INTERNAȚIONAL PUBLIC
 PUBLIC INTERNATIONAL LAW
 МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО**

**LA POLITIQUE EUROPEENNE DE VOISINAGE: ETUDE DE CAS
 - LA MOLDAVIE LE PARTENAIRE DE L'UNION EUROPEENNE**

**THE EUROPEAN NEIGHBOURHOOD POLICY: A CASE STUDY
 – MOLDOVA AS A PARTNER OF THE EUROPEAN UNION**

**POLITICA EUROPEANĂ DE VECINĂTATE: STUDIU DE CAZ
 – MOLDOVA PARTENERUL UNIUNII EUROPENE**

**ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА СОСЕДСТВА: ТЕМАТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ -
 РЕСПУБЛИКА МОЛДОВА - ПАРТНЁР ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА**

SUCEVEANU Natalia* / SUCEVEANU Natalia / СУЧЕВЯНУ Наталья

**ABSTRACT:
 THE EUROPEAN NEIGHBOURHOOD POLICY:
 A CASE STUDY – MOLDOVA AS A PARTNER OF THE EUROPEAN UNION**

The European Union (EU) is a community of states, based on the principles of freedom, democracy, respect for human rights and rule of law. So far, EU experienced several enlargement stages, within which the accession of new Member States was possible. As a result of the last expansion stage, since the 1st of July 2013, EU has grown to 28 Member States.

Despite the debt crises and the difficult years, with unsolved issues within the EU, generally speaking, and within the Monetary Union, particularly, EU remains the most important pole of attraction for its neighbours. This appears to be true based on their persistent attitude concerning the process of European integration. The main reasoning behind the willingness of these states to accede the EU are: free access to EU market, free movement of persons, as well as the possibility to make use of the European legislation devised by the EU institutions. Instead, the Member States acquire more competitiveness in the world market, as EU, in its entirety, will be able to compete with the most important actors of the world economy, such as China, India, Brazil, etc.

After the „big-bang” enlargement process of 2004 and 2007, the EU external policy faces a dilemma: how it would be possible to promote the objectives of peace, prosperity and good governance in the neighbour countries, without an enlargement perspective?

The European Neighbourhood Policy (ENP) – launched in 2003, applied in 2004, had as an objective to develop a space of prosperity and stability towards the Southern and Eastern neighbours, without the valuable promise of membership. The unique framework was nothing else, but a tool for placing the neighbouring countries in one bunch, re-united and required to share everything, except the European institutions. It was not long before EU acknowledged the need to distinguish between the South and Eastern Partners and the need to establish a different approach for the two, which would allow a better response to their individual needs and

* **SUCEVEANU Natalia** – Doctor în drept, conferențiar universitar, Universitatea de stat din Moldova, Director al Centrului de Armonizare a Legislației, Ministerul Justiției (Chișinău, Republica Moldova). / **SUCEVEANU Natalia** – Ph.D. in Law, Associate Professor, The Moldova State University, Director of the Center for Legal Approximation, Ministry of Justice (Kishinev, The Republic of Moldova). / **СУЧЕВЯНУ Наталья** – Кандидат юридических наук, доцент, Молдавский Государственный Университет, Директор Центра по гармонизации законодательства, Министерство юстиции (Кишинев, Республика Молдова).

ambitions. The Eastern Partnership, as response to the Union for the Mediterranean, launched in 2008 and promoted in 2009 by Poland and Sweden, recognizes a fundamental element for the EU Eastern neighbours: their „Europeanness”.

This article is aiming at presenting the Eastern dimension of the ENP, which comprises the states from East (Ukraine, Moldova and Belorussia) and the states from Southern Caucasus (Armenia, Georgia and Azerbaijan), with a particular focus on the Republic of Moldova’s status in its relations with EU. Currently, these states have an important place within the framework of the EU’s international strategy.

Key-words: European Union, European Neighbourhood Policy, Eastern Partnership, Partnership and Cooperation Agreement, Association Agreement, European perspective.

JEL Classification: K33, K49, F55

РЕЗУМАТ:
**POLITICA EUROPEANĂ DE VECINĂTATE: STUDIU DE CAZ
– MOLDOVA PARTENERUL UNIUNII EUROPENE**

Uniunea Europeană (UE) este o comunitate de state, care se bazează pe principiile libertății, democrației, respectului pentru drepturile omului și statului de drept. Până în prezent, ea a cunoscut mai multe faze de extindere, în cursul cărora a fost posibilă aderarea noilor state membre. În urma ultimei faze de extindere a UE, de la 1 iulie 2013 UE numără astăzi 28 state membre.

În ciuda crizei datoriilor și anilor dificili, cu probleme nesoluționate în cadrul UE, dacă vorbim la mod general, iar în particular, în cadrul Uniunii monetare, UE continuă să reprezinte cel mai important pol de atracție pentru vecinii săi. Acest aspect se manifestă în atitudinea lor persistentă vis-a-vis de procesul de integrare europeană. Principalele raționamente pentru care aceste state doresc să se integreze în UE sunt: accesul liber pe piața Uniunii Europene, libertatea de circulație a persoanelor, dar și posibilitatea de a utiliza legislația europeană elaborată de instituțiile UE. În schimb, statele membre câștigă în competitivitate pe piața mondială, întrucât UE, în ansamblul său, va putea rivaliza cu cei mai importanți actori ai economiei mondiale cum ar fi China, India, Brazilia etc.

După procesul de extindere „big bang” din 2004 și 2007, politica exterioară a UE se regăsește în fața unei dileme: cum ar fi posibil de promovat obiectivele de pace, prosperitate și bună guvernare în statele din vecinătate, fără a recurge la extindere?

Politica Europeană de Vecinătate (PEV) – inițiată în 2003, pusă în aplicare în 2004, urmărea obiectivul de a dezvolta un spațiu de prosperitate și stabilitate către vecinii din sud și de est și aceasta, fără prețioasa promisiune de aderare. Cadrul unic propus a fost nu altceva decât un mijloc de pune toate țările frontaliere în același sac, reunite și chemate să partajeze totul, cu excepția instituțiilor europene. Nu a trebuit să treacă prea mult timp, pentru a recunoaște necesitatea de a distinge partenerii din Sudul și din Estul Europei și de a instaura o diferențiere, care ar permite de a răspunde mai bine la necesitățile și ambițiile fiecăruia. Parteneriatul Estic, ca răspuns la Uniunea pentru Mediterană, lansat în 2008 și promovat de Polonia și Suedia în 2009, recunoaște un element fundamental pentru vecinii estici ai UE: „europenitatea” acestora.

Acest articol își propune să prezinte dimensiunea estică a PEV, care cuprinde statele din est (Ucraina, Moldova și Bielorusia) și statele din Caucazul de sud (Armenia, Georgia și Azerbaidjan) și statutul particular al Republicii Moldova în relațiile sale cu UE. Aceste state ocupă astăzi un loc important în cadrul strategiei internaționale a Uniunii Europene.

Cuvinte cheie: Uniunea Europeană, Politica Europeană de Vecinătate, Parteneriatul Estic, Acord de Parteneriat și Cooperare, Acord de Asociere, perspectiva europeană.

JEL Classification: K33, K49, F55

CZU: 341.217(4), 341.223.7

РЕЗЮМЕ:
**ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА СОСЕДСТВА: ТЕМАТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ -
РЕСПУБЛИКА МОЛДОВА - ПАРТНЁР ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА**

Европейский союз (ЕС) является объединением государств, основанным на принципах свободы, демократии, уважения прав человека и правового государства. До настоящего момента, ЕС пережил

несколько этапов расширения, в ходе которых осуществилось присоединение новых стран. В результате последнего этапа расширения, с 1 июля 2013, в ЕС входят 28 государств.

Несмотря на кризис вызванный задолженностями и трудный период с нерешёнными вопросами, в рамках ЕС, а в частности, в рамках Валютного Союза, ЕС продолжает представлять собой наиболее важную точку притяжения для соседей. Этот факт проявляется в их стойком отношении к процессу европейской интеграции. Основные обоснования, по которым эти страны хотят интеграции в ЕС это: свободный доступ на рынок ЕС, свобода передвижения людей, а также возможность использовать законодательство ЕС, разработанное учреждениями ЕС. В обмен на это, страны выигрывают конкурентоспособность на международном рынке, так как ЕС, в целом, будет способен соперничать с наиболее важными действующими лицами мировой экономики, такими как Китай, Индия, Бразилия.

После процесса расширения «big bang» от 2004 и 2007 года, внешняя политика ЕС находится в дилемме: как возможно содействовать достижению целей мира, процветания и хорошего правления в соседних странах, не прибегая к расширению?

Европейская Политика Соседства (ЕПС) – инициированная в 2003 году, и внедренная в 2004 году, преследовала цель развития пространства процветания и стабильности к южным и восточным соседям и это без драгоценного обещания членства в ЕС. Единственные предложенные рамки были ничем иным нежели средством для расставления всех пограничных стран в одно единое, объединённые и призванные делить всё кроме европейских учреждений. Не должно было пройти много времени до признания необходимости различения южных и восточных партнёров и до установления отличий которые позволят лучше реагировать на потребности и амбиции каждого. Восточное Партнёрство, как ответ на Союз для Средиземноморья, запущен в 2008 году и продвинул Польшей и Швецией в 2009 году, признаёт фундаментальный элемент для восточных соседей ЕС: их «европейскость».

Эта статья призвана представить восточное измерение ЕПС, которое включает восточные страны (Украина, Молдова и Белоруссия) и страны из Южного Кавказа (Армения, Грузия и Азербайджан), а также особый статус Республики Молдова в отношениях с ЕС. Эти страны сегодня занимают важное место в международной стратегии Европейского союза.

Ключевые слова: Европейский союз, Европейская Политика Соседства, Восточное Партнёрство, Соглашение о партнёрстве и о сотрудничестве, Соглашение об ассоциации, европейская перспектива.

JEL Classification: K33, K49, F55

УДК: 341.217(4), 341.223.7

RÉSUMÉ:

LA POLITIQUE EUROPEENNE DE VOISINAGE: ETUDE DE CAS - LA MOLDAVIE LE PARTENAIRE DE L'UNION EUROPEENNE

L'Union Européenne (UE) est une communauté d'Etats qui s'appuie sur les principes de la liberté, de la démocratie, du respect des droits de l'Homme et de l'Etat de droit. Jusqu'à présent, elle a connu plusieurs phases d'élargissement, lors desquelles elle a permis l'adhésion de nouveaux Etats membres. Depuis le dernier élargissement en 2013, l'UE compte 28 Etats membres.

Malgré la crise de la dette et des années de problèmes non résolus au sein de l'UE dans son ensemble et, de manière plus spécifique, de l'Union monétaire, l'UE continue à représenter un attrait pour ses pays voisins. Cet aspect se manifeste dans leur attitude persistante vis-à-vis de leur adhésion à l'UE. Les raisons principales pour lesquelles ses pays souhaitent s'intégrer à l'UE sont: le libre accès au marché de l'UE, la libre circulation des personnes et la possibilité d'utiliser la législation européenne établie par les institutions de l'UE. En outre, les Etats membres gagnent en compétitivité sur le marché mondial, tandis que l'UE dans son ensemble peut rivaliser avec les principaux acteurs de l'économie mondiale comme Chine, l'Inde, le Brésil etc.

Après l'élargissement „big bang” de 2004 et de 2007, la politique extérieure de l'UE se retrouve face à un dilemme: comment poursuivre les objectifs de paix, de prospérité et de bonne gouvernance dans les pays voisins, sans avoir recours à l'élargissement?

La Politique de voisinage (PEV) – initiée en 2003, mise en oeuvre en 2004 – revendiquait alors la poursuite des objectifs de développer un espace de prospérité et de stabilité à l'encontre des voisins de sud et de l'est, et ce, sans la précieuse carotte de la promesse d'intégration à terme. Le cadre unique proposé était ainsi un moyen de mettre tous les pays frontaliers dans le même sac, réunis et appelés à partager „tout sauf les institutions” (Prodi). Il n'a pas fallu attendre longtemps pour reconnaître la nécessité de distinguer les

partenaires du Sud et de l'Est de l'UE et d'instaurer une différenciation permettant de mieux répondre aux ambitions de chacun. Le Partenariat Oriental (PO), en réponse à l'Union pour méditerranée lancé en 2008, est impulsé par la Pologne et la Suède en 2009 et reconnaît un élément fondamental des voisins orientaux de l'UE: "leur européanité".

Cette article a comme objectif de vous présenter le volet oriental de la PEV qui couvre des Etats de l'Est (Ukraine, Biélorussie, Moldavie) et du Caucase du Sud (Arménie, Géorgie, Azerbaïdjan) et le cas particulier de la RM. Ces pays occupent aujourd'hui une place croissante dans la stratégie internationale de l'UE.

Mots clés: Union Européenne, Politique Européenne de Voisinage, Partenariat Oriental, Accord de partenariat et de coopération, Accords d'Association, perspective d'adhésion.

JEL Classification: K33, K49, F55

Contexte et portée géographique de la PEV

C'est en 2003, au moment où l'UE s'apprêtait à s'ouvrir à 12 nouveaux membres, qu'elle a également envisagé de proposer un „nouveau contrat” à son voisinage élargi. Les critères de définition de ce voisinage avaient été élaborés en négatif: étaient voisins ceux qui n'avaient „aucune perspective d'adhésion”.¹

L'histoire de la PEV commence en 2002. En 2002 le Royaume-Uni, l'Allemagne, l'Autriche les pays nordiques ont conseillé à l'Union de nouer des relations plus approfondies avec ses voisins orientaux. Une initiative commune baptisée „Initiative en faveur des nouveaux pays voisins” aurait dû être axée sur le développement de relations entre l'UE et l'Ukraine, la Moldavie et la Biélorussie.

À la demande de la France, l'initiative s'est développée depuis 2003, elle fut ensuite étendue aux pays du sud de la Méditerranée (Maroc, Algérie, Tunisie, Libye, Egypte, Israël, Autorité palestinienne, Liban, Jordanie, Syrie). En effet, sous l'impulsion du Conseil des ministres, la Commission européenne a présenté en mars 2003 une Communication intitulée „l'Europe élargie – Voisinage: un nouveau cadre pour les relations avec nos voisins de l'Est et de Sud”, proposant les grandes lignes de cette nouvelle politique.

C'est ainsi qu'est née la PEV qui créait ce nouveau voisinage auquel était proposé „tout sauf les institutions” (selon la formule de Romano Prodi, alors Président de la Commission Européenne).

En effet, l'UE devait offrir „une perspective de participation au marché intérieur ainsi que la

poursuite de l'intégration et de la libéralisation afin de promouvoir la libre circulation des personnes, des biens, des services et des capitaux (les quatre libertés)” (Communication de la Commission, l'Europe élargie – voisinage: un nouveau cadre pour les relations avec nos voisins de l'Est et du Sud. Cette formule n'a pas reçu l'aval du Conseil, or, les Etats membres refusent la proposition de la Commission de permettre, à terme, de créer une telle zone de libre circulation. Après la „Révolution des roses” en Géorgie, qui a dévoilé de nouvelles perspectives pour la transition vers la démocratie et une économie de marché opérationnelle, le Conseil a décidé en 2004 d'intégrer la Géorgie, l'Arménie et l'Azerbaïdjan dans la nouvelle politique.

A ce jour elle couvre six pays situés à l'Est de l'Europe: l'Ukraine, la Moldavie, la Biélorussie, la Géorgie, l'Arménie et l'Azerbaïdjan. Ces pays participent également au partenariat oriental. Au sud de l'Europe, la PEV couvre dix pays partenaires dans l'Union pour la Méditerranée (UPM): le Maroc, la Tunisie, l'Algérie, la Libye, l'Egypte, Israël, l'Autorité palestinienne, la Jordanie, le Liban et la Syrie.

L'Objectif de la PEV et de nouer des relations politiques et économiques approfondies: en étendant la zone de stabilité au voisinage de l'UE; en réduisant les menaces pour la sécurité, comme les migrations clandestines, la criminalité organisée, les menaces pour la stabilité des approvisionnements énergétiques etc.

La PEV se base sur le respect de valeurs communes, sur lesquelles se fonde l'UE (l'art 2 TUE).² Ces valeurs sont: la démocratie; l'état de

¹ Petithomme Mathieu. „Quelle politique de voisinage pour l'Union européenne?” Entre injonctions sécuritaires et conditionnalité démocratique, la puissance normative européenne en question. Dans: Politique européenne. 2009/2 n° 28, p. 163-172.

² Version Consolidée Traité sur l'Union Européenne, 7 février 1992. Art. 2. „L'Union est fondée sur les valeurs de respect de la dignité humaine, de liberté, de démocratie, d'égalité, de l'État de droit, ainsi que de respect des droits de l'homme, y compris des droits des personnes appartenant à

droit; le respect et la protection des droits de l'Homme ainsi que le respect des principes de l'économie de marché et du libre-échange.

En cas de mise en œuvre fructueuse des programmes, la PEV propose à ses pays partenaires: des accords de libre-échange; l'intégration économique; des procédures d'obtention de visa facilitées; des aides financières en vue de mener des réformes; soutien en matière de droits de l'Homme; coopération dans la lutte contre le terrorisme et la criminalité transfrontalière etc.

Contrairement aux rapports qu'elle nourrit avec tous les autres voisins orientaux, l'UE n'entretient avec la Biélorussie qu'une relation très limitée, qui ne repose sur aucun Accord de partenariat et de Coopération (APC) ou similaire. La Biélorussie pourra bénéficier des avantages offerts par la PEV, lorsque les autorités de ce pays auront clairement démontré leur volonté de respecter les valeurs démocratiques et l'Etat de droit.

Pratiquement dès le départ, la Russie a clairement indiqué qu'elle ne souhaitait pas participer à la PEV qui était en train de se mettre en place. Les relations UE-Russie se sont alors articulées autour de 4 espaces communs (économique, espace de liberté, de sécurité et de justice, un espace de sécurité extérieure et un espace de recherche et d'éducation) dont les principaux objectifs ont été adoptés au Sommet UE-Russie à Moscou le 10 mai 2005.

Alors la PEV devrait créer un statut particulier en termes de relations entre l'UE et les pays tiers concernés par la PEV.

Cependant, l'UE:

- n'envisage pas de nouveaux élargissements dans un avenir proche;
- la PEV n'a pas vocation à mener directement à l'adhésion;
- donc, le statut de la PEV ne garantit pas l'adhésion des pays participants à l'UE.

des minorités. Ces valeurs sont communes aux États membres dans une société caractérisée par le pluralisme, la non-discrimination, la tolérance, la justice, la solidarité et l'égalité entre les femmes et les hommes". Version Consolidée Traité sur l'Union européenne, 7 février 1992. [On-line]:

<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2010:083:0013:0046:fr:PDF>. (Vizitat la: 11.10.2013).

Base juridique de la PEV:

Politique de l'UE: art. 8 TUE³ – introduit „*ex novo*” la notion d'une politique reposant sur le développement de „relations privilégiées” entre l'UE et des pays limitrophes, n'ayant pas vocation à intégrer le club européen.

Le but est d'établir „un espace de prospérité et de bon voisinage, fondé sur les valeurs de l'Union et caractérisé par des relations étroites et pacifiques reposant sur la coopération”; articles 207 (commerce)⁴ et 216 à 218⁵ (accords internationaux) du Traité sur le fonctionnement de l'UE (TFUE).

En vertu de l'acquisition de la personnalité juridique, l'Union pourra ainsi „conclure des accords spécifiques avec les pays concernés” et avoir une marge d'action que l'ancien traité limitait fortement.

Instruments

- Accords conclus avec les pays voisins de Sud et de l'Est.

La PEV se fonde sur des accords conclus avec chacun de ses voisins: APC pour les pays de l'Est et accords d'association pour ceux du Sud de la Méditerranée. (ces accords ont été conclus avec 13 des 16 pays concernés). Selon des modalités variables en fonction de l'intensité des relations

³ Version Consolidée Traité sur l'Union Européenne, 7 février 1992. Art 8. „L'Union développe avec les pays de son voisinage des relations privilégiées, en vue d'établir un espace de prospérité et de bon voisinage, fondé sur les valeurs de l'Union et caractérisé par des relations étroites et pacifiques reposant sur la coopération. 2. Aux fins du paragraphe 1, l'Union peut conclure des accords spécifiques avec les pays concernés. Ces accords peuvent comporter des droits et obligations réciproques ainsi que la possibilité de conduire des actions en commun. Leur mise en œuvre fait l'objet d'une concertation périodique”.

⁴ Version Consolidée Traité sur le Fonctionnement de l'Union Européenne, 25 mars 1957. art. 207. „...si des accords avec un ou plusieurs pays tiers ou organisations internationales doivent être négociés et conclus, l'article 218 est applicable, sous réserve des dispositions particulières du présent article”.

⁵ Version Consolidée Traité sur le Fonctionnement de l'Union Européenne, 25 mars 1957. Art. 216 „L'Union peut conclure un accord avec un ou plusieurs pays tiers ou organisations internationales lorsque les traités le prévoient ou lorsque la conclusion d'un accord, soit est nécessaire pour réaliser, dans le cadre des politiques de l'Union, l'un des objectifs visés par les traités, soit est prévue dans un acte juridique contraignant de l'Union, soit encore est susceptible d'affecter des règles communes ou d'en altérer la portée. 2. Les accords conclus par l'Union lient les institutions de l'Union et les États membres.” (L'art. 217 décrit la procédure de conclusion des accords).

entre l'UE et chacun de ces partenaires ces Accords prévoient:

- un renforcement du dialogue politique
- un approfondissement des relations économiques, commerciaux, culturelles, sociales etc.

Les Accords établissent:

- un cadre institutionnel (Conseils et comité de coopération ou d'association) – destiné à permettre leur mise en oeuvre;

- l'UE est représentée en format "troika" – Présidence, Secrétariat général du Conseil, Commission.

- Plans d'action.

Le plan d'action bilatéral de la PEV constitue l'instrument essentiel de la PEV. La PEV devait se traduire par l'élaboration de plans d'action fondés sur:

- une différenciation des ambitions et des exigences de l'UE vis-à-vis de chacun de ses partenaires en tenant pleinement compte de la situation propre à chaque pays;

- une perspective de participation progressive des pays concernés au marché intérieur;

- le maintien du cadre institutionnel existant (APC avec les pays de l'est accords d'association avec les pays du Sud (alors, l'élaboration d'un plan d'action suppose l'entrée en vigueur préalable d'un APC ou d'un accord Euromed).

Les plans d'actions de voisinage (feuilles de route politique) définissent les priorités pour l'approfondissement des relations entre l'UE et ses voisins:

- renforcement du dialogue politique;

- perspective de participation progressive au marché intérieur;

- participation à des programmes communautaires;

- approfondissement des relations commerciaux et économiques.

- Ils sont négociés par la Commission avec les autorités des pays voisins pour une durée renouvelable allant de 3 à 5 ans;

- Les plans d'actions sont ensuite approuvés par le Conseil avant d'être mise en oeuvre dans le cadre des enceintes de coopération ou d'association;

- Leur exécution est suivie par les comités créés dans le cadre des accords concernés;

- Leur réalisation fait l'objet d'un suivi régulier de la part de la Commission. (chaque

printemps la Commission présente des rapports de suivi, et sur la base de ces rapports les plans sont adaptés en permanence à la situation).

Des plans d'actions ont été formellement adoptés par le Conseil des ministres avec 12 des 16 pays partenaires (l'Ukraine, la Moldavie, le Maroc, la Tunisie, la Jordanie, l'Autorité palestinienne, Israël, la Géorgie, l'Azerbaïdjan, le Liban et l'Égypte).

Le rythme de l'approfondissement des relations avec chacun des voisins de l'UE doit dépendre de leur capacité à répondre à ses priorités de politique extérieure reprises dans les plans d'action: ce sont les principes de différenciation et de conditionnalité.

Le Partenariat Oriental

Introduction

Dans le cadre de sa PEV, l'UE a développé un partenariat spécifique pour ses voisins orientaux. Le PO est le pendant à la PEV axée sur le Sud de l'UE, qui s'est exprimé dans le processus de Barcelone et a abouti à la création de l'Union pour la Méditerranée, lancée en 2008. Après l'élargissement vers l'Europe centrale (2004) et l'Europe Orientale (2007), l'UE a ressenti le besoin de resserrer les liens avec les pays de l'Est. Le PO est né en mai 2009 de cette volonté.

Le contexte historique et politique

Le PO est né d'une initiative conjointe de la Pologne et de la Suède, dont l'objet consistait à développer une politique plus cohérente et ciblée à l'Est. Le contexte politique a été fortement marqué par le conflit russo-géorgien d'août 2008. La dégradation de l'environnement de sécurité, mal anticipée par les différents acteurs européens a impulsé l'acceptation de l'idée de porter davantage attention à ces pays. La présidence tchèque, la première d'un pays centre-européen, porte le projet et parvient à organiser en mai 2009 un Sommet européen pour lancer le PO. Le rôle de la Pologne est évidemment essentiel dans ce processus; il existe une préférence polonaise forte pour un approfondissement des relations avec les voisins orientaux, liée à un emplacement géopolitique, une tradition politique, une perception de la sécurité et des intérêts économiques.⁶

⁶ Longhurst Kerry, Wojna Beata. Asserting the EU's Mission in the Neighbourhood: Ten Recommendations for an Effective Eastern Partnership, Report of the Polish Institute of International Affairs, Varsovie, Septembre 2011.

Les membres du PO

Le PO concerne six pays: Arménie, Azerbaïdjan, Biélorussie (sous réserve de sa démocratisation) Géorgie, Moldavie et Ukraine. Tous ces pays mettent en oeuvre des réformes: politiques; sociales et économiques approfondent et ont également exprimé leur souhait de se rapprocher de l'UE.

Ces Etats sont tous le fruit de la dissolution de l'Union soviétique (1991): ils partagent donc une histoire commune plus ou moins longue, des héritages économiques, culturels, sociaux ou politiques ainsi que des affinités ou des inimitiés plus ou moins fortes les uns envers les autres. Pour autant, ces différents pays ont suivi des trajectoires de développement parfois divergentes, alors que leur dotation initiale n'était pas nécessairement identique.

Au premier abord, ces pays ne forment pas un groupe homogène sur le plan de la géographie physique et humaine: l'écart de superficie est d'environ de 1 à 20, l'écart de population d'environ 1 à 15 (entre l'Ukraine et l'Arménie), la densité varie de 1 à 3 (entre la Biélorussie et la Moldavie). À elle seule, l'Ukraine représente les trois cinquièmes de la superficie et de la population cumulées des six partenaires orientaux. En outre, ces pays sont géographiquement distincts entre ceux de l'Europe Orientale (Biélorussie, Moldavie et Ukraine), situés entre l'UE et la Russie, et ceux du Caucase du Sud (Arménie, Azerbaïdjan et Géorgie), coincés entre les champs d'influence russe et turc. Cette situation induit des orientations géopolitiques différentes: l'Iran et la Turquie sont par exemple bien présents dans le Caucase, mais leur faculté à influencer les pays d'Europe orientale est bien moindre.

Néanmoins, cette diversité existe dans des proportions plus importantes au niveau européen: l'écart entre le pays le plus peuplé et le moins peuplé, le plus vaste et le plus petit y est beaucoup plus grand. À l'exception de l'Ukraine, et dans une moindre mesure de la Biélorussie, ce sont plutôt des pays de taille et de population modestes, ayant soit une frontière directe avec l'UE pour l'Europe orientale, soit une proximité via la mer Noire pour le Caucase du Sud.

La question énergétique, si elle est essentielle dans tous les pays concernés, se pose selon des modalités différentes. Ces pays sont globalement marqués par une faible efficacité énergétique, et

l'importance du gaz dans le mix énergétique, à l'exception de la Géorgie. Ce dernier point est important si l'on se souvient des particularités du marché du gaz, dont le fonctionnement est régional et requiert en outre des investissements importants. Leur position sur le marché diffère: l'Azerbaïdjan est un pays producteur de gaz important, tandis que l'Ukraine et la Biélorussie apparaissent comme des pays de transit essentiels pour l'UE, et la Géorgie dans une moindre mesure. Ce dernier pays présente la spécificité de s'être détourné du gaz russe depuis 2006, en réorientant sa politique étrangère vers l'Azerbaïdjan qui lui est autonome de ce point de vue, et entend en profiter dans sa politique étrangère, tant avec la Russie qu'avec l'UE.

Les indicateurs politiques montrent l'émergence de deux groupes distincts de pays. D'une part, ceux dont les ambitions européennes permettent d'éviter tout glissement trop autoritaire, composé de la Géorgie, de l'Ukraine et de la Moldavie. D'autre part, ceux qui se tiennent plus loin de ce processus et dont le pouvoir est plus centralisé, à savoir l'Azerbaïdjan, la Biélorussie et à un degré moindre l'Arménie. Parmi les bons élèves, la Géorgie a fait un effort particulier dans la lutte contre la „petite corruption”, et obtenu des résultats tangibles. Pour sa part, la Moldavie apparaît comme un pays où la presse est relativement libre, présentant un meilleur bilan que l'Italie (61-e au classement). Kiev a également connu un regain d'intérêts de la part de la part de l'UE et des États-Unis après la „Révolution orange”, mais une certaine „fatigue de l'Ukraine” s'est fait jour à partir de 2008-2009, plus encore avec la victoire de Viktor Ianoukovitch en janvier 2010.⁷

Des intérêts communs

Le PO est fondé sur des valeurs partagées, à savoir: démocratie; l'Etat de droit; respect des droits de l'homme et des libertés fondamentales; les principes de l'économie de marché; développement durable; la bonne gouvernance. Cette initiative commune est également fondée sur: le principe d'ownership partagée; le principe de différenciation; le principe de conditionnalité.

⁷ Longhurst Kerry, Wojna Beata, Asserting the EU's Mission in the Neighbourhood: Ten Recommendations for an Effective Eastern Partnership, Report of the Polish Institute of International Affairs, Varsovie, Septembre 2011.

Un engagement mutuel et réel en vue de la réalisation des valeurs communes est essentiel. L'UE s'engage à offrir un soutien maximal adapté aux réalités et ambitions politiques et économiques de chaque pays partenaire. Cela exige de ces pays des efforts de réformes individuels.

Le PO inclut deux dimensions:

- la dimension bilatérale: coopération des pays participant au PO avec l'UE;
- la dimension multilatérale: coopération des pays participant au PO entre eux et avec l'UE.

La dimension bilatérale:

La coopération bilatérale dans le cadre du PO s'appuie sur plusieurs objectifs:

- la conclusion d'accords d'association (AA) avec chaque pays (adaptés aux objectifs et capacités des pays partenaires, les AA varient sur le plan du contenu d'un partenaire à l'autre, ils contribuent à renforcer les liens politiques entre l'UE et le pays concerné et favorisent la convergence avec la législation européenne);

- l'établissement de zones de libre-échange approfondies et complètes avec les partenaires sélectionnés (à terme, les accords d'association devraient déboucher sur la création de zones de libre-échange, favorisant l'intégration progressive des pays partenaires dans l'économie européenne, renforçant les liens économiques entre les états participants);

- l'assouplissement des procédures en matière de visa (par ailleurs, le PO vise à renforcer la mobilité de conclure des accords de facilitation de délivrance de visas et de réadmission);

- la libéralisation des visas (la disparition de l'obligation de visa constitue un objectif à long terme pour chaque pays partenaire. Cette initiative est subordonnée à des exigences de contrôle et de sécurité de la mobilité. Des dialogues sur les visas ont été lancés par l'UE avec certains pays partenaires: Ukraine, Moldavie, Géorgie.);

- la coopération en matière énergétique ou sectorielle (le PO peut contribuer à une sécurité énergétique accrue à long terme, tant du côté de l'UE que de celui des pays partenaires. La politique énergétique peut se voir attribuer un rôle considérable étant donné que certains Etats membres du PO sont prospères, disposent de ressources pétrolières et gazières importantes et servent de pays de transit pour ces produits).

La dimension multilatérale

Le PO ajoute un volet multilatéral aux relations de l'UE avec ses partenaires de l'Europe Orientale. L'objectif principal est de créer les conditions nécessaires à l'accélération de l'association politique et à une meilleure intégration économique entre l'UE et les pays partenaires intéressés. Ce volet sert de cadre aux relations bilatérales et fournit à l'UE un util supplémentaire d'accompagnement de la modernisation et de la réforme des pays partenaires. C'est le forum de discussion par excellence où s'échangent informations et expériences sur les progrès réalisés en matière de réforme démocratique et de progrès de l'économie de marché. Les autorités publiques ne sont pas seules impliquées dans ce forum, puisque s'y retrouvent également des parlementaires, des représentants de la société civile, des organisations internationales, des institutions financières et du secteur privé.

Le volet multilatéral prévoit l'organisation d'un sommet des chefs d'Etats ou de gouvernement tous les deux ans et une réunion des Ministres des Affaires étrangères tous les ans.

Les Sommets du PO ont lieu tous les 2 ans (le 7 mai 2009 à Prague et les 29 et 30 septembre 2011 à Varsovie). Le troisième Sommet du PO aura lieu les 28-29 novembre 2013 à Vilnius. Les sommets sont l'occasion de discuter de l'évolution des relations politiques de l'Europe avec ses voisins orientaux de l'UE, c'est à dire les pays du PO, et ils fixent les objectifs à poursuivre pour les deux années suivantes. La réunion adopte également les déclarations conjointes décrivant les résultats des objectifs atteints en définissant les actions immédiates. Le troisième sommet réunira les chefs d'états ou de gouvernement des 28 Etats membres de l'UE et des 6 pays du PO ainsi que les dirigeants des institutions de l'UE (SEAE, Commission et Parlement).

Afin d'offrir une dimension parlementaire au PO en mai 2011, le Parlement Européen a établi, avec les partenaires orientaux une Assemblée parlementaire UE/Voisinage Est (Euronest). Elle est composée de 60 députés du PE et de 10 parlementaires pour chacun des 5 partenaires de l'Est. (La Biélorussie constitue un cas spécial, elle ne participe pas aux réunions de l'assemblée).

Dans le cadre du volet multilatéral du PO, plateformes thématiques ont été créées avec des

objectifs réalistes qui font l'objet de révisions et donc le progrès est évalué régulièrement:

- 1) „Démocratie, bonne gouvernance et la stabilité”
- 2) „Intégration économique et convergence avec les politiques de l'UE”
- 3) Sécurité énergétique
- 4) Contacts interpersonnels

Financement

L'UE apporte une aide, principalement au moyen de l'instrument européen de voisinage et de partenariat (IEVP). Pour la période budgétaire (2007-2013) le financement communautaire s'élève à 12 milliards d'euro environ, soit une augmentation de 75% en valeur réelle par rapport à la période de programmation précédente (2000-2006). Le lancement du PO a alloué 600 millions d'euros supplémentaires au voisinage oriental pour la période 2010-2013. Les fonds alloués aux programmes des différents pays dépendent de leurs besoins, de leur capacité d'absorption et de la progression des réformes convenues.

(Dans le Sud, l'Autorité palestinienne reçoit une aide de l'IEVP par habitant très supérieure au montant alloué aux autres bénéficiaires. A l'est, c'est la Moldavie qui reçoit le montant le plus élevé par habitant).

Jusqu'au 31 décembre 2006, l'aide européenne aux pays concernés par la politique EV a été fournie dans le cadre de différents programmes géographiques dont le programme TACIS (pour les pays de l'Est et Russie) et le programme MEDA (pour les pays du Sud) ainsi que de programmes thématiques tels que le Programme IEDDH (Initiative Européenne pour la Démocratie et les Droits de l'Homme).

Depuis le 1-er janvier 2007, les programmes MEDA et TACIS, ainsi que d'autres programmes, ont été remplacés par un instrument unique – Instrument Européen de Voisinage et de Partenariat (IEVP). Il s'agit d'un instrument politique beaucoup plus flexible conçu pour favoriser le développement durable et le rapprochement vers les normes et politiques européennes, en soutenant les priorités convenues dans les plans d'action (PEV).

L'opportunité d'une réforme

La Commission ne semblait pas savoir choisir entre une approche globale et une approche différenciée: „bien que l'Union doive tendre vers une approche plus cohérente offrant les mêmes perspectives à l'ensemble des pays voisins et

fixant les mêmes exigences pour chacun d'eux, la différenciation entre les pays devrait rester à la base de la nouvelle politique de voisinage”.⁸ Cette ambiguïté renforçait l'idée d'un projet sans perspective et de nature majoritairement défensive vis-à-vis de son nouveau voisinage. En conséquence, l'UE s'est montrée pragmatique et a évolué „pas à pas” avec ses nouveaux voisins.⁹ Cette stratégie unilatérale de la part de la Commission semblait ne plus la satisfaire elle-même quand, dans son bilan de 2010, elle estimait que „toutefois, le rythme des progrès dépend aussi des avantages que les partenaires peuvent escompter dans un délai raisonnable. A cet égard, l'ampleur de l'engagement souscrit par l'UE dans le cadre du partenariat a aussi eu et continuera d'avoir des effets significatifs”. Suite au vent de révolution qui a soufflé sur le versant Sud de la Méditerranée à la fin de l'année 2010 et se perpétuant tout en s'élargissant durant l'année 2011, la Commission et la Haute Représentante pour les Affaires Etrangères, Catherine Ashton ont cru opportun d'examiner à nouveau ce partenariat. Le 25 mai 2011, la Commission a présenté la nouvelle approche sur la manière de renforcer le partenariat entre l'UE et les pays et les sociétés du voisinage; cette approche s'intitule „Une stratégie nouvelle à l'égard d'un voisinage en mutation”. Cette communication intimait l'UE à „examiner avec un œil neuf les relations qu'elle entretient avec ses voisins”¹⁰ après avoir fait le constat des changements en train de se réaliser en Tunisie, en Egypte, mais également les répressions commises en Syrie et en Biélorussie. Cette nouvelle approche sera fondée sur la responsabilité mutuelle et sur un engagement commun envers les valeurs universelles que se sont les droits de l'homme, la démocratie et l'état de droit.

A court terme, cette communication se voulait comme une récompense après les changements estimés encourageants dans ces pays: elle proposait, sur un plan bilatéral, une aide plus

⁸ Communication de la Commission, L'Europe élargie – Voisinage: un nouveau cadre pour les relations avec nos voisins de l'Est et du Sud, COM (2003) 104 final, 11/03/2003.

⁹ Communication, Bilan de la politique européenne de voisinage, 12/05/2010.

¹⁰ Communication conjointe au Parlement Européen, au Conseil, au Comité Économique et Social Européen et au Comité des Régions. Une stratégie nouvelle à l'égard d'un voisinage en mutation, COM (2011) 303.

approfondie pour permettre aux Etats de poursuivre leurs efforts dans les domaines de la démocratie et des droits de l'homme et le développement économique et social.¹¹ Cette nouvelle approche comportera un niveau bien supérieur de différenciation, permettant à chaque pays partenaire de développer ses liens avec l'UE dans les limites de ses propres aspirations, besoins et capacités. Cette vision était symbolisée par l'expression „more for more”: „la coopération et les échanges seront considérablement renforcés, conformément à l'approche „more for more” (selon laquelle les pays allant plus loin et plus vite dans leurs réformes pourront compter sur un soutien plus important de la part de l'UE)”. Dans ce contexte cette nouvelle approche vise à accroître, à certaines conditions, le soutien que l'UE apporte à ses voisins. Le soutien dépendra, des lors, des progrès réalisés en matière d'instauration et de consolidation de la démocratie et du respect de l'Etat de droit. Plus un pays progressera et plus il progressera rapidement sur la voie des réformes internes, plus il recevra de soutien de la part de l'UE. En appliquant cette approche plus différenciée, l'UE maintiendra le dialogue avec les gouvernements, la société civile, et les autres parties concernées.

Les aspects liés au commerce dépendront en grande partie d'une approche bilatérale entre l'UE chaque partenaire. Le principe de différenciation est cohérent avec la vision à long terme d'une communauté économique émergente entre l'UE et ses partenaires de la PEV.

Un approfondissement de la relation bi-régionale était également envisagée: cette politique vise à encourager „la coopération entre les régions et en dégagant des synergies et des solutions régionales face aux enjeux géographiques, économiques et sociaux propres à chaque région”.

Alors, le PO est caractérisé principalement par la possibilité de conclure des accords d'association et d'accords de libre échange approfondi et complet prévoyant „un alignement sur la législation, les règles et les normes de l'UE, qui débouchera progressivement sur une intégration économique au sein du marché

intérieur”.¹² Pour ce faire, des dialogues approfondis se réaliseront dans l'ensemble des domaines d'intervention de l'UE et les Sommets du PO tiendront lieu de vitrine à ces coopérations. Le Partenariat avec les pays du Sud se concentrera sur „la démocratie et une prospérité partagée”.¹³ Ce „nouveau partenariat” veut également redynamiser l'Union pour la Méditerranée par „une démarche plus pragmatique et fondée sur des projets”.¹⁴

Cette communication se veut participer au processus d'unification et de rationalisation de la politique étrangère européenne puisque ce qui est en jeu, ce n'est pas un changement radical de perspective, mais bien un approfondissement et une plus grande efficacité escomptée dans les rapports existants. Pour ce faire les plans d'action et les autres „nouveaux outils stratégiques” de la PEV (feuilles de route) devront dorénavant être plus restreints et se concentrer sur un nombre limité de priorités pour faciliter la programmation de l'apport et de soutien européen. De la même manière, ce nouveau partenariat entend également se baser sur un processus de responsabilisation des partenaires de l'UE et le principe de „conditionnalité” sera mis au centre de cette nouvelle approche: „seuls les partenaires souhaitant s'engager dans des réformes politiques et respecter les valeurs universellement reconnues des droits de l'homme, de la démocratie et de l'Etat de droit peuvent bénéficier des aspects les plus avantageux de la politique de l'Union”. Il y a deux ans, pour répondre aux changements historiques survenus dans les pays voisins de l'UE, celle-ci a révisé sa politique à l'égard de ces partenaires à l'Est et au Sud, en plaçant fermement au centre des relations avec eux les intérêts et les valeurs que l'UE et ses Etats membres les partagent à savoir la démocratie, l'Etat de droit, le respect des droits de l'homme et

¹¹ Communication conjointe au Parlement Européen, au Conseil, au Comité Économique et Social Européen et au Comité des Régions. Une stratégie nouvelle à l'égard d'un voisinage en mutation, COM(2011) 303, p.1 et 2.

¹² Communication conjointe au Parlement Européen, au Conseil, au Comité Économique et Social Européen et au Comité des Régions. Une stratégie nouvelle à l'égard d'un voisinage en mutation, COM (2011) 303, p. 18.

¹³ Communication conjointe au Conseil Européen, au Parlement Européen, au Conseil, au Comité Économique et Social Européen et au Comité des Régions. Un partenariat pour la démocratie et une prospérité partagée avec le Sud de la méditerranée COM (2011) 200 final, p. 21.

¹⁴ Communication conjointe au Conseil Européen, au Parlement Européen, au Conseil, au Comité Économique et Social Européen et au Comité des Régions. Un partenariat pour la démocratie et une prospérité partagée avec le Sud de la méditerranée COM (2011) 200 final, p. 23.

la cohésion sociale. Le dernier paquet sur la PEV,¹⁵ adopté le 20 mars 2013 dresse un bilan des progrès accomplis par les voisins de l'UE dans la réalisation de leur transformation et dans l'établissement de démocraties solides et durables, ainsi que des mesures prises par l'Union européenne elle-même pour tenir son engagement et renforcer ainsi son soutien en appliquant le principe „donner plus pour recevoir plus”. Cette communication conjointe de la Commission et de la haute représentante de l'Union pour les affaires étrangères et la politique de sécurité, Mme Catherine Ashton et les rapports de suivi contiennent une évaluation réaliste et pragmatique de la concrétisation des engagements de part et d'autre „2012 a été une année difficile pour les pays voisins de l'UE” rapporte la communication de la Commission. En effet, les transitions démocratiques dans les pays du Sud se sont avérées longues et les progrès restent à faire. Dans le voisinage oriental également, la consolidation de la démocratie n'a pas avancé au même rythme partout. “Certains de nos partenaires, désireux de se rapprocher de l'UE ou de mener à bien un programme de transformation ont déployé plus d'efforts que d'autres. L'UE continuera d'établir une distinction entre les différents pays partenaires, en adaptant son approche aux besoins et aux ambitions de chacun d'eux, pour ne pas freiner ceux qui souhaitent aller plus vite”.¹⁶

Perspectives pour les pays du PO.

Allors, le PO permet potentiellement le rattachement à l'Europe économique via les accords de libre-échange approfondi et complet, à l'Europe de l'énergie via la Communauté européenne de l'énergie, et à l'espace de circulation via les visas.

Cependant la plupart de ces objectifs ne pourront produire des effets immédiats:

- l'adhésion de la Moldavie et de l'Ukraine à la Communauté européenne de l'énergie n'est pas de nature à changer rapidement le mix énergétique des pays concernés, ni à réduire la force des oppositions et résistances locales au changement;

- dans la même perspective, l'Accord de libre-échange suppose une large réappropriation de l'acquis communautaire, dont le niveau d'exigence normatif et technique est celui d'économies développées, par exemple pour les normes sanitaires, phytosanitaires, d'aides de l'Etat, concurrence etc.

Seule une harmonisation législative, mais également une mise en oeuvre effective de l'acquis de l'UE, seule une réforme administrative en profondeur impliquant davantage de transparence, une amélioration du climat des affaires, d'investissement internationaux, un renforcement du secteur de la banque et de la finance, une simplification des procédures administratives et une lutte contre la corruption, pourrait permettre à ces pays de bénéficier totalement de l'accord de libre-échange. Or, la reprise de l'acquis communautaire est un processus long et complexe, dans la mesure où il ne coïncide pas toujours avec les intérêts et les perceptions des acteurs locaux.

Situation actuelle.

Des négociations relatives à des accords d'association ont été menées avec l'Arménie, l'Azerbaïdjan, la Géorgie, la Moldavie et l'Ukraine. Des négociations sur une zone de libre-échange approfondie et complète ont été menées avec l'Ukraine, la Moldavie, la Géorgie et l'Arménie. Les plans d'action de la PEV adoptés entre 2005-2007 pour 12 des 16 partenaires PEV et pour 5 des 6 partenaires orientaux restaient valides même si, dans certains cas la période de validité initialement prévue avait déjà expiré. A savoir le plan d'action avec l'Ukraine avaient toutefois été remplacés pour l'Ukraine (le nouveau document porte maintenant le nom d'agenda d'association après avoir paraphé l'accord d'association avec l'UE). La Biélorussie ne dispose pas d'un plan d'action et ne remplit toujours pas la condition préalable, à savoir un accord-cadre avec l'UE. L'aboutissement à un régime sans visas avec l'UE est un autre objectif que les gouvernements des pays du PO placent parmi leurs priorités. L'état d'avancement de la mise en place de ce régime diffère toutefois d'un pays à l'autre. La Commission européenne a ouvert un dialogue concernant un régime d'exemption de visas avec l'Ukraine, la Moldavie et Géorgie. Ce dialogue vise à établir les conditions nécessaires pour permettre aux citoyens de ces pays de ce rendre

¹⁵ Joint staff working document Accompanying the document Joint communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee of the regions European Neighborhood Policy: Working towards a stronger partnership Brussels, 20.03.2013, SWD (2013) 85 final.

¹⁶ Ibidem.

dans l'UE sans visas, dans une perspective à long terme. Ce dialogue matérialisé par le biais d'un plan d'action de libéralisation Visa, est axé sur des domaines clés tels que la sécurité des documents de voyage, la gestion des frontières et de la migration, ainsi que sur les questions d'intérêt pour l'ordre public, la sécurité et les relations extérieures. Le dernier paquet annuel de PEV montre que „l'année 2012 a vu des progrès significatifs vers l'objectif d'une exemption de visa au sein du PO. La Moldavie et l'Ukraine ont fait des progrès substantiels dans le cadre du Plan d'action de libéralisation Visa. Un dialogue sur les visas a été ouvert avec la Géorgie et le plan d'action délivré, tandis que l'Arménie a accordé à l'entrée sans visas pour les citoyens de l'UE des janvier 2013”.¹⁷

Après la création de partenariats pour la mobilité avec la Moldavie, la Géorgie et l'Arménie, les négociations pour un partenariat mobilité entre l'UE et l'Azerbaïdjan ont été lancés.

La communication sur la PEV affirme que le Sommet de Vilnius pourra devenir une nouvelle impulsion pour la coopération de l'UE avec les pays orientaux, à condition que des progrès suffisants aient été réalisés du côté de ces derniers. On cherche à ce que l'accord de l'association et de libre-échange avec l'Ukraine soit signé et que les négociations soit achevées et des accords paraphés avec la Moldavie, Géorgie et Arménie pendant le Sommet de Vilnius. La proposition de négociation d'accords similaires avec la Biélorussie reste sur table.

Des progrès dans l'intégration européenne de la Moldavie

Coincé entre la Roumanie et l'Ukraine, devenue indépendante en 1991, la Moldavie a longtemps été un pays négligé, en marge des principales dynamiques européennes. Ce pays postsoviétique, oscillant à plusieurs reprises entre la Roumanie et la Russie au cours de son histoire, a rencontré de nombreuses difficultés à son indépendance: effondrement économique, émigration massive, absence de résolution du conflit transnistrien etc.

Après huit ans au pouvoir, le peuple moldave a écarté le parti communiste lors des élections législatives en juillet 2009 et ouvert la voie à une nouvelle majorité, baptisé. „L'Alliance pour l'intégration européenne”(AIE). Cela ne s'était

pas fait sans coup férir: quelques mois auparavant, la victoire contestée des communistes début avril avait provoqué une révolte réprimée avec force-aussi appelé „première révolte Twitter” durant laquelle trois personnes avaient trouvé la mort. Le gouvernement avait fini par céder à la pression citoyenne et décidé de tenir de nouvelles élections pour faire taire les critiques. Les élections législatives anticipées du 29 juillet 2009 ont amené au pouvoir une nouvelle majorité, dont la mission difficile était de sortir le pays de l'impasse politique et de redonner la priorité aux réformes tant dans le domaine politique – pour répondre aux problèmes de la crise politique que dans le domaine économique notamment pour faire face aux effets de la crise économique et financière mondiale sur le pays. En plus, le nouveau gouvernement a placé l'intégration européenne en tête de ses priorités.

Les années 2009-2012 furent alors marquées par un double processus politique. D'une part „AIE” entama des pourparlers avec l'UE en vue de marquer le choix pro-occidental de la Moldavie. Ces années virent aussi un début de dégel dans le dossier transnistrien avec la reprise des négociations dans le cadre „5+2” et surtout la reprise de contacts directs entre Chisinau et Tiraspol. D'autre part, l'incapacité du système politique à faire élire un président pendant 2 ans, les rivalités politiques entre les partenaires de coalition ont conduit à la chute du gouvernement et la réanimation de AIE ont laissé l'image d'un pays en pleine crise politique.

Pourtant, cela n'a pas empêché un vaste processus de réformes et la Moldavie connaît actuellement plusieurs dynamiques qui lui semble a priori favorable, mais qui demandent à être confirmées. Derrière une vie politique agitée, le régime politique moldave apparaît dorénavant comme pluraliste, et des progrès ont été enregistrés notamment dans la liberté d'information. En outre, les relations avec l'UE ont été intensifiées, au point que la Moldavie apparaît comme un pays test pour le PO.

La Moldavie est longtemps restée en marge de l'intégration européenne. La RM et l'UE, ont noué pour la première fois en 1994 des relations contractuelles par le biais d'un APC qui n'est entré en vigueur qu'en 1998. Initialement valide pour une période de 10 ans, l'APC reste valide jusqu'à l'entrée en vigueur d'un nouveau cadre juridique. L'accord définissait un cadre facilitant

¹⁷ Ibidem.

le dialogue politique, la libéralisation des échanges, la coopération et l'harmonisation législatives dans divers secteurs (Toutefois, l'engagement de Chisinau envers l'intégration européenne est demeuré indécis jusqu'en 2003, année où le président moldave a mis son pays résolument sur la voie de l'Europe. Il est à noter que le parti communiste, au pouvoir pendant 8 ans, a fait des efforts importants pour rapprocher la Moldavie de l'UE, notamment avec la mise en place du plan d'action à partir de 2005. Mais ses efforts se sont relâchés dans les dernières années de leur pouvoir, ce parti ayant perdu une part de son intérêt pour l'intégration européenne et s'étant de nouveau réorienté vers la Russie). La RM a rejoint le Pacte de stabilité de l'Europe de Sud-Est, mais sans la promesse d'un élargissement futur, contrairement aux autres pays membres. Néanmoins, la Moldavie a été intégrée dès le départ dans la PEV. Après le lancement de la PEV en 2004, l'APC a servi de base pour l'élaboration d'un plan d'action PEV UE-Moldova. Le Plan d'action a été adopté en février 2005 pour une période de 3 ans. Ils fixe les objectifs stratégiques de la relation établie entre la Moldova et l'UE. La Moldova est invitée à intensifier ses relations avec l'UE dans les domaines politique, économique, culturel et de la sécurité, à renforcer la coopération transfrontalière et à partager la responsabilité dans la prévention et la résolution des conflits. L'Union, quant à elle, offre à la Moldova la perspective d'accéder au marché intérieur européen et d'approfondir l'intégration économique. Il s'agit d'élaborer et de mettre en oeuvre des politiques et des stratégies sectorielles qui vont dans le sens des législations et des politiques de l'UE. L'UE et la Moldova ont convenu de maintenir le Plan d'action actuel en tant qu'instrument servant à renforcer les réformes et les relations UE-Moldova au delà de février 2008, date à laquelle il a été prorogé.

Une intensification des relations avec la Moldavie est également à l'oeuvre dans le cadre du PO de l'UE. Cette initiative vise à proposer aux voisins orientaux de l'UE le franchissement d'une „nouvelle étape” dans leurs relations avec l'UE. Mais, comme dans le cas de la PEV, la question d'adhésion à l'UE n'est pas prévue par le PO.

Dans la pratique, la dimension biatérale du PO permettra de renforcer les relations contractuelles

par le biais de nouveaux Accords d'association destinés à remplacer le APC actuels. Toutefois, le nouveau cadre contractuel permettant un engagement plus poussé sera négocié seulement avec les partenaires désireux et capables d'engager les réformes de grande envergure qui y sont liées d'assumer les obligations envers l'UE.

Les négociations sur l'Accord d'Association, le successeur le APC ont été lancées le 12 janvier à Chisinau. En février 2012 les négociations sur la mise en place d'une zone de libre-échange complète et approfondie qui sera une partie intégrante de l'accord d'association ont été lancées. Cet accord approfondira l'association politique et l'intégration économique de la Moldavie avec l'UE. Plusieurs cycles de négociations ont suivi à Bruxelles et Chisinau alternativement et ont été achevés cette année.

L'Union Européenne a lancé le 5 juin 2008 un partenariat pour la mobilité avec la RM qui a comme objectifs la promotion de la migration légale en informant les migrants potentiels et les officiels moldaves sur les bénéfices de la migration légale et les risques de la migration illégale; le renforcement des capacités moldaves à gérer les flux migratoires, le renforcement de la sécurité aux frontières etc. Les accords communautaires de facilitation de visas et de réadmission entre l'UE et Moldavie ont été signés en octobre 2007 et sont entrés en vigueur le 1er janvier 2008.

L'accord de facilitation visas a été renégocié pour y ajouter certaines catégories de demandeurs bénéficiaires des différentes facilitations (particulièrement, exempter de l'obligation de visa les détenteurs de passeports de service). Sur la base d'accord de facilitations, la Commission a engagé un dialogue avec la Moldavie en juin 2010 concernant une libéralisation du régime des visas pour les ressortissants moldaves qui se rendent dans l'UE. Le plan d'action pour la libéralisation a été présenté aux autorités moldaves en janvier 2011 et la deuxième phase est en voie d'achèvement.

Depuis 2010 la Moldavie est un membre à part entière du Traité instituant la Communauté de l'Énergie. Cette dernière vise à élargir le marché intérieur de l'énergie aux pays de l'Est. Le 27 août 2013 a été lancée la construction d'un gazoduc entre la Moldavie et l'UE. La Moldavie sera directement reliée au marché européen du gaz. La sécurité énergétique du pays sera

améliorée et la dépendance envers son seul fournisseur actuel sera réduite.

La RM et l'UE ont signé en juin 2012 un accord global sur les services aériens qui fera de la Moldavie un partenaire à part entière de l'UE dans le domaine de l'aviation par une intégration progressive dans le marché commun européen. L'espace aérien commun sera fondé sur des règles européennes dans des domaines importants comme la sûreté et la sécurité aériennes. La Moldavie devra aligner sa législation sur les normes européennes et devra appliquer ainsi les règles de l'UE y compris en matière d'environnement, de protection des consommateurs, de concurrence etc. L'accord supprimera toute restriction sur les tarifs et sur le nombre de vols entre la RM et l'UE. Hormis le processus d'intégration politique et économique, un autre aspect important des relations de la Moldavie avec l'UE est lié au conflit en Transnistrie. Ces dernières années, l'UE a contribué plus activement à promouvoir une solution politique du conflit. Elle participe en tant qu'observateur aux négociations 5 + 2. En outre, suite à une requête conjointe des présidents moldave et ukrainien, l'UE a établi en décembre 2005 une mission d'assistance à la frontière (EUBAM) pour surveiller la portion transnistrienne de la frontière commune entre la Moldova et l'Ukraine.

Un group informel de soutien à l'action européenne de la RM a été créé sur l'initiative de la Roumanie, soutenue par la France, en marge du Conseil Affaires étrangères en janvier 2010. L'objectif de l'initiative est d'intensifier le dialogue au niveau européen sur la perspective européenne de la RM et de soutenir, d'une manière pragmatique et constante, les mesures nécessaires de ce point de vue.

A moyen et long termes, plusieurs problèmes devraient peser sur la relation de la Moldova avec l'UE. Le premier est celui de la candidature éventuelle de la Moldavie. Les autorités moldaves ont indiqués à plusieurs reprises que le pays souhaite bénéficier du même statut que les pays des Balkans occidentaux par rapport à l'UE plutôt que d'être classé sous la rubrique „voisin oriental”. Cela étant, ni la PEV ni le PO ne traite des perspectives d'adhésion pour les voisins de l'Est. Bien que l'adhésion ne sont pas à l'ordre du jour, cela ne semble pas décourager le pays pour faire les réformes. La Moldavie à ce titre apparaît

être un Etat particulièrement engagé, à tel point qu'elle est souvent considérée comme le „meilleur élève” du PO.¹⁸ Or, on observe que le petit pays qu'est la Moldavie a réussi à devancer ses grands „voisins” en matière de négociations d'un accord d'association et de libre échange, mais également en matière de négociation sur les visas.

Si l'Ukraine est plus avancé juridiquement, la Moldavie semble aujourd'hui bénéficier indirectement du gel actuel des relations UE-Ukraine dont l'accord d'association est suspendu à l'affaire Timochenko. Cependant, le cadre offert par le PO semble être insatisfaisant pour la Moldavie qui ne souhaite en aucun cas que ce nouveau programme soit considéré comme une substitution à l'élargissement. Les relations de l'UE avec les pays du PO relèvent aujourd'hui d'une ambiguïté totale: reconnus comme „voisins européens” (par opposition à „voisins de l'Europe”), ils ne sont pour autant pas inclus dans un processus d'élargissement, ni même considérés „candidats potentiels”.¹⁹ De même, l'art 49 TUE²⁰ selon lequel tout “etat européen peut demander à devenir membre de l'UE” est loin d'être mis en avant par l'UE. Pourtant, le PO répond aux mêmes objectifs de paix et de prospérité que la politique d'élargissement; il s'agit „d'européaniser” les voisins de l'UE, notamment à travers la digestion du fameux acquis communautaire; à savoir un élément fondamental de la politique extérieure de l'UE représent l'exportation de l'acquis communautaire c'est à dire l'ensemble de droits

¹⁸ Parmentier, Florent La Moldavie, un succès européen majeur pour le partenariat oriental? Questions d'Europe n°186, policy papers de la Fondation Robert Schuman, novembre 2010.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Art. 49 Tout État européen qui respecte les valeurs visées à l'article 2 et s'engage à les promouvoir peut demander à devenir membre de l'Union. Le Parlement européen et les parlements nationaux sont informés de cette demande. L'État demandeur adresse sa demande au Conseil, lequel se prononce à l'unanimité après avoir consulté la Commission et après approbation du Parlement européen qui se prononce à la majorité des membres qui le composent. Les critères d'éligibilité approuvés par le Conseil européen sont pris en compte. Les conditions de l'admission et les adaptations que cette admission entraîne en ce qui concerne les traités sur lesquels est fondée l'Union, font l'objet d'un accord entre les États membres et l'État demandeur. Ledit accord est soumis à la ratification par tous les États contractants, conformément à leurs règles constitutionnelles respectives.

et des obligations communs à tous les Etats membre de l'UE au sein de la PEV. Alors la politique orientale devient très proche de celle d'élargissement dans ses objectifs et ses outils juridiques.

A ce titre la Moldavie a élaboré un mécanisme national d'intégration de l'acquis communautaire dans son propre système juridique, mécanisme qui est en force depuis 2006. De plus, la Moldavie est d'ores et déjà progressivement intégrés dans les structures européennes telles que la Communauté européenne de l'énergie et l'espace aerien commun.

Ainsi, ces pays se retrouvent dans une stratégie de (pre)-adhésion? sans promesse d'adhésion. La crédibilité du PO pourra être ainsi reumise en question par les partenaires les plus engagés, en absence d'une perspective claire. Je pense que même dans ses rapports avec les pays du PO, l'UE doit se montrer plus consistante, notamment en diversifiant son approche entre ceux qui souhaitent s'intégrer et les autres qui n'ont pas affiché le même désir de rapprochement avec l'UE.

Rappelons qu'une perspecive d'adhésion n'est pas une promesse à effet immédiat mais un but stratégique sur lequel l'UE pourra agir grâce à une politique de conditionalité plus crédible et donc plus efficace.

Sources bibliographiques:

1. Communication conjointe au Conseil Européen, au Parlement Européen, au Conseil, au Comité Économique et Social Européen et au Comité des Régions. Un partenariat pour la démocratie et une prospérité partagée avec le Sud de la méditerranée COM (2011) 200 final. [On-line]: <http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2011:0200:FIN:FR:PDF>. (Vizitat la: 11.10.2013).

2. Communication conjointe au Parlement Européen, au Conseil, au Comité Économique et Social Européen et au Comité des Régions. Une stratégie nouvelle à l'égard d'un voisinage en mutation, COM (2011) 303. [On-line]: <http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2011:0303:FIN:fr:PDF>. (Vizitat la: 11.10.2013).

3. Communication conjointe au Parlement Européen, au Conseil, au Comité Économique et Social Européen et au Comité des Régions Tenir les engagements de la nouvelle politique européenne de voisinage, JOIN (2012) 14 final, 15/05/2012: [On-line]: http://ec.europa.eu/world/enp/docs/2012_enp_pa

ck/delivering_new_enp_fr.pdf. (Vizitat la: 11.10.2013).

4. Communication de la Commission. L'Europe élargie – Voisinage: un nouveau cadre pour les relations avec nos voisins de l'Est est du Sud, COM (2003) 104 final, 11/03/2003: [On-line]: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/com03_104_fr.pdf. (Vizitat la: 11.10.2013).

5. Communication, Bilan de la politique européenne de voisinage, 12/05/2010. [On-line]: <http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2010:0207:FIN:FR:PDF>. (Vizitat la: 11.10.2013).

6. Florent Parmentier. La Moldavie, un succès européen majeur pour le partenariat oriental? Questions d'Europe n°186, policy papers de la Fondation Robert Schuman, novembre 2010. [On-line]: http://www.robert-schuman.eu/question_europe.php?num=qe-186.

7. Joint staff working document Accompanying the document Joint communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee of the regions European Neighborhood Policy: Working towards a stronger partnership Brussels, 20.3.2013 SWD(2013) 80 final. [On-line]: http://ec.europa.eu/world/enp/docs/2013_enp_pac/2013_progress_report_moldova_en.pdf. (Vizitat la: 11.10.2013).

8. Joint staff working document Accompanying the document Joint communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee of the regions European Neighborhood Policy: Working towards a stronger partnership Brussels, 20.3.2013, SWD(2013) 85 final. [On-line]: http://ec.europa.eu/world/enp/docs/2013_enp_pac/2013_eastern_pship_regional_report_en.pdf.

9. Kerry Longhurst, Beata Wojna. Asserting the EU's Mission in the Neighborhood: Ten Recommendations for an Effective Eastern Partnership, Report of the Polish Institute of International affairs, Varsovie, September 2011.

10. Petithomme Mathieu. „Quelle politique de voisinage pour l'Union européenne?” Entre injonctions sécuritaires et conditionnalité démocratique, la puissance normative européenne en question. Dans: Politique européenne. 2009/2 n° 28, p. 163-172.

11. Version Consolidée Traité sur l'Union européenne, 7 fevrier 1992. [On-line]: <http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2010:083:0013:0046:fr:PDF>. (Vizitat la: 11.10.2013).

12. Version Consolidée Traité sur le Fonctionnement de l'Union Europeenne, 25 mars 1957. [On-line]: <http://eur>

lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2010:083:0047:0200:fr:PDF (Vizitat la: 11.10.2013).

Copyright© Natalia SUCEVEANU, 2013.

Contacte / Contacts / Контакты:

Centrul de Armonizare a Legislației.

31 august 1989, 82, Chișinău, Republica Moldova,
MD-2012.

Tel: (+373) 22 820880

E-mail: nataliasuceveanu@yahoo.fr

Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2013, Issue 4, Volume 30, Pages 25-41.

ISSN 1857-1999

Submitted: 16. 10. 2013 | Accepted: 30.11. 2013 | Published: 15.12. 2013

**DREPT INTERNAȚIONAL PUBLIC
PUBLIC INTERNATIONAL LAW
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО**

**EVOLUȚIA PROCESULUI DE LEGIFERARE INTERNAȚIONALĂ
ÎN CADRUL UNIUNII EUROPENE: SUPRANAȚIONALITATEA
ÎN DREPTUL ORGANIZAȚIILOR INTERNAȚIONALE**

**EVOLUTION OF THE INTERNATIONAL LEGITIMATION
WITHIN THE EUROPEAN UNION: SUPRANATIONALITY
IN THE LAW OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS**

**ЭВОЛЮЦИЯ ПРОЦЕССА МЕЖДУНАРОДНОГО УЗАКОНИВАНИЯ
В РАМКАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: НАДГОСУДАРСТВЕННОСТЬ
В ПРАВЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

CHIRTOACĂ Natalia,* GRIMAILO Nelea** /
CHIRTOACA Natalia, GRIMAILO Nelly /
КИРТОАКЭ Наталья, ГРИМАЙЛО Неля

ABSTRACT:

**EVOLUTION OF THE INTERNATIONAL REGULATION WITHIN THE EUROPEAN UNION:
SUPRANATIONALITY IN THE LAW OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS**

Being founded (originally as a political concept) in 1992 under the Maastricht Treaty on European Union (TEU) and three international organizations based on economic (ECSC, EEC and Euratom), the European Union today stands as an international organization which share is growing at international level.

Entering into force of the Treaty of Lisbon (amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community) on 1 December 2009 allowed EU an accession in a new phase as an international actor.

The incorporation by the effect of the Treaty of Lisbon gives the EU not only legal but also political dimension and represents a prerequisite for increasing its international role, including its ability of individual representation in international organizations and conferences. Therefore European Union is acting as a single entity.

The EU is an international organization which regulation process has a specific enactment – this is based on greater autonomy and institutional independence, the European law-making method and legal nature of the acts give to organization this specific.

* **CHIRTOACĂ Natalia** – Doctor în drept, conferențiar universitar, Institutul de cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei (Chișinău, Republica Moldova). / **CHIRTOACA Natalia** – PhD in law, Associate Professor, The Institute of Legal and Political Research of the Academy of Sciences of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova). / **КИРТОАКЭ Наталья** – Кандидат юридических наук, доцент, Институт юридических и политических исследований АН Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

** **GRIMAILO Nelea** – Doctorandă la Institutul de cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei (Chișinău, Republica Moldova). / **GRIMAILO Nelly** - PhD student, The Institute of Legal and Political Research of the Academy of Sciences of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova). / **ГРИМАЙЛО Неля** - Аспирант, Институт юридических и политических исследований АН Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

EU competences are not universal, but are limited and these limitations are clearly and concretely determined by the constituent treaties. Even if the Lisbon Treaty explicitly enshrines the exclusive competence of the EU, it does not mean that States are not entitled to intervene in the sphere of EU exclusively delegated or may not in the future to review the will to do so. The term „exclusive” would mean more that the EU now bear full responsibility for achieving the objectives aimed at areas where it has exclusive jurisdiction under the constituent treaties.

Key words: *European Union, the competence, the supranationality, the legal personality, the constituent treaty, the exclusivity.*

JEL Classification: K33, K49, F55

РЕЗЮМЕ:

**ЭВОЛЮЦИЯ ПРОЦЕССА МЕЖДУНАРОДНОГО УЗАКОНИВАНИЯ
В РАМКАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: НАДГОСУДАРСТВЕННОСТЬ
В ПРАВЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

Будучи основанным (первоначально как политическое понятие) в 1992 году на основе Мaaстрихтского договора о Европейском союзе (ДЕС) и трех международных экономических организаций (ЕОУС, ЕЭС и Евратом), сегодня Европейский союз выступает в качестве международной организации, удельный вес которой на международном уровне постоянно растёт.

Вступление в силу 1 декабря 2009 года Лиссабонского договора (о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договора об учреждении Европейских сообществ) стало этапом нового развития ЕС в качестве международного актора.

После вступления в силу Лиссабонского договора, ЕС, удостоившись правосубъектности, стал носить не только правовое, но и политическое измерение, что является необходимым условием повышения роли организации на международном уровне, в том числе её способности индивидуального представительства в международных организациях и на конференциях, выступая при этом в качестве отдельного лица.

ЕС является международной организацией, в рамках которой процесс правового регулирования является специфическим, функционирование ЕС основано на большей автономии и институциональной независимости, вместе с этим, метод европейского правового регулирования и правовая природа принятых соглашений придают организации данную особенность.

Компетенция ЕС не является универсальной, но она является ограниченной и эти ограничения четко и конкретно определяются учредительными договорами. Даже если Лиссабонский договор явно закрепляет исключительную компетенцию ЕС, это не означает, что государства не имеют права вмешиваться в сферу, закрепленную исключительно за ЕС или не могут в будущем пересматривать свои волеизъявления в этом смысле. Термин «исключительно» в большинстве своём означает то, что ЕС в настоящее время несёт полную ответственность за достижение целей, которые касаются областей, в которой организация, обладает, согласно договору об учреждении, исключительной компетенцией.

Ключевые слова: *Европейский союз, компетенция, надгосударственность, правосубъектность, договор об учреждении, исключительность.*

JEL Classification: K33, K49, F55

УДК: 341.231.2/7, 341.217, 341.161

REZUMAT:

**EVOLUȚIA PROCESULUI DE LEGIFERARE INTERNAȚIONALĂ ÎN CADRUL UNIUNII
EUROPENE: SUPRANAȚIONALITATEA ÎN DREPTUL ORGANIZAȚIILOR INTERNAȚIONALE**

Fiind înființată (inițial, ca și concept politic) în 1992 în baza Tratatului de la Maastricht asupra Uniunii Europene (TUE) și având la bază trei organizații internaționale economice (CECO, CEE și EURATOM), astăzi Uniunea Europeană se afirmă ca și o organizație internațională a cărei pondere la nivel internațional este în continuă creștere.

Intrarea în vigoare la 1 decembrie 2009 a Tratatului de la Lisabona (de modificare a Tratatului privind Uniunea Europeană și a Tratatului de instituire a Comunității Europene) a permis accesarea Uniunii Europene într-o nouă fază în calitate de actor internațional.

Dobândirea personalității juridice prin efectul Tratatului de la Lisabona, conferă Uniunii Europene o Dobândirea personalității juridice prin efectul Tratatului de la Lisabona, conferă Uniunii Europene o dimensiune juridică alături de cea politică, reprezintă o premisă a creșterii rolului său pe plan internațional, inclusiv a capacității sale de reprezentare individuală în organizații și conferințe internaționale, Uniunea acționând, astfel, ca o singură entitate.

UE este o organizație internațională în cadrul căreia legiferarea este una specifică – aceasta având la bază o mai mare autonomie și independență instituțională, metoda legiferării europene și natura juridică a actelor adoptate conferind organizației acest specific.

Competențele Uniunii Europene nu sunt universale, ci sunt limitate și aceste limite sunt clar și concret determinate de către tratatele constitutive. Chiar dacă Tratatul de la Lisabona consacră în mod expres competențele exclusive ale UE, aceasta nu semnifică că statele nu sunt în drept să intervină în sfera delegată exclusiv UE sau că nu ar putea în viitor să-și revadă voința în acest sens. Termenul „exclusiv” mai mult ar semnifica faptul că de acum UE poartă răspundere deplină pentru atingerea obiectivelor ce vizează domeniile în care aceasta are conform tratatului constitutiv competență exclusivă.

Cuvinte cheie: *Uniunea Europeană, competențe, supranațional, personalitate juridică, contract de instituire, exclusivitate.*

JEL Classification: K33, K49, F55

CZU: 341.231.2/7, 341.217, 341.161

Dezbaterea din jurul regionalismului și universalismului în cadrul organizațiilor internaționale reflectă vechea dilemă dintre centralism și guvernarea locală la nivel intern. Arena universală este adeseori văzută ca fiind prea slabă și incoerentă pentru acțiuni eficiente, acest lucru a dus la apariția unor apeluri spre o concentrare pe instituțiile regionale. Modalitățile locale de rezolvare a problemelor sunt adesea considerate a fi mai eficiente, fiind bazate pe o mai bună înțelegere a circumstanțelor specifice și fiind mai bine plasate pentru a ține cont de particularitățile locale, culturale sau de altă natură.

Una dintre principalele forțe motrice ale integrării europene este interdependența în creștere dintre state, pentru a fi în stare să facă față provocărilor globalizării și să acționeze ca un actor politic mai puternic în lume, decât ca și state separate, mai puțin puternice. Lupta dintre, pe de o parte, necesitatea de a acționa ca un „tot-întreg” care se confruntă cu alte puteri politice mondiale relevante, precum și necesitatea statelor-membre de a-și proteja și apăra suveranitatea, pe de altă parte, face domeniul relațiilor internaționale al Uniunii Europene un domeniu juridic complicat, cu diverse probleme juridice și politice ce apar. Astfel, într-o lume tot mai globalizată, necesitatea

de a distinge și înțelege poziția UE devine importantă și interesantă.

Mai mult ca atât, însăși Uniunea Europeană devine din ce în ce mai complexă, deoarece cuprinde arii tot mai largi de competență și tot mai numeroase și diverse state-membre, îndreptându-se spre „o uniune tot mai strânsă” de tip „supranațional”. De menționat că, supranaționalismul nu implică adoptarea unei singure metode monolite de integrare, ci ar trebui înțeles ca și un set de diverse reguli, instrumente și actori care au în comun faptul că sunt în prezența unei limitări a drepturilor suverane, care poate fi combinată în diferite moduri cu abordări mai tradiționale.

În prezent s-au format unele abordări științifice de bază care concep supranaționalitatea:

- ca pe un sistem ideal de promovare a negocierilor între națiuni: negocierile se realizează în cadrul organelor competente grație cărora statele dețin controlul asupra proceselor de luare a deciziilor;

- ca pe un sistem de transfer al responsabilității și riscurilor de la organele naționale la organele supranaționale;

- ca și o orientare a politicii naționale spre formarea unei unități interstatale, și nu ca și o limitare a statului-națiune;

- ca și o supremație asupra sistemului juridic al statului, care este o excepție de la starea generală a reglementării juridice naționale a relațiilor, deoarece servește ca un mijloc de depășire a crizelor cu care se confruntă statele;

- ca și o integrare supranațională care prin natura sa este internațională și prin intermediul căreia fiecare stat, prin intermediul politicii externe, tinde să obțină cele mai mari beneficii și puteri posibile¹.

Tendențe de dezvoltare a elementelor supranaționalității astăzi sunt inerente mai multor organizații internaționale. Ținând cont de faptul că în prezent nu există o organizație în mod „absolut supranațională”, organizațiile internaționale care îndeplinesc unele funcții supranaționale includ Uniunea Europeană, Organizația Mondială a Comerțului, Fondul Monetar Internațional, Asociația Europeană a Liberului Schimb etc. supranaționalitatea lor extinzându-se în sfera problemelor economice, politice, monetare și financiare, care intră în competența acestora, conform actelor lor constitutive. De asemenea, elemente de supranaționalitate sunt inerente și activității Consiliului de Securitate al ONU, acestea referindu-se la dreptul exclusiv de a decide asupra utilizării obligatorii a forței armate în absența unui asemenea drept la state (cu excepția dreptului la autoapărare).

Dintre toate organizațiile cu funcții supranaționale nominalizate mai sus, Uniunea Europeană merită o atenție și o apreciere deosebită. Fiind înființată (inițial, ca și concept politic) în 1992 în baza *Tratatului de la Maastricht asupra Uniunii Europene*² (TUE) și având la bază trei organizații internaționale economice (CECO, CEE și EURATOM), astăzi Uniunea Europeană se afirmă ca și o organizație internațională a cărei pondere la nivel internațional este în continuă creștere.

Intrarea în vigoare la 1 decembrie 2009 a *Tratatului de la Lisabona, de modificare a Tratatului privind Uniunea Europeană și a*

*Tratatului de instituire a Comunității Europene*³ a permis accesarea Uniunii Europene într-o nouă fază în calitate de actor internațional. Art. 47 al Tratatului de la Lisabona consacră în mod clar că „...*Uniunea are personalitate juridică*”. Personalitatea juridică expresă a UE reprezintă una dintre schimbările majore operate prin reforma de la Lisabona, aceasta desființând structura pe piloni a UE, în care doar primul pilon – Comunitatea Europeană avea personalitate juridică explicită. Din 1 decembrie 2009, UE acționează ca și succesorul legal al Comunității Europene, menținând concomitent unul dintre domeniile politicii sale originale: Politica Externă de Securitate și de Apărare.

Dobândirea personalității juridice prin efectul Tratatului de la Lisabona, conferă Uniunii Europene o dimensiune juridică alături de cea politică, reprezintă o premisă a creșterii rolului său pe plan internațional, inclusiv a capacității sale de reprezentare individuală în organizații și conferințe internaționale, Uniunea acționând, astfel, ca o singură entitate.

Pentru a caracteriza calitatea juridică a UE este necesar să fie luate în considerare sfera domeniilor în care Uniunea este competentă să acționeze. De fapt, referindu-ne la supranaționalitate, ținem să menționăm că nu este necesar ca acesta să fie acceptată în toate sferele cooperării regionale: unele domenii de interes comun pot face obiectul unor norme comune adoptate la un nivel mai înalt, în timp ce în altele poate fi aplicată cooperarea interguvernamentală⁴. Este și cazul Uniunii Europene: în scopul de a clarifica repartizarea competențelor între UE și statele sale membre, art. 2 din TFUE enumeră și definește trei categorii de competențe: *exclusive*, *partajate* și cele *de sprijinire, coordonare sau suplimentare a acțiunii statelor-membre*.

Competența exclusivă presupune dreptul exclusiv al UE de a legifera și adopta acte cu forță juridică obligatorie, inclusiv încheierea

¹ Шпакович О.Н. Наднациональность в праве международных организаций. В: Вестник Международных Организаций. 2012, № 2 (37), с. 134 - 135.

² Treaty on European Union. Official Journal C 191, 29 July 1992. [On-line]: <http://eur-lex.europa.eu/en/treaties/dat/11992M/htm/11992M.html>. (Vizitat la: 09.10.2013).

28 RMDIRI, 2013, Nr. 4 (30) http://rmdir.md/?page_id=48&lang=en

³ Tratatul de la Lisabona de modificare a Tratatului privind Uniunea Europeană și a Tratatului de instituire a Comunității Europene, semnat la Lisabona, 13 decembrie 2007. În: Jurnalul Oficial al Uniunii Europene 2007/C 306/01. [On-line]: <http://eur-lex.europa.eu/JOHtml.do?uri=OJ:C:2007:306:SOM:RO:HT ML>. (Vizitat la: 09.10.2013).

⁴ Dashwood A. The Relationship between the Member States and the European Union/European Community. In: Common Market Law Review. 2004, 41 CML, p. 355.

acordurilor internaționale; statele-membre fiind împuternicite să facă același lucru în cazul unei autorizații din partea UE sau în scopul punerii în aplicare a actelor Uniunii. Competența exclusivă se exercită în cinci domenii: 1. uniunea vamală; 2. regulile de concurență necesare pentru funcționarea pieței interne a UE; 3. politica monetară (doar față de țările care au adoptat moneda comună „euro”); 4. conservarea resurselor piscicole în cadrul politicii comune de pescuit; 5. politica comercială comună. De asemenea, încheierea unor acorduri internaționale specificate în art. 3 al Tratatului de la Lisabona se numără printre competențele exclusive ale Uniunii Europene.

Competența partajată implică dreptul comun pentru UE și statele sale membre de a legisla și adopta acte cu forță juridică obligatorie. Statele-membre au dreptul să legislaze în condițiile în care Uniunea nu își exercită propria competență ori renunță la exercitarea acestei competențe în favoarea statelor membre (un drept de legislație secundar pentru statele membre). Exercițarea competenței partajate se face cu respectarea principiilor subsidiarității și proporționalității, în sensul că Uniunea intervine numai dacă, și, în măsura în care, obiectivele acțiunii preconizate nu pot fi realizate în mod satisfăcător de statele membre nici la nivel central, nici la nivel regional și local, dar datorită dimensiunilor și efectelor acestei acțiuni, pot fi realizate mai bine la nivelul Uniunii.

Tratatul de la Lisabona subordonează competențelor partajate următoarele domenii principale: piața internă; politica socială, pentru aspectele definite prin tratat; coeziunea economică, socială și teritorială; agricultura și pescuitul, cu excepția conservării resurselor biologice ale mării; mediul; protecția consumatorului; transporturile; rețelele transeuropene; energia; spațiul de libertate, securitate și justiție; obiectivele comune de securitate în materie de sănătate publică, pentru aspectele definite prin tratat. Domeniul competențelor partajate este deschis, putând fi adăugate noi competențe pe lista respectivă, ori reduce, având în vedere dreptul statelor de a reduce competențele Uniunii.

În alte domenii expres prevăzute de către Tratatul de la Lisabona - protecția și îmbunătățirea sănătății umane; industrie; cultură; turism; educație, formare profesională, tineret și

sport; protecție civilă; cooperare administrativă - competența Uniunii se referă la *sprijinirea, coordonarea sau suplimentarea acțiunii statelor-membre*, fără ca acțiunea Uniunii să poată conduce la armonizarea reglementărilor naționale⁵.

Acestor tipuri de competențe li se adaugă, politici separate și specifice, politica externă și de securitate comună (PESC), Uniunea Europeană având un rol de coordonare a acțiunilor statelor membre în ceea ce privește politicile economice, politicile de ocupare a forței de muncă și politicile sociale.

Într-o definiție legală de bază, supranaționalitatea presupune faptul că statele suverane sunt de acord să respecte norme care sunt adoptate la un nivel mai ridicat de organizare⁶. Cu referire la UE acest lucru este adeseori, greșit prevăzut în dezbateri publice ca fiind o decizie de „transfer de suveranitate”. Este adevărat că statele-membre au acceptat, deși nu în mod necondiționat, *supremația* dreptului comunitar: în caz de conflict între o lege națională și dreptul UE, prima trebuie anulată. Mai mult, acestea acceptă principiul *efectului direct*, prin care dreptul comunitar creează drepturi și obligații în mod direct pentru cetățeni. Împreună, aceste principii presupun că sistemul juridic al UE are caracter federal⁷.

Cu toate acestea, Uniunea își păstrează caracterul unic ...ca și o construcție politică formată din state *suverane* în calitate de formațiuni politice⁸. Subscriem opiniei doctrinarului Alan Dashwood care susține că „...acest lucru este adevărat în sens juridic, deoarece niciunul dintre partenerii internaționali ar contesta statutul țărilor - membre ale UE ca și subiecte cu drepturi depline ale ordinii internaționale și este adevărat în sens politic, din

⁵ Tratatul de la Lisabona de modificare a Tratatului privind Uniunea Europeană și a Tratatului de instituire a Comunității Europene, semnat la Lisabona, 13 decembrie 2007. În: Jurnalul Oficial al Uniunii Europene 2007/C 306/01. [On-line]: <http://eur-lex.europa.eu/JOHtml.do?uri=OJ:C:2007:306:SOM:RO:HT ML>. (Vizitat la: 09.10.2013).

⁶ Best E. Supranational institutions and regional integration. p. 3. [On-line]: <http://www.eclac.cl/brasil/noticias/paginas/2/22962/BEST-SUPRANATIONAL%20INSTITUTIONS%20AND%20REGIONAL%20INTEGRATION.pdf>. (Vizitat la: 09.10.2013).

⁷ Ibidem.

⁸ Idem, p. 4.

moment ce statele-membre rămân a fi accentul principal al loialității colective a cetățenilor lor și principalul forum de activitate politică democratică⁹”.

De menționat că, baza pentru adoptarea normelor UE nu reprezintă un simplu transfer de competențe de luare a deciziilor unui nivel superior și distinct de autorități ale UE – alese sau autonome – dar și interacțiunea dintre guvernele naționale și instituțiile UE.

Una dintre caracteristicile cele mai distinctive ale Uniunii Europene sunt instituțiile sale care – spre deosebire de cele ale organizațiilor internaționale tradiționale – au fost investite cu puteri reale pentru a atinge obiectivele stabilite în tratatele sale fondatoare. Substanța și amploarea acestor puteri – ele pot crea drepturi și obligații executorii pentru indivizi – au dus la împărțirea acestora în instituții de o necesitate constituțională chiar de la începutul construcției europene, așa cum interesele guvernelor naționale au trebuit să fie echilibrate de către interesul „comun” al construcției, precum și în cele ale cetățenilor supuși legislației europene. Echilibrul de puteri între instituții a evoluat considerabil din anii '50, fiind nevoie de această evoluție datorită expansiunii masive a competențelor și politicilor, precum progresului general al integrării politice europene.

Structura instituțională de bază a Comunităților Europene este comună și Uniunii Europene, aceasta neavând un cadru instituțional distinct de cel comunitar. Identitatea dintre cadrul instituțional al UE și cel al Comunităților Europene este consacrată în art. C parag.1 din TUE, unde se arată că: „*Uniunea va avea un cadru instituțional unic care va garanta coeziunea și continuitatea acțiunii sale în scopul atingerii obiectivelor acesteia, respectând și dezvoltând acquis-ul comunitar*”.

Tratatul de la Lisabona a oficializat arhitectura instituțională dezvoltată în cadrul și în afara tratatelor anterioare. Art. 4 al Tratatului de la Lisabona definește cadrul instituțional al Uniunii Europene ca fiind format din șapte instituții: *Parlamentul European, Consiliul European, Consiliul, Comisia Europeană, Curtea de Justiție a Uniunii Europene, Banca Centrală Europeană și Curtea de Conturi*. Aceeași dispoziție prevede, de asemenea, că Parlamentul, Consiliul și Comisia trebuie să fie asistate de două organe

consultative: Comitetul Economic și Social și Comitetul Regiunilor. În comparație cu dispoziția aplicată anterior din Tratatul Comunității Europene, schimbarea semnificativă vizează ridicarea Consiliului European și a Băncii Centrale Europene la rangul de instituții oficiale ale UE.

Reformele instituționale introduse de către Tratatul de la Lisabona, în măsura în care acestea reprezintă „continuitatea cu trecutul, decât o nouă schimbare radicală¹⁰”, au confirmat capacitatea de rezistență a hibrizei UE și a unui sistem interdependent de guvernare în care puterea executivă și legislativă sunt, practic, împărțite între două instituții interguvernamentale: Consiliul European și Consiliul, și două instituții supranaționale: Parlamentul European și Comisia Europeană¹¹.

Aceste două de unice aranjamente instituționale reflectă faptul că UE continue să constituie o Uniune de state-membre și de popoare europene căreia „*statele-membre îi atribuie competențe pentru atingerea obiectivelor comune*” (art. 1 TFUE). Ar fi fost naiv să se aștepte o reproiectare radicală a reglementării instituționale care guvernează Uniunea, deoarece liderii naționali au fost motivați de două impulsuri oarecum contradictorii în conceperea Tratatului de la Lisabona: au vrut să facă UE mai democratică și eficientă, evitând concomitent orice proces similar construcției statale. Aceasta explică de ce, spre exemplu, Tratatul de la Lisabona introduce elemente care consolidează simultan cea mai interguvernamentală instituție a UE – Consiliul European (dobândește statut oficial de instituție a UE și noi competențe) și o instituție supranațională cum ar fi Parlamentul European (de ex.: sporind rolul acestuia atât în cadrul procedurilor legislative, cât și în cadrul procedurii bugetare etc.).

Considerăm că, în ansamblul său, Tratatul de la Lisabona oferă o îmbunătățire substanțială tratatelor anterioare, deoarece aduce mai multă responsabilitate democratică Uniunii, îmbunătățește procesul de luare a deciziilor și ameliorează funcționarea instituțiilor UE.

Faptul că Uniunea Europeană reprezintă o ordine juridică autonomă este o doctrină foarte

¹⁰ Craig P. The Treaty of Lisbon, process, architecture and substance. In: *European Law Review*. 2008, vol. 33, nr. 2, p. 158.

¹¹ Ibidem.

⁹ Dashwood A. *Op. cit.*, p. 356.

veche, stabilită de către Curtea de Justiție a UE încă la începutul anilor '60 în celebra cauză *Costa vs. ENEL*¹² în care Curtea a declarat: „*Spre deosebire de tratatele internaționale obișnuite, Tratatul CEE a creat propriul sistem juridic, care, la data intrării în vigoare a Tratatului a devenit o parte integrantă a sistemelor juridice ale statelor-membre și pe care instanțele lor sunt obligate să o aplice. Prin crearea unei Comunități cu o durată nelimitată, având propriile sale instituții, propria sa capacitate juridică și reprezentare pe plan internațional, și, mai mult, puteri reale derivate din limitarea suveranității sau a unui transfer de atribuții statelor către Comunitate, statele-membre și-au limitat drepturile lor suverane, deși în domenii limitate, și-au creat un corp de legi care leagă atât cetățenii lor, cât și pe ele-înseși ...*”

Pornind de la trăsăturile sistemului juridic comunitar, unii doctrinari susțin abordarea trinitară a dreptului – național, internațional și supranațional¹³, aceasta fiind, de fapt, o problemă contradictorie în doctrină. Cei mai mulți cercetători sunt, totuși, de acord cu faptul că activitatea UE este reglementată de către dreptul internațional, fapt, de altfel, pe care ne vom strădui să-l constatăm și noi în cercetarea ce urmează. Conform opiniei generale, termenul de „drept supranațional” nu reprezintă al treilea tip de drept, acest termen având dreptul la existență și reflectând doar specificul dreptului organizației internaționale respective. Generalizatoare în acest sens poate fi considerată concluzia savantului G. I. Tunkin, care susține că dreptul internațional reglementează, direct sau indirect, „relațiile dintre toate subiectele sistemului internațional”¹⁴, neexistând o a treia ordine juridică, diferită de dreptul internațional și de ordinea juridică națională.

Cu toate acestea, trebuie să recunoaștem că sistemul juridic al UE este unul deosebit, evidențiindu-se atât prin izvoarele sale, cât și prin

procedurile legislative deosebite caracteristice acestei organizații internaționale, cărora, în mod special, dorim să le consacram cercetarea ce urmează. Pentru o mai bună înțelegere a specificului procesului de creare a normelor juridice în cadrul UE, vom analiza separat *legiferarea primară* și *legiferarea secundară* în cadrul acestei organizații internaționale.

Legiferarea primară în cadrul UE. Legislația Uniunii Europene cunoaște tratate constitutive și tratate de modificare a acestora (care sunt, de asemenea, numite tratate constitutive), precum și acorduri internaționale, care împreună formează așa-numitul „drept primar/originar” al UE. Tratatul constitutiv al UE sunt definite în art.1 din Tratatul de la Maastricht și în Tratatul de la Lisabona, deși primul nici nu consacră în mod expres, nici nu definește termenul de „tratat constitutiv”.

Termenul de „tratament constitutiv” este utilizat în Convenția de la Viena din 1969 privind dreptul tratatelor și în Convenția de la Viena din 1986 cu privire la dreptul tratatelor între state și organizații internaționale sau între organizații internaționale la care UE nu este parte, și apare, astfel, întrebarea în ce măsură tratatele nominalizate au relevanță pentru UE. Analizând această problemă, trebuie să ținem cont de faptul că, Convenția de la Viena din 1969 constituie o codificare a dreptului cutumiar, care, cu sau fără codificare, se aplică și pentru UE. În plus, UE este legată de Convenția din 1969 prin intermediul statelor sale membre care sunt părți la acest tratat internațional. Tratatul constitutiv al UE *de lege lata* sunt Tratatul de la Maastricht din 1992 și Tratatul de la Lisabona din 2007.

Acordurile internaționale ale UE sunt definite în art. 216 din TFUE ca fiind acorduri cu unul sau mai multe state-terțe sau organizații internaționale, bazate pe prevederile exprese sau implicite ale tratatelor constitutive ale UE. UE încheie acorduri internaționale cu statele-terțe și/sau organizații internaționale, făcând diferența dintre acordurile internaționale: după divizarea competențelor între UE și statele-membre ale acesteia; după părțile la acordurile internaționale; după obiectul de reglementare; după domeniile în care se aplică procedura legislativă ordinară sau cea specială sau când este solicitat acordul Parlamentului European etc. Astfel:

- în funcție de *exercitarea principiului de atribuire a competențelor*, se disting acorduri ale

¹² Judgment of the Court of Justice, *Costa v ENEL*, Case 6/64 (15 July 1964). [On-line]: http://www.cvce.eu/obj/judgment_of_the_court_of_justice_costa_v_enel_case_6_64_15_july_1964-en-cb4154a0-23c6-4eb5-8b7e-7518e8a2a995.html. (Vizitat la: 09.10.2013).

¹³ Талалаев А.Н. Совет Экономической Взаимопомощи. Основные правовые проблемы. Курс сравнительного правоведения. М.: Издательство НОРМА, 1996, с. 30.

¹⁴ Тункин Г.И. Право и сила в международной системе. М.: Международны отношения, 1983, с. 56.

UE în domeniul de competență exclusivă și partajate. De exemplu, în conformitate cu art. 3 TFUE, atunci - când încheierea acordului este prevăzută de un act legislativ al Uniunii; când este necesară pentru a permite Uniunii să își exercite competența internă; sau în măsura în care aceasta ar putea aduce atingere normelor comune sau ar putea modifica domeniul de aplicare a acestora - UE are competență exclusivă pentru încheierea acordurilor internaționale;

- în funcție de *părțile la acorduri* - acele acorduri internaționale încheiate de către UE și statele sale-membre cu statele-terțe și/sau organizații internaționale sunt numite acorduri mixte;

- în funcție de *conținut*, pot fi distinse următoarele acorduri: acorduri de asociere, acorduri cu statele candidate pentru aderare, Acordul privind aderarea UE la CEDO, acordurile de cooperare internațională, acorduri bugetare și acorduri în anumite domenii de politică, cum ar fi politica externă și de securitate comună și politica comercială comună, cea în domeniul transporturilor, reglementate în diferite articole din tratatele constitutive.

Spre exemplu, art. 217 din TFUE permite încheierea de către UE a acordurilor cu unul sau mai multe state-terțe sau organizații internaționale care stabilesc o asociere ce implică drepturi și obligații reciproce, acțiuni comune și proceduri speciale. Articolul 219 din TFUE reglementează încheierea de acorduri internaționale privind un sistem al cursului de schimb al monedei euro în raport cu monedele statelor-terțe.

De remarcat că Tratatul de la Lisabona exclude, în mod general, posibilitatea de a încheia convenții între statele-membre, nu doar în domeniile ce vizează fostul pilon III, dar, de asemenea, pe întreg orizontul Tratatului (posibilitate consacrată anterior în art. 293 Tratatul CE și art. 34 din TUE). Motivul acestui amendament constituie faptul că, din cauza lipsei sau întârzierii ratificării acestora de către statele-membre, asemenea convenții nu s-au dovedit a fi forme eficiente de cooperare și, probabil, din acest considerent au fost aplicate destul de rar¹⁵.

În baza Tratatului de la Lisabona se extinde într-o anumită măsură și controlul jurisdicțional asupra procesului de negociere și semnare a tratatelor internaționale. Este inclusă și confirmată procedura asemănătoare procedurii

controlului constituțional existent în majoritatea statelor democratice. Astfel, în cazul în care există dubii dacă un acord planificat este compatibil cu tratatele constitutive, un stat-membru al UE, Parlamentul European, Consiliul sau Comisia Europeană poate solicita avizul Curții de Justiție a UE (CJUE) privind compatibilitatea acordului cu tratatele de bază. Dacă CJUE consideră că acordul nu este compatibil cu tratatele de bază, acordul vizat nu poate intra în vigoare decât până când este modificat sau sunt revizuite tratatele de bază. O astfel de situație s-a produs, spre exemplu, în ce privește aderarea Comunității Europene la CEDO, când Curtea Europeană de Justiție a emis *Avizul 2/94 privind aderarea Comunității Europene la CEDO*¹⁶ și a statuat că, deoarece tratatele constitutive nu acordă nici direct, nici indirect competențe Comunității Europene să elaboreze norme privind drepturile omului, aderarea CE la CEDO ar duce la schimbări instituționale esențiale de o așa importantă încât aderarea ar fi imposibilă fără o modificare a Tratatului.

O poziție similară a fost luată și de către CEDO care a refuzat să accepte reclamații contra instituțiilor UE, subliniind că UE nu este parte la Convenție și asupra ei jurisdicția obligatorie a CEDO nu produce efecte¹⁷. Această problemă a fost soluționată prin Tratatul de la Lisabona prevede în mod expres autoritatea UE de a adera la Convenția Europeană cu privire la protecția drepturilor omului și libertăților fundamentale (art. 6 al. 218 TFUE). Unica rezervă în acest sens constă în faptul că această aderare să nu aducă atingere particularităților și autonomiei UE. Deja se înregistrează progrese în acest, fiind elaborat și prezentat în aprilie 2013 statelor - membre ale Consiliului Europei *Proiectul Acordului de Aderare a UE la CEDO*¹⁸.

Legiferarea secundară în cadrul UE. Ca o consecință a faptului că Uniunii Europene i-a fost conferită o singură personalitate juridică și a fost eliminat fostul sistem cu trei piloni al UE, în

¹⁶ Opinion 2/94 on accession by the community to the ECHR. 1996 ECR I-1759. [On-line]: eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:61994CV0002:EN:PDF. (Vizitat la: 09.10.2013).

¹⁷ Энтин М. Л. Право Европейского союза. Новый этап эволюции 2009–2017 годы. М.: Изд-во «Аксиом», 2009, с. 84.

¹⁸ [On-line]: <http://hub.coe.int/what-we-do/human-rights/eu-accession-to-the-convention>. (Vizitat la: 09.10.2013).

¹⁵ Dashwood A. *Op. cit.*, p. 359.

cadru la care pilonii funcționau în baza unor reguli diferite, odată cu intrarea în vigoare a Tratatului de la Lisabona au avut loc modificări semnificative atât în cadrul sistemului juridic al UE, cât și în cadrul procedurilor legislative din cadrul acestui sistem. Numărul actelor normative ce formează dreptul secundar (derivat) a fost redus iar procedurile legislative și cele non-legislative au fost definite în mod clar.

În ce privește scăderea numărului de acte juridice, în Tratatul de la Lisabona numărul surselor juridice derivate a fost redus de la treisprezece la cinci¹⁹. Până la intrarea în vigoare a TFUE în primul pilon existau cinci acte normative (regulamentul, directiva, decizia, recomandarea, avizul)²⁰, în pilonul II – trei (decizia, poziția comună, acțiunea comună)²¹ și în pilonul III erau patru acte normative (decizia-cadru, decizia, poziția comună, convenția)²², de asemenea, în cadrul primului pilon fiind posibil ca statele-membre să încheie convenții între ele²³. Raționalizarea acestor acte normative poate fi considerat un rezultat apreciabil, deoarece existau diferite tipuri de acte normative cu aceeași denumire în diferiți piloni (de exemplu, decizia care a existat în toți trei piloni sau poziția comună – în pilonii II și III), ele fiind complet diferite după conținut și forța lor juridică.

Conform prevederilor par. 1, art. 288 al TFUE în vederea exercitării competențelor UE, instituțiile UE adoptă *regulamente, directive, decizii, recomandări și avize*.

Dintre actele normative secundare, regulamentul și directiva, pe lângă faptul că, odată cu desființarea structurii pe piloni, au

devenit general aplicabile în domeniile fostului pilon III, acestea și-au păstrat caracterul juridic anterior, și anume – regulamentul a rămas a fi *obligatoriu în întregime și cu aplicabilitate generală, fiind direct aplicabil în toate statele-membre*²⁴, iar directiva devine cel important instrument de armonizare a legislației, aceasta fiind *obligatorie cu privire la rezultatul ce trebuie atins pentru fiecare stat-membru cărui îi este adresată*²⁵.

Cu referire la actele normative secundare, este important să remarcăm că în TFUE există o schimbare esențială care se referă la definiția *deciziei*. De fapt, decizia fiind singurul tip de acte definiția cărora a suportat o schimbare substanțială. Art. 249 din Tratatul CE definește deciziile ca fiind acte normative cu *caracter individual*, declarând că „decizia este obligatorie în toate elementele sale pentru cei cărora li se adresează”²⁶.

Așa-numitele decizii normative „neadresate” sau, altfel spus, deciziile *sui generis*²⁷ (spre exemplu decizia care este adresată tuturor statelor-membre) nu ar putea fi clasificate în baza acestei definiții, deși, au existat în practica legislativă și au fost „pur și simplu” menționate ca și decizii în unele articole ale TUE și ale Tratatului CE (spre exemplu, deciziile adoptate în domeniul politicii externe și de securitate comună în conformitate cu art. 12 TUE). Cu toate acestea, în versiunea lingvistică a unor state-membre (de ex. Germania, Slovenia) s-a realizat o distincție dintre deciziile *sui generis* și cele adresate, fapt ce a dus la diverse interpretări și a declanșat dezbateri chiar și între instituțiile UE²⁸.

Tratatul de la Lisabona a creat o situație mai clară, specificând că decizia este un act cu *conținut normativ, general și obligatoriu în toate elementele sale* (art. 288 TFUE). Totuși, Tratatul, în același articol, prevede că decizia specifică cui este adresată, fiind obligatorie doar pentru aceștia.

¹⁹ Piris J.-C. *The Lisbon Treaty: A Legal and Political Analysis*. New York: Cambridge University Press, 2010, p. 92.

²⁰ Treaty establishing the European Economic Community. Rome, 25 March 1957, art. 49 [On-line]: http://www.cvce.eu/obj/treaty_establishing_the_european_economic_community_rome_25_march_1957-en-cca6ba28-0bf3-4ce6-8a76-6b0b3252696e.html. (Vizitat la: 09.10.2013).

²¹ Treaty on European Union. Maastricht, 1992, art. 12, 14, 15, 24 [On-line]: <http://eur-lex.europa.eu/en/treaties/dat/11992M/htm/11992M.html>. (Vizitat la: 09.10.2013).

²² Ibidem, art. 34.

²³ Treaty establishing the European Economic Community. Rome, 25 March 1957, art. 293. [On-line]: http://www.cvce.eu/obj/treaty_establishing_the_european_economic_community_rome_25_march_1957-en-cca6ba28-0bf3-4ce6-8a76-6b0b3252696e.html. (Vizitat la: 09.10.2013).

²⁴ Bogdandy A., Arndt F., Bast J. *Legal Instruments in European Law and their Reform: A Systematic Approach on an Empirical Basis*. In: *Yearbook on European Law*. 2004, Volume 23, Issue 1, p. 95.

²⁵ Ibidem, p. 96.

²⁶ Treaty establishing the European Economic Community. Rome, 25 March 1957. [On-line]: http://www.cvce.eu/obj/treaty_establishing_the_european_economic_community_rome_25_march_1957-en-cca6ba28-0bf3-4ce6-8a76-6b0b3252696e.html. (Vizitat la: 09.10.2013).

²⁷ Bogdandy A., Arndt F., Bast J. *Op. cit.*, p. 98.

²⁸ Fazekas J. *Op. cit.*, p. 49.

Deciziile cu conținut normativ fără destinatari specifici creează obligații pentru instituțiile UE și pentru statele-membre, dar nu are efect direct și obligatoriu pentru indivizi. Dimpotrivă, deciziile adresate destinatarilor concreți sunt obligatorii pentru cei cărora li se adresează, indiferent dacă sunt persoane fizice, juridice sau state-membre.

Astfel, după cum putem observa, atunci când decizia are caracter general aceasta nu se deosebește cu nimic de regulament. De aceea, considerăm că o soluție mai practică ar fi fost dacă nu s-ar fi operat asemenea modificări în privința definirii deciziei, adică ar fi fost clar specificat că la forma regulamentului se recurge pentru a adopta norme cu caracter general, iar la forma deciziei – la adoptarea dispozițiilor de natură individuală.

Încă un moment ce necesită a fi specificat în legătură cu decizia ține de cooperarea statelor-membre ale UE în materia politicii externe și de securitate comună (fostul pilon II). Caracterul inter-guvernamental al fostului pilon II, ce implică luarea deciziilor în unanimitate, nu a fost modificat prin Tratatul de la Lisabona. Cu toate acestea, terminologia actelor a fost simplificată, Consiliul sau Consiliul European adoptând măsurile necesare exclusiv în formă de decizii, în locul diverselor tipuri de acte care existau anterior (acțiuni comune, poziții comune și decizii). La o primă vedere, această simplificare pare binevenită, iar, pe de altă parte, asemenea schimbare creează îngrijorări. Ca și o chestiune de fapt, este clar că aceste decizii nu corespund cu cele prevăzute în art. 288 al TFUE. Dacă am admite că ele corespund, aceasta ar presupune recunoașterea efectului direct al actelor adoptate în domeniul politicii externe și de securitate comună în sistemele juridice ale statelor-membre²⁹. Ținând cont de faptul că particularitățile fostului pilon II rămân în vigoare este inevitabil să se aducă claritate în materia naturii juridice a actelor adoptate în domeniul politicii externe și de securitate comună.

În ce privește trăsăturile celorlalte acte menționate în art. 288 al TFUE – recomandările și avizele - ținem să specificăm că acestea sunt lipsite de caracter obligatoriu. *Recomandarea* este un act al UE cu caracter *neobligatoriu*, și este utilizată pentru a sugera anumite acțiuni sau inacțiuni statelor-membre. Deși nu are efecte juridice, ea poate fi folosită de judecătorul

comunitar sau național pentru interpretarea unor dispoziții din actele obligatorii, sau din legislația națională. *Avizul* este o simplă *opinie* emisă de instituția comunitară, pentru a-și face cunoscut punctul de vedere în legătură cu anumite aspecte concrete. Avizele pot fi emise din oficiu sau la cererea persoanelor fizice sau juridice interesate, a statului-membru sau a altor instituții comunitare, și *nu produc efecte juridice*³⁰.

Una dintre inovațiile Tratatului de la Lisabona care are scopul de a consolida transparența sistemului de surse juridice ale UE este distincția clar realizată între *actele legislative* și *actele fără caracter legislativ*. În conformitate cu art. 289, al. 3 TFUE, actele juridice adoptate prin procedură legislativă constituie *acte legislative*. Astfel, în temeiul noilor norme, acele acte juridice ale UE care sunt adoptate în mod direct în baza dispozițiilor TFUE în conformitate cu procedura legislativă ordinară sau cu procedura legislativă specială constituie acte legislative. Prin urmare, noțiunea de act legislativ nu este determinată de conținutul actului, ci de forma procedurii aplicate.

Această soluție face procedurile legislative ale UE mai clare și transparente, conceptul reflectând aspirațiile unificatoare și reflectând în mod clar că doar prevederile tratatelor pot servi drept temei juridic pentru adoptarea actelor legislative.

Cu toate acestea, tipurile de acte juridice nu indică dacă actul în cauză este unul legislativ sau nu, sau prin ce procedură acest act a fost adoptat. Deci, în timp ce cele mai multe directive sunt acte legislative, acestea ar putea totuși fi adoptate în baza procedurii legislative ordinare sau a procedurii speciale, unele directive fiind acte fără caracter legislativ. Aceeași situație este valabilă și pentru regulamente și decizii³¹.

Cu referire la inițierea actelor legislative, de menționat că fostul monopol de inițiativă legislativă al Comisiei, care predomina în primul pilon, a fost modificat în conformitate cu art. 289, al. 4 TFUE care prevede că, pe lângă dreptul Comisiei de a iniția acte juridice, acestea pot fi, de asemenea, adoptate la inițiativa unui grup de state-membre, a Parlamentului European, la recomandarea Băncii Centrale Europene, la solicitarea Curții de Justiție a UE sau a Băncii Europene de Investiții. Asemenea schimbare

³⁰ Bogdandy A., Arndt F., Bast J. *Op. cit.*, p. 97.

³¹ Peers S. *Guide to EU decision-making and justice and home affairs after the Treaty of Lisbon*. London: A Statewatch publication, 2010, p. 5.

²⁹ *Ibidem*, p. 50.

constituie, pe de o parte, consecința desființării primului pilon și, pe de altă parte poate fi considerată un pas în vederea consolidării echilibrului instituțional.

În ce privește *actele fără caracter legislativ*, acestea pot fi de două tipuri: cele bazate pe tratate și cele bazate pe legislația secundară. Actele bazate pe tratate sunt acelea pentru care baza legală se prevede în TUE sau în TFUE. De exemplu, art. 81, al. 3 al TFUE precizează că Consiliul poate adopta o decizie de schimbare a procedurii de luare a deciziilor ce vizează legislația în materia dreptului familiei. Având în vedere faptul că Tratatul de la Lisabona nu specifică că această decizie va fi adoptată printr-o procedură legislativă, acesta va fi, prin urmare un act fără caracter legislativ.

În unele cazuri (sanțiuni anti-teroriste, agricultura și pescuitul) Tratatul de la Lisabona prevede că normele generale privind o problemă vor fi adoptate prin intermediul procedurii legislative ordinare și apoi prevede că regulile generale vor fi completate prin acte fără caracter legislativ adoptate printr-o procedură specifică (la propunerea Comisiei, prin votul Consiliului cu majoritate calificată, fără rolul Parlamentului)³².

Tratatul de la Lisabona enumeră două tipuri de acte fără caracter legislativ bazate pe legislația secundară: actele delegate și, așa-numitele, acte de punere în aplicare (art. 289-291 TFUE).

Actele delegate. În conformitate cu art. 290 TFUE, un act legislativ poate delega Comisiei competența de a adopta acte fără caracter legislativ de aplicabilitate generală, care completează sau modifică anumite elemente neesențiale ale actului legislativ. Diferența dintre actele delegate și actele de punere în aplicare constă în faptul că primul poate modifica actul legislativ de bază, astfel conținutul său afectează un act legislativ, dar acesta ia forma unui act fără caracter legislativ. Cu toate acestea, TFUE prevede necesitatea autorizației corespunzătoare pentru adoptarea acestor acte și procedura este supusă controlului instituției care a delegat puterea.

Tratatul prevede ca o cerință ca obiectivele, conținutul, domeniul de aplicare și durata delegării de competențe să fie definite în mod expres în actele legislative. Delimitarea duratei delegării de competențe, așa-numita clauză de caducitate, asigură că delegarea de competențe

încetează să existe după durata prescrisă de către instituțiile legislative, adică Parlamentul European și Consiliul își retrag puterea legislativă. Cu toate acestea, determinarea exactă a obiectivelor, conținutului și domeniilor de aplicare constituie, probabil, provocări pentru instituțiile legislative³³. Principiul stabilit în al. 1 al art. 290 TFUE servește ca o garanție, deoarece, ca o linie de demarcație între actele legislative și cele non-legislative se declară că elementele esențiale ale unui act legislativ nu pot fi modificate sau completate prin adoptarea de acte delegate, acestea pot fi reglementate doar în acte legislative.

De remarcat că crearea acestei categorii de acte – actele delegate – reprezintă o noutate. Motivul pentru crearea acestei noi categorii de acte normative a constituit faptul că Consiliul, pentru a opera amendamente sau modificări mici ale actelor recurgea la o procedură simplificată, în baza unui temei juridic secundar, evitându-se, astfel, procedura legislativă complicată.

Aplicarea bazei juridice secundare a devenit o practică cutumiară în domeniul multor politici comunitare. Aceasta a fost folosită cu preferință, spre exemplu, în cadrul politicilor agricole și piscicole sau în ce privește fondurile structurale³⁴. În ce privește legitimitatea practicii de a delega competențe legislative, de menționat că Curtea Europeană de Justiție a susținut în jurisprudența sa³⁵ ideea că, crearea unui astfel de sistem nou de surse juridice este necesară, existând o distincție clară între puterile legislative și non-legislative.

Actele de punere în aplicare. La fel ca și în cazul actelor de delegare, specificul actului („de punere în aplicare”) se include în titlul unor asemenea acte. În conformitate cu principiul atribuirii, statele-membre trebuie în primul rând să adopte toate măsurile juridice necesare pentru a pune în aplicare actele juridice obligatorii ale

³³ Fazekas J. Legislative reform introduced by the Treaty of Lisbon. In: *Curentul Juridic*. 2011, nr. 4 (47), p. 53.

³⁴ Bogdandy A., Arndt F., Bast J. *Op. cit.*, p. 99.

³⁵ Case C – 93/00. European Parliament v Council of 13 December 2001. [On-line]: <http://eur.lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:62000CJ0093:EN:PDF> (Vizitat la: 09.10.2013); Case C-378/00, Commission v Council (LIFE) [On-line]: <http://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?jsessionid=9ea7d2dc30db9a846ba2e9634540bcfee4acf4197f15.e34KaxiLc3qMb40Rch0SaxqTch90?text=&docid=86118&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=37318> (Vizitat la: 09.10.2013).

³² Peers S. *Op. cit.*, p. 4.

UE (art. 291, al. 1 TFUE). Totuși, în cazul în care sunt necesare condiții unitare de punere în aplicare a actelor obligatorii ale UE, aceste acte conferă competențe de executare Comisiei sau, în cazuri temeinice și justificate, Consiliului (art. 291, al. 1 TFUE). Tratatul de la Lisabona nu specifică agențiile UE în lista celor care exercită competențele de executare. De remarcat, de asemenea, că domeniul politicii externe și de securitate comună este o politică specifică din moment ce Înalțul Reprezentant pentru Afaceri Externe și Politică de Securitate participă la execuție³⁶.

Comparând cele două categorii de acte fără caracter legislativ (actele de delegare și cele de punere în aplicare) se poate constata că actele de delegare pot fi adoptate exclusiv de către Comisia Europeană, în baza delegării de competențe. Actele de punere în aplicare pot fi adoptate și de către statele-membre și, în cazuri excepționale, de către Consiliu și de Înalțul Reprezentant pentru Afaceri Externe și Politică de Securitate. Aceste două categorii de acte diferă și în ce privește dreptul de control – în cazul actelor delegate controlul este exercitat de către Parlamentul European și Consiliu, iar adoptarea actelor de punere în aplicare de către Comisie este controlată de către comitete de comitologie formate din reprezentanți ai statelor-membre.

Ținând cont de faptul distincția dintre actele legislative și cele fără caracter legislativ în UE are la bază procedurile legislative de adoptare a acestor acte, vom elucida succint specificul și esența acestora la nivelul Uniunii Europene. Art. 289 al TFUE prevede că există două tipuri de proceduri legislative: *procedura legislativă ordinară* și *procedura legislativă specială*.

O inovație a Tratatului de la Lisabona este faptul că proiectele de acte legislative trebuie să fie transmise, de asemenea, parlamentelor naționale, care se pot adresa Președinților Parlamentului European, Consiliului și Comisiei cu un aviz motivat privind conformitatea unui proiect de act legislativ cu principiul subsidiarității³⁷.

Procedura legislativă ordinară este

³⁶ Fazekas J. *Op. cit.*, p. 54.

³⁷ Protocols to be annexed to the treaty of Lisbon (Protocol nr. 1 and Protocol nr. 2). In: Official Journal of the European Union C 306/165. 17.12.2007. [On-line]: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2007:306:0165:0165:EN:PDF>. (Vizitat la: 09.10.2013).

reglementată de prevederile art. 294 TFUE. În esență, acestea sunt reguli ce guvernau „co-decizia” (consacrată anterior în art. 251 CE), adică posibilitatea de a ajunge la acord în prima lectură sau acordul în a doua lectură după ce Consiliul adoptă poziția sa în prima lectură (care nu mai este numită „poziție comună”), fie posibilitatea de conciliere în cazul în care nu s-a ajuns la un acord în a II-a lectură. Tratatul de la Lisabona a modificat formularea pentru a sublinia egalitatea dintre Parlamentul European și Consiliu în cadrul acestei proceduri – aceste instituții constituind un legislativ bicameral.

Conform Tratatului de la Lisabona, fosta procedură a „co-deciziei”, numită acum procedura legislativă ordinară se aplică în patruzeci de cazuri noi – nu doar foarte multe domenii ce țin de justiție și afaceri interne (migrația legală, vise, drept penal, măsuri polițienești etc.) dar și alte domenii importante ale dreptului UE (agricultura, pescuitul, comerțul extern etc.) - și, în general, sunt în jur de optzeci și cinci de temeuri juridice de a aplica această procedură – atunci când Parlamentul European și Consiliul acționează în calitate de co-legiuitori³⁸.

De remarcat că nu mai există nici un caz în care această procedură este combinată cu unanimitatea în Consiliu – întotdeauna se aplică votul cu majoritate calificată. În acest context se impune și evidențierea modificărilor aduse de Tratatul de la Lisabona în ce privește votul cu majoritate calificată. Astfel, în acest sens TFUE a modificat fundamental mecanismul de constituire a majorității calificate, eliminând sistemul de voturi ponderate în funcție de populație aparținând statelor membre cu o măsură de ponderare direct corelată cu dimensiunea populației. Dacă în vechea reglementare „tabelul” cu statele membre pe baza căruia se calcula majoritatea calificată conținea numărul de voturi pentru fiecare stat membru (Germania, Franța, Italia, Marea Britanie - 29 de voturi în Consiliu, Spania și Polonia - 27, România - 14 voturi etc. - deliberările fiind încheiate în cazul în care întrunesc cel puțin 255 de voturi favorabile (din 345 posibile) exprimate de majoritatea membrilor), în noua reglementare acesta conține pentru fiecare stat procentul din populația totală a Uniunii pe care îl „deține” statul respectiv.

Definirea majorității calificate în noua reglementare (așa-numita „dublă majoritate”) este

³⁸ Fazekas J. *Op. cit.*, p. 56.

următoarea: majoritatea calificată este egală cu cel puțin 55% din membrii Consiliului, cuprinzând cel puțin 15 dintre aceștia și reprezentând state membre care întrunesc cel puțin 65% din populația Uniunii. Minoritatea de blocare trebuie să cuprindă cel puțin patru membri ai Consiliului, în caz contrar se consideră a fi întrunită majoritatea calificată (art. 238 TFUE).

Noul sistem de calcul al majorității calificate va intra în vigoare în 2014, însă cu posibilitatea de prelungire a perioadei tranzitorii până în 2017, la cererea membrilor Consiliului. Această regulă de vot are avantajul de a oferi o influență egală pentru toți cetățenii UE, indiferent de țara lor de origine. Regula se bazează pe raționament științific³⁹ și poate fi extinsă într-un mod simplu ori de câte ori noi membri vor adera la UE.

Procedurile legislative speciale nu sunt reglementate de reguli standard, dar de diferite reguli în fiecare dintre temeiurile juridice care prevăd astfel de proceduri, existând aproximativ treizeci de cazuri când se prevede proceduri legislative speciale stabilite în TFUE. Ideea procedurii legislative speciale este că, Consiliul și Parlamentul European sunt în continuare fiecare implicat în adoptarea legislației dar supuși unor reguli diferite de cele care guvernează procedura legislativă ordinară.

În cele mai multe cazuri procedura legislativă specială implică unanimitate în Consiliu și consultarea Parlamentului European (spre exemplu, art. 89 TFUE în ce privește operațiunile transfrontaliere ale poliției). În câteva cazuri se vorbește despre unanimitate și aprobarea Parlamentului European (de exemplu, art. 86 privind Procurorul Public European). Există, de asemenea, cazuri când Consiliul votează cu majoritate calificată, iar Parlamentul este doar consultat sau când Parlamentul preia conducerea iar Consiliul aprobă măsura Parlamentului⁴⁰.

După o analiză generală a procedurii legiferării în cadrul UE, putem observa că, capacitatea juridică a Uniunii Europene se manifestă nu doar într-o gamă largă de domenii economice și sociale, transmise de către state

nivelului european de reglementare, dar, de asemenea, într-o gamă largă de forme legale conferite Consiliului, Comisiei și Parlamentului European. Capacitatea juridică a UE este caracterizată, de asemenea, prin forța juridică a actelor adoptate în cadrul acestei organizații care amintește, în general, efectul reglementărilor interne. Datorită specificului dreptului secundar al UE în literatura de specialitate se conturează punctul de vedere conform căruia Uniunea Europeană, în pofida statutului său inițial de organizație internațională a încetat să mai fie ca atare, având o natură juridico-politică mixtă⁴¹.

Asemenea afirmație serioasă – care generează întrebări privind calitatea de subiect drept internațional al UE cu toate consecințele ce decurg din aceasta - ne determină să venim cu unele comentarii în acest sens. Din start ținem să menționăm că nu poate fi pusă la îndoială calitatea de subiect de drept internațional a Uniunii Europene, ea întrunind toate trăsăturile unei organizații internaționale – crearea acesteia având loc în baza acordului de voință a statelor suverane exprimat într-un tratat internațional, Uniunea având personalitate juridică internațională expres consacrată în actul constitutiv necesară pentru atingerea obiectivelor pentru care a fost creată.

Ceea ce, de fapt, merită atenție și argumentare este faptul că UE este o organizație internațională în cadrul căreia legiferarea este una specifică – aceasta având la bază o mai mare autonomie și independență instituțională, metoda legiferării europene și natura juridică a actelor adoptate conferind organizației acest specific.

Competențele Uniunii Europene nu sunt universale, ci sunt limitate și aceste limite sunt clar și concret determinate de către tratatele constitutive. Chiar dacă Tratatul de la Lisabona consacră în mod expres competențele exclusive ale UE, aceasta nu semnifică că statele nu sunt în drept să intervină în sfera delegată exclusiv UE sau că nu ar putea în viitor să-și revadă voința în acest sens. Termenul „exclusiv” mai mult ar semnifica faptul că de acum UE poartă răspundere deplină pentru atingerea obiectivelor ce vizează domeniile în care aceasta are conform tratatului constitutiv competență exclusivă.

³⁹ Kirsch W., Machover M. et al. Voting in the EU Council – A Scientific Approach. [On-line]: <http://www.ruhr-uni-bochum.de/mathphys/publikationen/voting.pdf>. (Vizitat la: 09.10.2013).

⁴⁰ Peers S. *Op. cit.*, p. 3.

⁴¹ Миндубаев Р. Р. Полномочия ЕС по принятию собственных правовых актов. В: Актуальные проблемы права: материалы междунар. науч. конф. М.: Ваш полиграфический партнер, 2011, с. 132-135.

Limitarea competenței UE poate fi văzută și în faptul că sfera politicii externe și de securitate deși constituie subiectul cooperării intracomunitare, în mod deliberat nu este inclusă de către statele-fondatoare în sfera de competențe a UE. Instituțiile UE nu au dreptul de a recurge la forme supranaționale de acțiune (prin adoptarea de acte legislative) dacă acestea urmează a fi aplicate în domeniul nominalizat.

Competența limitată a Uniunii Europene poate fi argumentată și prin principiul subsidiarității care stă la baza funcționării acestei organizații internaționale, conform căruia UE nu intervine în domenii ce nu țin de competența exclusivă a acesteia, decât în măsura în care obiectivele în cauză nu pot fi realizate în mod corespunzător de către statele-membre, ci pot fi mai bine îndeplinite la nivel comunitar (așa – numita intervenție din rațiuni de necesitate) – adică doar atunci când statele-membre au decis să transmită spre soluționare instituțiilor UE anumite probleme. De fapt, dacă Uniunea Europeană ar depăși cadrul unei organizații internaționale, atunci așa-numitul „triunghi instituțional” ar putea în mod independent să modifice tratatele constitutive ale UE, în realitate instituțiile UE fiind lipsite de asemenea prerogative absolute.

Din prevederile multor norme ale TFUE și TUE rezultă clar că autoritățile UE sunt strict limitate în competențele care le-au fost conferite de către statele fondatoare, practic întreg conținutul tratatelor fiind „îmbibat” cu formula „în conformitate cu prezentul tratat”. Aceasta semnifică că nici Comisia, nici Consiliul, nici Parlamentul European sau celelalte instituții nu pot depăși limitele conferite de către state și consacrate în tratatul constitutiv al UE. Capacitatea juridică a UE este strict limitată de către state, ceea ce vorbește despre o asocieră internațională. După cum este binecunoscut, principiul abilitării cu competențe este unul de bază în activitatea organizațiilor internaționale interguvernamentale. În același context, nu putem trece cu vederea nici faptul existenței unui control permanent din partea guvernelor naționale, a parlamentelor naționale, a instanțelor jurisdicționale naționale asupra îndeplinirii de către instituțiile UE a obligațiilor consacrate în dispozițiile tratatelor constitutive.

Astfel, în baza celor relatate, putem constata faptul că la baza funcționării UE stă principiul egalității suverane a statelor, constatându-se o

limitare strictă a pârghiilor juridice și domeniilor de activitate puse la dispoziția UE și o dependență a activității Uniunii de decizia statelor-membre (subsidiaritatea). Toate restricțiile pe care statele-membre și le impun în baza tratatelor sunt benevole, fapt ce sugerează că UE are la bază metoda interstatală de creare a normelor în virtutea naturii sale juridice internaționale.

Cu toate acestea, nu poate fi negată existența unei autonomii destul de mari a UE în ce privește legiferarea. Capacitatea Uniunii Europene de a crea propriile reguli, obligatorii pentru statele-membre, precum și mecanismele de monitorizare și punere în aplicare a normelor, pe bună dreptate este caracterizată de către doctrină ca fiind trăsături ale supranaționalității.

Într-adevăr, analizând mecanismul de legiferare în UE, putem ajunge la concluzia că, în esență, metoda de legiferare la nivelul UE are toate trăsăturile dreptului internațional, dar în virtutea unor caracteristici (în special, cele privind forța juridică a actelor UE; autonomia în ce privește legiferarea; luarea deciziilor din nume propriu și nu al statelor-membre; componența subiectelor și primatul inițiativei de legiferare) acesta poate fi calificat ca fiind unul administrativ, adică de subordonare.

În special trebuie remarcate așa-numitele izvoare secundare ale UE, care produc cele mai multe dezbateri și controverse cu privire la UE și dreptul acesteia, în special datorită forței juridice directe a acestor acte. Într-adevăr regulamentele, directivele și deciziile adoptate în cadrul UE spre deosebire de tratatele internaționale sunt scutite de ratificările parlamentare – așa-numitele „puncte de control” în jurisdicția națională, în privința lor nu se admit rezerve și excepții unilaterale de la regulă, ceea ce permite o implementare rapidă și eficientă a normelor dreptului UE. Însă, la o examinare mai atentă putem observa că așa-numitele „puncte de control” nu au dispărut în cadrul acestei organizații internaționale, pur și simplu acestea nu îmbracă forma ratificărilor parlamentare. În UE există o simplificare a legiferării internaționale, dar nicidecum nu s-a anulat acordul statului în ce privește pătrunderea actului în interiorul statului, existând diverse pârghii pentru statele-membre în acest sens.

Am putea conchide că actele ce formează dreptul secundar al UE sunt rezultatul coordonării

voinței statelor-membre și constituie „tratate-contracte” sau poate mai corect ar fi să le numim „tratate-contracte „privind interese private”. Acestea se apropie de dreptul intern al statului dar nu prin natura juridică, ci prin „forma exterioară”; absența ratificării, efectul direct al acestora, obligativitatea pentru persoanele fizice și juridice fiind fixate în tratatele constitutive ale UE. Până la urmă, aceste acte se încadrează perfect în definiția consacrată în art. 2 al. 1 al Convenției de la Viena din 1969 privind dreptul tratatelor conform căreia „*prin expresia „tratat” se înțelege un acord internațional încheiat în scris între state și guvernat de dreptul internațional, fie că este consemnat într-un instrument unic, fie în două sau mai multe instrumente conexe și oricare ar fi denumirea sa particulară*”⁴².

De fapt, pretenția UE la un grad mai înalt de autonomie în ce privește legiferarea se întemeiază pe art. 6 al Convenției de la Viena din 1986 privind dreptul tratatelor încheiate între state și organizații internaționale sau între organizații internaționale, care prevede că „capacitatea organizației internaționale de a încheia tratate este reglementată de normele acestei organizații”, adică UE are dreptul să elaboreze acele acte și să încheie doar acele tratate internaționale care servesc obiectivelor consacrate în tratatul constitutiv și nu depășesc limitele acestuia.

Pentru a rezuma, considerăm că formarea și evoluția legiferării în cadrul UE reflectă istoricul luptei dintre două principii în activitatea acestei organizații internaționale – cel interstatal și cel supranațional. Aceasta se datorează, în primul rând, faptului că relațiile internaționale se complică și formele tradiționale de coordonare a voințelor statelor sunt insuficiente.

Bibliografie:

1. Best E. Supranational institutions and regional integration. p. 3. [On-line]: <http://www.eclac.cl/brasil/noticias/paginas/2/22962/BEST-SUPRANATIONAL%20INSTITUTIONS%20AND%20REGIONAL%20INTEGRATION.pdf>. (Vizitat la: 09.10.2013).

2. Bogdandy A., Arndt F., Bast J. Legal Instruments in European Law and their Reform: A

⁴² Convenția de la Viena din 1969 privind dreptul tratatelor. [On-line]: <http://www.parlament.md/LinkClick.aspx?fileticket=4mKw8IxR66Y%3D&tabid=144>. (Vizitat la: 09.10.2013).

Systematic Approach on an Empirical Basis. In: Yearbook on European Law. 2004, Volume 23, Issue 1, p. 91 – 136.

3. Case C – 93/00. European Parliament v Council of 13 December 2001. [On-line]: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:62000CJ0093:EN:PDF>. (Vizitat la: 09.10.2013).

4. Case C-378/00, Commission v Council (LIFE) [On-line]: <http://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?jsessionid=9ea7d2dc30db9a846ba2e9634540bcfee4acf4197f15.e34KaxiLc3qMb40Rch0SaxqTch90?text=&docid=86118&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=37318>. (Vizitat la: 09.10.2013).

5. Craig P. The Treaty of Lisbon, process, architecture and substance. In: European Law Review. 2008, vol. 33, nr. 2, p. 137 – 166.

6. Dashwood A. The Relationship between the Member States and the European Union/European Community. In: Common Market Law Review. 2004, 41 CML, p. 355 – 381.

7. Fazekas J. Legislative reform introduced by the Treaty of Lisbon. In: Curentul Juridic. 2011, nr. 4 (47), p. 53.

8. Judgment of the Court of Justice, Costa v ENEL, Case 6/64 (15 July 1964). [On-line]: http://www.cvce.eu/obj/judgment_of_the_court_of_justice_costa_v_enel_case_6_64_15_july_1964-en-cb4154a0-23c6-4eb5-8b7e-7518e8a2a995.html. (Vizitat la: 09.10.2013).

9. Kirsch W., Machover M. et al. Voting in the EU Council – A Scientific Approach. [On-line]: <http://www.ruhr-uni-bochum.de/mathphys/publikationen/voting.pdf>. (Vizitat la: 09.10.2013).

10. Opinion 2/94 on accession by the community to the ECHR. 1996 ECR I-1759. [On-line]: eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:61994CV0002:EN:PDF. (Vizitat la: 09.10.2013).

11. Piris J.-C. The Lisbon Treaty: A Legal and Political Analysis. New York: Cambridge University Press, 2010. xxii + 426 p.

12. Protocols to be annexed to the treaty of Lisbon (Protocol nr. 1 and Protocol nr. 2). In: Official Journal of the European Union C 306/165. 17.12.2007. [On-line]: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2007:306:0165:0165:EN:PDF>. (Vizitat la: 09.10.2013).

13. Tratatul de la Lisabona de modificare a Tratatului privind Uniunea Europeană și a Tratatului de instituire a Comunității Europene, semnat la Lisabona, 13 decembrie 2007. În: Jurnalul Oficial al Uniunii Europene 2007/C 306/01. [On-line]: <http://eur-lex.europa.eu/JOHtml.do?uri=OJ:C:2007:306:SOM:RO:HTML>. (Vizitat la: 09.10.2013).

14. Treaty establishing the European Economic Community. Rome, 25 March 1957, art. 49 [On-line]: http://www.cvce.eu/obj/treaty_establishing_the_european_economic_community_rome_25_march_1957-en-cca6ba28-0bf3-4ce6-8a76-6b0b3252696e.html. (Vizitat la: 09.10.2013).

15. Treaty establishing the European Economic Community. Rome, 25 March 1957, art. 293. [On-line]: http://www.cvce.eu/obj/treaty_establishing_the_european_economic_community_rome_25_march_1957-en-cca6ba28-0bf3-4ce6-8a76-6b0b3252696e.html. (Vizitat la: 09.10.2013).

16. Treaty on European Union. Official Journal C 191, 29 July 1992. [On-line]: <http://eur-lex.europa.eu/en/treaties/dat/11992M/htm/11992M.html>. (Vizitat la: 09.10.2013).

17. Treaty on European Union. Maastricht, 1992, art. 12, 14, 15, 24 [On-line]: <http://eur-lex.europa.eu/en/treaties/dat/11992M/htm/11992M.html>. (Vizitat la: 09.10.2013).

18. [On-line]: <http://hub.coe.int/what-we-do/human-rights/eu-accession-to-the-convention>. (Vizitat la: 09.10.2013).

19. Миндубаев Р.Р. Полномочия ЕС по принятию собственных правовых актов. В: Актуальные проблемы права: материалы междунар. науч. конф. М.: Ваш полиграфический партнер, 2011, с. 132-135.

20. Талалаев А.Н. Совет Экономической Взаимопомощи. Основные правовые проблемы. Курс сравнительного правоведения. М.: Издательство НОРМА, 1996.

21. Тункин Г.И. Право и сила в международной системе. М.: Международные отношения, 1983. 200 с.

22. Шпакович О.Н. Наднациональность в праве международных организаций. В: Вестник Международных Организаций. 2012, № 2 (37), с. 134 - 135.

23. Энтин М. Л. ПРАВО Европейского союза. Новый этап эволюции 2009 - 2017 годы. М.: Изд-во «Аксиом», 2009. 304 с.

Bibliography:

1. Best E. Supranational institutions and regional integration. p. 3. [On-line]: <http://www.eclac.cl/brasil/noticias/paginas/2/22962/BEST-SUPRANATIONAL%20INSTITUTIONS%20AND%20REGIONAL%20INTEGRATION.pdf>. (Vizitat la: 09.10.2013).

2. Bogdandy A., Arndt F., Bast J. Legal Instruments in European Law and their Reform: A Systematic Approach on an Empirical Basis. In:

Yearbook on European Law. 2004, Volume 23, Issue 1, p. 91 – 136.

3. Case C – 93/00. European Parliament v Council of 13 December 2001. [On-line]: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:62000CJ0093:EN:PDF>. (Vizitat la: 09.10.2013).

4. Case C-378/00, Commission v Council (LIFE) [On-line]: <http://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?jsessionid=9ea7d2dc30db9a846ba2e9634540bcfee4acf4197f15.e34KaxiLc3qMb40Rch0SaxqTch90?text=&docid=86118&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=37318>. (Vizitat la: 09.10.2013).

5. Craig P. The Treaty of Lisbon, process, architecture and substance. In: European Law Review. 2008, vol. 33, nr. 2, p. 137 – 166.

6. Dashwood A. The Relationship between the Member States and the European Union/European Community. In: Common Market Law Review. 2004, 41 CML, p. 355 – 381.

7. Fazekas J. Legislative reform introduced by the Treaty of Lisbon. In: Curentul Juridic. 2011, nr. 4 (47), p. 53.

8. Judgment of the Court of Justice, Costa v ENEL, Case 6/64 (15 July 1964). [On-line]: http://www.cvce.eu/obj/judgment_of_the_court_of_justice_costa_v_enel_case_6_64_15_july_1964-en-cb4154a0-23c6-4eb5-8b7e-7518e8a2a995.html. (Vizitat la: 09.10.2013).

9. Kirsch W., Machover M. et al. Voting in the EU Council – A Scientific Approach. [On-line]: <http://www.ruhr-uni-bochum.de/mathphys/publikationen/voting.pdf>. (Vizitat la: 09.10.2013).

10. Opinion 2/94 on accession by the community to the ECHR. 1996 ECR I-1759. [On-line]: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:61994CV0002:EN:PDF>. (Vizitat la: 09.10.2013).

11. Piris J.-C. The Lisbon Treaty: A Legal and Political Analysis. New York: Cambridge University Press, 2010. xxii + 426 p.

12. Protocols to be annexed to the treaty of Lisbon (Protocol nr. 1 and Protocol nr. 2). In: Official Journal of the European Union C 306/165. 17.12.2007. [On-line]: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2007:306:0165:0165:EN:PDF>. (Vizitat la: 09.10.2013).

13. Tratatul de la Lisabona de modificare a Tratatului privind Uniunea Europeană și a Tratatului de instituire a Comunității Europene, semnat la Lisabona, 13 decembrie 2007. În: Jurnalul Oficial al Uniunii Europene 2007/C 306/01. [On-line]: <http://eur-lex.europa.eu/JOHtml.do?uri=OJ:C:2007:306:SOM:RO:HTML>. (Vizitat la: 09.10.2013).

14. Treaty establishing the European Economic Community. Rome, 25 March 1957, art. 49 [On-line]:

http://www.cvce.eu/obj/treaty_establishing_the_european_economic_community_rome_25_march_1957-en-cca6ba28-0bf3-4ce6-8a76-6b0b3252696e.html.

(Vizitat la: 09.10.2013).

15. Treaty establishing the European Economic Community. Rome, 25 March 1957, art. 293. [On-line]:

http://www.cvce.eu/obj/treaty_establishing_the_european_economic_community_rome_25_march_1957-en-cca6ba28-0bf3-4ce6-8a76-6b0b3252696e.html.

(Vizitat la: 09.10.2013).

16. Treaty on European Union. Official Journal C 191, 29 July 1992. [On-line]: <http://eur-lex.europa.eu/en/treaties/dat/11992M/htm/11992M.html>. (Vizitat la: 09.10.2013).

17. Treaty on European Union. Maastricht, 1992, art. 12, 14, 15, 24 [On-line]: <http://eur-lex.europa.eu/en/treaties/dat/11992M/htm/11992M.html>. (Vizitat la: 09.10.2013).

18. [On-line]: <http://hub.coe.int/what-we-do/human-rights/eu-accession-to-the-convention>. (Vizitat la: 09.10.2013).

19. Mindubaev R.R. Polnomochija ES po prinjatiju sobstvennyh pravovyh aktov. B: Aktual'nye problemy prava: materialy mezhdunar. nauch. konf. M.: Vash poligraficheskij partner, 2011, c. 132-135.

20. Talalaev A.N. Sovet Jekonomicheskoy Vzaimopomoshhi. Osnovnye pravovye problemy. Kurs sravnitel'nogo pravovedeniya. M.: Izdatel'stvo NORMA, 1996.

21. Tunkin G.I. Pravo i sila v mezhdunarodnoj sisteme. M.: Mezhdunarodny otnosheniya, 1983. 200 c.

22. Shpakovich O.N. Nadnacional'nost' v prave mezhdunarodnyh organizacij. V: Vestnik Mezhdunarodnyh Organizacij. 2012, # 2 (37), s. 134 - 135.

23. Jentin M. L. PRAVO Evropejskogo sojuza. Novyj jetap jevoljucii 2009 - 2017 gody. M.: Izd-vo «Aksiom», 2009. 304 c.

**Copyright© Natalia CHIRTOACĂ,
Nelea GRIMAILO, 2013.**

Contacte / Contacts / Контакты:

Institutul de Cercetări Juridice și Politice al AȘM.

Bd. Ștefan cel Mare, 1, Chișinău, Republica Moldova, MD 2009.

E-mail: n_chirtoaca@mail.ru

Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2013, Issue 4, Volume 30, Pages 42-50.

ISSN 1857-1999

Submitted: 16. 10. 2013 | Accepted: 30.11. 2013 | Published: 15.12. 2013

**DREPT INTERNAȚIONAL PRIVAT
PRIVATE INTERNATIONAL LAW
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО**

**ELIMINAREA CLAUZELOR ABUZIVE ÎN CONTRACTELE
DE CONSUM PRIN PRISMA CONFLICTULUI DE LEGI**

**ELIMINATION OF THE UNFAIR TERMS
IN CONSUMER CONTRACTS THROUGH CONFLICT OF LAWS**

**УСТРАНЕНИЕ НЕСПРАВЕДЛИВЫХ УСЛОВИЙ
В ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ДОГОВОРАХ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОЛЛИЙ ЗАКОНОВ**

BĂIEȘU Aurel, * PLOTNIC Olesea ** /
BAIESU Aurel, PLOTNIC Olesea /
БЭЕШУ Аурел, ПЛОТНИК Олеся

ABSTRACT:

**ELIMINATION OF THE UNFAIR TERMS IN CONSUMER CONTRACTS
THROUGH CONFLICT OF LAWS**

In the field of private international law can arise consumption disputes of individual consumer or a consumer association and a professional in the presence of foreign elements. Typically, the professional is not located in the same state with the plaintiff. Nowadays, by means of improved communication, such disputes may arise as a result of an advertisement made through television, the conclusion of contracts of sale by mail, on-line, and from the development of tourism, which facilitate the movement of people from one state to another.

The article examines issues relating to the elimination of unfair terms in the consumer contracts of private international law. The present study aims to explore ways to protect the economic interests of consumers and to investigate the possibility of providing legal solutions in terms of conflict of laws.

Key words: abusive term, consumer, private international law, consumer contract, conflict of laws.

JEL Classification: K33, K12, F53

РЕЗЮМЕ:

**УСТРАНЕНИЕ НЕСПРАВЕДЛИВЫХ УСЛОВИЙ В ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ
ДОГОВОРАХ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОЛЛИЙ ЗАКОНОВ**

В плане международного частного права могут возникнуть потребительские споры между потребителем или ассоциацией потребителей и экономическим агентом, с присутствием

* **BĂIEȘU Aurel** – Doctor habilitat în drept, conferențiar universitar, Universitatea de Stat din Moldova; Judecător la Curtea Constituțională (Chișinău, Republica Moldova). / **BAIESU Aurel** – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, The Moldova State University; Judge at the Constitutional Court (Kishinev, The Republic of Moldova). / **БЭЕШУ Аурел** – Доктор юридических наук, доцент, Молдавский государственный университет, Судья Конституционного суда (Кишинёв, Республика Молдова).

** **PLOTNIC Olesea** - Doctor în drept, lector universitar, Universitatea de Stat din Moldova (Chișinău, Republica Moldova). / **PLOTNIC Olesea** – PhD in law, lecturer, The Moldova State University (Kishinev, The Republic of Moldova). / **ПЛОТНИК Олеся** – Кандидат юридических наук, преподаватель, Молдавский государственный университет (Кишинёв, Республика Молдова).

иностранного элемента. Как правило, экономический агент не находится в том же государстве с заявителем. В настоящее время, благодаря современным средствам связи, споры такого рода могут возникнуть в результате рекламы на телевидении, заключения договоров купли продажи по почте, он-лайн, а также посредством развития туризма, который облегчает передвижение лиц из одного государства в другое.

В статье проанализированы вопросы, касающиеся устранения несправедливых условий в потребительских договорах с точки зрения международного частного права. Настоящее исследование является собой анализ способов защиты экономических интересов потребителей и исследование возможностей предоставления юридических решений через призму коллизий законов.

Ключевые слова: несправедливые условия, потребитель, международное частное право, потребительский договор, коллизия законов

JEL Classification: K33, K12, F53

УДК: 341.9, 341.924, 341.983.42

REZUMAT:

ELIMINAREA CLAUZELOR ABUZIVE ÎN CONTRACTELE DE CONSUM PRIN PRISMA CONFLICTULUI DE LEGI

În planul dreptului internațional privat pot lua naștere litigiile de consum dintre un consumator individual sau o asociație de consumatori și un profesionist, în prezența elementului de extraneitate. De regulă, profesionistul nu are sediul în același stat cu reclamantul. În zilele noastre, prin intermediul mijloacelor de comunicare moderne, litigiile de acest tip pot să apară ca rezultat al unei publicități realizate prin intermediul televiziunii, al încheierii contractelor de vânzare-cumpărare prin corespondență, on-line, precum și în urma dezvoltării turismului, care facilitează circulația persoanelor dintr-un stat în altul.

În articol se analizează problematica cu privire la eliminarea clauzelor abuzive în contractele de consum pe planul dreptului internațional privat. Studiul prezent are rolul de a analiza modalitățile de protecție a intereselor economice ale consumatorilor și de a cerceta posibilitatea oferirii de soluții juridice prin prisma conflictului de legi.

Cuvinte cheie: clauză abuzivă, consumator, drept internațional privat, contract de consum, conflict de legi.

JEL Classification: K33, K12, F53

CZU: 341.9, 341.924, 341.983.42

În planul dreptului internațional privat pot lua naștere litigiile de consum dintre un consumator individual sau o asociație de consumatori și un profesionist, în prezența elementului de extraneitate. De regulă, profesionistul nu are sediul în același stat cu reclamantul. În zilele noastre, prin intermediul mijloacelor de comunicare perfecționate, litigiile de acest tip pot să apară ca rezultat al unei publicități realizate prin intermediul televiziunii, al încheierii contractelor de vânzare-cumpărare prin corespondență, on-line, precum și în urma dezvoltării turismului, care facilitează circulația persoanelor dintr-un stat în altul¹.

Atunci când reclamant într-un litigiu de drept internațional privat este un consumator al R. Moldova, el poate alege să introducă acțiunea fie la o instanță a R. Moldova, fie la una străină. Dacă alege să sesizeze o altă instanță decât cea de la domiciliul sau reședința sa obișnuită, consumatorul se poate confrunta cu anumite dificultăți procedurale. Mai întâi, poate fi obligat să prezinte cauțiune (*cautio judicatum solvi*), dacă statul instanței sesizate nu a semnat Convenția de Haga referitoare la procedura civilă din 01 martie 1954². Potrivit Convenției, cetățenii străini beneficiază de scutirea de orice garanție în procesul civil, pe bază de reciprocitate dintre cele două state – statul instanței sesizate și statul a cărui cetățenie o are consumatorul reclamant.

¹ Christianos V., Picod F. *Consummateurs*, în *Répertoire communautaire Dalloz*, aprilie 1996, p. 36 (nr. 300); *Livre vert: L'accès des consommateurs à la justice et le règlement des litiges dans la marché unique*, E.C. 1050/1993, p. 7.

² R. Moldova a aderat la Convenția de la Haga privind procedura civilă din 01 martie 1954 la data de 04 februarie 1993, cu intrarea în vigoare la 3 noiembrie 1993.

Legislația statului străin poate acorda scutiri și pe baza reciprocității legislative sau de fapt (nu numai a celei diplomatice).

Totodată, el poate întâmpina probleme legate de mijloacele de probă, de administrare a lor, de semnificația actelor procedurale în străinătate. În R. Moldova, consumatorii străini care sesizează instanțele R. Moldova se bucură de un regim național, în sensul că au aceleași drepturi și obligații procedurale ca și cetățenii R. Moldova (art. 1 și art. 22 din Codul de procedură civilă al R. Moldova³).

Fiecare stat are propriul său sistem de drept internațional privat și stabilește propriile reguli de competență în soluționarea litigiilor cu element de extraneitate⁴. Aspectele de drept internațional privat în litigiile de consum sunt guvernate de regulile privind conflictul de legi și respectiv de regulile privind conflictul de jurisdicții.

În cele ce urmează vom trata soluționarea conflictelor de legi în materie contractuală ce vizează interesele economice ale consumatorilor, precum și legea aplicabilă, atunci când norma conflictuală trimite la legea R. Moldova, sau legea R. Moldova se aplică ca o normă de aplicare necesară.

De regulă, consumatorii dobândesc produse prin încheierea de contracte de consum. Libera circulație a persoanelor și a mărfurilor favorizează încheierea de asemenea contracte în afara granițelor țării de domiciliu sau reședință a consumatorilor sau achiziționarea de produse de la profesioniști de naționalitate străină⁵.

Legea competentă pentru a reglementa condițiile de fond și efectele contractelor (*lex contractus*) se poate prezenta sub două forme⁶:

A) *lex voluntatis*, adică legea aleasă de părți în temeiul principiului autonomiei de voință;

B) legea determinată prin localizarea obiectivă a contractului, pe baza normelor juridice ale *lex fori*, adică în lipsa lui *lex voluntatis*.

A) În materie contractuală desemnarea legii aplicabile se face prin voința părților (*lex voluntatis*), conform principiului autonomiei de voință în dreptul internațional privat, iar contractul de consum nu face excepție. În situația în care părțile nu și-au exprimat voința în sensul indicării legii materiale aplicabile raporturilor dintre ele, o face legiuitorul prin dispozițiile de drept internațional privat cuprinse în articolele 1610-1624 din Codul civil al R. Moldova.

În ceea ce privește contractele, dreptul internațional privat al R. Moldova reglementează principiul *lex voluntatis* în art. 1610 alin. (1) din Codul civil al R. Moldova, potrivit căruia contractul este guvernat de legea aleasă prin consens de părți. Principiul *lex voluntatis* este consacrat și în unele convenții internaționale la care R. Moldova este parte. De exemplu, Convenția europeană privind arbitrajul comercial internațional (Geneva, 1961), ratificată de R. Moldova la 26.09.1997, ce prevede în art. VII, intitulat „legea aplicabilă” că „Părțile sunt libere să determine legea pe care arbitrii trebuie să o aplice fondului litigiului”⁷.

Posibilitatea părților de a desemna, prin voința lor, legea aplicabilă actului juridic (contractului de consum), își are temeiul juridic în dispozițiile normei conflictuale prevăzute de art. 1609 alin. (2) din Codul civil al R. Moldova, pentru actele juridice unilaterale, și cea prevăzută de art. 1610 pentru contracte, care permit ca voința părților să constituie punctul de legătură în materia condițiilor de fond ale actelor juridice, în general, și ale contractelor în special⁸.

Legea forului indică, implicit, și limitele în cadrul cărora voința părților se poate manifesta în mod valabil în determinarea unei legi care ar urma să cărmuiască condițiile de fond ale actului juridic. Astfel, voința părților nu poate produce efecte juridice prin ea însăși, independent sau împotriva sistemului de drept care îi este aplicabil⁹. Voința părților nu are o valoare juridică proprie originară, ci numai o valoare

³ Codul de procedură civilă al R. Moldova, nr. 225-XV din 30.05.2003. În: Monitorul Oficial al R. Moldova nr. 111-115/451 din 12.06.2003.

⁴ Filipescu I.P. Drept internațional privat. Vol. I. București: Ed. Actami, 1997, p. 206; Macovei I. Drept internațional privat. Vol. I. Iași: Ed. Ars Longa, 1999, p. 25; Jakotă M.V. Drept internațional privat. Vol. I. Iași: Ed. Fundației «Chemarea» 1997, p. 19; Popescu T.R. Drept internațional privat. București: Ed. Romfel, 1994, p. 18; Mayér P. Droit international privé. Paris: Ed. Montchrestien, 1994, p. 187-188.

⁵ Calais-Auloy J., Steinmetz F. Droit de la consommation, 7^{em} édition. Paris: Dalloz, 2006, p. 36-41.

⁶ Babără V. Drept internațional privat. Chișinău: Ed. Elena-V.I, ediția III-a, 2009, p. 246.

⁷ Monitorul Oficial nr. 67-68/1997.

⁸ Babără V. *Op. cit.*, p. 247.

⁹ Babără V. *Op. cit.*, p. 247.

derivată, adică orice efect juridic acordat voinței părților are o valoare numai în temeiul legii¹⁰.

Principiul autonomiei de voință în dreptul internațional privat se distinge radical de libertatea contractuală din dreptul intern¹¹, fiind o regulă conflictuală care autorizează părțile contractante să aleagă legea aplicabilă convenției lor¹².

Deși principiul autonomiei de voință este privit ca o normă conflictuală, considerăm că acesta se deosebește de regulile de conflict clasice, deoarece pe când norma conflictuală este o regulă de drept a forului, care desemnează legea aplicabilă unui raport juridic cu element de extraneitate și care se impune părților, principiul autonomiei de voință este o regulă care permite părților să aleagă ele însele această lege aplicabilă. Totodată remarcăm că principiul autonomiei de voință presupune nu numai regula de conflict a forului, care dă posibilitatea părților contractante să desemneze legea aplicabilă, dar și alegerea efectivă a acesteia de către părți prin acordul lor de voință.

În R. Moldova legiuitorul supune contractele încheiate cu consumatorii și profesioniștii regimului comun (a) și reglementează protecția consumatorilor ca o normă de aplicare necesară imediată (b).

Regimul comun (a) înseamnă aplicarea principiului autonomiei de voință fără restricții, astfel încât părțile pot alege orice lege, indiferent dacă aceasta are sau nu o legătură cu contractul încheiat¹³, singura condiție legală fiind ca alegerea „să fie expresă sau să rezulte din conținutul contractului sau din alte împrejurări” (art. 1610 din Codul civil al R. Moldova).

În materia contractelor de consum în cadrul dreptului internațional privat, principiul autonomiei de voință nu prezintă particularități, astfel încât părțile, profesionistul și consumatorul,

pot alege, prin consens, orice lege aplicabilă contractului. În aceste circumstanțe, uneori autonomia de voință poate fi folosită de profesionist în mod abuziv în favoarea sa¹⁴, deoarece acordul (consensul) nu derivă din concursul a două voințe egale și libere, astfel creându-se un dezechilibru contractual între profesionist și consumator. Acest fapt se explică prin aceea că consumatorul nu participă la redactarea clauzelor contractuale, ci doar aderă la un contract-tip (de adeziune)¹⁵, pe care i-l propune profesionistul, neavând posibilitatea de a-l modifica în vreun fel. Alegerea, dictată de fapt de cealaltă parte datorită poziției sale de superioritate, riscă să se facă asupra unei legi care asigură o protecție slabă sau nu oferă nici o protecție, în special în circumstanțele în care părțile pot alege o lege care nu are nici o legătură cu contractul de consum.

În acest sens, în vederea asigurării protecției părții slabe, a consumatorului, principiul autonomiei de voință ar trebui să aibă o acțiune limitată, în sensul că posibilitatea de a alege legea aplicabilă ar trebui să se rezume doar la legile care oferă consumatorului o mai bună protecție decât legea țării lui de domiciliu sau de reședință. În Regulamentul (CE) privind competența judiciară, recunoașterea și executarea hotărârilor în materie civilă și comercială din 22 decembrie 2000, contractele încheiate de consumatori sunt supuse legii alese de părți, cu condiția ca legea astfel aleasă să nu priveze consumatorul de protecția pe care i-o asigură dispozițiile imperative ale legii țării în care consumatorul își are reședința obișnuită, dacă sunt respectate anumite condiții prevăzute în regulamentul dat.

O asemenea normă conflictuală ar avea două puncte de legătură: unul obiectiv, reprezentat de domiciliul sau reședința consumatorului și punctul de legătură al voinței, care ar fi subordonat comparării regulilor materiale ale legii alese cu acelea ale legii obiectiv aplicabile (ale legii domiciliului sau reședinței consumatorului). Alegerea ar deveni efectivă și și-ar produce efectele numai în cazul în care dispozițiile materiale din legea aleasă ar fi mai

¹⁰ Popescu T.R. *Op. cit.*, p. 188.

¹¹ Filipescu I.P. *Op. cit.*, p. 83.

¹² În dreptul privat intern principiul autonomiei de voință este fondat pe libertatea contractuală, cu respectarea normelor imperative, astfel încât părțile pot încheia orice convenții, cu obligația de a respecta ordinea publică în dreptul intern (adică regulile imperative) și bunele moravuri. A se vedea: Carlier J.-Y. *Autonomie de la volonté et statut personnel. Etude prospective de droit international privé*. Bruxelles: Etablissement Emile Bruylant, 1992, p. 132-133; Jakotă M.V. *Op. cit.*, p. 187-188.

¹³ Jacquet J.-M. *Principe d'autonomie et contrats internationaux*. Paris: Ed. Economica, 1983, p. 177, 225-235.

¹⁴ Pommier J. Ch., *Principe d'autonomie et la loi du contrat en droit international privé conventionnel*. Paris: Ed. Economica, 1992, p. 155-157; Chardin N. *Le contrat de consommation de crédit et l'autonomie de la volonté*. Paris: L.G.D.J., 1988, p. 29.

¹⁵ Stark B., Roland H., Boyer L. *Obligations. 2. Contrat*. Paris: Ed. Litec, 1995, p. 52.

favorabile consumatorului, decât cele ale legii obiectiv aplicabile¹⁶.

O asemenea soluție, deși destinată să asigure o protecție minimă consumatorului, prezintă și inconveniente:

– compararea normelor materiale din cele două legi apare ca fiind dificilă; judecătorul trebuie să identifice legile și să compare dispozițiile lor cu privire la ansamblul avantajelor și dezavantajelor, în funcție de interesul general al consumatorilor și nu al consumatorului implicat în litigiul supus soluționării, evitând astfel cumulum normelor protective din cele două legi, care aparțin unor suveranități diferite¹⁷. Totodată, judecătorul are o mare libertate de apreciere a legii celei mai favorabile, ceea ce face ca soluția să fie impredictibilă, fapt ce este în dezavantajul consumatorului;

– derogă de la principiul neutralității normei conflictuale obișnuite¹⁸. Neutralitatea normei conflictuale constă în raționamentul necesar-abstract al judecătorului, care determină legea aplicabilă în funcție de punctele de legătură ale raportului juridic litigios cu mai multe sisteme de drept, fără a compara conținutul legilor în conflict, astfel încât dreptul conflictual este un drept fără o dimensiune socială. Dacă, după alegerea legii aplicabile contractului de consum, judecătorul compară normele materiale ale legii alese cu cele ale legii domiciliului sau reședinței consumatorului și înlătură legea aleasă pe motiv că este mai puțin protectoare, decât legea domiciliului sau reședinței, în aceste condiții neutralitatea normei conflictuale este înlăturată¹⁹.

Totuși, ținem să menționăm că aplicarea limitată a principiului autonomiei de voință în cazul contractelor de consum nu face, obiectul prevederilor legale de drept internațional privat al R.Moldova. Principiul autonomiei de voință funcționează fără restricții. Dacă în contractul semnat de consumator este inserată o clauză abuzivă, indicând o lege ce asigură o protecție insuficientă, consumatorul poate solicita instanței anularea clauzei. Admiterea acțiunii conduce la înlăturarea legii astfel desemnate și înlocuirea ei

cu cea indicată de dispozițiile articolelor 1610-1613 Codul civil al R. Moldova.

O altă modalitate de înlăturare a legii alese de părți, când este o lege străină neprotectoare, este invocarea ordinii publice în dreptul internațional privat. Ordinea publică este excepția pe care judecătorul o ridică atunci când legea străină normal competentă contravine principiilor fundamentale ale dreptului instanței²⁰. Un asemenea principiu poate fi realizat prin asigurarea protecției părții slabe în contractele de consum²¹. Judecătorul apreciază dacă protecția consumatorului reprezintă sau nu un principiu fundamental al forului și, în caz afirmativ, după examinarea conținutului legii străine, o înlătură invocând ordinea publică dacă se constată că nu asigură o protecție suficientă a consumatorului. Autorul Jakotă M.V.²², susține că litigiile ce au ca obiect contractele de consum, excepția ordinii publice nu poate fi ridicată, deoarece normele care reglementează protecția consumatorilor sînt norme de aplicare imediată. Însă, după părerea noastră în cazul principiului *lex voluntatis* nu poate fi invocată excepția ordinii publice²³.

Potrivit art. 1581 din Codul civil al R. Moldova privind clauza de ordine publică, norma de drept străin aplicabilă în conformitate cu art. 1576 alin. (1) nu se aplică în cazul în care consecințele aplicării ei ar contraveni ordinii publice a Republicii Moldova. În cazul înlăturării legii străine, se va aplica legea respectivă a Republicii Moldova. Privind aplicarea normelor imperative, art.1582 al Codului civil al R.Moldova prevede că dispozițiile prezentei cărți nu afectează acțiunea normelor imperative de drept ale Republicii Moldova care, în virtutea indicării în normă sau în virtutea importanței lor deosebite pentru asigurarea drepturilor și intereselor subiectelor de drept civil, reglementează raporturile respective indiferent de dreptul aplicabil. Respectiv alin. (2) prevede că refuzul de a aplica norma de drept străin nu poate fi întemeiat exclusiv pe deosebirile dintre sistemul de drept, politic și economic al statului străin și, respectiv, cel al Republicii Moldova.

¹⁶ Kassis A. Le nouveau droit européen des contrats internationaux. Paris: L.G.D.J., 1993, p. 334-342; Mayér P. Droit international privé. Paris: Ed. Montchrestien, 1994, p. 463-464; Carlier J-Y. *Op. cit.*, p. 97.

¹⁷ Pommier J. Ch. *Op. cit.*, p. 182-185.

¹⁸ Ibidem, p. 205-206.

¹⁹ Carlier J-Y. *Op. cit.*, p. 99.

²⁰ Jakotă M.V. *Op. cit.*, p. 230; Ferry C. La valabilité des contrats en droit international privé. France/USA, L.G.D.J., Paris, 1989, p. 45.

²¹ Mayér P. *Op. cit.*, p. 519.

²² Jakotă M.V. *Op. cit.*, p. 230.

²³ Filipescu I.P. Drept internațional privat. Vol.II. București: Ed.Actami, 1997, p. 94.

În cazul reglementării protecției consumatorilor ca o normă de aplicare necesară imediată (b), ca o lege de poliție, aceasta pune mai întâi problema identificării lor, deoarece legiuitorul, în majoritatea cazurilor, nu se pronunță cu privire la natura normelor juridice pe care le edictează. În literatura de specialitate se consideră că legile de aplicare necesară sînt reguli materiale care apără organizarea economică, politică sau socială a unui stat și a căror aplicare, din acest motiv, este obligatorie²⁴. O lege de aplicare necesară este, deci, o regulă substanțială, determinată de ordinea juridică a forului, care trebuie aplicată tuturor relațiilor juridice ce au legătură cu această ordine, indiferent care ar fi legea aplicabilă, desemnată de o regulă de conflict. Aplicarea ei imediată este justificată de conținutul și scopul său, cum ar fi protejarea părții contractante slabe în contractele de consum²⁵.

Normele de aplicare necesară aparțin dreptului național în cazul unor conflicte ce se referă la un anumit teritoriu. Legile relative la protecția consumatorului sînt considerate de aplicare necesară, datorită faptului că tind la ocrotirea unui interes general, al tuturor consumatorilor, astfel încît neaplicarea lor ar aduce atingere organizării sociale a statului respectiv.

După unii autori, legile de aplicare necesară nu reprezintă o regulă de conflict, pentru că se aplică înainte de apariția conflictului de legi²⁶. În Convenția de la Roma din 1980, în art.7 se arată că atunci cînd trebuie să se aplice, în baza convenției, legea unei anumite țări, este posibil să se aplice dispozițiile imperative ale legii unei alte țări, cu care raportul juridic are o legătură strînsă, dacă aceste dispoziții sînt aplicabile, indiferent de legea sub imperiul căreia a fost supus contractul.

Există situații cînd aplicarea legii R.Moldova oferă o protecție mai slabă decît aplicarea legii desemnate conform principiului autonomiei de voință a părților contractante. Legislația R.Moldova privind protecția consumatorilor nu acoperă întreaga sferă a răspunderii contractuale față de consumatori, iar sancțiunile aplicate profesioniștilor sînt, relativ, ușoare. Avînd în

vedere că la momentul actual nu există practică judiciară în materie, este dificil de apreciat natura normelor.

B) În situația în care părțile nu și-au manifestat voința, potrivit art. 1611 alin. (1) din Codul civil al R.Moldova, „se va aplica legea statului cu care contractul prezintă cele mai strînse legături”. Sistemul de drept cu care contractul are cele mai strînse legături trebuie stabilit pentru fiecare raport juridic în parte de către instanță în funcție de totalitatea circumstanțelor de drept și de fapt, precum și de particularitățile pe care le prezintă raportul juridic respectiv. Se consideră că legăturile cele mai strînse există cu sistemul de drept al celui stat unde debitorul prestației caracteristice contractului dat are, la momentul încheierii contractului, domiciliul sau, în lipsă de domiciliu, reședința ori este înregistrat în calitate de persoană juridică²⁷.

Prin urmare, art. 1611 alin. (1) din Codul civil al R. Moldova stabilește în calitate de puncte de legătură cu un anumit sistem de drept domiciliul sau, în lipsa acestuia, reședința persoanei fizice debitor al prestației caracteristice ori locul înregistrării persoanei juridice debitor al prestației caracteristice. Cînd pentru același debitor există mai multe puncte de legătură, instanța trebuie să stabilească cu care dintre ele contractul are cele mai strînse legături.

În cazul în care ambele părți ale contractului au domiciliul sau reședința ori sunt înregistrate în același stat, se aplică, de regulă, sistemul de drept al celui stat. Statul și persoanele juridice de drept public se supun mai greu unui drept străin decît persoanele fizice și juridice. De aceea, pentru contractele cu acestea, dreptul aplicabil va fi dreptul statului respectiv. Medicii, avocații și notarii prestează servicii reglementate de dreptul public. În contractele cu ei se prezumă până la dovada contrară că se aplică dreptul unde ei sunt admiși să practice²⁸.

Prin stabilirea legii domiciliului sau reședinței părții ce furnizează prestația ca avînd cele mai strînse legături cu contractul, legiuitorul a renunțat la practica desemnării legii aplicabile prin cercetarea voinței prezumate a părților. De regulă, debitorul prestației este un profesionist, pentru care contractul încheiat joacă un rol

²⁴ Kassis A. Le nouveau droit européen des contrats internationaux. Paris: L.G.D.J., 1993, p. 180; Filipescu I.P. Drept internațional privat. Vol. I. București: Ed. Actami, 1997, p. 40-41; Jakotă M.V. Drept internațional privat. Vol.II. Iași: Ed. Fundației «Chemarea», 1997, p. 62-63.

²⁵ Kassis A. *Op. cit.*, p. 446.

²⁶ *Ibidem.*, p.181-183.

²⁷ Buruiană M. Comentariul art. 1611 din Codului Civil al R.Moldova. Vol. II. Chișinău: Editura ARC, 2005, p. 1334.

²⁸ *Ibidem.*, p. 1335.

important în viața economico-socială în care își desfășoară activitatea. Pe când cealaltă parte contractantă este, de regulă, un client pentru care contractul nu este decât o operațiune întâmplătoare în viața lui²⁹. De aceea, contractul prezintă cele mai strânse legături cu legea domiciliului sau a reședinței debitorului.

Pe planul dreptului internațional privat, în ceea ce privește determinarea legii contractului în cazul când părțile nu și-au exprimat voința cu privire la această lege, s-au conturat două soluții. Potrivit primei soluții, în lipsa unei alegeri din partea contractanților, se consideră că se aplică legea statului cu care contractul are legăturile cele mai strânse, soluție de fapt consacrată în dreptul conflictual al R.Moldova. Potrivit altei soluții, se consideră că în lipsa lui *lex voluntatis* contractul este supus, în principal, legii locului încheierii și, în subsidiar, legii locului executării³⁰.

În dreptul conflictual al R.Moldova legea locului încheierii actului se aplică numai pentru localizarea obiectivă a actelor juridice unilaterale. Astfel, potrivit art. 1609 alin. (1) din Codul civil al R. Moldova, condițiile de fond ale actului juridic sînt guvernate de legea aleasă de autorul lui sau de legea statului cu care actul juridic are cele mai strînse legături sau de legea locului unde actul juridic unilateral este întocmit. Precizarea care se impune, constă în faptul că în privința actelor juridice unilaterale este utilizat un criteriu principal de localizare obiectivă – legăturile cele mai strînse și unul subsidiar – legea locului întocmirii actului³¹.

În cazul relațiilor de consum, interesul consumatorului poate fi însă încălcat prin aplicarea legii vânzătorului sau prestatorului de servicii, care este posibil să nu îi asigure protecția pe care dispozițiile unei alte legi i le-ar putea oferi. Astfel, se motivează de ce în Convenția de la Roma 1980 nu se aplică o regulă de conflict specială contractelor de consum. Totuși, în dependență de circumstanțe, consumatorul poate dovedi că nu legea agentului economic este aceea ce prezintă cele mai strînse legături cu contractul, ci legea domiciliului sau a reședinței sale,

demonstrînd că este indicată din mai multe puncte legătură. De exemplu, contractul a fost executat și i-a cauzat prejudicii în țara sa, sau profesionistul are o reprezentanță sau o filială în R.Moldova. În această situație, judecătorul dispune de o putere de apreciere, avînd posibilitatea de a stabili că legea aplicabilă este legea R.Moldova sau, dacă există legături cu alt stat, legea aceluia stat, diferită de cea a vânzătorului.

În unele cazuri este posibil, ca legea vânzătorului sau prestatorului de servicii să conțină dispoziții cu conținut mai protector decît legea națională a consumatorului, interesul acestuia fiind aplicarea prezumției prestației. În situația contractelor-tip, ca cea mai obișnuită formă de încheiere a contractelor de consum, atunci cînd nu există o clauză de desemnare a legii aplicabile, consumatorul va accepta ca *lex contractus*, legea debitorului prestației, ca fiind aceea care prezintă cele mai strînse legături cu contractul. În cazurile în care consumatorul încheie contracte la distanță sau prin corespondență se va aplica aceeași lege, și anume a profesionistului.

Legea contractului, sub ambele forme de exprimare, fie *lex voluntatis*, fie localizarea obiectivă, reglementează condițiile de fond și efectele contractului. Potrivit art. 1612 din Codul civil al R. Moldova, domeniul de aplicare a legii contractului cuprinde în special:

- a) interpretarea contractului; b) drepturile și obligațiile părților; c) executarea contractului;
- d) consecințele neexecutării sau executării necorespunzătoare a contractului; e) încetarea contractului; f) consecințele nulității sau nevalabilității contractului; g) cesiunea creanțelor și preluarea datoriei în legătură cu contractul.

Enumerarea aspectelor reglementate de legea contractului, conform prezentului articol, este una exemplificativă. Alte aspecte ale contractului pot fi supuse, de asemenea, legii aplicabile în conformitate cu prezentul articol, dacă nu este prevăzut altfel. În privința cesiunii creanțelor, legea contractului (care este legea creanței cedate) reglementează caracterul cesibil (sau incesibil) al creanței, condițiile cesiunii, în raportul dintre cedent și cesionar, raportul dintre cesionar și debitorul cedat (deși formalitățile de notificare cad sub imperiul legii locului unde se efectuează), dreptul debitorului de a exercita retractul litigios, obligațiile între cedent și

²⁹ Schnizer M. Les contrats internationaux en droit international privé suisse. Cours de l'Academie de droit international, 1969-I, tome 123, p. 580 citat de Kassiss A. Le nouveau droit européen des contrats internationaux. Paris: L.G.D.J., 1993, p. 291.

³⁰ Babără V. *Op. cit.*, p. 45.

³¹ Băieșu A. Contractele comerciale internaționale. Chișinău: CEP USM, 2007, p. 70.

cesionar. Subrogația convențională este supusă legii contractului. Legii contractului îi sunt supuse delegația și novația. Compensația este reglementată, de asemenea, de legea aplicabilă contractului³².

Să admitem că un consumator din R. Moldova a încheiat un contract de vânzare-cumpărare la distanță cu o firmă franceză, având ca obiect un aparat electrocasnic. Părțile nu aleg legea aplicabilă contractului, așa încât, potrivit dreptului internațional privat al R. Moldova, se aplică legea statului în care își are sediul debitorul prestației caracteristice, care este legea vânzătorului (art. 1611 alin. (1) din Codul civil al R. Moldova). În contract se stipulează că vânzarea nu se consideră perfectată decât după ce au trecut 7 zile de la primirea de către consumator a aparatului comandat. Interpretarea acestei clauze se va face potrivit legii franceze care acordă un termen de gândire consumatorului, pe parcursul căruia el poate reveni asupra consimțământului exprimat.

Nu se va considera, deci, că vânzarea este încheiată sub condiție (suspensivă, rezolutorie sau chiar potestativă) sau că este vorba doar de o promisiune de vânzare³³, ca urmare a faptului că sistemul de drept al R. Moldova nu cunoaște un asemenea termen de reflecție. Interpretarea naturii termenului de 7 zile se va face după *lex contractus*. Interpretarea contractului este o problemă de drept care depinde de conținutul lui. Și cum legea aplicabilă contractului este aceea care îi guvernează fondul, și interpretarea va fi supusă aceleiași legi. Există autori³⁴ care susțin că și *lex fori* joacă un rol în interpretare: legea instanței sesizate autorizează judecătorul să interpreteze contractul și prevede posibilitatea controlului interpretării de către instanțele superioare. Cele două aspecte nu au însă legătură cu interpretarea. Primul este o consecință firească ce decurge din însăși sesizarea instanței, iar cel de-al doilea este o chestiune de procedură și de organizare judiciară a instanțelor forului (care oricum este supus lui *lex fori*)³⁵.

Executarea obligațiilor contractuale va fi cârmuită tot de legea franceză, însă modul de

executare va fi supus, legii R. Moldova, deoarece contractul se execută în R. Moldova.

Dacă una din părți nu-și execută obligațiile contractuale sau și le execută parțial și prin neexecutare se cauzează prejudicii celeilalte, legea franceză va stabili care sunt consecințele ce decurg din aceasta.

În ce privește evaluarea prejudiciului, instanța trebuie să țină seama de condițiile economice și sociale din R. Moldova, fiind injust ca un consumator moldovean prejudiciat prin încheierea unui contract de consum cu un agent economic din R. Moldova să obțină o despăgubire mult mai mică decât consumatorul care a contractat cu un profesionist francez. În partea ce ține modul de încetare a obligațiilor contractuale de consum și nulitatea contractului de consum, acesta se va supune dreptului francez.

Potrivit art. 1617 alin. (1) din Codul civil al R. Moldova, răspunderea pentru produse viciate constituie singura modalitate specifică de protecție a consumatorului, prin mijloace de drept internațional privat, astfel încât constatăm că instituția clauzelor abuzive nu este acoperită de normele dreptului internațional privat în cazul contractelor de consum, problema abuzului de drept nefiind soluționată.

Astfel, conform art. 1617 alin. (1) din Codul civil al R. Moldova pretențiile cu privire la despăgubiri pentru prejudiciile cauzate de produse viciate sunt guvernate, la alegerea consumatorului prejudiciat de:

- a) legea statului pe al cărui teritoriu își are domiciliu sau reședința persoana prejudiciată;
- b) legea statului pe al cărui teritoriu a fost dobândit produsul, cu condiția ca producătorul sau furnizorul să facă dovada faptului că produsul a fost pus pe piața aceluia stat fără acordul său.

Din dispozițiile art. 1617 alin. (1), sub aspectul legii aplicabile se desprind următoarele concluzii:

- consumatorul prejudiciat are posibilitatea de a alege dreptul aplicabil;
- alegerea poate fi făcută asupra uneia dintre cele două legi menționate, adică legea domiciliului sau reședinței consumatorului sau legea statului de unde a fost dobândit produsul. Totuși, legea acestui stat nu se va aplica în cazul în care producătorul face dovada că produsul a fost pus în circulație pe piața aceluia stat fără consimțământul său, adică independent de voința sa³⁶.

³² Buruiană M. *Op. cit.*, p. 1338.

³³ Beauchard J. *Droit de la distribution et de la consommation*. Paris: P.U.F., 1996, p. 390; Damon-Naert F. *Les relations entre professionnels et consommateurs en droit belge, dans La protection de la partie faible dans les rapports contractuels. Comparaisons franco-belge*, p. 227-228.

³⁴ Kassis A. *Op. cit.*, p. 411.

³⁵ *Ibidem*.

³⁶ Babără V. *Op. cit.*, p. 267.

Totodată, art. 1617 alin. (2) stabilește că pretențiile indicate în alin. (1) pot fi formulate numai dacă produsele fac parte din consumul personal sau familial, textul dat instituind o condiție importantă a răspunderii, ce derivă din noțiunea de „consumator” enunțată de legiuitor în art. 1 al Legii nr.105-XV din 13.03.2003 privind protecția consumatorilor.

În concluzie putem afirma că în Cartea a cincea a Codului civil „Dreptul internațional privat”, în Titlul II „Normele conflictuale”, în partea ce ține protecția drepturile consumatorilor este consacrată doar o normă conflictuală, și anume art.1617 privind „răspunderea pentru produsele viciate”. În situația dată constatăm că în cazul contractelor de consum instituția clauzelor abuzive nu este acoperită de normele dreptului internațional privat, astfel încât problema caracterului abuziv a unei clauze nu este soluționată. Prin urmare, în cazul unor raporturi cu element de extraneitate, consumatorul urmează să recurgă la normele conflictuale generale privind obligațiile contractuale în vederea declarării nulității unei clauze speciale.

Bibliografie:

1. Babără V. Drept internațional privat. ediția III-a. Chișinău: Ed. Elena –V.I, 2009. 418 p.
2. Băieșu A. Contractele comerciale internaționale. Chișinău: CEP USM, 2007. 333 p.
3. Beauchard J. Droit de la distribution et de la consommation. Paris: P.U.F., 1996. 420 p.
4. Calais-Auloy J., Steinmetz F. Droit de la consommation, 7em édition. Paris: Dalloz, 2006. 681 p.
5. Carlier J-Y, Autonomie de la volonté et statut personnel. Etude prospective de droit international privé. Bruxelles; Etablissement Emile Bruylant, 1992. 468 p.
6. Chardin N. Le contrat de consommation de crédit et l'autonomie de la volonté. Paris: L.G.D.J., 1988. 330 p.
7. Christianos V., Picod F. Consommateurs. Dans: Répertoire communautaire Dalloz, aprilie 1996, nr. 300, p. 36
8. Codul de procedură civilă al R.Moldova, nr. 225-XV din 30.05.2003. În: Monitorul Oficial al R.Moldova nr.111-115/451 din 12.06.2003.
9. Damon-Naert F. Les relations entre professionnels et consommateurs en droit belge, dans La protection de la partie faible dans les rapports contractuels. Comparaisons franco-belge. Dalloz, 2007.

10. Ferry C. La valabilité des contrats en droit international privé. Paris: France/USA, L.G.D.J., 1989.

11. Filipescu I.P. Drept internațional privat. Vol.I. București: Ed.Actami, 1997. 575 p.

12. Jacquet J.-M. Principe d'autonomie et contrats internationaux. Paris: Ed. Economica, 1983. 342 p.

13. Jakotă M.V. Drept internațional privat. Vol.I. Iași: Ed. Fundației «Chemarea», 1997. 290 p.

14. Jakotă M.V. Drept internațional privat. Vol.II. Iași: Ed. Fundației «Chemarea», 1997. 276 p.

15. Kassis S. A. Le nouveau droit européen des contrats internationaux. Paris: L.G.D.J., 1993. 598 p.

16. Livre vert: L'accès des consommateurs à la justice et le reglement des litiges dans la marché unique. E.C. 1050/1993, p.7.

17. Macovei I. Drept internațional privat. Vol. I. Iași: Ed. Ars Longa, 1999. 269 p.

18. Mayér P. Droit international privé. Paris: Ed. Montchrestien, 1994. 676 p.

19. Pommier J. Ch. Principe d'autonomie et la loi du contrat en droit international privé conventionnel. Paris: Ed. Economica, 1992. 382 p.

20. Popescu T.R. Drept internațional privat. București: Ed. Romfel, 1994. 1365 p.

21. Starck B., Roland H., Boyer L. Obligations.2. Contrat. Paris: Ed. Litec, 1995. 382 p.

**Copyright© Aurel BĂIEȘU,
Olesea PLOTNIC, 2013.**

Contacte / Contacts / Контакты:

The Moldova State University.

60, A. Mateevici str., Chisinau, The Republic of Moldova, MD 2009.

Tel: (+373) 69133293

E-mail: plotnicolesea@yahoo.com

Tel: (+373) 22577731

E-mail: aurelbaiesu@yahoo.com

Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2013, Issue 4, Volume 30, Pages 51-64.

ISSN 1857-1999

Submitted: 16. 10. 2013 | Accepted: 30.11. 2013 | Published: 15.12. 2013

**DREPT INTERNAȚIONAL PRIVAT
PRIVATE INTERNATIONAL LAW
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО**

**RĂSPUNDEREA CIVILĂ DELICTUALĂ
PENTRU FAPTA ALTUIA**

**CIVIL TORT LIABILITY FOR VIOLATION
COMMITTED BY ANOTHER PERSON**

**ГРАЖДАНСКАЯ ДЕЛИКТНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЕ СОВЕРШЕННОЕ ДРУГИМ ЛИЦОМ**

CHIRTOACĂ Leonid* / CHIRTOACA Leonid / КИРТОАКЭ Леонид

ABSTRACT:

CIVIL TORT LIABILITY FOR VIOLATION COMMITTED BY ANOTHER PERSON

The problem of civil tort liability for an offense committed by another person at first glance may seem paradoxical, since any liability can be incurred only for their own acts committed. In accordance with the general provisions of the liability that follows the acts which have been committed, the Civil Code regulates the liability for damages caused by another person, objects or animals, such as: responsibility of the principal for the acts of his authorized representative (Article 1403 of the Civil Code), the responsibility for the damage caused by the public authority or official, the responsibility of the State for damage caused by the actions of the prosecuting authorities, prosecutors or courts (Article 1404 of the Civil Code of 1405), the responsibility of parents, guardians, school for the damage caused by minors (Article 1406, Art. 1407 of the Civil Code), the responsibility of the guardian for the harm caused to the person recognized as legally incapable (Article 1408 of the Civil Code), responsibility for the harm caused to the source of danger (Article 1410 of the Civil Code), the responsibility of the pet owner for damage caused by animals (Article 1411 of the Civil Code), the responsibility for damage caused by collapse of a building or structure (Article 1412 of the Civil Code), the responsibility in the event of a fall or flow of a building or structure (Article 1413 of the Civil Code).

Analysis of the above mentioned norms of lwa shows that our legislation considers under concept of „civil tort liability” as own actions for damages, and their negative result, i.e. damage which was formed as a result of misconduct.

Key words: *responsibility, the Civil Code, the acts for damages, wrongful act, another person, the law violation.*

JEL Classification: K33, K12, F53

* **CHIRTOACĂ Leonid** - Doctor în drept, cercetător științific, Institutul de Cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei Moldova (Chișinău, Republica Moldova). / **CHIRTOACA Leonid** - Ph.D in Law, scientific fellow at the Institute of Legal and Political Research of the Academy of Sciences of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova). / (Kishinev, The Republic of Moldova). / **КИРТОАКЭ Леонид** – Кандидат юридических наук, научный исследователь Института юридических и политических исследований АН Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

РЕЗЮМЕ:

ГРАЖДАНСКАЯ ДЕЛИКТНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЕ
СОВЕРШЕННОЕ ДРУГИМ ЛИЦОМ

Проблема гражданской деликтной ответственности за правонарушение совершенное другим лицом с первого взгляда может показаться парадоксальной, поскольку любая ответственность может быть понесена только за собственное совершенное деяние. Согласно общим положениям, посвященным ответственности, которая следует за совершенные деяния, гражданский кодекс регулирует и ответственность за причиненные убытки другим лицом, предметами или животными, как например: ответственность доверителя за деяния уполномоченного им лица (ст. 1403 Гражданского кодекса), ответственность за вред, причиненный органом публичной власти или должностным лицом, ответственность государства за вред, причиненный действиями органов уголовного преследования, прокуратуры или судебных инстанций (ст. 1404, 1405 Гражданского кодекса), ответственность родителей, опекунов, учебного заведения за вред, причиненный несовершеннолетними (ст. 1406, ст. 1407 Гражданского кодекса), ответственность опекуна за вред, причиненный лицом, признанным недееспособным (ст. 1408 Гражданского кодекса), ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности (ст. 1410 Гражданского кодекса), ответственность владельца животного за вред, причиненный животными (ст. 1411 Гражданского кодекса), ответственность за вред, причиненный обвалом здания или сооружения (ст. 1412 Гражданского кодекса), ответственность в случае падения либо течения со здания или сооружения (ст. 1413 Гражданского кодекса).

Из анализа данных норм права следует, что наше законодательство вкладывает в понятие «гражданская деликтная ответственность» как собственные деяния за причиненные убытки, так и их отрицательный результат, т.е. вред который образовался вследствие неправомерного действия.

Ключевые слова: ответственность, гражданский кодекс, деяния за причиненные убытки, неправомерное действие, другое лицо, законодательство, правонарушение.

JEL Classification: K33, K12, F53

УДК: 341.9, 341.948, 341.983.42

REZUMAT:

RĂSPUNDEREA CIVILĂ DELICTUALĂ PENTRU FAPTA ALTUIA

Problematica răspunderii civile delictuale pentru fapta altuia poate părea paradoxală la prima vedere, deoarece orice răspundere nu poate fi decât pentru fapta proprie. Potrivit dispozițiilor generale cu privire la obligațiile care se nasc din cauzarea de daune, codul civil reglementează și răspunderea pentru prejudiciul cauzat de o altă persoană, de lucruri sau animale după cum urmează: răspunderea comitentului pentru fapta prepusului (art. 1403 din Codul civil), răspunderea statului pentru fapta persoanei cu funcție de răspundere, reprezentant al organelor de urmărire penală, procuraturii sau instanțelor de judecată (art. 1404, 1405 din Codul civil), răspunderea părinților, tutorilor, instituțiilor de învățământ pentru prejudiciile cauzate de copiii minori (art. 1406, 1407 din Codul civil), răspunderea tutorelui pentru prejudiciile cauzate de persoana lipsită de capacitate de exercițiu (art. 1408 din Codul civil), răspunderea posesorului izvorului de pericol sporit pentru prejudiciul cauzat de acesta (art. 1410 din Codul civil), răspunderea proprietarului animalului pentru prejudiciul cauzat de acesta (art. 1411 din Codul civil), răspunderea proprietarului construcției pentru prejudiciul cauzat prin surparea acesteia (art. 1412 din Codul civil), răspunderea posesorului construcției pentru prejudiciul cauzat prin căderea sau scurgerea din construcție (art. 1413 din Codul civil).

Din analiza acestor norme rezultă că legiuitorul nostru pune la baza răspunderii civile delictuale atât fapta proprie cauzatoare de prejudicii cât și rezultatul negativ la acesteia, adică prejudiciul care s-a creat în rezultatul acestei fapte ilicite.

Cuvinte cheie: responsabilitate, Codul civil, fapta cauzatoare de prejudicii, act ilicit, altă persoană, legislație, delict.

JEL Classification: K33, K12, F53

CZU: 341.9, 341.948, 341.983.42

Problematika răspunderii civile delictuale pentru fapta altuia poate părea paradoxală la prima vedere, deoarece orice răspundere nu poate fi decât pentru fapta proprie. Deși se consideră că persoana nu poate răspunde decât pentru faptele sale proprii, acest adevăr nu este contrazis decât în aparență.

Răspunderea pentru fapta altei persoane este responsabilitatea pe care omul trebuie să-o suporte, întrucât se consideră că acest gen de răspundere nu este alt ceva decât o răspundere pentru fapta proprie. Fapta altuia se răsfrânge asupra răspunderii proprii prin consecința faptei personale care se află la originea faptei altuia. Această răspundere rezultă fie dintr-o nesupraveghere, fie dintr-o greșită alegere a izvorului cauzator de prejudicii (*culpa in eligendo*).

Codul civil al Republicii Moldova, instituie răspunderea civilă personală pentru prejudiciul cauzat inclusiv de alte lucruri, animale sau persoane.

Legiuitorul nu pune la baza răspunderii civile delictuale fapta propriu zisă cauzatoare de prejudicii dar rezultatul negativ la acesteia, adică prejudiciul care s-a creat în rezultatul acestei fapte ilicite.

Potrivit dispozițiilor generale cu privire la obligațiile care se nasc din cauzarea de daune, codul civil reglementează și răspunderea pentru prejudiciul cauzat de o altă persoană, de lucruri sau animale după cum urmează:

1) răspunderea comitentului pentru fapta prepusului (art. 1403 din Codul civil);

2) răspunderea statului pentru fapta persoanei cu funcție de răspundere, reprezentant al organelor de urmărire penală, procuraturii sau instanțelor de judecată (art. 1404, 1405 din Codul civil);

3) răspunderea părinților, tutorilor, instituțiilor de învățământ pentru prejudiciile cauzate de copiii minori (art. 1406, 1407 din Codul civil);

4) răspunderea tutorelui pentru prejudiciile cauzate de persoana lipsită de capacitate de exercițiu (art. 1408 din Codul civil);

5) răspunderea posesorului izvorului de pericol sporit pentru prejudiciul cauzat de acesta (art. 1410 din Codul civil);

6) răspunderea proprietarului animalului pentru prejudiciul cauzat de acesta (art. 1411 din Codul civil)

7) răspunderea proprietarului construcției pentru prejudiciul cauzat prin surparea acesteia (art. 1412 din Codul civil);

8) răspunderea posesorului construcției pentru prejudiciul cauzat prin căderea sau scurgerea din construcție (art. 1413 din Codul civil).

Pentru o înțelegere mai adecvată a acestor tipuri de răspundere civilă delictuală pentru fapta altei persoane, vom încerca să ne expunem asupra fiecăreia în parte totodată le vom grupa în raport de similitudinea principiilor care le guvernează.

I. Răspunderea comitentului pentru fapta prepusului

Potrivit alin. 1 art. 1403 din Codul civil, *comitentul răspunde de prejudiciul cauzat cu vinovăție de prepusul său în funcțiile care i s-au încredințat*, iar în baza alin. 2 art. 1403 din Codul civil, *comitentul conservă dreptul de regres contra prepusului. Prepusul se poate exonera dacă v-a dovedi că s-a conformat întocmai instrucțiunilor comitentului*.

În codul civil, precum și în celelalte acte normative nu găsim careva definiții a noțiunilor de comitent și prepus. Aceste noțiuni au intrat în limbajul juridic odată cu noul din Codul civil. Doctrina autohtonă și nici practica judecătorească, de asemenea încă nu au careva definiții, fapt ce ne determină să ne rezervăm dreptul și să menționăm că prin noțiunea de *comitent*, termen care provine din limba latină (*commitens*, -ntis.), este *persoana care încredințează cuiva un mandat în baza căruia îl împuternicește să săvârșească anumite acte sub controlul și/sau după îndrumările sale*. Termenul, *prepus*, deși are mai multe sensuri cum ar fi, bănuț, fals, presupus, suspect, reieșind din prevederile normei precitate¹, este *persoana care efectuează acte juridice sau îndeplinește o funcție sub controlul și/sau îndrumările altei persoane*.

În conformitate cu prevederile legale existente, rezultă că ceea ce definește calitatea de comitent și prepus este raportul juridic de subordonare, creat în baza unui acord de voință dintre aceste persoane. Altfel spus, comitentul încredințează careva funcții prepusului, îl împuternicește să săvârșească anumite acte, iar prepusul se obligă să le săvârșească sub

¹ Alin. 1 art. 1403 din Codul civil.

îndrumările, instrucțiunile și controlul comitentului.

Acest raport de prepușenie, de dependență funcțională a prepusului față de comitent, pune în sarcina comitentului obligația de a repara prejudiciul cauzat, întrucât nu și-a onorat obligațiile de a controla, îndruma sau supraveghea corespunzător prepusul. Comitentul își conservă dreptul de regres contra prepusului, însă prepusul se poate exonera de răspunderea civilă delictuală doar dacă va dovedi că s-a conformat întocmai instrucțiunilor comitentului.

Raportul de subordonare (prepușenie) de regulă se poate naște în temeiul contractului de muncă, contractului de asociere, contractului de mandat sau alte acte juridice, cu condiția ca din conținutul acestora să rezulte deplina subordonare și executare a unor acte juridice în interesul unei părți.

În literatura de specialitate² sunt enunțate temeiurile răspunderii comitentului pentru fapta prepusului și anume:

1. Culpa în alegerea prepusului (*culpa in eligendo*) și/sau culpa în supraveghere (*culpa in vigilando*). Potrivit acestui temei, se instituie prezumția³ vinovăției comitentului pentru alegerea prepusului și drept urmare trebuie să suportare consecințele alegerii și încadrării în muncă a prepusului slab pregătit sau indisciplinat. Considerăm că fundamentul *culpa in eligendo* este susceptibil de supus criticii atâta timp cât angajatorul are la îndemână un șir de prerogative legale de a-și repara culpa în alegerea lucrătorului (perioada de probă, aplicarea sancțiunilor disciplinare inclusiv desfacerea contractului de muncă din inițiativa angajatorului etc.) Fundamentul răspunderii în baza prezumției *culpa in vigilando* se bazează pe obligația angajatorului potrivit căreia trebuie și este obligat să i-a toate măsurile pentru o supraveghere

² Stătescu C., Bîrsan C. Teoria generală a obligațiilor. București: Editura ALL, 1996, p. 223.

³ Prezumțiile sunt concluzii logice în baza cărora se stabilește existența unui fapt necunoscut, care nu poate fi dovedit în mod direct sau este greu de probat. Aceste concluzii pornesc de la existența unor fapte și împrejurări asemănătoare, vecine și conexe, cunoscute în mod obișnuit că le generează, constituind prin aceasta, un mijloc legal de probă. Cu alte cuvinte, dacă se dovedește existența cauzei, se presupune și existența efectului, pe care cauza l-a generat și îl generează. Prezumțiile sunt legale, adică cele prevăzute de lege și prezumții judiciare, cele stabilite de instanța de judecată.

suficientă a prepusului, pentru a-l îndruma și controla în activitatea ce o desfășoară.

2. *Prepusul este mandatarul comitentului*, iar acționând ca un adevărat mandatar, se presupune că fapta sa ilicită este însăși fapta comitentului. Acest temei al răspunderii civile a comitentului pentru prepus poate fi criticat întrucât contractul de mandat prin prisma art. 1030 din Codul civil, prevede împuternicirile mandatarului de a reprezenta mandantul la încheierea unor acte juridice, iar în cazul dat e vorba de fapte juridice.

3. *Fundamentul bazat pe ideea de risc*, potrivit căruia răspunderea decurge din faptul că deoarece comitentul obține profitul în rezultatul activității prepusului, în consecință acesta trebuie să suporte și riscurile sau consecințele nefavorabile (*ubi emolumentum ibi onus*). Acest temei deși întemeiat la prima vedere vine în contradicție cu dreptul de regres al comitentului acordat prin lege.

4. *Fundamentul bazat pe ideea de garanție*, potrivit căruia răspunderea comitentului pentru fapta ilicită a prepusului este o garanție acordată victimei în recuperarea prejudiciului. Acest temei rezultă și poate fi explicat din prevederile alin. 2 art. 1403 din Codul civil, conservarea dreptului de regres al comitentului.

Privitor la efectele răspunderii comitentului, acestea trebuie analizate într-un dublu sens, în raport cu victima prejudiciului și cu prepusul. Așa dar, analizând *efectele răspunderii comitentului în raport cu victima prejudiciului* trebuie să menționăm că potrivit art. 1398 și 1403 din Codul civil, victima prejudiciului are la îndemână dreptul de a înainta pretențiile sale prepusului, comitentului sau ambilor simultan.

Raportul juridic de răspundere solidară a prepusului și a comitentului rezultă expres din prevederile art. 1403 și 1414 din Codul civil.

Deși legislația nu prevede o anumită ordine potrivit căreia victima urmează să cheme la răspundere comitentul sau prepusul, trebuie de menționat totuși că, fiind vorba de răspunderea indirectă, deci de răspunderea pentru fapta altei persoane, în cazul în care este somat doar comitentul să recupereze prejudiciul acesta are interesul să-l atragă în litigiu pe prepus, chiar dacă victima a omis acest lucru. În opinia noastră, doar atragerea în proces a prepusului v-a conduce la o soluționare obiectivă și sub toate aspectele a elementelor răspunderii. Totodată circumstanțele stabilite de instanța de judecată vor fi opozabile

prepusului și v-a conduce la ușurarea acțiunii în regres a comitentului în cazul achitării prejudiciului cauzat victimei.

Privitor la *efectele răspunderii comitentului în raport cu prepusul*, menționăm că în primul rând pentru determinarea consecințelor între comitent și prepus, este necesar ca comitentul să achite victimei valoarea prejudiciului cauzat, ori din acest moment se naște dreptul de regres contra prepusului.

După cum am menționat, răspunderea comitentului este o răspundere pentru prejudiciul cauzat de o altă persoană, nu pentru propria sa faptă, astfel, raportul de solidaritate dintre comitent și prepus este instituit de lege, și este exclusiv în folosul victimei căreia i s-a cauzat prejudiciul, reprezentând o garanție a intereselor acesteia. Plata efectuată de comitent are drept scop să avanseze în locul prepusului despăgubirile datorate victimei, iar ca garant al prepusului față de victimă, comitentul se găsește în situația juridică similară fidejursorului.

Este de menționat că existența mai multor prepuși care au cauzat împreună prejudiciul nu-i absolvă de răspunderea solidară. Acțiunea în regres a comitentului plătitor potrivit art. 533 din Codul civil se poate îndrepta la latitudinea sa față de oricare din debitori, care până la executarea întregii prestații rămân obligați să o execute.

Prepusul poate invoca împotriva acțiunii de regres a comitentului prezumția legală instituită de alin. 2 art. 1403 din Codul civil, *conformarea întocmai instrucțiunilor comitentului*, iar în cazul dacă v-a reuși să dovedească aceste circumstanțe instanța îl v-a exonera de răspundere.

1. Răspunderea statului și a autorităților publice pentru prejudiciul cauzat de autoritatea publică, persoana cu funcție de răspundere, de reprezentanții organelor de urmărire penală, procuraturii sau instanțelor de judecată

Activitatea autorităților administrației publice, ca și orice activitate umană poate genera prejudicii persoanelor fizice sau juridice.

Fundamentarea răspunderii statului și a autorităților publice a luat naștere după Revoluția franceză din 1789, care a marcat trecerea puterii de la Rege la națiune. Dacă inițial a fost consacrat principiul iresponsabilității statului pentru pagubele cauzate, fiind admisă doar răspunderea statului în cazul exproprierii pentru cauză de utilitate publică, treptat, odată cu instituirea principiului garantării funcției publice pentru

prevenirea eventualelor abuzuri, s-a impus regula răspunderii funcționarilor.

În dreptul francez, promovarea acestui principiu a avut la bază, Decizia Blanco din anul 1873 emisă de Tribunalul de Conflicte (abilitat să soluționeze conflictele de competență apărute între instanța de contencios administrativ și instanțele de drept comun). Această decizie a stat la originea unei veritabile revoluții în jurisprudență deoarece a schimbat definitiv orientarea în problema răspunderii statului pentru daune iar pe parcurs litigiile referitoare la pagubele cauzate de către serviciile publice locale, se soluționau de tribunalele judiciare, fiind strâns legate de ideea de „gestiune privată”. Astfel, s-a admis, răspunderea statului nu doar pentru fapta culpabilă a funcționarului sau proasta funcționare a serviciului public, dar și pentru riscul serviciului public (ideea răspunderii obiective).

În dreptul englez, lipsa de răspundere a Regelui a rămas dominantă fiind angajată răspunderea funcționarului după regulile dreptului comun.

În legislația României au fost formulate mai multe opinii cu privire la temeiul răspunderii statului (administrației) pentru daunele cauzate, regimul juridic aplicabil, instanța competentă etc., iar pentru prima dată în 1864, Consiliul de Stat care era abilitat cu competența de a judeca „hotărârile miniștrilor, ale prefectilor sau altor agenți administrativi, date cu exces de putere și cu violarea legilor și a regulamentelor în vigoare, a transmis aceste competențe instanțelor judecătorești. Cazurile de răspundere au fost reglementate prin Legea responsabilității ministeriale din 1879, iar Legea contenciosului administrativ din 1925 a marcat primul progres în acest domeniu întrucât a menținut dreptul particularilor de a fi despăgubiți în caz de expropriere pentru cauză de utilitate publică, precum și fost proclamat expres dreptul particularilor de a fi despăgubiți de către Stat pentru daunele cauzate din actele administrative emise contrar legii.⁴

În Republica Moldova, Legea contenciosului administrativ nr. 793-XIV din 10.02.2000⁵ proclamă principiul potrivit căruia orice persoană

⁴ Manda Corneliu. Drept administrativ. Tratat elementar. București: Editura Lumina Lex, 2007. 447 p.

⁵ Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 57-58 din 18.05.2000, art. 375.

care se consideră vătămată într-un drept al său, recunoscut de lege, de către o autoritate publică, printr-un act administrativ sau prin nesoluționarea în termenul legal a unei cereri, se poate adresa instanței de contencios administrativ competente pentru a obține anularea actului, recunoașterea dreptului pretins și repararea pagubei ce i-a fost cauzată.

Această lege a servit temei de creare a unui sistem de instanțe jurisdicționale specializate, prin care se asigură repunerea în drepturi a persoanei vătămate într-un drept al său legitim, încălcat de către o autoritate publică. De asemenea, Legea contenciosului administrativ adoptată la 10.02.2000 a instituit o procedură specială în vederea examinării cauzelor de contencios administrativ și executării hotărârilor pronunțate, ca rezultat, instituția contenciosului administrativ a fost desprinsă definitiv de hotarele dreptului civil. Această procedură specifică instituită în țara noastră, este motivată prin faptul că părțile și anume pârâtul este o autoritate publică investită cu putere de stat care are la îndemână și forța coercitivă a statului pe care poate s-o aplice, totodată și procedura civilă care este mai complexă și poate dura un timp foarte îndelungat. Procedura contenciosului administrativ exclude încetarea procesului prin împăcarea părților, la fel, răspunderea administrativ patrimonială se deosebește de cea civilă, deoarece include în sine și răspunderea în fața statului pentru prejudiciul adus legalității în administrare. Astfel, instituția contenciosului administrativ vine să asigure mai eficient contractarea abuzurilor și exceselor de putere ale autorităților publice, să ordoneze activitatea autorităților publice, să asigure ordinea de drept, mai mult decât atât, vine să apere drepturile și interesele persoanei păgubite și să repare paguba care i-a fost cauzată.

Un act legislativ cu scopuri analogice este și Legea nr. 1545 din 25.02.1998 privind modul de reparare a prejudiciului cauzat prin acțiunile ilicite ale organelor de urmărire penală, ale procuraturii și ale instanțelor judecătorești⁶, care stabilește expres că este reparabil prejudiciul material și moral cauzat persoanei fizice sau juridice în urma:

a) reținerii ilegale, aplicării ilegale a măsurilor preventive sub formă de arest, de

declarație de a nu părăsi localitatea sau țara, tragerii ilegale la răspundere penală;

b) condamnării ilegale, confiscării ilegale a averii, supunerii ilegale la muncă neremunerată în folosul comunității;

c) efectuării ilegale, în cazul urmăririi penale ori judecării cauzei penale, a percheziției, ridicării, punerii ilegale sub sechestru a averii, eliberării sau suspendării ilegale din lucru (funcție), precum și în urma altor acțiuni de procedură care limitează drepturile persoanelor fizice sau juridice;

d) supunerii ilegale la arest administrativ, reținerii administrative ilegale sau aplicării ilegale a amenzii administrative de către instanța de judecată;

e) efectuării măsurilor operative de investigații cu încălcarea prevederilor legislației;

f) ridicării ilegale a documentelor contabile, a altor documente, a banilor, a ștampilelor, precum și în urma blocării conturilor bancare.

Prejudiciul cauzat se repară integral, indiferent de culpa persoanelor cu funcție de răspundere din organele de urmărire penală, procuratură sau din instanțele judecătorești. Respectiv, fiecare persoană care pretinde că a suferit, este în drept să-și estimeze prejudiciul adus, dar numai instanța de judecată este împuternicită de lege să aprecieze cuantumul prejudiciului moral, conducându-se de noțiunea reparării rezonabile, de circumstanțele cazului concret, de personalitatea părților. Astfel, instanțele judecătorești conform art. 3 al. (2) al Legii nr. 1545 din 25 februarie 1998, au format o practică judiciară constantă potrivit căreia indiferent de vinovăția persoanelor responsabile din organele de urmărire penală, procuratură sau din instanțe judecătorești încasează din contul statului prin intermediul Ministerului de finanțe în beneficiar persoanelor care au suferit prejudiciul material și moral⁷.

II. Răspunderea pentru prejudiciul cauzat de o autoritate publică sau de o persoană cu funcție de răspundere

Codul civil al Republicii Moldova în cuprinsul art.1404, proclamă principiu răspunderii civile pentru prejudiciul cauzat de o autoritate publică

⁶ Legea nr. 1545 din 25.02.1998. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 50 din 04.06.1998, art. 3.

sau de o persoană cu funcție de răspundere. Astfel, conform alin. 1 art. 1404 din Codul civil, *prejudiciul cauzat printr-un act administrativ ilegal sau nesoluționarea în termen legal a unei cereri de către o autoritate publică sau de către o persoană cu funcție de răspundere din cadrul ei se repară integral de autoritatea publică. Persoana cu funcție de răspundere va răspunde solidar în cazul intenției sau culpei grave.*

Potrivit acestei norme, persoana dacă consideră că este vătămată într-un drept al sau, recunoscut de lege, printr-un act administrativ sau nu este mulțumită de răspunsul primit la cererea prealabilă sau nu a primit nici un răspuns în termenul prevăzut de lege, este în drept să sesizeze instanța de contencios administrativ competentă pentru anularea, în tot sau în parte, a actului respectiv și repararea pagubei cauzate.

Trebuie de menționat că acțiunea poate fi înaintată nemijlocit instanței de contencios administrativ în cazurile expres prevăzute de lege și în cazurile în care persoana se considera vătămată într-un drept al sau prin nesoluționarea în termen legal ori prin respingerea cererii prealabile privind recunoașterea dreptului pretins și repararea pagubei cauzate.

După cum am menționat, legiuitorul a prevăzut expres că persoana cu funcție de răspundere va răspunde solidar cu autoritatea publică unde activează în cazul intenției sau culpei grave.

Regulile tragerii la răspundere a funcționarului cu funcție de răspundere sunt similare răspunderii comitentului pentru fapta prepusului și se aplică după analogie, ori persoana cu funcție de răspundere (funcționarul) are calitatea de prepus întrucât este persoana care efectuează acte juridice sau îndeplinește o funcție sub controlul și/sau îndrumările altei persoane. Distincția majoră privitor la exonerarea de răspundere rezidă în faptul că prepusul se poate exonera doar dacă va dovedi că s-a conformat întocmai instrucțiunilor comitentului, iar persoana cu funcție de răspundere se poate exonera de răspundere dacă v-a dovedi că a comis prejudiciul fără intenție sau fără culpă gravă. Deci, persoana cu funcție de răspundere, dispune legal de o garanție mai mare de a nu fi tras la răspundere civilă în comparație cu simplul prepus.

III. Răspunderea statului pentru prejudiciul cauzat prin acțiunile organelor de urmărire

penală, ale procuraturii sau ale instanțelor de judecată

Potrivit alin. 1 art. 1405 din Codul civil, *prejudiciul cauzat persoanei fizice prin condamnare ilegală, atragere ilegală la răspundere penală, aplicarea ilegală a măsurii preventive sub forma arestului preventiv sau sub forma declarației scrise de a nu părăsi localitatea, prin aplicarea ilegală în calitate de sancțiune administrativă a arestului, muncii neremunerate în folosul comunității se repară de către stat integral, indiferent de vinovăția persoanelor de răspundere ale organelor de urmărire penală, ale procuraturii sau ale instanțelor de judecată.*

Prin prisma prevederilor menționate, este de remarcat că codul civil acordă dreptul la despăgubiri doar persoanei fizice și doar în mod limitativ.

Potrivit legislației speciale în domeniu⁸, coroborând acest prevederi cu legislația ce reglementează această materie, trebuie să menționăm că, este reparabil prejudiciul material și moral cauzat persoanei în urma:

a) *reținerii ilegale, aplicării ilegale a măsurilor preventive sub formă de arest, de declarație de a nu părăsi localitatea sau țara, tragerii ilegale la răspundere penală;*

b) *condamnării ilegale, confiscării ilegale a averii, supunerii ilegale la muncă neremunerată în folosul comunității;*

c) *efectuării ilegale, în cazul urmăririi penale ori judecării cauzei penale, a percheziției, ridicării, punerii ilegale sub sechestru a averii, eliberării sau suspendării ilegale din lucru (funcție), precum și în urma altor acțiuni de procedură care limitează drepturile persoanelor fizice sau juridice;*

d) *supunerii ilegale la arest administrativ, reținerii administrative ilegale sau aplicării ilegale a amenzii administrative de către instanța de judecată;*

e) *efectuării măsurilor operative de investigații cu încălcarea prevederilor legislației;*

f) *ridicării ilegale a documentelor contabile, a altor documente, a banilor, a ștampilelor, precum și în urma blocării conturilor bancare.*

⁸ Legea nr. 1545 din 25.02.1998 privind modul de reparare a prejudiciului cauzat prin acțiunile ilicite ale organelor de urmărire penală, ale procuraturii și ale instanțelor judecătorești. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 50 din 04.06.1998.

În conformitate cu alin. 2 art. 1405 din Codul civil, statul se exonerează de răspundere în cazul când persoana vătămată a contribuit intenționat și benevol la producerea prejudiciului prin autodenunț.

Rezultă că potrivit normei generale în această materie, persoana fizică vătămată nu i se v-a acorda dreptul la despăgubiri dacă a contribuit intenționat și benevol la producerea prejudiciului prin autodenunț, adică dacă a înștiințat benevol despre săvârșirea de către ea a unei infracțiuni în cazul în care organele de urmărire penală nu sunt la curent cu această faptă. De exemplu, autodenunțarea că a săvârșit infracțiunea de omor, faptă ce se constată pe parcursul cercetării penale că a comis-o altă persoană. Partea vătămată, autodenunțatorul deși a fost supus unor acțiuni procedural penale ilegale de arest, percheziții, ridicări etc. nu se va bucura de dreptul de a solicita despăgubiri.

Este de menționat că potrivit Legii nr. 1545 din 25.02.1998 privind modul de reparare a prejudiciului cauzat prin acțiunile ilicite ale organelor de urmărire penală, ale procuraturii și ale instanțelor judecătorești⁹, *prejudiciul cauzat se repară integral, indiferent de culpa persoanelor cu funcție de răspundere din organele de urmărire penală, din procuratură și din instanțele judecătorești.*

Totodată potrivit art. 4 din susmenționata lege, referitor la exonerarea de răspundere civilă, legiuitorul a stabilit că, *prejudiciul cauzat prin acțiunile ilicite specificate în prezenta lege nu se repară de către stat în cazul împăcării bătăutului, învinutului, inculpatului cu partea vătămată, precum și în cazul în care persoana, în procesul urmăririi penale sau cercetării judecătorești, împiedică, prin autodenunț, stabilirea adevărului. Prezența în acțiunile persoanei fizice a autocalomniei, autodenunțului se stabilește de către organele de urmărire penală, ale procuraturii sau de către instanța judecătorească. Prevederile prezentului articol nu se aplică cazurilor în care persoana fizică s-a autocalomniat, autodenunțat în urma unui tratament violent, a aplicării amenințărilor și a altor acțiuni ilicite.*

⁹ Alin. 2 art. 3 din Legea nr. 1545 din 25.02.1998 privind modul de reparare a prejudiciului cauzat prin acțiunile ilicite ale organelor de urmărire penală, ale procuraturii și ale instanțelor judecătorești.

Legislația civilă în vigoare,¹⁰ indiferent de culpa persoanei cu funcție e răspundere în organele de urmărire penală, procuratură sau instanța de judecată, deși deține calitatea de prepus, protejează aceste persoane, astfel încât acestea dispun de imunitate juridică și nu pot fi trase la răspundere civilă pentru prejudiciul cauzat¹¹ în rezultatul acțiunilor lor ilegale. Această condiție derivă din principiul independenței justiției, condiție obligatorie a existenței statului de drept, fiind apreciată ca o garanție împotriva presiunilor exterioare asupra judecătorului la luarea deciziilor, iar această independență este garantată de stat.

Totodată, legiuitorul a stabilit că Ministerul Finanțelor sau, după caz, autoritățile administrației publice locale, după repararea, din contul bugetului respectiv, a prejudiciului cauzat prin acțiunile ilicite comise de organele de urmărire penală, de procuratură sau de instanțele judecătorești, vor sesiza Procuratura Generală în vederea stabilirii faptului dacă pot fi calificate drept infracțiuni acțiunile sau inacțiunile persoanei (persoanelor) cu funcție de răspundere sau ale altor persoane care au cauzat prejudiciul material și moral. În cazul în care în privința persoanei (persoanelor) cu funcție de răspundere sau în privința altor persoane care prin acțiunile lor ilicite au cauzat prejudiciul a fost începută urmărirea penală, statul, în persoana Ministerului Finanțelor, sau autoritățile locale au dreptul să se constituie parte civilă în procesul penal. Respectiv dreptul la acțiunea în regres a statului se naște în urma recunoașterii ca parte civilă în cadrul procesului penal intentat împotriva persoanelor vinovate de cauzarea prejudiciilor morale sau/și materiale statului.

IV. Răspunderea părinților, tutorilor și a instituțiilor de învățământ pentru prejudiciile cauzate de copiii minori

Nevoile sociale din ultima perioadă au impus lărgirea cazurilor de răspundere civilă pentru fapta altuia prin diversificarea metodelor de educație și tratament a copiilor, a bolnavilor mintal și delincvenților, precum și datorită

¹⁰ În prezent în societate se vehiculează diverse opinii privitor la instituirea răspunderii personală a ofițerilor de urmărire penală, procuratorilor și judecătorilor, altor persoane cu funcție de răspundere pentru acțiunile ce au condus la condamnări ilegale sau încălcări grave a drepturilor și libertăților omului.

¹¹ [On-line]: <http://lex.justice.md/md/348071/>. (Vizitat la: 10.11.2013).

evoluei dreptului familiei privitor la încredințarea copiilor altor persoane decât părinții (unități medicale, centre de reeducare, case de copii, etc.)

În literatura de specialitate,¹² sa conturat părerea că părinții poartă răspundere pentru faptele copiilor minori (care nu dispun de posibilitate materială să acopere prejudiciul cauzat din vina lor), în baza principiului echității, potrivit căruia victima prejudiciului urmează a fi protejată cu prioritate, trecându-se pe planul secund lipsa vinovăției părinților.

Așa dar, după dovedirea de către victimă a existenței prejudiciului, a faptei ilicite a minorului și a legăturii de cauzalitate dintre faptă și prejudiciu, apare întrebarea din ce surse urmează a fi recuperat prejudiciul dacă minorul nu dispune de posibilitate materială să repare prejudiciul cauzat.

Considerăm că deoarece potrivit legislației internaționale și naționale, obligațiile părinților de a-și crește copii nu se limitează doar la simpla întreținere materială a acestora, iar una din obligațiile de bază este de a-și educa și de a supraveghea conduita acestora, părinții urmează să răspundă pentru neîndeplinirea cu vinovăție a acestor obligații. Un copil bine întreținut și îngrijit din punct de vedere fizic nu înseamnă că este și bine crescut sau bine educat, deoarece viața în societate implică un complex amplu de cunoștințe privitor la comportamentul față de sine însuși și față de persoanele din jur.

Astfel, dacă un copil bine întreținut sparge geamurile vecinilor pentru a-și satisface plăcerea înseamnă că acesta este un copil needucat, adică nu are comportamentul comun oamenilor care viețuiesc într-un mediu social normal, iar părinții trebuie să răspundă pentru daunele cauzate de copii lor nu numai ca urmare a nesupravegherii acestora, dar și îndeplinirii deficiente a creșterii și educării copiilor. Obligațiile părinților de reparare a prejudiciului cauzat de copilul minor, nesupravegheat sau needucat, în opinia noastră poate lua naștere chiar și în rezultatul indiferenței părinților față de regulile sociale.

Răspunderea pentru prejudiciul cauzat de minorul care nu a împlinit 14 ani

Convenția internațională cu privire la drepturile copilului, adoptată de Adunarea generală a Organizației Națiunilor Unite la 29 noiembrie 1989, în vigoare din 2 septembrie 1990, iar pentru Republica Moldova din 25 februarie 1993,¹³ în art.1 prevede expres că prin *copil se înțelege orice ființă umană sub vârsta de 18 ani, cu excepția cazurilor când, în baza legii aplicabile copilului, majoratul este stabilit sub această vârstă.*

Conform art. 20 alin. 1 din Codul civil, capacitatea deplină de exercițiu începe la data când persoana fizică devine majoră, adică la împlinirea vârstei de 18 ani. De asemenea legislația civilă prevede că minorul dobândește capacitatea deplină de exercițiu prin căsătorie, iar minorul care a împlinit vârsta de 16 ani poate fi recunoscut ca având capacitate de exercițiu deplină dacă lucrează în baza unui contract de muncă, sau cu acordul părinților, adoptatorilor sau curatorului, practică activitate de întreprinzător. Atribuirea capacității depline de exercițiu în acest caz, dacă există acordul ambilor părinți, adoptatorilor sau curatorilor se face de către autoritatea tutelară, iar în lipsa unui astfel de acord, numai în baza hotărârii instanței de judecată. Conform alin. 4 art. 21 din Codul civil, minorul care a împlinit vârsta de 16 ani poate deveni membru de cooperativă.

Potrivit alin. 1 art. 22 din Codul civil, toate actele juridice pentru și în numele minorului până la împlinirea vârstei de 14 ani pot fi încheiate doar de părinți, adoptatori sau tutore, iar minorul în vârstă de la 7 la 14 ani este în drept să încheie de sine stătător acte juridice curente de valoare mică care se execută imediat, acte juridice de obținere gratuită a unor beneficii care nu necesită autentificare notarială și acte de conservare.

De asemenea, minorul care a împlinit vârsta de 14 ani are dreptul fără consimțământul părinților, adoptatorilor sau a curatorului¹⁴, să dispună de salariu, bursă sau de alte venituri rezultate din activități proprii, să exercite dreptul de autor asupra unei lucrări științifice, literare sau de artă, asupra unei invenții sau unui alt rezultat al activității intelectuale apărute de lege, să facă depuneri în instituțiile financiare și să dispună de aceste depuneri în conformitate cu legea.

¹² Pop L., Hoffer G. Cu privire la fundamentarea răspunderii fără culpă a părinților pentru prejudiciile cauzate de copii lor minori. În: Revista Studia Jurisprudența. 1982, nr. 1, p. 45-49.

¹³ Tratatul internațional la care Republica Moldova este parte. Ediție oficială. Vol. I. Chișinău: Moldpres, 1998, p. 51.

¹⁴ Alin. 2 art. 21 din Codul civil.

Totodată, potrivit regulii generale statuate în alin. 1 art. 1406 din Codul civil, *prejudiciul cauzat de un minor care nu a împlinit 14 ani se repară de părinți (adoptatori) sau de tutorii lui dacă nu demonstrează lipsa vinovăției lor în supravegherea sau educarea minorului.*

Potrivit normei generale răspunderea civilă este personală, iar o altă persoană decât autorul prejudiciului poate fi obligată să repare prejudiciul numai în cazuri expres prevăzute de lege. Rezultă că părinții (adoptatorii) sau tutorele minorului care nu a împlinit vârsta de 14 ani, poartă răspunderea civilă integrală pentru prejudiciul cauzat de minor, întrucât această răspundere este prevăzută expres în lege. De asemenea, legiuitorul a prevăzut și excepția de la această regulă, iar persoanele responsabile pot fi absolvite de răspundere doar dacă vor demonstra că și-au îndeplinit corespunzător obligațiile de supraveghere și educare = a minorului.

Deci, în situația în care părinții (adoptatorii sau tutorii) vor prezenta probe de dezvinovățire bazate pe faptul că nu au putut împiedica fapta păgubitoare a minorului deși l-au supravegheat și educat corespunzător, aceștia au dreptul să fie absolviți total sau parțial de răspundere.

Legiuitorul impune acestor persoane să-și dovedească nevinovăția, lucru greu de realizat, reieșind din totalitatea drepturilor minorului și a obligațiilor ce le revin părinților, statuându-se sub acest aspect prezumția relativă de vinovăție a acestor persoane.

Considerăm că vina părinților (adoptatorilor) sau tutorelui în nesupravegherea sau needucarea continuă și adecvată a minorului de până la 14 ani, trebuie să se bazeze doar pe neîndeplinirea obligațiilor legale prevăzute în cap. 11 și 12 din Codul familiei a Republicii Moldova și este inadmisibil învinuirea nejustificată a acestora.

Conform alin. 2 art. 1406 din Codul civil, *dacă minorul care nu a împlinit 14 ani a cauzat prejudiciul când se afla sub supravegherea unei instituții de învățământ, de educație sau instituții curative ori a unei persoane obligate să-l supravegheze în bază de contract, acestea răspund pentru prejudiciul cauzat dacă nu demonstrează că el s-a produs nu din vina lor.*

Părinții (adoptatorii) sau tutorele minorului în baza acestei norme vor fi exonerati de răspundere dacă vor demonstra că la momentul comiterii faptei prejudiciabile minorul a fost transmis și se afla sub supravegherea unui prepus al instituției

de învățământ, de educație sau curative sau sub supravegherea unei persoane care și-a asumat obligația de supraveghere prin contract. Din lege rezultă că responsabilitatea îi revine doar instituției și nu persoanelor fizice supraveghetori, împotriva cărora comitentul poate conserva dreptul de regres. La rândul lor instituția supraveghetore se va putea elibera de răspunderea civilă delictuală dacă vor invoca și demonstra lipsa de vinovăție doar în supravegherea minorului. Instituția supraveghetore a minorului nu este lipsită de dreptul de a atrage părinții (adoptatorii) sau tutorii în calitate de codebitori pentru răspunderea solidară dacă vor demonstra că prejudiciul a fost cauzat în urma unei fapte ce implică și educarea necorespunzătoare a minorului.

De asemenea este de menționat că obligația persoanelor vinovate de fapta prejudiciabilă a minorului care nu a împlinit vârsta de 14 ani nu încetează odată cu atingerea majoratului minorului sau odată cu dobândirea de către acesta a unor bunuri suficiente pentru repararea prejudiciului.

Răspunderea pentru prejudiciul cauzat de minorul cu vârsta între 14 și 18 ani. După cum am menționat, minorul cu vârsta de până la 14 ani nu răspunde personal pentru prejudiciul cauzat în rezultatul faptelor sale ilicite, însă privitor la minorii cu vârsta cuprinsă între 14 și 18 ani, legislația prevede expres că aceștia *poartă răspundere civilă personală pentru prejudiciul cauzat, potrivit normelor generale*¹⁵.

De asemenea, legiuitorul nostru pornind de la fundamentul bazat pe idea de garanție, pune în sarcina părinților (adoptatorilor) sau curatorului minorului cu vârsta între 14 și 18 ani, să răspundă pentru fapta ilicită a acestuia. În opinia noastră această normă de drept este binevenită, întrucât constituie o garanție suplimentară acordată victimei la recuperarea prejudiciului.

Astfel, potrivit alin. 2 art. 1407 din Codul civil, *în cazul în care minorul între 14 și 18 ani nu are bunuri sau venituri suficiente pentru repararea prejudiciului cauzat, acesta trebuie reparat, integral sau în partea nereparată, de către părinți (adoptatori) sau curator, dacă nu demonstrează că prejudiciul s-a produs nu din vina lor.*

Trebuie de menționat că potrivit alin. 2 art. 142 din Codul familiei, la atingerea copilului a

¹⁵ Alin. 1 art. 1407 din Codul civil.

vârstei de 14 ani, tutela se transformă în curatelă și se instituie fără adoptarea de către autoritatea tutelară a unei hotărâri suplimentare. Curatela se instituie asupra copiilor în vârstă de la 14 la 18 ani.

Obligația părinților (adoptatorilor) sau curatorului de a repara prejudiciul cauzat de un minor cu vârsta între 14 și 18 ani încetează¹⁶ doar în cazul în care autorul prejudiciului a atins majoratul, adică vârsta de 18 ani, precum și în cazul când, înainte de a împlini această vârstă minorul a dobândit bunuri sau venituri suficiente pentru repararea prejudiciului cauzat prin fapta sa.

Părinții (adoptatorii) sau curatorul poate solicita absolvirea de răspunderea civilă pentru prejudiciul cauzat de minorul cu vârsta între 14 și 18 ani, dacă vor demonstra că prejudiciul s-a produs nu din vina lor. Altfel spus, dacă în cazul prejudiciului cauzat de minorul până la 14 ani, legiuitorul a statuat că părinții trebuie să demonstreze lipsa vinovăției lor în supravegherea și educarea minorului, în cazul prejudiciului cauzat de minorul cu vârsta între 14 și 18 ani, părinții trebuie să demonstreze doar faptul că prejudiciul s-a produs nu din vina lor. În acest caz, dovada nevinovăției reprezintă un ansamblu complex de probe, elemente de fapt, care să servească la constatarea unor circumstanțe importante, adică la lipsa de vinovăție în supravegherea și educarea copilului, lucru care deși dificil de realizat poate fi făcut în instanța de judecată.

V. Răspunderea pentru prejudiciile cauzate de animale, prin surparea construcției, căderea sau scurgerea din construcție

În baza alin. 1 art. 1411 din Codul civil, *proprietarul unui animal sau persoana care se servește de animal în timpul serviciului răspunde de prejudiciul cauzat de acesta, fie că se află în paza sa, fie că a scăpat de sub pază. Obligația reparației nu apare dacă prejudiciul a fost cauzat de un animal domestic predestinat activității profesionale, de întreprinzător sau obținerii de mijloace pentru întreținerea proprietarului, iar proprietarul animalului a asigurat grija cuvenită pentru supravegherea animalului, sau dacă dauna s-a produs chiar și în cazul manifestării unei asemenea griji.* Din această normă rezultă că persoanele care poartă răspundere civilă sunt

proprietarul precum și persoana care se servește de animal în timpul serviciului.

Potrivit alin. 2 art. 1411 din Codul civil, *persoana care în baza contractului încheiat cu posesorul animalului, și-a asumat obligația de a supraveghea animalul răspunde pentru prejudiciul cauzat de acesta dacă nu demonstrează nevinovăția sa.* Astfel, o altă persoană care poate fi trasă la răspundere civilă pentru prejudiciul cauzat de animal este *persoana care și-a asumat obligația contractuală de a supraveghea animalul.*

Privitor la răspunderea proprietarului animalului, acest text de lege nu suscită mari neclarități atâta timp cât proprietarul, prin prisma alin. 1 art. 315 din Codul civil, este persoana care are dreptul de posesiune, de folosință și de dispoziție asupra bunului, cu mențiunea că conform codului civil, animalele nu sunt lucruri, iar acestea sunt ocrotite prin legi speciale. În privința animalelor se aplică dispozițiile referitoare la lucruri, cu excepția cazurilor stabilite de lege.¹⁷

Regula generală care se desprinde în acest sens este că proprietarul animalului urmează să răspundă în orice caz de prejudiciul cauzat de animalul său.

O primă excepție de la această regulă derivă din alin. 1 art. 1411 din Codul civil, potrivit căreia proprietarul unui animal domestic predestinat activității profesionale, de întreprinzător sau obținerii de mijloace pentru întreținerea proprietarului nu v-a putea fi obligat să repara prejudiciul cauzat de animalul său, dacă v-a dovedit că a asigurat o grijă cuvenită pentru supravegherea animalului sau dacă dauna s-a produs chiar și în cazul manifestării unei asemenea griji.

O a doua excepție derivă din alin. 2 art. 1411 din Codul civil, potrivit căreia proprietarul nu v-a putea fi obligat să repara prejudiciul dacă v-a demonstra că a transmis posesia animalului unei alte persoane. Fiind o stare de fapt, posesia poate fi probată prin orice mijloc de probă. Posesorul este prezumat proprietar al bunului dacă nu dovedește că a început a poseda pentru altul.

O a treia excepție potrivit căreia proprietarul animalului v-a fi absolvit de răspundere, dacă acesta v-a demonstra că o altă persoană și-a asumat obligația contractuală de a supraveghea animalul.

¹⁶ Alin. 3 art. 1407 din Codul civil.

¹⁷ Alin. 2 art. 287 din Codul civil.

Supraveghetorul animalului se poate absolvi de răspundere pentru prejudiciul cauzat de animalul aflat sub comanda, direcționarea și paza sa, doar dacă v-a demonstra că nu este vinovat de lipsa de supraveghere a acestuia.

Altfel spus, *persoana care avea în supraveghere animalul la momentul producerii prejudiciului, trebuie să răspundă pentru prejudiciul cauzat dacă nu demonstrează nevinovăția sa.*

Până la proba contrarie se prezumă că cel care trebuie să aibă grijă și să-și supravegheze adecvat animalul este proprietarul, iar acesta la rândul său se poate absolvi total sau parțial de răspundere în situația în care v-a dovedi că obligația de supraveghere incumbă unei alte persoane sau că a asigurat grija cuvenită pentru supravegherea animalului, precum și în baza principiilor generale de exonerare de răspundere civilă.

Potrivit comentariilor Codului civil al R. Moldova,¹⁸ autorii utilizează noțiunea de pază (juridică sau materială) a animalului, inspirată din doctrina și jurisprudența românească în baza codului civil din 1864, noțiune sinonimă cu cea de supraveghere prevăzută de legislația noastră.

Răspunderea pentru prejudiciul cauzat prin surparea construcției, căderea sau scurgerea din construcție

Răspunderea pentru prejudiciul cauzat prin surparea construcției. Răspunderea pentru prejudiciul cauzat prin surparea construcției este reglementată de art. 1412 din Codul civil. Prin surparea construcției trebuie să înțelegem acțiunea de a se prăbuși prin măcinare, a se dărâma, a se prăvăli, a se năruși o construcție sau o parte din aceasta.

Potrivit alin. 1 art. 1412 din Codul civil, *proprietarul este obligat să repare prejudiciul cauzat prin surparea în întregime sau a unei părți a construcției când surparea este rezultatul lipsei de întreținere corespunzătoare sau al unui viciu de construcție.*

Din această definiție rezultă regula generală în această materie potrivit căreia, în cazul prejudiciului cauzat unei persoane în rezultatul unor acțiuni de surpare a unei construcții sau părți din aceasta, dacă surparea se datorează lipsei de întreținere sau unui viciu al construcției, responsabil este *proprietarul construcției.*

Este de menționat că proprietarul v-a purta răspunderea civilă doar dacă cauza surpării construcției se datorează neîntreținerii adecvate a acesteia sau a unui viciu al construcției, nu și din alte cauze cum ar fi cutremur de pământ sau alte cauze de forță majoră.

Această răspundere se întemeiază pe calitatea de proprietar a construcției, calitate care se dobândește doar prin acte translativ de proprietate.

În conformitate cu alin. 2 art. 1412 din Codul civil, *persoana care s-a obligat prin contract față de proprietar să întrețină construcția sau care este obligată să o întrețină în stare corespunzătoare în temeiul dreptului de folosință ce i s-a acordat răspunde solidar cu proprietarul pentru prejudiciul cauzat în urma surpării construcției sau a unei părți a ei.*

Așa dar, în anumite situații posesorul legal al construcției, dacă s-a obligat contractual față de proprietar să întrețină construcția, sau dacă în baza unei obligații legale rezultate din dreptul de folosință a construcției trebuie s-o întrețină într-o stare corespunzătoare în cazul neexecutării obligației de întreținere într-o stare corespunzătoare a construcției v-a răspunde solidar cu proprietarul pentru prejudiciul cauzat.

Rezultă că în cazul surpării construcției proprietarul acesteia este obligat să achite toate despăgubirile pentru recuperarea prejudiciului cauzat. În anumite cazuri proprietarul va putea acționa în regres constructorul și vânzătorul în virtutea obligației de garanție pentru viciile ascunse ale construcției precum și locatarul în baza neîndeplinirii de către acesta a obligațiilor contractuale sau a obligațiilor legale în virtutea dreptului de folosință a construcției.

- *Răspunderea pentru prejudiciul cauzat în cazul căderii sau scurgerii din construcție.*

Potrivit art. 1413 din Codul civil, *dacă prejudiciul s-a produs prin faptul că din construcție a căzut ori a curs ceva, răspunde persoana care are construcția în posesie. Această regulă nu se aplică în cazul în care prejudiciul s-a produs prin forță majoră ori din vina celui prejudiciat.*

Rezultă că spre deosebire de răspunderea pentru surparea construcției, în cazul cauzării prejudiciului prin căderea sau scurgerea din construcție, posesorul construcției urmează să repare prejudiciul cauzat.

¹⁸ Comentariul Codului Civil al Republicii Moldova. Ediția a II-a. Vol. II. Chișinău: Editura ARC 2006.

Răspunderea posesorului construcției se întemeiază pe obligația legală a acestuia de a lua toate măsurile pentru a nu permite scurgeri de lichide sau căderi de obiecte din construcția ce o posedă și se aplică indiferent de vinovăția sa. Această răspundere este instituită în scopul apărării și garantării intereselor victimei și nu operează doar în situația unei cauze de forță majoră sau din vina persoanei prejudecate. De exemplu scurgerea apei în casele multietajate, căderea țurțurilor, a părților din acoperiș, antenelor etc., urmează a fi preîntâmpinate de posesorul construcției în virtutea obligațiilor sale de posesor de bună credință, diligent și prudent în executarea obligațiilor.

În concluzie menționăm că omul răspunde pentru faptele sale în baza *principiului răspunderii pentru fapta ilicită cauzatoare de prejudiciu*, potrivit căruia cel care acționează cu vinovăție și contrar legii este obligat să repare paguba materială cauzată, iar în anumite situații și paguba morală. La examinarea faptei ilicite ca element al răspunderii civile delictuale, se are în vedere manifestarea exterioară a unei atitudini de conștiință și voință a persoanei. Caracterul ilicit al faptei civile nu decurge însă din atitudinea subiectivă a autorului față de fapta săvârșită de el însuși, dar din încălcarea normelor dreptului obiectiv. Legea prin puterea ei a introdus un factor nepermis în contextual relațiilor sociale iar acest caracter nepermis reprezintă ilicitul. Caracterul ilicit al faptei nu trebuie confundat cu caracterul culpabil, iar fapta civilă este ilegală nu din cauza vinovăției autorului dar deoarece la comiterea acesteia s-a încălcat norma prevăzută de dreptul obiectiv și sau adus prejudicii unui drept subiectiv.

Instituția răspunderii pentru fapta altuia este o formă a răspunderii civile delictuale care constă în obligația de a repara prejudiciul cauzat prin fapta ilicită comisă de alte persoane, animale sau lucruri. Răspunderea civilă delictuală pentru fapta altuia deși paradoxală la prima vedere, este reglementată în mod expres de legislația noastră în vigoare, astfel încât orice persoană pe lângă răspunderea pentru fapta proprie trebuie să suporte în anumite situații și răspunderea pentru fapta altcuiva, întrucât legislația noastră consideră că acest gen de răspundere nu este alt ceva decât o răspundere pentru fapta proprie. Fapta altuia se răsfrânge asupra răspunderii proprii prin consecința faptei personale care se află la originea

faptei altuia, iar această răspundere rezultă fie dintr-o nesupraveghere, fie dintr-o greșită alegere a izvorului cauzator de prejudicii.

Bibliografie:

1. Codul civil al Republicii Moldova: în conformitate cu ultimele modificări și completări din Monitorul Oficial al Republicii Moldova. Ed.a 2-a. Chișinău: Prag-3 SRL, 2011. 384 p
2. Codul contravențional al Republicii Moldova cu ultimele modificări și completări din MO al Republicii Moldova, Ed. a 2-a. Chișinău: Prag-3 SRL, 2011. 184 p.
3. Codul de procedură civilă, Monitorul Oficial nr.111-115 din 12.06.2003, actualizat. Chișinău: Editura Farmec Lux, 2012. 164 p.
4. Codul penal al Republicii Moldova cu ultimele modificări și completări din MO al Republicii Moldova, Ed. a 2-a. Chișinău: Prag-3, 2011. 170 p.
5. Comentariul Codului Civil al Republicii Moldova. Vol.II. Ediția a II-a. Chișinău: Editura ARC, 2006.
6. Dicționarul explicativ al limbii române, Ediția a II-a. București: Editura Univers enciclopedic, 1998. 1192 p.
7. Eliescu M. Răspunderea civilă delictuală. București: Editura Academiei, 1972. 316 p.
8. Georges Ripert. La règle morale dans les obligations civiles. Vol. I, Paris: Librairie Générale de Droit et de Jurisprudence, 1927. 398 p.
9. Hotărârile și Deciziile CEDO în cauzele moldovenești. Vol.I. Chișinău: Editura Cartier, 2007.
10. Hotărârea Plenului Curții Supreme de Justiție a republicii Moldova Cu privire la aplicarea de catre instantele de judecata a legislatiei ce reglementeaza repararea prejudiciului moral nr.9 din 09.10.2006. În: Buletinul Curtii Supreme de Justitie a Republicii Moldova, 2007, nr. 2.
11. Legea nr. 1545 din 25.02.1998 privind modul de reparare a prejudiciului cauzat prin acțiunile ilicite ale organelor de urmărire penală, ale procuraturii și ale instanțelor judecătorești. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 50 din 04.06.1998.
12. Manda Corneliu. Drept administrativ. Tratat elementar. București: Editura Lumina Lex, 2007. 447 p.
13. Pop Liviu, Hoffer G. Cu privire la fundamentarea răspunderii fără culpă a părinților pentru prejudiciile cauzate de copii lor minori. În: Dreptul. 2004, nr. 8, p. 55 – 73.
14. Romosan Ioan Dorel. Vinovăția în dreptul civil român. București: Editura C.H.Beck, 1999. 376 p.

15. Stătescu Constantin, Bîrsan Corneliu. Teoria generală a obligațiilor. București: Editura ALL, 1996. 414 p.

16. Tratatate internaționale la care Republica Moldova este parte. Ediție oficială. Vol. I. Chișinău: Moldpres 1998.

Copyright©Leonid CHIRTOACĂ, 2013.

Contacte / Contacts / Контакты:

Institutul de Cercetări Juridice și Politice al AȘM.

Bd. Ștefan cel Mare, 1, Chișinău, Republica Moldova, MD 2009.

E-mail: leonid.chirtoaca@yahoo.com.

Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2013, Issue 4, Volume 30, Pages 65-78.

ISSN 1857-1999

Submitted: 12. 9. 2013 | Accepted: 30.11. 2013 | Published: 15.12. 2013

**RELAȚII INTERNAȚIONALE
INTERNATIONAL RELATIONS
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

**CONCEPTUL DE FRONTIERĂ ÎN ANALIZA SECURITĂȚII NAȚIONALE:
PERSPECTIVA EUROPEANĂ A SECURITĂȚII DE FRONTIERĂ**

**THE CONCEPT OF BORDER IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY
ANALYSIS: EUROPEAN PERSPECTIVE OF BORDER SECURITY**

**КОНЦЕПЦИЯ ГРАНИЦЫ В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ: ЕВРОПЕЙСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА БЕЗОПАСНОСТИ ГРАНИЦ**

ALBU Natalia*, CULICOVSCHI Constantin** /
ALBU Natalia, CULICOVSCHI Constantin /
АЛБУ Наталья, КУЛИКОВСКИЙ Константин

ABSTRACT:

**THE CONCEPT OF BORDER IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY ANALYSIS:
EUROPEAN PERSPECTIVE OF BORDER SECURITY**

This article analyzes some aspects of the concept of border, which is considered in correlation with the process of maintaining of security, both at the national and regional levels. Also it is emphasized the need to define the term „border security”. In this context, the European perspective approach to define the concept of „border security”, which is based on discrepancy between the aspiration to open the borders and to establish the border control by the EU, is remarkable. Despite the fact that the borders divide the EU Member States by third States, the border still tend to become permeable, prejudice cooperation, exchange of values and objectives. The proposed analysis emphasizes the existence of model of „Integrated Border Management” of the EU - a key element of EU security strategy and an important tool for ensuring border security of the Republic of Moldova.

Keywords: national security, border, state border, border security, border surveillance, the Schengen Agreement, integrated border management.

JEL Classification: F50, F52, K33

* **ALBU Natalia** - Doctor în științe politice, conferențiar universitar interimar, Șef/coordonator științific, Centrul de Studii Strategice de Securitate și Apărare, Academia Militară „Alexandru cel Bun” (Chișinău, Republica Moldova). / **ALBU Natalia** - Ph.D in Political Sciences, Acting Associate Professor, Academic Coordinator, Center for Strategic Studies of Security and Defense, the Military Academy „Alexandru cel Bun”, (Kishinev, The Republic of Moldova). / **АЛБУ Наталья** - Кандидат политических наук, и.о. доцента, научный координатор, Центр стратегических исследований безопасности и обороны, Военная Академия им. Александру чел Бун (Кишинев, Республика Молдова).

** **CULICOVSCHI Constantin** - Locotenent-colonel, magistr, Studii de Securitate și Apărare, Academia Militară „Alexandru cel Bun”, Șef Secție metodică a Colegiului Național al Poliției de Frontieră (Chișinău, Republica Moldova). / **CULICOVSCHI Constantin** - Lieutenant Colonel, Master of military science, Head of the Training Department of the National Border Police College (Kishinev, The Republic of Moldova). / **КУЛИКОВСКИЙ Константин** - Подполковник, магистр военных наук, Начальник методического отдела Национального колледжа пограничной полиции (Кишинев, Республика Молдова).

РЕЗЮМЕ:

КОНЦЕПЦИЯ ГРАНИЦЫ В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ЕВРОПЕЙСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА БЕЗОПАСНОСТИ ГРАНИЦ

Статья анализирует некоторые аспекты концепции границы, которые рассматриваются в корреляции с процессом обеспечения безопасности, как на национальном, так и региональном уровнях. Вместе с этим, подчеркивается необходимость определения термина «безопасность границ». Примечательной является европейская перспектива подхода к определению концепции «безопасности границ», в основе которой лежит тенденция расхождения между стремлением открытия границ и установлением пограничного контроля со стороны ЕС. Несмотря на то, что границы разделяют государства-члены ЕС третьими государствами, они стремятся стать проницаемыми, предопределяя при этом сотрудничество, обмен ценностями и задачами. В рамках предложенного анализа, подчеркивается модель «Интегрированного управления государственными границами» ЕС - один из ключевых элементов стратегии безопасности ЕС и важный инструмент обеспечения пограничной безопасности Республики Молдова.

Ключевые слова: национальная безопасность, граница, государственная граница, безопасность границ, пограничный надзор, шенгенское соглашение, интегрированное управление границей.

JEL Classification: F50, F52, K33

УДК: 327, 325.2:06, 341.24

REZUMAT:

CONCEPTUL DE FRONTIERĂ ÎN ANALIZA SECURITĂȚII NAȚIONALE: PERSPECTIVA EUROPEANĂ A SECURITĂȚII DE FRONTIERĂ

În articol se analizează aspecte ale conceptului de frontieră în corelație cu procesul de asigurare a securității atât la nivel național, cât regional. Deasemenea se evidențiază necesitatea definirii termenului „securitatea de frontieră”. Semnificativă este perspectiva europeană de abordare a securității de frontieră, care este determinată de existența unor divergențe între tendințele către deschiderea granițelor/frontierelor și cele de control al UE. Deși granițele separă statele membre ale UE de state terțe, ele tind să devină permeabile, permițând cooperarea, transferul de valori și obiective europene. În acest cadru de analiză, se evidențiază modelul „Managementul integrat al frontierei de stat” a UE – unul dintre principalele elemente ale strategiei de securitate a UE și un important instrument în realizarea securității de frontieră a Republicii Moldova.

Cuvinte-cheie: securitatea națională, frontieră, graniță, frontiera de stat, securitatea de frontieră, supravegherea frontierei, Acordul Schengen, management integrat al frontierei de stat.

JEL Classification: F50, F52, K33

CZU: 327, 325.2:06, 341.24

Introducere.

Actualitatea temei date este determinată de existența unor divergențe semnificative între tendințele către deschiderea granițelor/frontierelor și cele de control al acestora, precum și între teoria și practica securității de frontieră din cadrul Uniunii Europene (UE), care aduc în atenția studiilor de securitate problematica relațiilor dintre acest concept și securitatea națională, regională și chiar globală.

Problemele asigurării securității de frontieră și paralel o reglare efectivă a fluxurilor transfrontaliere tot mai intensive, stau în fața multor țări. În același timp, procesele integrării

globale și regionale dobândesc o mare amploare. Pentru statele regiunii în care se află și Republica Moldova este evident că, în trecerea lor către economia de piață, soluția constă în racordarea rapidă și eficientă la structurile europene. Deschiderea Uniunii Europene spre țările din Europa Centrală și de Est reprezintă, de altfel, recunoașterea unei Europe comune a aceleiași civilizații.

Europa se află în prezent într-o perioadă plină de contradicții în ceea ce privește trei dintre cele mai importante capitole ale agendei sale:

*granițele, cetățenia și securitatea*¹. Problema este cu atât mai complicată cu cât acțiunile generatoare de insecuritate nu mai sunt doar cele ale grupărilor teroriste sau de crimă organizată, ci își au originea în dorința pentru o viață mai bună manifestată de cetățenii aceleiași Europe, dar proveniți din țări mai puțin dezvoltate economic decât cele vest-europene. Este vorba, evident, despre consecințele migrației, ce reprezintă, în același timp, sursă de securitate și de insecuritate la frontieră.

În acest sens, se evidențiază divergențe semnificative între teoria și practica cetățeniei UE, unde un rol important în acest proces îl are și statul, care practică simultan două tipuri de discurs: unul național și unul post-național. Discursul național este unul de excludere, promovând apartenența și calitatea de membru al unui grup național cu granițe clare, în timp ce discursul post-național este unul de includere, de deschidere a granițelor pentru cetățenii altor țări, de diverse etnii și naționalități. În acest context, problema procesului de aderare la spațiul Schengen reprezintă o actualitate deosebită.

Acquis-ul Schengen vizează, în esență, facilitarea călătoriilor persoanelor cu respectarea unor standarde bine stabilite. Acordul Schengen nu pune doar problema de control a frontierelor, el acoperă și alte domenii cum ar fi politica în domeniul justiției și afacerilor interne. În acest domeniu se încearcă reducerea pe cât posibil a efectelor negative ce pot apărea în asigurarea securității interne, ca urmare a eliminării controlului la frontierele interne ale statelor membre (măsuri compensatorii).

Importanța temei abordate rezidă și în necesitatea aprofundării procesului de cooperare a Republicii Moldova cu Uniunea Europeană în domeniul asigurării securității de frontieră, care poate fi aplicată în realizarea mai multor scopuri, cum ar fi creșterea eficacității, îmbunătățirea nivelului de inter-operabilitate și schimbul de lecții operaționale relevante. Cooperarea este importantă pentru țările cu resurse limitate, precum este Republica Moldova, deoarece facilitează utilizarea optimală a acestora. Achizițiile trebuie efectuate ținând cont de cerințele naționale și locale, resursele existente și,

în caz ideal, de inter-operabilitatea cu sistemele utilizate de statele membre UE.

Abordări conceptuale ale noțiunii securitatea de frontieră. Securitatea a reprezentat încă de la începutul omenirii o preocupare esențială, așa cum reiese și din piramida lui Maslow, unde nevoia de securitate este plasată ca nivel de importanță, imediat după nevoile fiziologice. În pofida faptului că acest concept este unul cu vechime, o simplă lectură a unor texte din domeniul relațiilor internaționale, și în special, din teoria relațiilor internaționale, ne relevă faptul că nu există o definiție larg acceptată a „securității”, acesta fiind un termen contestat și ambiguu. Ambiguitatea termenului derivă din multitudinea de arii pe care le acoperă, și este „exacerbată de faptul că în viața politică internă a statelor sub acoperirea securității naționale sunt invocate – în funcție de împrejurări – o serie largă de acțiuni și activități politice”².

În perioada modernă a istoriei, sensul noțiunii de securitate este derivat din conceptul medieval de „rațiune de stat”, înțeles ca „stare de necesitate”, prin care guvernării unui stat își rezervă o situație juridică ce le permite să invoce măsuri excepționale pentru asigurarea funcționării și integrității statului³. Aceasta ne permite să evidențiem fenomenul frontierei, în definirea noțiunii de securitate, care exprimă, pe de o parte, totalitatea proceselor prin care se manifestă o expansiune istorică, fie a unui popor, fie a unei civilizații, fie a unei religii sau ideologii și, pe de altă parte, limitele geografice ale unui actor. Ambele aspecte trezesc numeroase discuții în literatura de specialitate, în special, în cadrul mediului regional de securitate, unde caracterul difuz al riscurilor și amenințărilor cer o abordare nonreductibilă a conceptului *securitatea de frontieră*.

Conform Strategiei securității naționale a Republicii Moldova, adoptată de Parlament la 15 iulie 2011, „*securitatea națională* este abordată multilateral, având un caracter multidimensional și interdependent, determinat atât de starea de lucruri din domeniul politic, militar și cel al

¹ A se vedea: Sarcinschi A., Bogzeanu C. Europa: granițe, cetățenie, securitate. București: Editura Universității Naționale de Apărare „Carol I”, 2009.

² Bidu I., Troncoț C. Coordonate de securitate. București: Editura ANI, 2005, p. 9.

³ Vornic S. Securitatea națională a României în contextul securității europene. În: Colocviu strategic, Nr. 10. București: Universitatea Națională de Apărare „Carol I”, 2010, p. 2. [On-line]: http://cssas.unap.ro/ro/pdf_publicatii/cs10-10.pdf. (Vizitat la: 12.09.2013)

ordinii publice din țară, cât și de situația din sfera economică, socială, ecologică, energetică și de altă natură. Interesele naționale vitale ale Republicii Moldova rezidă în asigurarea și în apărarea independenței, suveranității, integrității teritoriale, a *frontierelor inalienabile* ale statului, a siguranței cetățenilor, în respectarea și în protejarea drepturilor și a libertăților omului, în consolidarea democrației, ceea ce permite dezvoltarea unui stat de drept și a unei economii de piață⁴.

Ca urmare, putem observa că asigurarea securității naționale are drept scop protejarea atributelor de bază ale unui stat. În lucrarea sa, Barry Buzan lansează întrebarea „Care sunt caracteristicile individuale definitorii ale statelor?” și practic oferă și un răspuns „Trebuie să aibă ...*teritoriu*...”⁵. Reieșind din aceasta este necesar de definit noțiunile de *teritoriu* și *teritoriul statului* pentru a determina elementele, ce se află sub protecție. Or, *teritoriu* este o întindere de pământ, delimitată prin granițele unui stat sau ale unei unități administrative și supusă suveranității statului respectiv⁶, iar *teritoriul statului* este o parte a globului pământesc, ce se află sub suveranitatea unui anumit stat⁷. Teritoriul de stat cuprinde totalitatea suprafețelor terestre, acvatice aflate în interiorul granițelor recunoscute pe plan internațional, cât și subsolul și spațiul aerian care corespund acestui teritoriu.

În literatura de specialitate cu referire la conceptul *frontieră de stat*, întâlnim așa noțiuni precum *limită*, *hotar*, *graniță* sau *frontieră*. Totuși, la nivel general, se utilizează noțiunea *frontieră* – loc care separă și care unește, concomitent, ceva de altceva – fiind un fenomen universal cu caracteristici deosebite. Frontiera este un perimetru efervescent unde se întâlnesc, se influențează, se conciliază sau se ciocnesc interese supreme, de stat. Orice frontieră

îndeplinește, în același timp cu rolul de protecție, o funcție de schimb. Ea este un punct de pornire, dar și un loc de trecere și se manifestă aici o activitate deosebită.

De regulă, frontierele au funcția de apărare a integrității statului și sub acest aspect, au un caracter istoric. Ele se pot modifica sub influența unor factori politici și strategici. Astfel, deși Republica Moldova este un stat independent și suveran, totuși nu putem trece cu vederea abordarea noțiunii de frontieră din perioada Războiului Rece, atunci când țara a fost parte componentă a Uniunii Republicilor Sovietice Socialiste (URSS). În documentele cu privire la paza frontierei de stat întâlnim faptul că „*frontiera de stat a URSS este linia și suprafața verticală ce trece pe această linie, ce definesc limitele teritoriului URSS – uscatului, apelor, subsolului și spațiului aerian*”⁸. Ținând cont de caracteristica politică pe diferite sectoare, frontiera de stat a URSS a fost foarte neomogenă. Acolo, unde mărginea cu țările socialiste frățești, frontieră de stat se considera linia de prietenie, colaborarea frățească cu poporul acestor state. Frontiera, însă cu statele capitaliste era linia de delimitare a două lumi social-antipode, a două fronturi ideologice.

În acest context, se evidențiază perspectiva geopolitică a frontierei. Poziția statului nu este strict geografică, ci în strânsă corelație cu poziția politică, socială, economică, religioasă, culturală și etnică⁹. Caz în care se susține că frontiera este variabilă, într-o permanentă schimbare și adaptare. Dacă capitala marchează focarul ariei centrale unui stat, nucleul său, frontiera corespunde arealului său marginal, periferic. Ea desemnează *spațiul*, un *areal* de contact între două state, de dimensiuni variabile și folosință comună între acestea. Conceptul de frontieră, în accepțiunea modernă apare începând cu Congresul de Pace de la Westphalia (1644-1648)¹⁰, care marchează sfârșitul perioadei medievale. Perioada modernă consacră o

⁴ Strategia securității naționale a Republicii Moldova. Hotărârea Parlamentului nr. 153 din 15.07.2011. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 170-175 din 14.10.2011, p. 41.

⁵ Buzan B. Popoare, statele și teama. Chișinău: Editura Cartier, 2000, p. 76.

⁶ Dicționarul Explicativ al Limbii Române. Ediția a II-a. Academia română. Institutul de lingvistică „Iorgu Iordan”. București: Univers enciclopedic, 1996, p. 1086.

⁷ Атасян Н. М., Афанасьев Н. И., Ашин Г. П. и др. Закон Союза Советских Социалистических Республик «О государственной границе СССР»: Политико-правовой комментарий. Москва: Воениздат, 1986, с. 15.

68 RMDIRI, 2013, Nr. 3 (29) http://rmdiri.md/?page_id=48&lang=en

⁸ Приказ Председателя Комитета государственной безопасности СССР об утверждении Наставления по охране государственной границы СССР, пограничный наряд от 29.12.1987 года № 109/ДСП, с. 5.

⁹ Simileanu V. Geopolitica și centre de putere. București: TOP FORM, 2010, p. 32.

¹⁰ NOTĂ: Până la acea dată noțiunea de frontieră nu corespundea limitelor statale, ci spațiilor mișcătoare ce se interpuneau între universuri politice dinamice. În: Frășineanu D. Geopolitica. București, 2005.

diversificare a sa, în sensul că încep să se distingă mai multe tipuri de frontiere: coloniale, rezultate în urma împărțirii sferelor de influență între puterile coloniale; postbelice, trasate ca urmare a unor conferințe de pace; frontiere de separare, trasate ca urmare a partajării unui teritoriu, frontiere impuse de un stat mai puternic etc.¹¹ Statele nu renunță la răspunderea referitor la frontierele sale sau la frontiere ori la organele de supraveghere și pază a granițelor. În același timp tratatele de pace își propun să înăbușe tendințele revizioniste ale unor state.

Pe măsura evoluției statelor, arealele corespunzătoare frontierelor au fost reduse la maximum, limita teritoriului statal devenind o linie: *granița*. Granița reprezintă o linie imaginară, de demarcație, situată în interiorul spațiului frontierei dintre două state, recunoscută ca fiind limita teritoriului acestora¹². Granița definește, prin urmare, forma spațială a statului și este un element component al frontierei. Este totodată linia de contact a suveranității statale, linia de-a lungul căreia suveranitatea unui stat intră în contact cu suveranitatea unui alt stat vecin. Deaceia, în abordarea cadrului de analiză a frontierei Republicii Moldova trebuie să ținem cont de viziunile statelor vecine – Ucraina și România – cu privire la definirea noțiunii *frontieră de stat*.

Pentru Ucraina *frontiera de stat* este linia și suprafața verticală ce trece pe această linie, ce definește limitele teritoriului Ucrainei – uscatului, apelor, subsolului și spațiului aerian¹³. Referindu-ne la România, *frontiera de stat* delimitează teritoriul statului român de teritoriul fiecăruia dintre statele vecine și marea teritorială a României de zona contiguă. În plan vertical *frontiera de stat* delimitează spațiul aerian și subsolul statului român de spațiul aerian și subsolul fiecăruia dintre statele vecine¹⁴. De asemenea, aceasta mai este definită drept acea linie reală sau imaginară care trece, în linie dreaptă, de la un semn de frontieră la altul ori, acolo unde *frontiera* nu este marcată în teren cu

semne specifice, de la un punct de coordonate la altul. În cadrul ei, statul își exercită suveranitatea sa deplină și exclusivă, iar națiunea dreptul său la autodeterminare¹⁵.

Frontiera de stat a Republicii Moldova este linia ce desparte pe uscat și pe apă teritoriul Republicii Moldova de teritoriile statelor vecine, iar în plan vertical delimitează spațiul aerian și subsolul Republicii Moldova de spațiul aerian și subsolul statelor vecine¹⁶.

În același timp, *Frontiera de stat* a Republicii Moldova reprezintă linia naturală sau convențională, care marchează limitele externe ale teritoriului asupra căruia Republica Moldova își exercită suveranitatea exclusivă pe uscat, pe sectoarele acvatice, subterane, aeriene și care trece, în linie dreaptă, de la un semn de frontieră la altul ori, acolo unde *frontiera de stat* nu este marcată în teren cu semne de frontieră, de la un punct de coordonate la altul. Pe fluvii și pe celelalte ape curgătoare *frontiera de stat* este cea stabilită prin tratatele încheiate de Republica Moldova cu statele vecine, respectându-se principiul dreptului internațional, conform căruia *frontiera de stat* trece pe mijlocul șenalului navigabil principal, iar pe apele curgătoare nenavigabile, pe la mijlocul pânzei de apă¹⁷.

În acest complex de împrejurări, putem afirma că noțiunea *frontiera de stat* este complementar-indispensabilă noțiunii *teritoriu de stat*, a căruia suprafață o evidențiază.

Astfel, *frontiera* este un element important în studierea domeniului de securitate. Din vremuri străvechi se duceau lupte pentru apărarea teritoriilor, pentru păstrarea hotarelor, pentru asigurarea propriei securități precum și accesul la resurse. Iar din punct de vedere juridic, *frontiera* reprezintă limita care desparte două entități politice (state, guverne sau țări). *Frontiera de stat* se stabilește prin lege, în conformitate cu prevederile tratatelor internaționale, convențiilor sau înțelegerilor încheiate de statul respectiv cu cele vecine. Așadar, cât vor fi națiuni, cât vor fi

¹¹ Simileanu V. *Op. cit.*, p. 32.

¹² Frăsineanu D. *Geopolitica*. Ediția a II-a. București: Editura Fundației România de Măine, 2007, p. 145.

¹³ Закон Украины О государственной границе Украины, № 1777-XII от 04.11.1991 г. [On-line]: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T177700.html. (Vizitat la: 12.09.2013).

¹⁴ Dicționar de Drept Internațional Public. București: Editura Științifică și Enciclopedică, 1982, p. 145. 320 p.

¹⁵ Ordonanța de urgență a Guvernului privind *frontiera de stat* a României, Nr. 105 din 27.06.2001. [On-line]: <http://proiectsisf.mai.gov.ro/DOC/LEGISLATIE%20ROMANA/OUUG%20105-2001.pdf>. (Vizitat la: 12.09.2013).

¹⁶ Legea privind *frontiera de stat* a Republicii Moldova, Nr. 108-XIII din 17.05.1994. În: Monitorul Oficial, Nr. 12, art. Nr. 107 din 03.11.1994.

¹⁷ Legea privind *frontiera de stat* a Republicii Moldova, Nr. 215 din 04.11.2011. În: Monitorul Oficial, Nr. 76-80, art. Nr. 243 din 20.04.2012.

popoare și, indiscutabil, cât vor fi state vor fi și frontiere.

În definirea noțiunii *securitatea de frontieră* este important de evaluat semnificația termenilor, precum: *securizarea frontierei* și *securitatea frontierei*. De regulă, *securizarea frontierei* ține de luarea a careva măsuri sau efectuarea anumitor activități de securizare¹⁸, care în complex formează un proces integrat întru asigurarea securității frontierei. De exemplu, rezultate istorice de securizare a frontierei sunt Marele Zid Chinezesc, sistemul defensiv (șirul de cetăți, care au stat ca niște pietre de hotar) al Moldovei medievale ș.a. Actualmente securizarea frontierei nu presupune și nu înseamnă adoptarea de măsuri care să vină în contradicție cu libera circulație a persoanelor. Ea înseamnă, în primul rând, *lupta împotriva manifestărilor criminale și de nesocotire a legii*¹⁹.

Securitatea frontierei este o stare a frontierei, protejate de oricare pericol sau care nu este expusă vreunui pericol. Referitor la această stare a frontierei se face referință în ambele redacții a *Legii cu privire la frontiera de stat a Republicii Moldova* folosind termenul *inviolabil*. În prima redacție este stipulat că „frontiera de stat este *inviolabilă*”²⁰, iar în a doua redacție, că unul din principiile organizării controlului frontierei este „*inviolabilitatea* frontierei de stat”²¹. Acest principiu necesită a fi examinat împreună cu alt principiu, nu mai puțin important, *integritatea teritorială a statului*, deoarece frontiera de stat stabilește limitele teritoriului statului, iar integritatea teritorială este inerent legată cu asigurarea *inviolabilității* frontierei.

Și în primul și în al doilea caz, în explicarea noțiunilor se subînțelege inițiativa unui stat în raport cu frontiera sa. Conform *Concepției pazei*

frontierei de stat a Republicii Moldova din 4 decembrie 2003, *securitatea frontierei* este asigurată în spațiul de frontieră, care cuprinde frontiera de stat, zona de frontieră, spațiul aerian, sectorul moldovenesc al apelor de frontieră, punctele de trecere a frontierei de stat și obiectele conexe din interiorul țării, stabilite prin acordurile internaționale bilaterale încheiate cu statele vecine, cu respectarea principiilor și normelor dreptului internațional.²² Analizând și alte acte legislative referitoare la frontiera de stat a Republicii Moldova se evidențiază termenii de referință a securității frontierei: *paza frontierei de stat*²³, *supraveghere a frontierei*²⁴ și *control la trecerea frontierei*²⁵.

În final, susținem că *securitatea de frontieră* este o noțiune mai vastă și cuprinde ambele procese: *securizarea frontierei* și *securitatea frontierei*. În același timp, *securitatea de frontieră* face parte din procesul de asigurare a securității naționale, având un caracter bilateral în raport cu frontiera de stat. Respectiv, *securitatea de frontieră* se poate defini ca indice de siguranță la frontiera de stat, în contextul colaborării comune a statelor vecine împotriva unei amenințări de proporții locale, regionale, continentale și chiar intercontinentale.

Din perspectiva UE, noțiunea *securitatea de frontieră*, deși abordată sub alt aspect, include protejarea teritoriului statului, aerului și apelor proprii; prevenirea amenințărilor de-a lungul acestor frontiere și securizarea tuturor punctelor de intrare, așa ca porturile maritime, aeroporturile și punctele de trecere terestre, unde oficial sunt instituite controale legale la intrarea și ieșirea persoanelor și mărfurilor²⁶.

²² Hotărârea Parlamentului cu privire la aprobarea Concepției pazei frontierei de stat a Republicii Moldova Nr. 479 din 04.12.2003. În: Monitorul Oficial, Nr. 006, art. Nr. 91 din 01.01.2004.

²³ Paza frontierei este parte integrantă a sistemului de stat de asigurare a securității Republicii Moldova, una din formele de apărare națională a țării.

²⁴ Supraveghere a frontierei de stat între punctele de trecere și supraveghere a punctelor de trecere în afara orelor fixe de program pentru a preveni evitarea controalelor de trecere a frontierei.

²⁵ Control efectuat la punctele de trecere a frontierei de stat pentru a garanta că persoanele, inclusiv mijloacele lor de transport și obiectele pe care le dețin, pot fi autorizate să intre pe sau să părăsească teritoriul Republicii Moldova. În: Legea privind frontiera de stat a Republicii Moldova, Nr. 215 din 04.11.2011.

²⁶ Rick “Ozzie” Nelson, Heather A. Conley... [et al.]. Border Security in a Time of Transformation. Two

¹⁸ Securizarea/securitizarea este concepută ca o formă extremă de politizare, sau construirea unui eveniment ca o „problemă politică”, care să permită folosirea mijloacelor extraordinare în numele securității.

¹⁹ Securizarea frontierelor și stabilitatea regională. Studiu realizat în cadrul proiectului comun al Republicii Moldova, Ucrainei și României „Noi frontiere în sud-estul Europei și impactul lor asupra stabilității în regiunea Inițiativei Central Europene”. București: Institutul pentru Politici Publice, 2002, p. 18.

²⁰ Legea privind frontiera de stat a Republicii Moldova, Nr. 108-XIII din 17.05.1994. În: Monitorul Oficial, Nr. 12, art. Nr. 107 din 03.11.1994.

²¹ Legea privind frontiera de stat a Republicii Moldova, Nr. 215 din 04.11.2011 În: Monitorul Oficial, Nr. 76-80, art. Nr. 243 din 20.04.2012.

Generalul de armată al Ucrainei Mykola Lytvyn, responsabil de Serviciului de stat de frontieră a Ucrainei, definește *securitatea de frontieră* ca fiind o stare de protejare a intereselor de importanță vitală a persoanei, societății și statului în sfera de frontieră²⁷. Autorul rus Serghei Golunov susține că *securitatea de frontieră* este asigurarea (sau apărarea) intereselor naționale, legate de interacțiunea transfrontalieră sau de situația în spațiul de frontieră²⁸. O așa formulare presupune obiecte de referință ca zonă, cadrul spațiului de frontieră, cerc de amenințări și provocări primordiale, strategii și metode de asigurare a securității de frontieră.

În cadrul Recomandărilor de perfecționare a legislației țărilor-participante la Comunitatea Statelor Independente (CSI) cu privire la problemele de reglare a răspunderii pentru încălcările în sfera securității de frontieră, *securitatea de frontieră* este abordată ca componentă a securității naționale a statului, ce reprezintă starea de protejare a intereselor politice, economice, informaționale și alte interese ale persoanei, societății și statului la frontiera de stat și în spațiul de frontieră, ce se asigură în conformitate cu actele legislative ale statului, inclusiv prin efectuarea pazei frontierei de stat, funcționarea punctelor de trecere peste frontiera de stat, prevenirea și contracararea încălcărilor în teritoriul frontalier²⁹.

Asigurarea securității de frontieră presupune colaborarea directă sau tangențială cu teritoriul limitrof, precum și soluționarea problemelor legate de frontieră: cadrul spațial al problemelor de securitate pot fi atribuite la sfera de frontieră; determinarea principalelor obiecte de referință a securității de frontieră; modalități de localizare a cadrului teritorial al securității de etc. *Spațiu de*

frontieră poate include linia de frontieră (traversarea căreia trebuie să se efectueze cu respectarea legilor țării), zona de frontieră (asupra căreia se extinde un regim special), unitățile administrativ-teritoriale de frontieră de nivel local, raioane și regiuni de frontieră și uneori chiar să iasă peste limitele ultimelor. Actualmente, spațiul de frontieră poate fi supus provocărilor legate de încălcarea regulilor de trecere a frontierei, introducerea prin ea a mărfurilor și altor bunuri, animalelor și plantelor, de asemenea nerespectarea regimului zonei de frontieră (sau de carantină). Destul de motivată este includerea în sfera examinată a anumitor probleme sociale, cum ar fi menținerea stabilității situației și prevenirea conflictelor în spațiul de frontieră, prevenirea urmărilor periculoase de intensificare a tendințelor separatiste.

Perspectiva europeană a securității de frontieră. Uniunea Europeană, astăzi, reprezintă un important actor pe scena mondială. Ea, prin forța sa economică, prin populația de care dispune, prin politicile de o mare complexitate și diversitate, promovate atât în interiorul său, cât și în afara sa, este un actor important la nivel internațional. Un sector în care aportul său poate fi semnificativ atât pentru toată Europa nu doar pentru statele ce o compun, cât și pentru lumea întreagă, este garantarea și asigurarea securității la toate nivelurile sale. Amintim faptul că la nivel național, conceptul de securitate comportă un discurs de excludere, de promovare a apartenenței la un grup sau o comunitate, în timp ce, la nivel regional, discursul este unul post-național, de includere și deschidere a frontierelor pentru cetățenii altor țări.

Definirea conceptului de frontieră este cu atât mai dificilă, cu cât literatura de specialitate europeană îi acordă alte semnificații decât, spre exemplu, cea americană. În multe limbi europene, inclusiv în engleza britanică, termenul frontieră (*frontier*) este sinonim cu cel de graniță (*border*), în timp ce în SUA, granița (*border*) înseamnă hotarul dintre țări, dintre statele ce compun SUA sau dintre provincii (în Mexic și Canada). Problema nu rezidă numai în diferențele existente în cadrul teoriilor, ci și în diferențele de limbaj comun.

O altă problemă în definirea acestor concepte rezidă în reprezentarea psihosocială a graniței/frontierei. În timp ce, din punctul de vedere al statelor și al guvernelor,

International Case Studies – Poland and India. A Report of the CSIS Homeland Security & Counterterrorism Program, Europe Program, and South Asia Program. Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies, July 2010, p. 2.

²⁷ Алфавитный указатель статей и понятий. [Online]: <http://nationalecurity.org.ua/2012/10/alfavitnyj-ukazatel-statej-i-ponyati-2/>. (Vizitat la: 17.09.2013).

²⁸ Голунов С. В. Российско-казахстанская граница: Проблемы безопасности и международного сотрудничества. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005, с. 170.

²⁹ Сборник основных понятий, терминов и определений, используемых пограничными ведомствами государств – участников Содружества Независимых Государств в международной практике. Москва: Граница, 2012, с. 169.

granița/frontiera este exactă, stabilită în conformitate cu legislația națională și internațională și figurată pe hartă printr-o linie clară, din punctul de vedere al populației care trăiește lângă granița/frontieră și chiar al celor desemnați să administreze acel teritoriu, spațiul este vag definit, relațiile interumane între cei „de aici” și cei „de acolo”.

În același timp, referindu-ne la specificul UE, menționăm faptul că în cadrul acesteia nu există o delimitare concretă a noțiunii de *securitate de frontieră*. În *Codul frontierelor Schengen*, care definește reguli ce stau la baza liberei circulații a persoanelor peste frontiere, nu vom găsi referire la noțiunea *frontieră de stat* și aceasta se explică prin faptul că: (1) Uniunea Europeană este o comunitate de state, având fiecare dintre ele frontierele sale statale, atât comune (între statele UE), cât și de conturare a limitelor Uniunii Europene; (2) *frontiera de stat* ca element important a statului se diminuează și oferă locul unui nou element – frontiere ale Comunității Europene. Abordările europene, mai curând, tind să îmbogățească sensurile clasice ale noțiunilor de *graniță/frontieră* și *cetățenie* prin prisma asigurării *politicii de securitate comună*. Ca urmare, în cadrul UE vorbim despre *granițe interne* (limita dintre statele membre)³⁰ și despre *granițe externe* (limita dintre UE și state terțe)³¹.

În acest context, amintim faptul că noțiunea de *graniță* se referă, în general, la trasarea unor linii exterioare ale structurilor politice în cadrul cărora se conturează o identitate colectivă, stabilitate și securitate. Frontiera, în schimb, desemnează, de cele mai multe ori, o zonă de contact, intermediară, între două sau mai multe culturi sau

între sisteme politice distincte. Aplicând aceste definiții la realitatea europeană, caracterizată în egală măsură de diversitate și unitate, vom asocia *conceptul de graniță limitelor externe ale UE, liniilor ce fac demarcația între construcția europeană și statele non-europene, iar pe cel de frontieră, liniilor dintre statele membre ale UE*³².

Dat fiind că frontierele statelor membre sunt stabile, fixe, modificarea lor fiind deosebit de dificilă, apariția unui conflict militar la nivel european cu mize teritoriale este aproape puțin probabil. În același timp, UE funcționează pe baza principiilor cooperării în tot mai multe domenii, în care persoanele beneficiază de dreptul de a circula liber, de aceea o confruntare la nivel continental care să plece de la dorința de a retrasa frontierele între state este practic inadmisibilă. Totuși, aceste frontiere sunt caracterizate de un grad mare de permeabilitate, datorită faptului că statele în cauză sunt parte a unei construcții cu o importantă componentă supranațională. Astfel, frontierele îndeplinesc un dublu rol în UE – în primul rând, ele delimitează limitele suveranității statelor membre, fără a ridica obstacole în fața coordonării europene a anumitor aspecte naționale, și, în al doilea rând, dobândesc în cadrul UE funcția de conectare între state, fiind, practic, *porți* de acces dintr-un stat membru în altul. Este, deci, posibilă crearea unui spațiu european comun în ce privește politica externă și de securitate europeană, justiția, libera circulație a persoanelor, a bunurilor și a serviciilor, politica agricolă, piața economică internă, uniunea monetară etc.

Tratatul de Reformă stipulează (art. 4, alin. 2) faptul că „UE respectă (...) identitatea națională a statelor membre, inerentă structurilor lor fundamentale politice și constituționale, inclusiv în ceea ce privește autonomia locală și regională. Aceasta respectă funcțiile esențiale ale statului și, în special, pe cele care au ca obiect asigurarea integrității sale teritoriale, menținerea ordinii publice și apărarea securității naționale. În special, securitatea națională rămâne responsabilitatea exclusivă a fiecărui stat membru”³³. În acest context, frontierele funcționează, în sensul lor primar, atunci când

³⁰ Conform Regulamentului (CE) Nr. 562/2006 din 15 martie 2006 al Parlamentului European și al Consiliului de instituire a unui Cod comunitar privind regimul de trecere a frontierelor de către persoane (Codul Frontierelor Schengen) frontierele interne sunt: (a) frontierele terestre comune, inclusiv frontierele fluviale și lacuri ale statelor membre; (b) aeroporturile statelor membre pentru zboruri interne; (c) porturile maritime, fluviale și lacuri ale statelor membre pentru legături regulate cu ferryboat-ul. În: *Jurnalul Oficial al Uniunii Europene L 105/1, 13.4.2006, ediție specială în limba română: capitol 19 volum 08, p. 7.*

³¹ Conform aceluiași Regulament Parlamentului frontierele externe sunt: frontierele terestre ale statelor membre ale UE, inclusiv frontiere fluviale și lacuri, frontiere maritime și aeroporturi, porturi fluviale, maritime și pe lacuri, cu condiția ca acestea să nu fie frontiere interne. În: *Jurnalul Oficial al Uniunii Europene L 105/1, 13.4.2006, ediție specială în limba română: capitol 19 volum 08, p. 8.*

³² Sarcinschi A., Bogzeanu C. Europa: granițe, cetățenie, securitate. București: Editura Universității Naționale de Apărare „Carol I”, 2009, p. 16.

³³ Jurnalul Oficial al Uniunii Europene, Anul 53, 30 martie 2010, p. 18.

sunt tratate aspecte care nu țin de competențele UE, însă își pierd conotațiile clasice, atunci când sunt abordate domenii intrate în competențele comunitare.

În același timp, problema graniței/frontierei în cadrul UE poate fi abordată și în contextul discuțiilor asupra cetățeniei UE. Deoarece, o dată stabilite limitele exterioare ale acestei comunități, s-a creat un spațiu prielnic pentru manifestarea unei identități colective și, drept urmare, se promovează existența unei cetățenii europene. Tratatul de la Amsterdam, Articolul 17, precizează că „cetățenia UE completează cetățenia națională, și nu o înlocuiește”³⁴.

Un alt aspect al granițelor/frontierelor europene se evidențiază în contextul procesului de extindere europeană. Astfel, granițele europene nu sunt stabile, deoarece au posibilitatea de a se extinde, prin primirea unor noi membri în UE, sau de a se micșora. Tratatul de la Lisabona (art. 49A) stabilește clar că „orice stat membru poate hotărî, în conformitate cu normele sale constituționale, să se retragă din UE”³⁵.

În cadrul procesului de extindere, Uniunea Europeană generează o dinamică integratoare în jurul granițelor sale. Transformările pe care statele trebuie să le facă în perioada ce precede aderarea, pentru a-și apropia legislația de acquisul comunitar, sunt doar un exemplu. Conform Tratatului de la Lisabona, UE „dezvoltă relații privilegiate cu statele învecinate, în vederea stabilirii unui spațiu de prosperitate și de bună vecinătate, având la bază valorile UE și caracterizat de relații strânse și pașnice, bazate pe cooperare”³⁶. Deși, teoretic, sunt închise, granițele externe ale UE sunt permeabile, fapt confirmat și de implicațiile acordului Schengen, prin care statele membre elimină controalele la frontierele interne ale statelor semnatare și creează o singură frontieră externă, unde controalele se desfășoară conform unui set de reguli bine stabilite. Spațiul Schengen reprezintă o zonă de liberă circulație în Europa din care fac

parte și state care nu sunt membre ale UE – Norvegia, Islanda și Elveția, ceea ce presupune o lărgire a granițelor UE dincolo de limitele impuse de frontierele statelor membre.

Acordurile Schengen nu constituie însă doar elemente de extindere a granițelor, ci comportă și o dimensiune a fragmentării din două perspective. În primul rând, există două state membre UE, Marea Britanie și Irlanda, care au optat să nu implementeze pe teritoriul lor aceste prevederi, ceea ce înseamnă că circulația cetățenilor europeni provenind din state terțe nu este liberă la frontierele lor, ei fiind supuși controalelor vamale. În al doilea rând, este vorba despre efectele integrării diferențiate – România, Bulgaria și Cipru, deși membre ale UE, nu sunt încă membre ale acordului Schengen, păstrându-se, în acest caz, semnificația clasică a noțiunii de frontieră.

Cadrul de analiză a graniței/frontierei continuă să aibă o importanță deosebită atunci când este vorba despre asigurarea securității, deoarece aceasta se definește încă în termeni de suveranitate și de stat-națiune. Referindu-ne la UE, linia de demarcație dintre statele membre și statele nemembre ale UE coincide cu linia de demarcație dintre două entități statale suverane. Această frontieră este întărită și protejată la nivel înalt în limita acordurilor ce permit libera circulație a persoanelor, bunurilor și serviciilor în interiorul acestor granițe. Securizarea graniței externe a UE, care coincide cu frontiera dintre un stat membru și un stat nemembru al UE, intră atât în competențele UE, cât mai ales în cele ale statului respectiv. Spre exemplu, în cazul României, ale cărei frontiere estică și nordică reprezintă și granița a UE, securizarea acestor linii este asigurată atât prin Agenția Europeană pentru Managementul Cooperării Operaționale la Granițele Externe ale Statelor Membre ale Uniunii Europene (FRONTEX), cât și prin eforturi naționale susținute cu ajutorul UE.

Securizarea frontierelor externe ale statelor membre are în vedere, în special, prevenirea imigrației ilegale și a altor forme de infracțiuni cu caracter transfrontalier. În acest context, perspectiva europeană a securității de frontieră se intersectează cu definirea a două grupuri esențiale de actori – „noi” și „ceilalți” (de exemplu, imigranți, azilați, refugiați etc.) – ca sursă permanentă de tensiuni, crize și conflicte. Aceasta determină în mare parte politicile referitoare la

³⁴ Tratatul de la Amsterdam. [On-line]: http://www.e-scoala.ro/drept/tratatul_amsterdam.html. (Vizitat la: 21.09.2013).

³⁵ Tratatul de la Lisabona, p. 17. [On-line]: http://europa.eu/lisbon_treaty/full_text/index_ro.htm. (Vizitat la: 21.09.2013).

³⁶ Tratatul de la Lisabona, art. 7. [On-line]: http://europa.eu/lisbon_treaty/full_text/index_ro.htm. (Vizitat la: 21.09.2013).

migrație adoptate de statele respective și prin strategiile de asimilare sau de respingere a migranților, iar rezultatele sunt evidente atât în țara de destinație, cât și în țara de origine a actorilor implicați, prin evoluția nivelului de dezvoltare, a numărului populației, a infrastructuralității și crimei organizate. Astfel, asigurându-și securitatea, UE susține creșterea stabilității interne, inclusiv reforma sistemului de securitate, ale țărilor vecine.

În acest cadru de analiză, referindu-ne la vecinătatea estică a UE, se evidențiază următoarele aspecte: (1) oferta UE adresată regiunii de Est a continentului european, prin lansarea Politicii Europene de Vecinătate (2004) și Parteneriatul Estic (2009); (2) dorința de a include această subregiune în propria strategie de securitate reprezintă un test de capacitate pentru UE, dar și pentru țările din vecinătate, inclusiv pentru Republica Moldova, (3) efectele procesului de globalizare, care impune mecanisme integrate de contracarare a riscurilor și amenințărilor la adresa securității de frontieră. Astfel, datorită indivizibilității securității și interdependenței crescânde, securitatea de frontieră nu mai reprezintă un element doar de talie națională, dar un domeniu ce cheamă la o interacțiune de nivel internațional. Referindu-ne strict la Republica Moldova, analiza perspectivei europene de asigurare a securității de frontieră a UE permite evaluarea cadrului de colaborare a Republicii Moldova cu Uniunea Europeană în domeniul unui management eficient al frontierelor, reieșind din calitatea sa de vecin direct al Uniunii Europene. Pe de altă parte, obținerea statutului de membru al Uniunii Europene este o aspirație pe termen lung a Republicii Moldova.

Actualmente, se evidențiază *Sistemul integrat pentru securitatea frontierei*, care este un sistem complex destinat combaterii infracționalității transfrontaliere, caracterizat de multitudinea elementelor componente interconectate prin numeroase canale informaționale (atât interne, cât și externe). Acest sistem este, de regulă, capabil să efectueze interacțiuni și conexiuni inverse, să mențină echilibrul și să realizeze autoreglarea. Modelul *Managementul integrat al frontierei de stat* (MIFS) a UE este unul dintre principalele elemente ale strategiei de securitate a UE³⁷ și este

considerat instrument important în realizarea securității de frontieră a Republicii Moldova. În cadrul conferinței internaționale „Managementul Integrat al Frontierei” care a avut loc la Chișinău la 15-16 noiembrie 2010, Aare Evisalu, consilier al Managementului Integrat de Frontieră, EUBAM, a menționat următoarea definiție: *MIFS – este un sistem de măsuri de management efektiv și rentabil al frontierei, efectuat pe calea coordonării și colaborării naționale și internaționale între toate instituțiile, responsabile de asigurarea securității frontierelor și sprijinul comerțului cu scopul creării granițelor deschise și sigure*³⁸.

Managementul integrat al frontierei în cadrul Uniunii Europene este abordat în Comunicatul Comisiei către Consiliul și Parlamentul European „Cu privire la managementul integrat al frontierelor externe ale statelor membre ale Uniunii Europene”³⁹. Managementul comun eficient al frontierelor externe ale UE asigură continuitatea acțiunilor întreprinse pentru combaterea terorismului, a imigrației ilegale și traficului de ființe umane.

Țările UE/Schengen folosesc *Modelul integrat de securizare a frontierelor*: denumirea sistemului ce cuprinde toate aspectele Managementului frontierei. Acest sistem include patru niveluri (filtre) complementare: (1) activități desfășurate în țările terțe, de origine și de tranzit; (2) cooperare internațională la frontieră; (3) măsuri la frontierele externe: managementul frontierei (supravegherea și controlul trecerii frontierei); (4) activități pe teritoriul statelor Schengen și între statele Schengen⁴⁰.

Colaborarea Republicii Moldova cu UE în domeniul MIFS presupune reformarea managementului resurselor umane pentru adaptarea la standardele europene. La moment

пересечения границы. [On-line]: <http://www.eubam.org/md/press/news/1091>. (Vizitat la: 21.09.2013).

³⁸ Evisalu A. European Union Integrated border management concept and its implementation by the European Union member states. In: Integrated Border Management. International conference. 15-16 November 2010, Kishinev, the Republic of Moldova, p. 33.

³⁹ Dubikaitis A. Recomandări pentru elaborarea strategiei naționale privind controlul și managementului integrat al frontierei pentru anii 2005-2007. Raport de evaluare. TACIS al Uniunii Europene pentru Moldova. PNUD, 2005, p. 8.

⁴⁰ *Ibidem*, p. 8.

³⁷ Интегрированное управление границами: повышение безопасности и упрощение процедур

MIFS reprezintă unul dintre instrumentele-cheie în menținerea (protejarea) stării de securitate națională a Republicii Moldova, care presupune măsuri de contracarare a migrației ilegale și a infracțiunilor conexe, altor infracțiuni transfrontaliere, inclusiv a celor care se intercalează cu fenomenul terorismului internațional.

Asigurarea managementului integrat al frontierei de stat constituie unul dintre obiectivele importante ale reformării sectorului de securitate a Republicii Moldova și ale avansării pe calea integrării europene. În contextul respectiv, la nivel național necesită a fi adoptate măsuri graduale în vederea asigurării MIFS pe toate sectoarele ei, care trebuie să reunească următoarele aspecte:

- controlul și supravegherea frontierei de stat în baza analizei riscurilor, a datelor și a informațiilor prelucrate privind infracționalitatea;
- depistarea și investigarea crimelor transfrontaliere de către Serviciul Grăniceri și Serviciul Vamal, în coordonare cu alte autorități de aplicare a legii la nivel național;
- implementarea măsurilor pe care le presupune modelul de acces în Republica Moldova structurat pe patru nivele (prevăzute de Modelul integrat de securizare a frontierelor țărilor UE/Schengen);
- cooperarea dintre autoritățile implicate în MIFS, inclusiv prin facilitarea schimbului de informații necesare pentru punerea în aplicare a măsurilor de securitate la frontieră;
- cooperarea internațională în domeniul asigurării securității frontierei de stat;
- coordonarea și asigurarea coerenței activităților autorităților implicate în asigurarea securității frontierei prin Consiliul Național pentru MIFS⁴¹.

În cadrul *Strategiei naționale de management integrat al frontierei de stat pentru anii 2011-2013* (Strategia) se menționează că aceasta reglementează acțiunile ce urmează a fi întreprinse la nivel administrativ, tehnic și instituțional în domeniul MIFS pentru ca Republica Moldova să fie pregătită pentru aderarea la UE. Totodată, Republica Moldova va implementa Strategia în cooperare cu UE, statele

vecine, EUBAM⁴² și alți parteneri externi. Strategia stabilește limitele frontierei de stat, cadrul legal și instituțional al MIFS, precum și alte aspecte ce țin de perfecționarea acestuia. Obiectivul fundamental al managementului integrat al frontierei se materializează prin: planificarea, organizarea, coordonarea unitară, conducerea și monitorizarea procedurilor și acțiunilor desfășurate de instituțiile și organele statului; perfecționarea cooperării cu instituții similare din țările vecine și alte state privind regimul frontierei de stat; armonizarea permanentă cu normele și practicile de supraveghere și control ale frontierei de stat aplicate în țările UE.

Astfel, securitatea integrată a frontierei vizează întărirea supravegherii și controlului, cu participarea tuturor instituțiilor cu competențe în acest domeniu, pe baza managementului participativ și al cooperării internaționale. Aceasta presupune participarea activă la funcționarea sistemului integrat pentru securitatea frontierei, prin folosirea judicioasă a pârgurilor juridice, organizaționale, relaționale, cât și a resurselor (umane, tehnologice, informaționale, logistice, financiare etc.). Securitatea integrată are la bază formele consultativă și deliberativă de fundamentare și luare a deciziilor, în cadrul organismelor special constituite⁴³.

Concluzii. *Securitatea*, indiferent de nivelul la care se analizează, reprezintă o stare în care există condiții propice vieții și activității oamenilor. Desigur, maniera de a percepe și de a reprezenta securitatea, la nivel național, diferă de la o comunitate umană la alta, în funcție de gradul de dezvoltare socială și economică a fiecăreia dintre ele în parte. În același timp, securitatea trebuie văzută ca un construct conștient, voluntar, responsabil și concertat al instituțiilor statului și al cetățenilor acestuia.

Securitatea poate fi abordată la mai multe niveluri. Însă, în rândul specialiștilor există un anumit consens, potrivit căruia *securitatea națională* se circumscrie *asigurării integrității teritoriale și bunăstării materiale*. Astfel, primul termen ne conduce la aspectul *fizic* al securității, iar al doilea la *supraviețuirea pe termen mediu și lung* a actorului în cauză. În fond, *securitatea*

⁴¹ Hotărârea Guvernului cu privire la Consiliul Național pentru Management Integrat al Frontierei de Stat, Nr. 855 din 21.09.2010. În: Monitorul Oficial, Nr. 182-189, art. Nr. 949 din 28.09.2010.

⁴² EU Border Assistance Mission to the Republic of Moldova and Ukraine.

⁴³ Ibidem.

unui actor reprezintă capacitatea sa de a supraviețui ca atare în sistemul internațional.

În definierea conceptului *securitatea națională* se evidențiază termenul *securitatea de frontieră* care poate fi considerat ca o derivată din termenul de „securitate”, plasat între nivelurile de securitate națională și securitate regională, în plan orizontal fiind străpuns de axa securitate internațională pe verticală.

Preocupându-ne de perspectiva europeană a securității de frontieră se evidențiază corelarea a trei noțiuni: graniță/frontieră, cetățenie și securitate. Granița/frontiera privită drept concept european, e o noțiune paradoxală, utilizată pentru a separa și pentru a uni, în același timp. În interior, deși frontierele tind să se estompeze prin acordarea dreptului la liberă circulație, ele își păstrează o importanță considerabilă prin aceea că delimitează state suverane.

În exterior, deși granițele separă statele membre ale UE de state terțe, ele tind să devină permeabile, permițând cooperarea, transferul de valori și obiective europene și, uneori, chiar penetrabile (libera circulație a persoanelor, în virtutea Acordurilor Schengen, în cazul statelor care nu sunt membre UE). Astfel, în ce privește acest concept, UE manifestă tendința vădită de a merge către încorporarea statelor europene și integrarea lor la nivel comunitar și de a șterge frontierele care separă unitățile statale, sau, cel puțin, de a le diminua importanța. Este însă vorba despre un proces lent, ce necesită o aprofundare completă, aprofundare care se complică pe măsură ce UE își deschide granițele și pentru noi state. De aceea, această trecere necesită o lungă perioadă de timp, în prezent, statele membre păstrându-și în mare măsură prerogativele acordate în virtutea conceptului de securitate.

Referindu-ne la Republica Moldova, aderarea la Uniunea Europeană este o orientare strategică pentru care presupune adoptarea valorilor și standardelor europene în întreaga gamă a domeniilor de activitate. Iar libera circulație a persoanelor și a mărfurilor evidențiază necesitatea de a introduce unele măsuri privind implementarea standardelor UE în domeniul controlului la frontiera de stat. În acest sens, aplicarea consecventă, la nivel național, a Managementului Integrat al Frontierei de Stat (MIFS) are o importanță strategică. UE și-a dezvoltat un sistem eficient de control al frontierelor, care permite libera circulație a

persoanelor și a mărfurilor, prevenirea criminalității transfrontaliere, respectând, totodată, drepturile și libertățile fundamentale ale omului.

Astfel, orientarea vectorului politicii externe spre Uniunea Europeană și asumarea fermă a unor angajamente privind implementarea reformelor democratice creează un cadru propice pentru o abordare comprehensivă a securității în general și a securității de frontieră în particular. Implementarea Politicii Europene de Vecinătate, inițierea Parteneriatului Estic, semnarea Planului Individual de Acțiuni al Parteneriatului și Planului de Acțiuni Republica Moldova – Uniunea Europeană privind liberalizarea regimului de vize (PALRV), implicarea mai activă a UE în reglementarea conflictului transnistrean prin formatul de negocieri 5+2, aderarea la spațiul unic aerian, perspectiva de semnare a unui acord de liber schimb și de asociere la UE sunt noile dominante care influențează pozitiv consolidarea securității de frontieră a Republicii Moldova, precum și implementarea cu bună credință a angajamentelor asumate.

Bibliografie:

1. Bidu I., Troncotă C. Coordonate de securitate. București: Editura ANI, 2005. 220 p.
2. Buzan B. Popoare, statele și teama. Chișinău: Editura Cartier, 2000. 386 p.
3. Dicționar de Drept Internațional Public. București: Editura Științifică și Enciclopedică, 1982. 320 p.
4. Dicționarul Explicativ al Limbii Române. Ediția a II-a. Academia română. Institutul de lingvistică „Iorgu Iordan”. București: Univers enciclopedic, 1996. 1194 p.
5. Dubikaitis A. Recomandări pentru elaborarea strategiei naționale privind controlul și managementului integrat al frontierei pentru anii 2005-2007. Raport de evaluare. TACIS al Uniunii Europene pentru Moldova. PNUD, 2005. 59 p.
6. Evisalu A. European Union Integrated border management concept and its implementation by the European Union member states. In: Integrated Border Management. International conference. 15-16 November 2010, Chisinau, the Republic of Moldova. p. 33-36.
7. Frăsineanu D. Geopolitica. Ediția a II-a. București: Editura Fundației România de Măine, 2007. 332 p.
8. Hotărârea Guvernului cu privire la Consiliul Național pentru Management Integrat al Frontierei de

Stat, Nr. 855 din 21.09.2010. În: Monitorul Oficial, Nr. 182-189, art. Nr. 949 din 28.09.2010.

9. Hotărârea Parlamentului cu privire la aprobarea Concepției pazei frontierei de stat a Republicii Moldova Nr. 479 din 04.12.2003. În: Monitorul Oficial, Nr. 006, art. Nr. 91 din 01.01.2004.

10. Jurnalul Oficial al Uniunii Europene. Anul 53, 30 martie 2010. 403 p.

11. Legea privind frontiera de stat a Republicii Moldova, Nr. 108-XIII din 17.05.1994. În: Monitorul Oficial, Nr. 12, art. Nr. 107 din 03.11.1994.

12. Legea privind frontiera de stat a Republicii Moldova, Nr. 215 din 04.11.2011. În: Monitorul Oficial, Nr. 76-80, art. Nr. 243 din 20.04.2012.

13. Ordonanța de urgență a Guvernului privind frontiera de stat a României, Nr. 105 din 27.06.2001. [On-line]: <http://proiectsisf.mai.gov.ro/DOC/LEGISLATIE%20ROMANA/OUG%20105-2001.pdf>. (Vizitat la: 12.09.2013).

14. Rick „Ozzie” Nelson, Heather A. Conley...[et al.]. Border Security in a Time of Transformation. Two International Case Studies – Poland and India. A Report of the CSIS Homeland Security & Counterterrorism Program, Europe Program, and South Asia Program. Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies, July 2010. 40 p.

15. Securizarea frontierelor și stabilitatea regională. Studiu realizat în cadrul proiectului comun al Republicii Moldova, Ucrainei și României „Noi frontiere în sud-estul Europei și impactul lor asupra stabilității în regiunea Inițiativei Central Europene”. București: Institutul pentru Politici Publice, 2002. 60 p.

16. Simileanu V. Geopolitica și centre de putere. București: TOP FORM, 2010. 370 p.

17. Strategia securității naționale a Republicii Moldova. Hotărârea Parlamentului nr. 153 din 15.07.2011. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 170-175 din 14.10.2011.

18. Tratatul de la Amsterdam. [On-line]: http://www.e-scoala.ro/drept/tratatul_amsterdam.html. (Vizitat la: 21.09.2013).

19. Tratatul de la Lisabona. [On-line]: http://europa.eu/lisbon_treaty/full_text/index_ro.htm. (Vizitat la: 21.09.2013).

20. Vornic S. Securitatea națională a României în contextul securității europene. În: Colocviu strategic, Nr. 10. București: Universitatea Națională de Apărare „Carol I”, 2010.

21. Алфавитный указатель статей и понятий. [On-line]: <http://nationalecurity.org.ua/2012/10/alfavitnyj-ukazatel-statejj-i-ponyati-2/>. (Vizitat la: 17.09.2013).

22. Атасян Н. М., Афанасьев Н. И., Ашин Г. П. и др. Закон Союза Советских

Социалистических Республик «О государственной границе СССР»: Политико-правовой комментарий. Москва: Воениздат, 1986. 151 с.

23. Голунов С. В. Российско-казахстанская граница: Проблемы безопасности и международного сотрудничества. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. 422 с.

24. Закон Украины О государственной границе Украины, № 1777-ХІІ от 04.11.1991 г. [On-line]: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T177700.html. (Vizitat la: 12.09.2013)

25. Интегрированное управление границами: повышение безопасности и упрощение процедур пересечения границы. [On-line]: <http://www.eubam.org/md/press/news/1091>. (Vizitat la: 21.09.2013).

26. Приказ Председателя Комитета государственной безопасности СССР об утверждении Наставления по охране государственной границы СССР, пограничный наряд от 29.12.1987 года № 109/ДСП. 132 с.

27. Сборник основных понятий, терминов и определений, используемых пограничными ведомствами государств – участников Содружества Независимых Государств в международной практике. Москва: Граница, 2012. 224 с.

Bibliography:

1. Bidu I., Troncotă C. Coordonate de securitate. București: Editura ANI, 2005. 220 p.

2. Buzan B. Popoare, statele și teama. Chișinău: Editura Cartier, 2000. 386 p.

3. Dicționar de Drept Internațional Public. București: Editura Științifică și Enciclopedică, 1982. 320 p.

4. Dicționarul Explicativ al Limbii Române. Ediția a II-a. Academia română. Institutul de lingvistică „Iorgu Iordan”. București: Univers enciclopedic, 1996. 1194 p.

5. Dubikaitis A. Recomandări pentru elaborarea strategiei naționale privind controlul și managementului integrat al frontierei pentru anii 2005-2007. Raport de evaluare. TACIS al Uniunii Europene pentru Moldova. PNUD, 2005. 59 p.

6. Evisalu A. European Union Integrated border management concept and its implementation by the European Union member states. In: Integrated Border Management. International conference. 15-16 November 2010, Chisinau, the Republic of Moldova. p. 33-36.

7. Frășineanu D. Geopolitica. Ediția a II-a. București: Editura Fundației România de Măine, 2007. 332 p.

8. Hotărârea Guvernului cu privire la Consiliul Național pentru Management Integrat al Frontierei de Stat, Nr. 855 din 21.09.2010. În: Monitorul Oficial, Nr. 182-189, art. Nr. 949 din 28.09.2010.
9. Hotărârea Parlamentului cu privire la aprobarea Concepției pazei frontierei de stat a Republicii Moldova Nr. 479 din 04.12.2003. În: Monitorul Oficial, Nr. 006, art. Nr. 91 din 01.01.2004.
10. Jurnalul Oficial al Uniunii Europene. Anul 53, 30 martie 2010. 403 p.
11. Legea privind frontiera de stat a Republicii Moldova, Nr. 108-XIII din 17.05.1994. În: Monitorul Oficial, Nr. 12, art. Nr. 107 din 03.11.1994.
12. Legea privind frontiera de stat a Republicii Moldova, Nr. 215 din 04.11.2011. În: Monitorul Oficial, Nr. 76-80, art. Nr. 243 din 20.04.2012.
13. Ordonanța de urgență a Guvernului privind frontiera de stat a României, Nr. 105 din 27.06.2001. [On-line]: <http://proiectsisf.mai.gov.ro/DOC/LEGISLATIE%20ROMANA/OUG%20105-2001.pdf>. (Vizitat la: 12.09.2013).
14. Rick „Ozzie” Nelson, Heather A. Conley...[et al.]. Border Security in a Time of Transformation. Two International Case Studies – Poland and India. A Report of the CSIS Homeland Security & Counterterrorism Program, Europe Program, and South Asia Program. Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies, July 2010. 40 p.
15. Securizarea frontierelor și stabilitatea regională. Studiu realizat în cadrul proiectului comun al Republicii Moldova, Ucrainei și României „Noi frontiere în sud-estul Europei și impactul lor asupra stabilității în regiunea Inițiativei Central Europene”. București: Institutul pentru Politici Publice, 2002. 60 p.
16. Simileanu V. Geopolitica și centre de putere. București: TOP FORM, 2010. 370 p.
17. Strategia securității naționale a Republicii Moldova. Hotărârea Parlamentului nr. 153 din 15.07.2011. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 170-175 din 14.10.2011.
18. Tratatul de la Amsterdam. [On-line]: http://www.e-scoala.ro/drept/tratatul_amsterdam.html. (Visited on 21.09.2013).
19. Tratatul de la Lisabona. [On-line]: http://europa.eu/lisbon_treaty/full_text/index_ro.htm. (Visited on 21.09.2013).
20. Vornic S. Securitatea națională a României în contextul securității europene. În: Colocviu strategic, Nr. 10. București: Universitatea Națională de Apărare „Carol I”, 2010.
21. Alfavitnyj ukazatel' statej i ponjatij. [On-line]: <http://nationalecurity.org.ua/2012/10/alfavitnyji-ukazatel-stateji-i-ponyati-2/> (Visited on 17.09.2013).
22. Atasjan N. M., Afanas'ev N. I., Ashin G. P. i dr. Zakon Sojuza Sovetskih Socialisticheskikh Respublik «O gosudarstvennoj granice SSSR»: Politiko-pravovoj kommentarij. Moskva: Voenizdat, 1986. 151 p.
23. Golunov S. V. Rossijsko-kazahstanskaja granica: Problemy bezopasnosti i mezhdunarodnogo sotrudnichestva. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2005. 422 p.
24. Zakon Ukrainy O gosudarstvennoj granice Ukrainy, # 1777-XII ot 04.11.1991 g. [On-line]: http://search.ligazakon.ua/1_doc2.nsf/link1/T177700.html. (Visited on 12.09.2013)
25. Integrirovannoe upravlenie granicami: povyshenie bezopasnosti i uproshhenie procedur peresechenija granicy. [On-line]: <http://www.eubam.org/md/press/news/1091>. (Visited on 21.09.2013).
26. Prikaz Predsedatelja Komiteta gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR ob utverzhdenii Nastavlenija po ohrane gosudarstvennoj granicy SSSR, pograničnyj narjad ot 29.12.1987 goda # 109/DSP. 132 p.
27. Sbornik osnovnyh ponjatij, terminov i opredelenij, ispol'zuemyh pograničnymi vedomstvami gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv v mezhdunarodnoj praktike. Moskva: Granica, 2012. 224 p.

Copyright© Natalia ALBU,
Constantin CULICOVSCHI, 2013.

Contacte / Contacts / Контакты:

Academia Militară a Forțelor Armate „Alexandru cel Bun”.

Str. Haltei, 23, Chișinău, Republica Moldova, MD 2023.

Tel: (+373) 79555807,
e-mail: alburnatalia@yahoo.com
Tel: (+373) 79540473,
e-mail: ccc270478@gmail.com

Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2013, Issue 4, Volume 30, Pages 79-87.

ISSN 1857-1999

Submitted: 16. 10. 2013 | Accepted: 30.11. 2013 | Published: 15.12. 2013

**RELAȚII INTERNAȚIONALE
INTERNATIONAL RELATIONS
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

**ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА
В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ***

**ENERGY SECURITY OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA
IN THE SYSTEM OF REGIONAL GEOPOLITICAL ARCHITECTURE**

**SECURITATEA ENERGETICĂ A REPUBLICII MOLDOVA
ÎN SISTEMUL DE ARHITECTURĂ GEOPOLITICĂ REGIONALĂ**

КИНДЫБАЛЮК Оляна** / KINDIBALYK Olyana / CHINDÎBALIUC Oleana

ABSTRACT:

**ENERGY SECURITY OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA IN THE SYSTEM
OF REGIONAL GEOPOLITICAL ARCHITECTURE**

The article contains the analysis of energy security model of the Republic of Moldova, which is considered both from the standpoint of internal political difficulties and foreign trends in the context of regional geopolitical system. Meanwhile, the main conceptual points of research include the following areas: a) an asymmetric element, being a constant feature of the Republic of Moldova's energy security, not only fragments the geopolitical space, but also complicates the effective functioning of the energy sector of the state. As a result, positioning of the Republic of Moldova in geoenergy environment is under constant threat. b) The ratio of the energy potential of the Right Bank and Left Bank shows disparities of energy potentials of the two segments, the fact that objectively creates an energy imbalance between the right and the left bank of the Dniester. c) The problem of debt for the consumed Russian gas, which is down exclusively in name of „Moldovagaz” should be resolved in the context of the scheme, which would have included the separation of the accumulated debt between the parties that have consumed Russian natural gas - between the Moldovan and Transdniestrian side, i.e. between „Moldovagaz” and ООО „Tiraspoltransgaz”. d) In the context of today's realities, adaptation of the state's foreign policy to the configuration of regional integration models is the prospect of testing of geopolitical code of the state.

* Raport prezentat la Conferință internațională științifico-practică ”Securitatea regională și procesele integraționiste în spațiul extins al Mării Negre: abordări politico-juridice naționale și internaționale”, Chișinău, 28 noiembrie 2013. / Report presented at the International Scientific-practical Conference ”The regional security and integraționiste processes in the expanded area of the Black Sea: political and legal approaches”, Chisinau, November 28, 2013. / Доклад, представленный на международной научно практической конференции ”Региональная безопасность и интеграционные процессы в Большом Причерноморском регионе: политико-правовые подходы”, Кишинев, 28 ноября 2013 г.

** **КИНДЫБАЛЮК Оляна Игоревна** – Кандидат политических наук, научный сотрудник института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы (Кишинёв, Республика Молдова). / **CHINDÎBALIUC Oleana** – Doctor în științe politice, cercetător științific, Institutul de Cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei (Chișinău, Republica Moldova). / **KINDIBALYK Olyana** – PhD in political sciences, scientific fellow, Institute of Judicial and Political Research of the Academy of Sciences of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova).

Key words: energy security, integration processes, pipeline, Transnistria, „Gazprom”, „Moldovagaz”, „South Stream”, energy resources, natural gas.

JEL Classification: F52, F55, K33

РЕЗУМАТ:
**SECURITATEA ENERGETICĂ A REPUBLICII MOLDOVA
ÎN SISTEMUL DE ARHITECTURĂ GEOPOLITICĂ REGIONALĂ**

Articolul reprezintă o analiză a modelului de securitate energetică a Republicii Moldova din perspectiva dificultăților politice interne și evoluția tendințelor politicii externe în contextual sistemului geopolitic regional. Principalele dispoziții conceptuale ale studiului sunt: (a) elementul asimetric, care a devenit o trăsătură constantă a securității energetice a Republicii Moldova, care, nu doar fragmentează spațiul geopolitic, dar, de asemenea, face mai dificil funcționarea eficientă a sectorului energetic al țării. Ca rezultat, poziționarea Moldovei în mediul geoenergetic este sub amenințare constantă. (b) Raportul dintre capacitatea energetică a Malului drept și a Malului stâng a demonstrat neconcordanțele celor două segmente de energia potențială, care, în mod obiectiv creează un dezechilibru de putere între malurile Drept și Stâng al Nistrului. (c) Reglementarea problemei cu privire la datorii pentru gazele rusești consumate, care este în exclusivitate pe seama S.A. „Moldovagaz”, ar trebui de soluționat în cadrul schemei, care ar presupune divizarea datoriei acumulate între părțile care au utilizat gazul natural - între Moldova și Transnistria, adică între S.A. „Moldovagaz” și SRL „Tiraspoltransgaz”. (d) În contextul realităților de azi este necesar de a adapta politica externă a țării la modelele de integrare regională, ceea ce ar deschide perspectiva aprobării codului geopolitic al statului.

Cuvinte cheie: securitatea energetică, procese de integrare, conductă de gaze naturale, Transnistria, „Gazprom”, S.A. „Moldovagaz”, South Stream, resurse energetice, gaz natural.

JEL Classification: F52, F55, K33

CZU: 327.8, 327.33

РЕЗЮМЕ:
**ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА
В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ**

В статье представлен анализ энергетической модели безопасности Республики Молдова, рассмотренной с позиции внутривнутриполитических сложностей и внешнеполитических тенденций в контексте региональной геополитической системы. Основными концептуальными положениями исследования являются: а) асимметричный элемент, ставший константной характеристикой энергетической безопасности Республики Молдова, не только фрагментирует геополитическое пространство, но и усложняет эффективное функционирование энергетического комплекса страны. В результате, позиционирование Молдовы в геоэнергетической среде находится под постоянной угрозой. б) Соотношение энергетических возможностей Правобережья и Левобережья свидетельствует о неравноценности энергетических потенциалов двух сегментов, что объективно создает энергетическое неравновесие между правым и левым берегом Днестра. в) Проблему урегулирования задолженности за потребленный российский газ, которая числится исключительно за АО «Молдовагаз» следует решать в контексте схемы, которая бы предусматривала разделение накопившегося долга между сторонами, потреблявшими природный газ – между молдавской и приднестровской стороной, т.е. между АО «Молдовагаз» и ООО «Тираспольтрансгаз». д) В контексте сегодняшних реалий, адаптация внешнеполитического курса страны к региональной конфигурации интеграционных моделей – перспектива апробации геополитического кода государства.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, интеграционные процессы, газопровод, Приднестровье, ОАО «Газпром», АО «Молдовагаз», «Южный поток», энергоресурсы, природный газ.

JEL Classification: F52, F55, K33

УДК: 327.8, 327.33

В системе геоэнергетических процессов современности модель энергетической безопасности стран, выступающих чистым импортером углеводородов, ориентирована, не только на восполнение нехватки собственных энергоресурсов для покрытия внутренних нужд, но и на способность приспосабливаться к меняющейся конфигурации сил на региональных рынках. Проблема внутренней энергетической уязвимости Республики Молдова дополнительно обусловлена неурегулированностью задолженности за потребленный российский газ. В этой увязке остро стоит вопрос о долговых обязательствах приднестровской стороны. В 2009 г. Приднестровье полностью приостановило платежи за российский газ. Вместе с тем, несвоевременный и неполный расчет за его поставку и потребление налагает штрафные санкции, выплата которых, одновременно с накопленной задолженностью, полностью числится за предприятием АО «Молдовагаз».

В этой связи, ссылаясь на данные Приднестровского республиканского банка, отметим, что задолженность приднестровья за российский природный газ за январь-сентябрь 2012 г. составила 599,4 млн долл.¹ За указанный период Россия экспортировала в Молдову, включая Приднестровье, 2 млрд 160 млн куб. м газа. В дополнение к вышесказанному, общий долг за поставленный российский газ АО «Молдовагаз» перед ОАО «Газпромом» с учетом задолженности левобережья на сегодня составляет 4 млрд 1 млн долл. По различным оценкам общая сумма задолженности приднестровской стороны составляет порядка 3,5 - 3,7 млрд долл.² В этом контексте примечательно заметить, что согласно данным, предоставленным Приднестровским республиканским банком, стоимость импортируемого российского природного газа для приднестровских

предприятий практически вдвое ниже, чем в соседних государствах.³ В свою очередь напомним, что начиная с 2011 г. Молдова получает газ по среднеевропейской цене. Цена на российский газ рассчитывается по европейской формуле, учитывающей цену реализации газа российской компанией в страны дальнего зарубежья за последние 9 месяцев года, предшествующего году поставки газа.⁴

Очевидно, что вопрос внешнего долга за потребленный российский природный газ, особо актуализирует проблему энергетического диссонанса. Во многом такая огромная сумма, приведенная нами выше, обусловлена тем фактом, что импортируемый газ реализуется в регионе по ценам значительно ниже закупочных. Таким образом, возникает заметная разница между внутренними тарифами на газ и контрактной ценой, по которой Республика Молдова импортирует российское топливо. В то же время, следует учитывать, что финансовые средства, получаемые от продажи природного газа, используются властями региона для покрытия дефицита бюджета, а также в целях реализации различных социальных программ. В связи с чем, общая задолженность за природный газ является существенной и постоянно растущей.

По сути, вопрос о реструктуризации задолженности за российский газ и, следовательно, о снижении негативной динамики ее поступательного роста и накопления - это вопрос, который касается молдавской, российской и приднестровской стороны. Исследование природы накопленной задолженности с учетом поставок природного газа прошлых лет, позволяет отметить, что в отношении молдавской стороны речь идет о финансовой стороне вопроса, в то время как в отношении приднестровской – политической.

В этом контексте, было бы целесообразным, чтобы та величина долга, которая, в общем, числится за АО

¹ Денежные доходы и расходы населения за январь-сентябрь 2012 г. В: Вестник Приднестровского республиканского банка. Январь 2013, № 1 (164), с. 28 – 33.

² Datoria Moldovei pentru gazele naturale rusești a depășit cifra de 4 miliarde de dolari. [On-line]: <http://moldnews.md/rom/news/54673>. (Дата посещения: 03.06.2013).

³ Мониторинг предприятий индустрии. В: Вестник Приднестровского республиканского банка. Апрель 2013, №4 (167), с. 22 – 27.

⁴ Среднегодовая цена на российский газ для Молдавии в 2012 г. выросла на 16,1%. [On-line]: <http://m.oilcapital.ru/konyunktura/202912.html>. (Дата посещения: 03.06.2013).

«Молдовагаз», но образовалась вследствие потребления газа приднестровским регионом, была бы перечислена на счет ООО «Тираспольтрансгаз» и выплачена им. С этой точки зрения механизм управления газовым долгом предусматривает схему, которая бы отчетливо оговаривала разделение аккумулированной задолженности между сторонами, потребляющими газ. Иными словами, «Тираспольтрансгаз», обеспечивающий транзит российского газа по территории Молдовы, и выступающий в качестве отдельного потребителя должен самостоятельно оплачивать потребляемый им газ. Таким образом, считается вполне логичным подписание между ОАО «Газпром» и ООО «Тираспольтрансгаз» отдельного соглашения, которое регулировало бы поставку российского природного газа в Приднестровье. Следует отметить, что позиция молдавской стороны, придерживающейся подобной формулы реструктуризации долга, является вполне обоснованной. В свою очередь, урегулирование задолженности, числимой за «Молдовагаз» должно происходить посредством выплаты предприятием той суммы долга, которая накопилась вследствие потребления газа на правом берегу Днестра. В свою очередь следует подчеркнуть, что согласно действующему соглашению между АО «Молдовагаз» и ОАО «Газпром», вопрос о разграничении долгов за потребленный природный газ Молдовой и приднестровским регионом не предусматривается.

Анализ электроэнергетического сегмента в структуре внешнеполитической составляющей энергетической безопасности страны позволяет отметить, что в настоящее время для страны является актуальным вопрос интеграции в европейскую систему транспорта электроэнергии ENTSO-E. Надо заметить, что Республика Молдова рассматривает присоединение к данной сети как перспективу диверсификации источников электроэнергии. В рассматриваемом контексте, отметим, что на сегодня страна совместно с Украиной являются ассоциированными членами данной структуры. Заявка на интеграцию энергосистем двух стран в синхронную зону Генеральной ассамблеи объединенной

энергосистемы Европы (UCTE) была подана странами еще в мае 2006 г. С учетом того, что организация UCTE совместно с другими электрическими сетями объединения вошла в 2009 г. в состав ассоциации ENTSO-E с сохранением прежних обязательств по UCTE, Молдова и Украина сохранили свой статус в данной структуре. Согласно положениям Энергетической стратегии Республики Молдова на период 2030 г., 2020 г. отмечен как крайний срок завершения присоединения страны к данной системе.⁵ С позиции энергетической безопасности, Молдова рассматривает перспективу присоединения к ENTSO-E как возможность разрешения односторонней электроэнергетической зависимости от Украины, являющейся единственным поставщиком электроэнергии в страну. С этой точки зрения, интеграция страны в европейскую континентальную систему, как отмечается в новой Энергетической стратегии, может способствовать превращению страны в транзитера электрической энергии на европейский рынок.⁶

Анализ сложностей интеграции страны в общеевропейскую сеть системных операторов передачи электроэнергии, позволяет обозначить несколько ключевых соображений по данному вопросу. Во-первых, нужно отметить, что в этом направлении у страны до сих пор имеются определенные трудности. Например, не было завершено строительство высоковольтной линии электропередач Бельцы-Сучава мощностью 400 кВ, общая протяженность которой составит 116 км, из них - 56 км должны пройти по территории Республики Молдова.⁷ Вместе с тем, не была проведена

⁵ Strategia energetică a Republicii Moldova până în anul 2030. Publicată: 08.02.2013 în Monitorul Oficial nr. 27-30 art. nr: 146. [On-line]: http://www.gov.md/public/files/ordinea_de_zi/16012013/Int_r03.pdf. (Дата посещения: 17.01.2013).

⁶ Strategia energetică a Republicii Moldova până în anul 2030. Publicată: 08.02.2013 în Monitorul Oficial nr. 27-30 art. nr: 146. [On-line]: http://www.gov.md/public/files/ordinea_de_zi/16012013/Int_r03.pdf. (Дата посещения: 17.01.2013).

⁷ Strategia energetică a Republicii Moldova până în anul 2030. Publicată: 08.02.2013 în Monitorul Oficial nr. 27-30 art. nr: 146. [On-line]: http://www.gov.md/public/files/ordinea_de_zi/16012013/Int_r03.pdf. (Дата посещения: 17.01.2013).

окончательная модернизация и восстановление электроэнергетической сети страны. В связи с чем, в настоящее время, она не отвечает требованиям магистральных сетей Европейского союза. Во-вторых, необходимо учитывать, что Молдова намеревается подключиться к сети самостоятельно, т.е. отдельно от Украины, что создает ряд дополнительных сложностей, поскольку в таком случае необходимо произвести разрыв электрических связей страны с энергосистемами Украины и приднестровья, чтобы объединить ее с электрической сетью Румынии, как планирует Молдова. В таком случае энергосистема Правобережья может оказаться не в состоянии самостоятельно гарантировать электропотребление, а только на 25-30%.⁸ Исходя из этого, считается целесообразным совместное присоединение электрических систем двух стран к европейской сети.

Приведенный нами ряд внутриполитических сложностей в системе энергетической безопасности страны тесно коррелирует с тенденциями на внешнем энергетическом рынке. В контексте новой трубопроводной конфигурации европейского континента, в частности, связанного со строительством «Южного потока», Молдова, постепенно утрачивает роль своеобразного транзитного моста, осуществляющего поставку энергоносителей с Востока на Запад, объективно оказывается в новых газовых реалиях, негативно сказывающихся на состоянии государства. Так, в создаваемых условиях цена на газ для внутренних потребителей Молдовы вновь увеличится. Отметим, что в сегодняшних реалиях, Молдова является важным транзитером российского газа в Румынию, Болгарию, а также Турцию, которая совсем недавно отказалась от этого маршрута. При этом часть транспортируемого через молдавскую территорию газа поступает в Грецию и Македонию. В свою очередь именно магистральное направление Ананьев - Тирасполь-Измаил, Раздельная-Измаил, Шебелинка-Днепропетровск-Кривой Рог-

Измаил и компрессорная станция Вулканешты обеспечивают транспортировку газа через молдавскую территорию в страны Балканского региона. Россия в этом контексте является основным поставщиком энергоресурсов на Балканы.⁹ Более того электроэнергия, генерируемая Молдавской ГРЭС на базе российского газа, поставляется в саму Румынию.

С позиции системного мировидения, в евро-евразийской системе координат, в настоящее время Молдова является отдельным сегментом, выполняющим роль «нагрузки» транзитного государства на евро-евразийский геополитический пласт. Согласно данным «Молдовагаз», общий объем транзита российского газа через территорию Республики Молдова в страны Балканского региона в 2012 г. составил 19 млрд 620 млн куб. м газа.¹⁰ По сути, Молдова, исполняя функцию энергетического коннектора, гарантирует поставки российского природного газа в европейские страны, в частности, в его балканский сегмент. С позиции энергетической безопасности, речь идет о структурообразующей роли государства в качестве транзитного компонента в общей системе энергетической сети. Основываясь на положении теоретической конструкции, разработанной современным теоретиком-структуралистом Кеннетом Уолтцем, по мнению которого, «стабильность – это состояние, при котором система просто способна продолжить свое существование, не разрушаясь»,¹¹ позиционирование Молдовы в качестве составного элемента системы стабильности, позволяет нам акцентировать внимание на немаловажной роли государства

⁸ Голуб Кристина. Присоединиться к европейской энергосистеме Молдова намерена самостоятельно. [On-line]: <http://www.kommersant.md/node/4710>. (Дата посещения: 03.06.2013).

⁹ Калоева Е.Б. Энергетический рынок Балкан между интересами Востока и Запада. В: Энергетический фактор в экономике и политике стран Восточной Европы: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глоб. и регион. проблем. Отдел Вост. Европы. Серия: Проблемы общественной трансформации в странах Восточной Европы и России. Отв. ред. Игрицкий Ю.И. М.: ИНИОН РАН, 2010, с. 141.

¹⁰ Поставка, транспортировка и реализация природного газа. [On-line]: <http://www.moldovagaz.md/menu/ru/about-company/transportation>. (Дата посещения: 11.11.2013).

¹¹ Waltz K.N. Theory of International Politics. Reading, Mass.: Addison-Wesley Pub. Co., 1979, p. 161 – 163.

в поддержании энергетической безопасности европейского пространства.

Таким образом, внутривосточные сложности, характерные для энергетической среды национальной безопасности Республики Молдова подчеркивают наличие существующих субтильностей, образовавшихся как в электроэнергетическом секторе страны, так и в сфере природного газа.

Вместе с тем, энергетический аспект безопасности Молдовы задает новый тон содержанию внешнеполитического вектора, традиционно именуемого «Восток-Запад». В таком контексте, когда уровень использования ВИЭ и энергетической эффективности в государстве очень низкий, для государства важно выбрать продуманную, конструктивную линию поведения по ключевым направлениям энергетической политики. Архиважно, чтобы она не выстраивалась на противоречиях между Востоком и Западом и, чтобы сказанное выше не воспринималось чрезмерно дискуссионным, подчеркнем, что реальность уже не раз подтверждала обоснованность предлагаемого подхода и косвенно приводила примеры в пользу его состоятельности. Участие Молдовы в ГУАМ так и не смогло улучшить энергетический потенциал страны, а транспортно-энергетическое направление, так и не стало обуславливающей предпосылкой устойчивого энергетического развития. Отметим, что тенденция стран выстроить свой трубопроводный сценарий - маршрут транспортировки энергоносителей, когда политическая амбициозность превалирует над экономической целесообразностью, не всегда удается. Энергетический проект «Белый поток» (White Stream) является наглядным тому примером. Предлагаемый энергетический проект, основная идея которого диверсификация поставок природного газа в Европу и Украину с тем, чтобы снизить свою зависимость от России по-прежнему остается виртуальным. В этом контексте отметим, что дискуссии о строительстве маршрута «Белый поток» предложенного Украиной, ведутся с 2005 г. Планировалось, то трубопровод, протяженностью свыше 2,5 тыс. км, с максимальной пропускной способностью – до

22 млрд куб. м газа в год и приблизительной стоимостью – 5 млрд долл., удастся подключить к Юго-Кавказскому газопроводу, расположенному рядом с Тбилиси. Концепция трубопровода была следующей - 650 км планировалось проложить по дну Черного моря в Крыму, и в Феодосии подключить его к газотранспортной системе Украины. Согласно альтернативному плану, подводную часть трубопровода планируется продлить до Румынии.

Вместе с тем, Молдова, лишенная богатых месторождений нефти и газа, и, к сожалению, не располагающая его подземными хранилищами, не должна упустить свой шанс при имплементации важных интеграционных моделей. Географическое местоположение – важная основа выстраивания долгосрочных и стратегических отношений.

В свете последних событий, высвечивающих трубопроводное измерение безопасности страны, существенным является вопрос о строительстве газопровода «Унгены-Яссы», которое было начато 27 августа 2013 г. Отметим, что в конце марта 2013 г. Национальный орган по регламентированию в области энергетики Румынии заявил об отмене строительства данного газопровода.¹² Считалось, что поскольку румынский газ будет поступать в страны Европы, в частности, в Болгарию по трубопроводу Джуржуи-Русе и в Венгрию – по газопроводу Арад-Сегед, строительство газопровода «Унгены-Яссы» становится бессмысленным. Однако уже в мае 2013 г. Национальное агентство по минеральным ресурсам Румынии объявило тендер на строительство газопровода. Подчеркнем, что его строительство поддерживается Европейской комиссией, в свою очередь, частичное финансирование разворачивается в рамках операционной программы «Румыния-Украина-Молдова», рассчитанной на 2007-2013 гг. Общая стоимость проекта составляет 19 млн евро, 12 млн евро из которых должна будет покрыть Румыния, а 7 млн евро – Республика Молдова. Отметим, что

¹² Exporturile de gaze prin Iași - Ungheni spre Republica Moldova, stopate. [On-line]: <http://www.ziaruldeiasi.ro/stiri/exporturile-de-gaze-prin-iasi-ungheni-spre-republica-moldova-stopate--3913.html>. (Дата посещения: 03.10.2013).

дискуссии о строительстве данного газопровода, общая протяженность которого составляет 43,2 км, ведутся с 2005 г. По территории Румынии планируется проложить 32,2 км планируемого газопровода и 11 км – по территории Молдовы. Данный газопровод по подсчетам должен обеспечить поставку 1,5 млрд куб. м газа в год.

Учитывая современный подход стран к трубопроводной политике, нацеленный на снижение зависимости от транзитных государств, для Молдовы вопрос диверсификации *per se* является преимущественно актуальным. Однако, в условиях высоких цен на энергоресурсы, истощения дешевых месторождений углеводородов и ряда политических факторов, строительство данного газопровода не разрешит проблему снижения цены на газ.

Газопровод «Унгены-Яссы» имеет хороший смысл в том случае, если он будет дотянут до Дюндюшан, тогда мы бы имели полную увязку нашей газовой системы. Однако, замыкаясь на Унгенах, газопровод имеет локальное значение и не решает проблему энергетической безопасности снабжения страны. Между тем, для завершения взаимоподключения газотранспортных сетей двух государств: Молдовы и Румынии дополнительно нужно будет построить компрессионные станции и еще один газопровод Унгены - Кишинев. Вместе с тем, затраты на эти проекты примерно в 10 раз превышают стоимость самого газопровода Яссы-Унгены. Отметим, что до сих пор молдавская сторона не сумела изыскать денег на покрытие своей части строящегося газопровода, обратившись за помощью к Румынии и европейским фондам. Вместе с этим, дополнительным моментом в этом контексте является диалектическое противоречие газового содержания, заключающееся в том, что Румыния, которая планирует поставлять газ в Молдову, в настоящее время, сама импортирует приблизительно от 22% до 42% газа из России. Главным образом это происходит по причине того, что страна не в силах полностью покрывать внутренние потребности в газе полагаясь на собственные месторождения, которые в зимний период

только возрастают.¹³ Более того в зимнее время газопроводы питающие ТЭС в Яссах технически не способны поддерживать требуемое давление в трубе. В затронутом контексте хотелось бы обратить внимание на то, что Румыния ежегодно потребляет около 18 млрд куб. м природного газа. При этом только две трети из этого объема покрываются за счет собственного производства, а остальные объемы импортируются из России, которая продает стране газ с 1972 г.¹⁴

Однако, считается, что Румыния, приступившая вслед за Литвой, Украиной и Польшей, к разработке собственных месторождений сланцевого газа сможет полностью покрыть потребность в импорте природного газа из России, смягчив, таким образом, местную экономику от потребности в дополнительных энергоисточниках.¹⁵ В рассматриваемом контексте важно учитывать экологические последствия добычи этого вида энергии, которые до сих пор остаются актуальными. В их числе – неясность в отношении воздействия химикалий, остающихся после извлечения газа, на экологию, а также неизученность вопроса взаимодействия субстанций, которые оказываются на поверхности пробуренных пород, с окружающей средой. Более того, важно отметить, что технологии добычи этого вида газа в полной мере доступны пока только США. Возможно, в рассматриваемом контексте целесообразно было бы поставить вопрос о черноморском шельфе, который Румыния отсудила у Украины в 2009 г. и, который богат запасами газа. Однако в этой связи следует понимать, что вопрос разработки месторождения – это вопрос времени, которое должно подтвердить рентабельность добычи и только потом

¹³ Биткова Т.Г. Энергетика Румынии в контексте общеевропейского развития. В: Энергетический фактор в экономике и политике стран Восточной Европы: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глоб. и регион. проблем. Отдел Вост. Европы. Серия: Проблемы общественной трансформации в странах Восточной Европы и России. Отв. ред. Игрицкий Ю.И. М.: ИНИОН РАН, 2010, с. 122.

¹⁴ Там же.

¹⁵ AFP: Romania mizează pe gazele de sist. [On-line]: <http://www.ziare.com/economie/gaz/afp-romania-mizeaza-pe-gazele-de-sist-11574955>. (Дата посещения: 07.02.2013).

вынести за скобки окончательные сроки их начала. В отношении шельфовых месторождений Румынии, как отмечает большинство экспертов, вопрос начала добычи соизмерим с концом десятилетия.

Таким образом, вследствие ограниченности собственных источников, государству, необходимо приспособлять свою геополитическую реальность к реалиям уже существующей системы отношений. В контексте сегодняшних реалий, адаптация внешнеполитического курса страны к региональной конфигурации интеграционных моделей – перспектива апробации геополитического кода государства. В данном ракурсе, энергетически уязвимой Молдове необходимо развивать курс – на сотрудничество с Западом и Востоком. В свою очередь необходима выработка консолидированной позиции в отношении участия государства и его последующего членства в интеграционных моделях современности – европейской и евразийской, которое следует развивать в проекции ассоциированного членства в Евросоюзе и Таможенном союзе. В контексте геополитических трансформаций восточное и западное направления внешней политики Молдовы должны стать выражением геополитического кода страны через евро-евразийское пространство. Тот факт, что Молдова расположена в юго-восточной Европе и является частью евразийского пространства, и тем самым может развивать отношения как в восточном направлении – с Россией, богатой энергетическими ресурсами, так и западном – поддерживая внешнеполитический вектор в сторону Запада, на самом деле только подтверждает неоспоримую реальность. С этой точки зрения, Молдове необходимо искать оптимальные пути поддержания энергобезопасности на основе имеющихся возможностей. Тем более что географическое расположение между Россией и Украиной с одной стороны, и Балканами, с другой позволяет это сделать. Основным содержанием этого является тот факт, что предприятия Молдовы получают уникальную возможность предоставлять на базе долгосрочных договорных отношений услуги по транзиту и транспортировке

электроэнергии, природного газа, получая взамен определенные выгоды. По сути, государство, будучи их бенефициантом, может не только преодолевать свою энергетическую несостоятельность, но и поддерживать экономическое развитие. Для этого необходимо выступать аттрактором долгосрочных иностранных инвестиций в существующую инфраструктуру энергетических сетей. Что, по сути, в дальнейшем могло бы частично решить проблему задолженностей страны за импортируемые энергоресурсы. В качестве объектов инвестиций могли бы выступить ТЭЦ-1 и ТЭЦ-2 в Кишиневе, АО «Термоком», электрораспределительные предприятия RED Nord, а также RED Nord Vest, железная дорога и многие другие инфраструктурные объекты.

Библиография:

1. Биткова Т.Г. Энергетика Румынии в контексте общеевропейского развития. В: Энергетический фактор в экономике и политике стран Восточной Европы. Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глоб. и регион. проблем. Отдел Вост. Европы. Серия: Проблемы общественной трансформации в странах Восточной Европы и России. Отв. ред. Игрицкий Ю.И. М.: ИНИОН РАН, 2010, с. 120 – 138.
2. Голуб Кристина. Присоединиться к европейской энергосистеме Молдова намерена самостоятельно. [On-line]: <http://www.kommersant.md/node/4710>. (Дата посещения: 03.06.2013).
3. Денежные доходы и расходы населения за январь-сентябрь 2012 г. В: Вестник Приднестровского республиканского банка. Январь 2013, № 1 (164), с. 28 – 33.
4. Калоева Е.Б. Энергетический рынок Балкан между интересами Востока и Запада. В: Энергетический фактор в экономике и политике стран Восточной Европы. Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глоб. и регион. проблем. Отдел Вост. Европы. Серия: Проблемы общественной трансформации в странах Восточной Европы и России. Отв. ред. Игрицкий Ю.И. М.: ИНИОН РАН, 2010, с. 139 – 171.
5. Мониторинг предприятий индустрии. В: Вестник Приднестровского республиканского банка. Апрель 2013, №4 (167), с. 22 – 27.

6. Поставка, транспортировка и реализация природного газа. [On-line]: <http://www.moldovagaz.md/menu/ru/about-company/transportation>. (Дата посещения: 11.11.2013).

7. Среднегодовая цена на российский газ для Молдавии в 2012 г. выросла на 16,1%. [On-line]: <http://m.oilcapital.ru/konyunktura/202912.html>. (Дата посещения: 03.06.2013).

8. AFP: Romania mizează pe gazele de sist. [On-line]: <http://www.ziare.com/economie/gaz/afp-romania-mizeaza-pe-gazele-de-sist-11574955>. (Дата посещения: 07.02.2013).

9. Datoria Moldovei pentru gazele naturale rusești a depășit cifra de 4 miliarde de dolari. [On-line]: <http://moldnews.md/rom/news/54673>. (Дата посещения: 03.06.2013).

10. Exporturile de gaze prin Iași - Ungheni spre Republica Moldova, stopate. [On-line]: <http://www.ziaruldeiasi.ro/stiri/exporturile-de-gaze-prin-iasi-ungheni-spre-republica-moldova-stopate--3913.html>. (Дата посещения: 03.10.2013).

11. Strategia energetică a Republicii Moldova până în anul 2030. Publicată: 08.02.2013 în Monitorul Oficial nr. 27-30 art. nr: 146. [On-line]: http://www.gov.md/public/files/ordinea_de_zi/16012013/Intr03.pdf. (Дата посещения: 17.01.2013).

12. Waltz K.N. Theory of International Politics. Reading, Mass.: Addison-Wesley Pub. Co., 1979. 251 p.

Bibliography:

1. Bitkova T.G. Jenergetika Rumynii v kontekste obshheevropejskogo razvitija. V: Jenergeticheskiy faktor v jekonomike i politike stran Vostochnoj Evropy: Sb. nauch. tr. / RAN. INION. Centr nauch.-inform. issled. glob. i region. problem. Otdel Vost. Evropy. Serija: Problemy obshhestvennoj transformacii v stranah Vostochnoj Evropy i Rossii. Otv. red. Igrickij Ju.I. M.: INION RAN, 2010, p. 120 – 138.

2. Golub Kristina. Prisoedinit'sja k evropejskoj jenergosisteme Moldova namerena samostojatel'no. [On-line]: <http://www.kommersant.md/node/4710>. (Data poseshhenija: 03.06.2013).

3. Denezhnye dohody i rashody naselenija za janvar'-sentjabr' 2012 g. V: Vestnik Pridnestrovskogo respublikanskogo banka. Janvar' 2013, # 1 (164), p. 28 – 33.

4. Kaloeva E.B. Jenergeticheskiy rynok Balkan mezhduraznami Vostoka i Zapada. V: Jenergeticheskiy faktor v jekonomike i politike stran

Vostochnoj Evropy: Sb. nauch. tr. / RAN. INION. Centr nauch.-inform. issled. glob. i region. problem. Otdel Vost. Evropy. Serija: Problemy obshhestvennoj transformacii v stranah Vostochnoj Evropy i Rossii. Otv. red. Igrickij Ju.I. M.: INION RAN, 2010, p. 139 – 171.

5. Monitoring predpriyatij industrii. V: Vestnik Pridnestrovskogo respublikanskogo banka. April' 2013, #4 (167), p. 22 – 27.

6. Postavka, transportirovka i realizacija prirodnogo gaza. [On-line]: <http://www.moldovagaz.md/menu/ru/about-company/transportation>. (Data poseshhenija: 11.11.2013).

7. Srednegodovaja cena na rossijskiy gaz dlja Moldavii v 2012 g. vyrosla na 16,1%. [On-line]: <http://m.oilcapital.ru/konyunktura/202912.html>. (Data poseshhenija: 03.06.2013).

8. AFP: Romania mizează pe gazele de sist. [On-line]: <http://www.ziare.com/economie/gaz/afp-romania-mizeaza-pe-gazele-de-sist-11574955>. (Data poseshhenija: 07.02.2013).

9. Datoria Moldovei pentru gazele naturale rusești a depășit cifra de 4 miliarde de dolari. [On-line]: <http://moldnews.md/rom/news/54673>. (Data poseshhenija: 03.06.2013).

10. Exporturile de gaze prin Iași - Ungheni spre Republica Moldova, stopate. [On-line]: <http://www.ziaruldeiasi.ro/stiri/exporturile-de-gaze-prin-iasi-ungheni-spre-republica-moldova-stopate--3913.html>. (Data poseshhenija: 03.10.2013).

11. Strategia energetică a Republicii Moldova până în anul 2030. Publicată: 08.02.2013 în Monitorul Oficial nr. 27-30 art. nr: 146. [On-line]: http://www.gov.md/public/files/ordinea_de_zi/16012013/Intr03.pdf. (Data poseshhenija: 17.01.2013).

12. Waltz K.N. Theory of International Politics. Reading, Mass.: Addison-Wesley Pub. Co., 1979. 251 p.

Copyright ©Oleana CHINDÎBALIUC, 2013.

Contacte / Contacts / Контакты:

Институт юридических и правовых исследований Академии наук Молдовы.

Кишинев, Б-р. Штефана чел Маре, 1, отдел международного права и международных отношений, каб. 306.

E-mail: olyana.kindibalyk@gmail.com

Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2013, Issue 4, Volume 30, Pages 88-95.

ISSN 1857-1999

Submitted: 12. 6. 2013 | Accepted: 30.11. 2013 | Published: 15.12. 2013

**TRIBUNA TINERILOR CERCETĂTORI
THE TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS
ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

**CARACTERELE ȘI CONȚINUTUL PRINCIPIULUI SOLUȚIONĂRII PAȘNICE A
DIFERENDELOR INTERNAȚIONALE**

**THE CHARACTER AND CONTENT OF THE PRINCIPLE PEACEFUL
SETTLEMENT OF THE INTERNATIONAL DISPUTES**

**ХАРАКТЕР И СОДЕРЖАНИЕ ПРИНЦИПА МИРНОГО РАЗРЕШЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРОВ**

BOBOC Lucia * / BOBOC Lucia / БОБОК Лючия

ABSTRACT:

**THE CHARACTER AND CONTENT OF THE PRINCIPLE PEACEFUL SETTLEMENT
OF THE INTERNATIONAL DISPUTES**

The fundamental principles of public international law encompass a set of characteristic features which force them to differ from other principles of international law. Under this context were analyzed the characters and the content of the principle of peaceful settlement of international disputes.

By establishing basic features such as: universality, general content, defending the values of particular importance for humanity, peremptory norm, represents the same legal weight that is characteristic to all fundamental principles, has been tried to determine its importance in maintaining international peace and security.

Regarding the content of analyzed principle, we should mention that it establishes a set of obligations on states, obligations that are intended to prevent the possible outbreak of a dispute as well as prohibiting the use of force as a means of solving international disputes. Therefore, such an analysis highlights the role and place that each principle holds separately and combined, in order to build an international society based on peace and security.

Keywords: principle, characters, content, peace, obligations, security.

JEL Classification: K33, K49 , F51

РЕЗЮМЕ:

**ХАРАКТЕР И СОДЕРЖАНИЕ ПРИНЦИПА МИРНОГО РАЗРЕШЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРОВ**

Основные принципы международного публичного права включают в себя набор характерных особенностей на базе которых отличаются от других принципов международного права. В связи с этим были рассмотрены характеристики и содержание принципа мирного разрешения международных споров.

* **BOBOC Lucia** - Magistru în drept internațional, Doctorand, Universitatea de Stat din Moldova (Chișinău, Republica Moldova). / **BOBOC Lucia** - Master of International Law, Ph.D student, The Moldova State University (Kishinev, The Republic of Moldova). / **БОБОК Лючия** - Магистр международного права, аспирант, Молдавский Государственный университет (Кишинев, Республика Молдова).

Профессор Марциан Ничю предлагает следующие характеристики принципов международного права: универсальность, главное назначение которых состоит в том, что они отстаивают особенно важные ценности для человечества, являются частью императивных норм (обязательных правил) и то, что имеют такую же правовую силу, как все фундаментальные принципы. Эти характеристики были подчеркнуты для того, чтобы показать их важность (значение) в поддержании международного мира и безопасности.

Учитывая содержание данного принципа следует отметить, что данный принцип устанавливает ряд обязательств со стороны государства, которые предназначены для предотвращения возможных споров, а также запрещение применения силы как средства урегулирования любых международных споров. Таким образом, такой анализ подчеркивает роль и место, которую играет каждый из принципов в отдельности или в сочетании с другими в создании международного общества, основанного на мире и безопасности.

Ключевые слова: принцип, характеристики, содержание, мир, обязательства, безопасность

JEL Classification: K33, K49, F51

УДК: 341.61, 341.621, 327.57

REZUMAT:

CARACTERELE ȘI CONȚINUTUL PRINCIPIULUI SOLUȚIONĂRII PAȘNICE A DIFERENDELOR INTERNAȚIONALE

Principiile fundamentale ale dreptului internațional public înglobează în sine un set de trăsături caracteristice în baza cărora se deosebesc de celelalte principii de drept internațional. În acest context au fost analizate caracterele și conținutul principiului reglementării pe cale pașnică a diferendelor internaționale.

Prin stabilirea trăsăturilor de baza: universalitatea, conținutul general, apărarea valorilor de o deosebită importanță pentru omenire, norma imperativă, reprezintă aceeași valoare juridică caracteristică tuturor principiilor fundamentale, s-a încercat a stabili importanța acestuia în menținerea păcii și securității internaționale.

Cu referire la conținutul principiului analizat, trebuie să menționăm că acesta stabilește un set de obligații din partea statelor, obligații care au menirea de a preveni pe cât posibil izbucnirea unui diferend, precum și interzicerea recurgerii la forță ca mijloc de transare a oricarui diferend internațional. Prin urmare, o asemenea analiză pune în evidențe locul și rolul ce revine fiecărui principiu aparte și luate în ansamblu, în scopul edificării unei societăți internaționale bazate pe pace și securitate.

Cuvinte cheie: principiu, caractere, conținut, pace, obligații, securitate.

JEL Classification: K33, K49, F51

CZU: 341.61, 341.621, 327.57

În contextul analizei principiului dat, ne orientăm atenția asupra faptului că, principiile fundamentale ale dreptului internațional public au anumite trăsături caracteristice, prin care ele se deosebesc de celelalte principii ale acestui drept.¹

În doctrina juridică se susține că un principiu nu este altceva decât un concept general care are avantajul de a fi aplicat la un mare număr de situații concrete și diferite, el însuși dedus din

reguli concrete. În același timp, analiza conținutului principiilor de drept internațional ne ajută să înțelegem semnificația normelor juridice care reglementează relațiile interstatale și care contribuie la stabilirea unor relații pașnice între state.²

Prin urmare profesorul Niciu Marțian, ne prezintă următoarele caracteristici ale principiilor fundamentale ale dreptului internațional: **universalitatea, conținutul lor general, apărarea valorilor de o deosebită importanță**

¹ Niciu Marțian. Drept internațional public. Volumul I, Ediția a II-a. Iași: Editura Fundației Chemarea, 1995, p. 53-58.

² Deaconu Ștefan. Principiul bunei vecinătăți în dreptul românesc. București: Editura AllBeck, 2005, p. 22-27.

*pentru omenire, fac parte din categoria normelor imperative, au aceeași valoare juridică.*³

Enunțarea acestor caracteristici prezintă o importanță deosebită din considerentul că, soluționarea prin mijloace pașnice a diferendelor internaționale constituie unul din principiile fundamentale ale dreptului internațional public

Caracterul de universalitate se manifestă prin faptul că aplicabilitatea principiului se răsfrânge asupra tuturor statelor indiferent de poziția lor geografică. Altfel spus, indiferent de zona în care se va declanșa un diferend acesta va fi soluționat prin mijloace pașnice.

Principiile fundamentale se caracterizează prin **conținutul lor general**, adică spre deosebire de alte principii ale dreptului internațional, aplicabile într-un domeniu mai mult sau mai puțin îngust al relațiilor internaționale ele reprezintă latura cea mai esențială a sistemului de norme și instituții ale dreptului internațional

Prin urmare, generalitatea lor se manifestă „atât în ceea ce privește modul lor de formare și dezvoltare, cât și asupra drepturilor și obligațiilor ce constituie conținutul lor”⁴

Reieșind din cele menționate, generalitatea acestui principiu ar putea fi definită: „ca un concept ce are un cuprins juridic..., un concept general de drept cu aplicabilitate universală față de toate statele și cu privire la cele mai diverse situații și apără valori umane de o deosebită importanță pentru omenire.”¹

Evoluția istorică a relațiilor internaționale a demonstrat și demonstrează în continuare că statele pot comite fapte și desfășura acțiuni de natură a aduce atingere unor valori de o deosebită importanță pentru omenire. Astfel, pe planul relațiilor politico-juridice statele manifestă acte de forță și agresiune, ocuparea unor teritorii, practici colonialiste etc. Toate acestea sunt de natură a determina evoluții negative în relațiile dintre state.⁵

Prin urmare, rezultă o altă caracteristică a principiului analizat, aceea de apărare **a unor**

valori internaționale de o deosebită importanță pentru omenire, care în conformitate cu prevederile Cartei ONU, sunt pacea și securitatea internațională.

Valorile protejate, sunt inerente ființei umane cât și integrității fiecărui stat, deoarece doar conviețuirea popoarelor în pace, în respect reciproc, poate asigura stabilirea și dezvoltarea unor relații bazate pe prietenie și o bună cooperare în toate sferile de activitate.

O altă caracteristică care se poate ridica, este apartenența la categoria normelor imperative-norme **ius cogens gentium**, trăsătură care conferă forță juridică superioară principiului respectiv în raport cu alte norme și principii de drept internațional public.

Imperativitatea prin esența sa, înglobează în sine valorile cele mai importante ale societății internaționale, valori care după natura și utilitatea lor reprezintă de fapt ordinea juridică internațională.

Totodată, norma enunțată, obligă statele ca în relațiile dintre ele să recurgă la mijloace și procedee pașnice întru soluționarea oricărui diferend apărut, oricare ar fi natura acestuia, neadmițând nici o derogare în acest sens.

Înșuși textul Convenției de la Viena din 1969, în art. 53 stabilește în mod expres că: „o normă imperativă a dreptului internațional general este o normă acceptată și recunoscută de comunitatea internațională a statelor în ansamblul ei drept normă de la care nu este permisă nici o derogare și care nu poate fi modificată decât printr-o nouă normă a dreptului general având același caracter”.

În lumina celor expuse, caracterul de normă imperativă, nu reprezintă altceva decât forță juridică pe care o obține principiul analizat, în momentul în care a fost consacrat ca unul dintre principiile fundamentale ale dreptului internațional public.

O ultimă caracteristică, se referă la faptul că toate principiile fundamentale **au aceeași valoarea juridică**.

Dezvoltând această trăsătură, este util să menționăm că forța juridică a principiilor fundamentale nu admite nici o ierarhizare, deoarece după natura și valoarea lor juridică toate au o importanță deosebită, iar aplicabilitatea oricărui principiu este strâns

³ Burian Alexandru. Soluționarea pașnică a diferendelor internaționale. În: Drept Internațional public, Ed. a 4-a (revăz. și adăugită). Ch.: S. n., 2012 (Tipogr. “Elena-V.I.” SRL), p. 617-625.

⁴ Niciu Marțian. *Op. cit.*, p. 67-72.

⁵ Deaconu Ștefan. *Op. cit.*, p. 57-62.

legată de respectarea celorlalte principii, constituind în esență o condiție **sine qua non**.

Concluzionând, textul Actului Final de la Helsinki din anul 1975, stabilește cu certitudine că: „Toate principiile enunțate... au o importanță primordială și, în consecință, ele vor fi aplicate în mod egal și fără rezerve, fiecare dintre ele interpretându-se ținând seama de celelalte”.

La fel, nu trebuie neglijat nici **caracterul cutumiar** al principiilor fundamentale de drept internațional. Prin urmare, fiind de origine cutumiară, principiul soluționării pașnice a diferendelor internaționale a cunoscut o evoluție istorică deosebită, până a i se atribuie forța juridică de normă imperativă și de principiu fundamental consacrat în documentele juridice internaționale.

Cu referire la **conținutul** principiului analizat, este de menționat că acesta stabilește un set de obligații din partea statelor; obligații care au menirea de a preveni pe cât posibil izbucnirea unui diferend, precum și recurgerea la forță ca mijloc de tranșare a oricărui diferend internațional.

Prin urmare scopul lor este acela de a menține și dezvolta relații de prietenie, de bună vecinătate, cooperare cu subiecții de drept internațional, în scopul asigurării menținerii păcii și securității internaționale.

La fel, în scopul acestui principiu este inadmisibilă recurgerea la forță, sub orice formă în relațiile între state, motiv pentru care acesta impune obligația statelor de a coopera la nivel internațional, cooperare care prin esență sa constituie baza politicii externe și a conviețuirii pașnice dintre popoare.

Strâns legată de analiza conținutului principiului soluționării pe cale pașnică a diferendelor internaționale îl constituie și momentul stabilirii cu certitudine a părților la diferend cărora li se aplica nemijlocit acest principiu. În acest sens, pornind de la ideea că scopurile Națiunilor Unite sunt cele de menținere a păcii și securității internaționale, motiv pentru care statele membre sunt obligate să ia măsuri colective eficiente pentru prevenirea și înlăturarea amenințării împotriva păcii, precum și să înlăturească prin mijloace pașnice și în conformitate cu principiile justiției și a dreptului internațional, aplanarea ori rezolvarea

diferendelor sau situațiilor cu caracter internațional care ar putea duce la o încălcare a păcii. Se poate conchide că, acest principiu are aplicabilitate în cazul în care diferendul sau situația apărută are **un caracter internațional**. Elementul doveditor, al aplicabilității principiului dat, îl constituie, deci, caracterul internațional pe care trebuie să-l posede diferendul sau situația apărută între state. Prin urmare, dreptul internațional contemporan specifică în mod clar și evident, că nu orice stat sau diferend poate să cadă sub incidența acestui principiu.

Pe linie de consecință, titularii principiului soluționării prin mijloace pașnice a diferendelor internaționale pot fi doar statele, organizațiile internaționale sau orice alte subiecte a căror diferendă au un caracter internațional.

La fel principiul dat presupune și anumite limitări ale aplicării acestuia care rezultă din dispozițiile art. 2 pct. 7 al Cartei ONU, care în mod expres, prevede că, *nici o prevedere din cartă nu va autoriza Națiunile Unite să intervină în chestiuni care aparțin esențial competenței interne a unui stat*.

În contextual celor expuse, rezultă un alt principiu fundamental, cel al neintervenției în treburile interne ale statului.

Continuând firul argumentației, se poate desprinde următoarea concluzie: pe de o parte este de necontestat faptul neamestecului în treburile interne ale unui stat, și pe de altă parte, însă, la fel de incontestabile și imprevizibile sunt, evoluția relațiilor dintre state și a societății internaționale. Pentru aceste motive, nu putem nega ideea că dacă la un moment dat un conflict intern ar afecta societatea internațională, probabilitatea intervenției din partea comunității internaționale în treburile interne ale statului respectiv ar crește și ar fi motivate din punct de vedere al asigurării păcii și securității internaționale. Privind realist, intervenția respectivă se impune în scopul protejării valorilor internaționale de o deosebită importanță pentru omenire. O astfel de concluzie se desprinde și din realitatea faptică a situației internaționale rezultate din multitudinea conflictelor existente la etapa actuală (conflictele balcanice, euroasiatice, din spațiul african etc.)

Odată stabilite părțile la diferend urmează a arăta că aplicarea acestui principiu include în sine o serie de obligații față de statele părți în diferend. Prin urmare apar niște obligații de ordin general, precum și o serie de obligații corelative.

La fel obligațiile ce decurg din acest principiu ar putea fi clasificate în: **obligații pozitive** - bazate pe acțiunile îndeplinite de comun acord de către părțile aflate în diferend, referitoare la alegerea unui sau altui mijloc pașnic de soluționare a diferendului și respectiv, **obligații de rezultat**- ce se materializează în soluția la care părțile au ajuns de comun acord fiind acceptată de ambele părți fără careva rezerve.

Majoritatea autorilor occidentali în lucrările sale referitor la principiile dreptului internațional cât și referitor la soluționarea pașnică a diferendelor, trec cu vederea problema conținutului acestui principiu, limitându-se de regulă doar la caracteristica tradițională a acestora fără a face referire la obligațiile statelor ce rezultă din interzicerea aplicării forței în relațiile internaționale, sau vice-versa analizează interzicerea aplicării cu forța separat de obligațiile referitoare la soluționarea pașnică a diferendului.⁶

În acest sens, facem referire la paragraful 13 al „Declarației de la Manila” care menționează expres: „nici existența unui diferend, nici eșecul unei proceduri de reglementare pașnică a unui diferend nu autorizează nici unul din statele părți la un diferend să recurgă la forță sau amenințarea cu forța”. Este vorba, deci, despre o obligație generală, care se referă la toate categoriile de litigii, indiferent de natura acestora (economice, politice, militare, juridice etc.).⁷

Astfel, potrivit acestei prevederi, statele **sunt obligate prealabil să recurgă la mijloacele pașnice de soluționarea a diferendelor**, obligație ce constă în evitarea izbucnirii unui diferend, ce se materializează prin dezvoltarea și

ținerea unor relații de bună vecinătate și cooperare care să ducă la menținerea păcii și securității internaționale. După cum arată practica, cooperarea internațională, constituie baza politicii externe, având rolul de a contribui la desfășurarea unor relații pașnice în lume, consolidând încrederea între popoare.

Experiența demonstrează că întărirea și extinderea relațiilor de prietenie și cooperare între vecini reprezintă acel teren care favorizează soluționarea pașnică a oricăror probleme, cu respectarea intereselor legitime ale tuturor statelor... asigurând un climat în care pacea și securitatea se pot menține și consolida.⁸

În acest sens „mijloacele trebuie să corespundă condițiilor și naturii diferendului”⁹

Valoarea deosebită a acestei obligații o regăsim și în alte acte internaționale, cum ar fi de exemplu: „*Declarația referitor la principiile dreptului internațional privind relațiile de prietenie și cooperare între state*” (1970), „*Actul final al Conferinței pentru Securitate și Cooperare în Europa*” (1975) etc. Conform acestora, părțile în diferend, se obligă să caute un mijloc reciproc acceptabil pentru reglementarea pașnică a diferendului, în cazul în care în urma utilizării mijloacelor indicate în aceste documente, nu se ajunge la o soluție.

După cum observăm, nici o prevedere nu autorizează statele părți la un diferend să recurgă la forță sau la amenințarea cu forță, indiferent de faptul dacă se ajunge sau nu la o soluție, acestea sunt obligate să caute orice mijloc pașnic pentru a soluționa diferendul existent.

O importanță deosebită a reglementării pașnice a diferendelor, este și faptul că atât statelor aflate în diferend cât și altor state li se impun o serie de obligații corelative.

În acest sens, atât *Actul final de la Helsinki* (1970), cât și *Declarația referitor la principiile dreptului internațional privind relațiile de prietenie și cooperare între state*” (1970) stabilesc obligația ce revine atât statelor aflate în diferend, cât și statelor terțe, **să se abțină de la orice acțiune care ar putea**

⁶ Пушмин Э.А. Мирные средства разрешения международных споров. Ярославль: Ярославский университет, 1981, с. 52-54.

⁷ Miga-Besteliu Raluca. Drept internațional: Introducere în dreptul internațional public. Ed. a 3-a rev. și adăugită. București: All Beck, 2003, p. 83-94.

⁸ Mazilu Dumitru. Dreptul internațional public, editia a III-a, Volumul I. Bucuresti: Lumina Lex, 2009. 621 p.

⁹ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. Издание 3-е, переработанное и дополненное. Москва: Изд-во БЕК, 2010, с. 221-234.

contribui la agravarea situației dintre statele aflate în diferend și să complice soluționarea lui.

Conform *Declarației referitor la principiile dreptului internațional privind relațiile de prietenie și cooperare între state*” (1970), statele sunt obligate să rezolve *pe baza egalității suverane* a statelor diferendele internaționale. Totodată, recursul la o procedură de rezolvare sau acceptarea unei proceduri liber consimțită de către state în ce privește un diferend la care ele sunt părți sau un diferend la care ele ar putea fi părți în viitor nu pot fi considerate ca incompatibile cu egalitatea suverană. În acest context se face referire la principiul egalității suverane a statelor caracterizat prin aceea că toate statele au îndatorirea de a respecta personalitatea altor state, specificul acestora, dreptul fiecăruia din ele la determinarea și exercitarea după propria-i apreciere a relațiilor sale cu alte state în conformitate cu dreptul internațional. Deoarece toate statele dispun de drepturi și obligații egale, conform acestui principiu.

Datorită faptului că recurgerea la reglementarea pașnică a diferendelor are la bază principiul *liberei alegeri a mijloacelor*, în cazul dat decisivă este voința reală a părților. Libertatea de alegere a mijloacelor este prevăzută în art. 33 alin. 1 din carta ONU, precum și în alte documente internaționale. Statele trebuie deci, să rezolve prin tratative, anchetă, mediație, conciliere, arbitraj, pe cale judiciară, recurgerea la organizații sau acorduri regionale sau prin alte mijloace. Căutând această soluție, părțile vor conveni asupra mijloacelor pașnice care vor fi potrivite cu circumstanțele și natura diferendului.¹⁰

Conform normelor de drept internațional, fără consimțământul reciproc, nici un stat nu poate fi obligat să supună diferendul unui sau altui mijloc de soluționare pașnică. Doar consimțământul reciproc, spiritul cooperării și buna credință în alegerea mijloacelor care se potrivesc cel mai bine împrejurărilor vor

contribui realmente la obținerea rezultatului scontat.

În literatura rusă de specialitate se menționează că, principiul liberei alegeri a mijloacelor treptat se confirmă în practică:

1) este necesar de recurs la aceste mijloace cât mai devreme;

2) în cazul în care nu se ajunge la o soluție prin folosirea unuia din mijloacele pașnice, e necesară trecerea treptată la mijloacele alternative;

3) să nu fie admise acțiuni care să agraveze soluționarea diferendului.¹¹

Libera alegere a mijloacelor nu înseamnă însă că un stat poate să refuze orice mijloc de reglementare pașnică; el nu poate refuza în bloc toate mijloacele, deoarece acestea ar echivala cu refuzul de a pune în aplicare principiul reglementării pașnice a diferendelor.¹²

În conformitate cu prevederile art. 1 alin. 1, art. 2 alin. 3 al Cartei ONU, diferendele internaționale urmează a fi soluționate, *în conformitate cu principiile justiției și dreptului internațional... în așa fel încât pacea și securitatea internațională, precum și justiția să nu fie puse în primejdie*”.

În acest context, un moment important referitor la obligațiile statelor rezultate din acest principiu, este determinat prin faptul că Carta ONU în art. 2 pct. 6, exprimă explicit că: „organizația va asigura ca statele care nu sunt membre ale Națiunilor Unite, să acționeze în conformitate cu principiile acesteia, în măsura necesară menținerii păcii și securității internaționale”

Această obligație, demonstrează încă o dată caracterul de universalitate al acestui document juridic internațional, precum și a principiilor enunțate în el.

Acest caracter al principiilor fundamentale subliniază faptul că ele au o semnificație specială pentru dreptul internațional contemporan.¹³

Pornind de la cele menționate, la soluționarea diferendelor internaționale, statele se vor ghida

¹⁰ Declarația ONU referitor la principiile dreptului internațional privind relațiile de prietenie și cooperare între state, adoptată în 1970. [On-line]: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/348/90/IMG/NR034890.pdf?OpenElement>. (Vizitat la: 05.09.2013).

¹¹ Лукашук И.И. Указ. соч., с. 117-121.

¹² Preda-Mătășaru Aurel. *Tratat de drept internațional public*. Ed. a 3-a rev. și adăugită. București: Lumina Lex, 2008, p. 237.

¹³ Deaconu Ștefan. *Op. cit.*, p. 85-89.

de principiile de drept internațional, normele convenționale cât și cele cutumiare în scopul menținerii păcii și securității internaționale.

Concluzionând statele sunt obligate să se abțină de la amenințarea cu forța sau de la aplicarea ei; să soluționeze situațiile litigioase numai prin mijloace pașnice; să-și unească eforturile pentru menținerea păcii și securității.¹⁴

Analiza conținutului principiilor și normelor fundamentale ale dreptului internațional ne ajută să înțelegem semnificația lor deosebită în organizarea și desfășurarea unor relații pașnice. O asemenea analiză pune, totodată, în evidență locul ce revine fiecăruia din principii și tuturor, în ansamblu, în edificarea păcii și, într-o structurare sistematică, vertebrată, în viziunea globală a garantării păcii în lume.¹⁵

Bibliografie:

1. Burian Alexandru. Geopolitica lumii contemporane: curs de lecții. Ch.: CEP USM, 2008. 416 p.
2. Burian Alexandru. Soluționarea pașnică a diferendelor internaționale. În: Drept Internațional public, Ed. a 4-a (revăz. și adăugită). Ch.: S. n., 2012 (Tipogr. „Elena-V.I.” SRL). 636 p.
3. Carta Organizației Națiunilor Unite (semnată la 26 iunie 1945 la San Francisco; intrată în vigoare la 24 octombrie 1945). [On-line]: http://www.dadalos.org/uno_rom/un-charta.htm#4 (Vizitat la: 05.09.2013).
4. Convenția de la Viena cu privire la dreptul tratatelor, încheiată la Viena la 23 mai 1969. [On-line]: <http://www.parlament.md/LinkClick.aspx?fileticket=4mKw8IxR66Y%3d&tabid=144>. (Vizitat la: 05.09.2013).
5. Deaconu Ștefan. Principiul bunei vecinătăți în dreptul românesc. București: Editura All Beck, 2005. 336 p.
6. Declarația ONU referitor la principiile dreptului internațional privind relațiile de prietenie și cooperare între state, adoptată în 1970. [On-line]: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/348/90/1/MG/NR034890.pdf?OpenElement>. (Vizitat la: 05.09.2013).

¹⁴ Burian Alexandru. Geopolitica lumii contemporane: curs de lecții. Ch.: CEP USM, 2008, p. 228-234.

¹⁵ Mazilu Dumitru. Dreptul internațional public. Ediția a III-a, volumul II. București: Lumina Lex, 2009, p. 344-351.

7. Marțian Niciu. Drept internațional public. Volumul I. Ediția a II-a. Iași: Editura Fundației Chemarea, 1995. 292 p.

8. Mazilu Dumitru. Dreptul internațional public, ediția a III-a, volumul I. București: Lumina Lex, 2009. 621 p.

9. Miga-Besteliu Raluca. Drept internațional: Introducere în dreptul internațional public. Ed. a 3-a rev. și adăugită. București: All Beck, 2003. 472 p.

10. Preda-Mătășaru Aurel. Tratat de drept internațional public. Ed. a 3-a rev. și adăugită. București: Lumina Lex, 2008. 603 p.

11. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. Издание 3-е, переработанное и дополненное. Москва: Изд-во БЕК, 2010. 371 с.

12. Пушмин Э.А. Мирные средства разрешения международных споров. Ярославль: Ярославский университет, 1981. 79 с.

Bibliography:

1. Burian Alexandru. Soluționarea pașnică a diferendelor internaționale. În: Drept Internațional public, Ed. a 4-a (revăz. și adăugită). Ch.: S. n., 2012 (Tipogr. „Elena-V.I.” SRL). 636 p.
2. Burian Alexandru. Geopolitica lumii contemporane: curs de lecții. Ch.: CEP USM, 2008. 416 p.
3. Deaconu Ștefan. Principiul bunei vecinătăți în dreptul românesc. București: Editura All Beck, 2005. 336 p.
4. Marțian Niciu. Drept internațional public. Volumul I. Ediția a II-a. Iași: Editura Fundației Chemarea, 1995. 292 p.
5. Mazilu Dumitru. Dreptul internațional public, ediția a III-a, Volumul I. București: Lumina Lex, 2009. 621 p.
6. Mazilu Dumitru. Dreptul internațional public, ediția a III-a, volumul II. București: Lumina Lex, 2009. 644 p.
7. Miga-Besteliu Raluca. Drept internațional: Introducere în dreptul internațional public. Ed. a 3-a rev. și adăugită. București: All Beck, 2003. 472 p.
8. Preda-Mătășaru Aurel. Tratat de drept internațional public. Ed. a 3-a rev. și adăugită. București: Lumina Lex, 2008. 603 p.
9. Pushmin E.A. Mirnye sredstva razreshenie mezhdunarodnyh sporov. Jaroslavl': Jaroslavskij universitet, 1981. 79 p.
10. Lukashuk I.I. Mezhdunarodnoe pravo. Obshhaja chast'. Izdanie 3-e, pererabotannoe i dopolnennoe. Moskva, Izdatel'stvo BEK, 2010. 371 p.
11. Carta Organizației Națiunilor Unite (semnată la 26 iunie 1945 la San Francisco; intrată în

vigoare la 24 octombrie 1945). [On-line]:
http://www.dadalos.org/uno_rom/un-charta.htm#4.
(Vizited on: 05.09.2013).

12. Convenția de la Viena cu privire la dreptul tratatelor, încheiată la Viena la 23 mai 1969. [On-line]:
<http://www.parlament.md/LinkClick.aspx?fileticket=4mKw8IxR66Y%3d&tabid=144>. (Vizited on: 05.09.2013).

13. Declarația ONU referitor la principiile dreptului internațional privind relațiile de prietenie și cooperare între state, adoptată în 1970. [On-line]:
<http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/348/90/IMG/NR034890.pdf?OpenElement>. (Visited on: 05.09.2013).

Copyright© Lucia BOBOC, 2013.

Contacte/Contacts/ Контакты

The Moldova State University.

60, A. Mateevici str., Chisinau, The Republic of Moldova, MD 2009.

Tel: (+34) 642943084

E-mail: lucia_boboc@list.ru.

Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2013, Issue 4, Volume 30, Pages 96-107.

ISSN 1857-1999

Submitted: 16. 10. 2013 | Accepted: 30.11. 2013 | Published: 15.12. 2013

**TRIBUNA TINERILOR CERCETĂTORI
THE TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS
ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

**RAȚIONAMENTELE CURȚII DE JUSTIȚIE A UNIUNII EUROPENE UTILIZATE
ÎN CONTEXTUL INTERPRETĂRII DREPTULUI UNIUNII EUROPENE**

**THE REASONING OF THE COURT OF JUSTICE OF THE EUROPEAN UNION USED
IN THE CONTEXT OF INTERPRETATION OF THE EUROPEAN UNION LAW**

**АРГУМЕНТАЦИИ СУДА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ
В КОНТЕКСТЕ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА**

BUIUC Stela* / BUIUC Stella / БУЮК Стелла

ABSTRACT:

**THE REASONING OF THE COURT OF JUSTICE OF THE EUROPEAN UNION USED
IN THE CONTEXT OF INTERPRETATION OF THE EUROPEAN UNION LAW**

Numerous studies and theoretical analysis endeavoured to identify the role of the Court of Justice of the European Union in the process of European integration, achieved by both, harmonisation of the European Union member states' legislation, as well as by uniform application of the European Union law. In order to achieve and to ensure a single space of the European Union law and justice, it is necessary to have the European Union law understood and applied in a uniform way in all member states. The only instrument that the European Union has at its disposal in this regard is the preliminary ruling before the Court of Justice of the European Union, established by art. 267 of the Treaty on the Functioning of the European Union. Based on this procedure, the Court is empowered with two important functions: assessing the validity of European Union law and its interpretation. While performing its role linked to the interpretation of European Union law, the Court is often accused of judicial activism. However, the features of the European Union law have a primary impact on the method of interpretation. Thus, as long as the member states have decided themselves upon the flexible character of the European Union rules, one cannot argue if it would be correct to accuse the Court for its pro-integration approach while interpreting the European Union law.

Without undertaking a detailed analysis of the methods of interpretation, the study is aiming at identifying certain types of reasoning based on which the Court of Justice is interpreting European Union law. The identified list does not aspire to be an exhaustive one, but it does take into account the Court's practice of drawing up the reasoning for interpretation. In order to place the reasoning of the Court into the right context, it will also be analysed the concept of legal reasoning, interpretation, as well as the legal interaction between the reasoning and interpretation.

* **BUIUC Stela** – Magistru în drept, doctorand, Universitatea de Stat din Moldova, Vicedirector al Centrului de Armonizare a Legislației, Ministerul Justiției (Chișinău, Republica Moldova). / **BUIUC Stella** – LL.M, Ph.D student, Deputy Director of the Centre for Legal Approximation, Ministry of Justice (Kishinev, The Republic of Moldova). / **БУЮК Стелла** - Магистр права, докторант, Молдавский Государственный Университет, Вице-директор Центра по гармонизации законодательства, Министерство юстиции (Кишинев, Республика Молдова).

Key words: *The Court of Justice of the European Union; Interpretation of European Union law; Preliminary ruling; Legal reasoning.*

JEL Classification: K33, K41, F55

РЕЗЮМЕ:
**АРГУМЕНТАЦИИ СУДА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ
 В КОНТЕКСТЕ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА**

Многочисленные исследования и доктринальный анализ, направленные на определение роли Суда ЕС в процессе европейской интеграции, были достигнуты, в том числе, путём гармонизаций законодательства стран-членов, а также на основе единообразного применения законодательства ЕС. Для достижения и обеспечения общего пространства права и правосудия ЕС, необходимо, чтобы законодательство ЕС было понятно и применено единообразно во всех государствах-членах. Единственный инструмент, которым обладает ЕС для достижения этой цели, является предварительная процедура Суда ЕС, регулируемая ст. 267 Договора о функционировании Европейского союза. Путём предварительной процедуры, Суд выполняет две важные функции: оценка действительности права ЕС и его толкование. В контексте осуществления роли толкования права ЕС, Суд часто обвиняют в судебном активизме. Но особенность права ЕС имеет основное влияние на методы толкования. Так как сами государства-члены приняли решение о гибкости норм ЕС, не известно, правильно было бы обвинять Суд в своём отношении, выступающем за интеграцию, в контексте толкования закона ЕС.

Без того, чтобы прибегать к подробному анализу методов толкования, исследование направлено на выявление решений, на которых Суд основывается в толковании права ЕС. Этот список не претендует на исчерпывающий характер, однако принимает во внимание практику Суда о разработке решений, используемых при толковании. Для надлежащего применения решений Суда, будут проанализированы концепты правовых решений, толкования, а также правовое взаимодействие между решением и толкованием.

Ключевые слова: Суд Европейского союза, толкование права Европейского союза, предварительная процедура, судебный активизм, правовое решение.

JEL Classification: K33, K41, F55

УДК: 341.64, 341.1, 341.645.5

REZUMAT:
**RAȚIONAMENTELE CURȚII DE JUSTIȚIE A UNIUNII EUROPENE UTILIZATE
 ÎN CONTEXTUL INTERPREȚĂRII DREPTULUI UNIUNII EUROPENE**

Numeroase studii și analize doctrinare au încercat să identifice rolul Curții de Justiție a Uniunii Europene în procesul de integrare europeană, realizat inclusiv prin armonizarea legislației statelor membre ale Uniunii Europene, precum și prin aplicarea uniformă a dreptului Uniunii Europene. Pentru realizarea și asigurarea unui spațiu comun al dreptului și justiției Uniunii Europene este necesar ca dreptul Uniunii Europene să fie înțeles și aplicat în mod unitar în toate statele membre. Singurul instrument pe care îl are Uniunea Europeană în acest scop este procedura preliminară în fața Curții de Justiție a Uniunii Europene, reglementată de art. 267 din Tratatul privind Funcționarea Uniunii Europene. Prin intermediul procedurii în cauză, Curtea realizează două funcții importante: evaluarea validității dreptului Uniunii Europene și interpretarea acestuia. În contextul exercitării rolului său de interpretare a dreptului Uniunii Europene, Curtea este deseori acuzată de activism judiciar. Însă, caracteristicile dreptului Uniunii Europene au o influență primară asupra modului de interpretare. Prin urmare, atât timp cât însăși statele membre au decis caracterul flexibil al normelor Uniunii Europene, nu se știe cât de corect ar fi să acuzăm Curtea de atitudinea sa pro-integraționistă în contextul interpretării dreptului Uniunii Europene.

Fără a analiza detaliat metodele de interpretare, studiul își propune să identifice anumite raționamente pe care Curtea de Justiție se bazează atunci când interpretează dreptul Uniunii Europene. Această listă nu pretinde a fi una exhaustivă, însă ia în calcul practica Curții în formularea raționamentelor de interpretare. Pentru

încadrarea corectă a raționamentelor Curții, se va analiza conceptul de raționament juridic, interpretare, precum și interacțiunea juridică dintre raționament și interpretare.

Cuvinte cheie: Curtea de Justiție a Uniunii Europene, Interpretarea dreptului Uniunii Europene, Procedură preliminară, Activism judiciar, Raționament juridic.

JEL Classification: K33, K41, F55

CZU: 341.64, 341.1, 341.645.5

Subiectul raționamentului juridic pare să ocupe mai mult un aspect practic în cadrul spectrului de teorii jurisprudențiale. În încercarea de a înțelege textul legii, contează foarte mult două aspecte: cum judecătorii vor decide sau ar trebui să decidă asupra cazurilor, precum și faptul că avem la îndemână un raționament care oferă o explicație adecvată și care poate fi utilizat în calitate de ghid sau justificare pentru activitatea realizată.

Raționamentul juridic este argumentarea sau raționamentul despre norma juridică sau cum judecătorii ar trebui să decidă în anumite cazuri concrete. Formula pare a fi simplă. Totuși, dacă e să privim mai îndeaproape, simplețea se poate „evapora”, deoarece conceptele în discuție pot fi ambigue. Ce ar fi mai important în cazul raționamentului juridic: ce reprezintă norma juridică?; sau cum judecătorul ar trebui să decidă asupra unui caz? Prin urmare, ambiguitatea raționamentului juridic variază între: stabilirea conținutului normei juridice, după cum există la moment, și aplicarea conținutului normei la decizia care trebuie să fie luată într-un caz anumit.¹

Raționamentul juridic este un concept mai larg decât textul normei juridice și activitatea judecătorului de stabilire a modului de aplicare a normei în cazul concret care a fost transmis spre examinare. Acesta poate implica și anumite considerații extra-juridice, cum ar fi, discreția judecătorului de a modifica norma existentă sau de a acoperi anumite lacune ale legislației, atunci când norma este incertă.

Interesul recent pentru rolul interpretării în contextul raționamentului juridic apare din câteva surse. Pentru unii, interpretarea este aspectul la care trebuie să atragem atenția atunci când

căutăm o soluție, sau cel puțin un răspuns posibil la o problemă privind incertitudinea lingvistică a normei juridice care urmează a fi aplicată cazului în examinare. Pentru alți doctrinari, interesul pentru acest subiect apare din dorința de a investiga liniile paralele și divergențele dintre interpretarea dreptului și interpretarea doctrinară. În cazul dreptului, în calitate de concept interpretativ, interesul pentru rolul interpretării a rezultat și din noua teorie privind interpretarea concomitentă din partea judecătorilor și a doctrinarilor. De asemenea, interesul sporit pentru rolul interpretării se datorează, mai cu seamă, obligației judecătorilor de a aplica legislația în conformitate cu Convenția Europeană pentru Apărarea Drepturilor Omului și a Libertăților Fundamentale sau doctrinei privind interpretarea consecventă sau privind efectul indirect, dezvoltată de Curtea de Justiție a Uniunii Europene, care cere instanțelor de judecată ale statelor membre ale UE să interpreteze legislația națională în conformitate cu dreptul UE.

Pentru realizarea și asigurarea unui spațiu unic de justiție în UE este necesar ca dreptul UE să fie înțeles și aplicat în mod unitar în toate statele membre. Singurul mijloc pe care îl are UE în acest scop este procedura preliminară în fața Curții de Justiție a UE. Dacă interpretarea dreptului UE ar rămâne la latitudinea instanțelor naționale, respectiv dacă acestea ar trebui să hotărască în privința validității și interpretării actelor adoptate de instituțiile, organele, oficiile sau agențiile Uniunii, s-ar ajunge la o insecuritate juridică în interiorul Uniunii, deoarece instanțele din statele membre ar putea să dea o interpretare diferită acelorași chestiuni.

De regulă, procedura preliminară se referă la compatibilitatea dintre anumite norme naționale și dreptul european, iar răspunsul la această întrebare depinde de modul în care trebuie interpretat dreptul european relevant. În

¹ Dickson J. Interpretation and Coherence in Legal Reasoning, The Stanford Encyclopedia of Philosophy, Spring 2010 Edition, Edward N. Zalta (ed.). [On-line]: <http://plato.stanford.edu/archives/spr2010/entries/legal-reas-interpret/>. (Vizitat la: 10.11.2013).

conformitate cu art. 267 TFUE², nu este atribuția Curții să decidă asupra legalității măsurilor adoptate conform dreptului național și nici asupra interpretării dreptului național.

Prin intermediul procedurii preliminare, Curtea are o „vedere panoramică” asupra Uniunii, ce conduce și la o cunoaștere detaliată a exercitării de către instanțele naționale a calității de judecător european. Aceasta este necesară deoarece este sarcina instanței naționale să evalueze relevanța dreptului UE pentru soluționarea litigiului aflat pe rolul său, deoarece judecătorul național este cel care decide dacă o trimitere este necesară și care va fi conținutul întrebărilor ce vor fi trimise. Sistemul creat de tratat nu conține referiri la existența unor instanțe europene separate în ordinea judiciară a statelor membre, întrucât pornește de la premisa că instanțele naționale sunt cele cărora li se adresează persoanele.

Curtea de Justiție colaborează cu instanțele judecătorești din statele membre, care sunt instanțele de drept comun în materia dreptului Uniunii. Pentru a asigura o aplicare efectivă și omogenă a legislației Uniunii și pentru a evita orice interpretare divergentă, instanțele naționale pot și uneori trebuie să se adreseze Curții de Justiție solicitându-i să clarifice un aspect privind interpretarea dreptului Uniunii, în scopul de a le permite, de exemplu, să verifice conformitatea legislației naționale cu dreptul Uniunii. Cererea de pronunțare a unei hotărâri preliminare poate de asemenea avea ca obiect controlul validității unui act de dreptul Uniunii.

Art. 267 TFUE³ este utilizat ca un instrument pentru dezvoltarea infrastructurii ordinii juridice a UE. Instanțele naționale trebuie să aplice prevederile dreptului UE, de aceea, este esențial ca acestea să interpreteze în mod uniform dreptul UE. Prin urmare, cele mai multe cazuri care implică legislația UE sunt decise în sălile de judecată a instanțelor naționale, fără o acțiune preliminară adresată Curții Europene de Justiție. Influența Curții cu privire la aceste cazuri este de multe ori supraevaluată. Dreptul UE nu este exact

și se bazează pe principii fundamentale flexibile, cum ar fi principiul proporționalității, care acordă instanțelor o marjă largă de discreție. Dacă judecătorii naționali aplică aceste norme flexibile într-un mod pro-integraționist, atunci anume această metodă de aplicare determină măsura în care principiile fundamentale ale dreptului UE au un impact direct asupra sistemului juridic și a legislatorului național. Rolul Curții aici este important, dar limitat. Putem constata următoarele în acest caz: Curtea permite și încurajează deciziile judecătorești naționale pro-integraționiste, însă nu are o influență absolută.⁴

Atunci când interpretează o prevedere a dreptului UE, funcția Curții de Justiție a UE este să asigure că legea este respectată. Aceasta înseamnă că Curtea trebuie să asigure că sunt luate în considerație integritatea efectului prevederii, precum și că alte reglementări ale dreptului UE, inclusiv principiile nescrise și drepturile fundamentale pe care se bazează Uniunea.

Metodele sau tehnicile de utilizare a dreptului UE diferă în mod semnificativ de cele aplicabile în cazul sistemelor de drept naționale ale statelor, fie că acestea sunt membre ale UE sau nu. Chiar dacă aceste metode și tehnici pot părea stranii pentru juriștii familiarizați cu un anumit sistem de drept și, poate și mai stranii pentru cei care nu sunt juriști, ele se bazează pe anumite principii și mențin o coerență internă.⁵

Normele legale nu sunt adoptate în vacuum. Ele sunt concepute pentru a fi aplicate în situații practice. Însă, având în vedere faptul că autorii unei prevederi nu pot prognoza toate circumstanțele în care acestea vor fi aplicate, regulile sunt exprimate în termeni generali. Chiar dacă această abordare permite o anumită flexibilitate în aplicarea legii, ea impune și o sarcină suplimentară pe umerii celor care sunt obligați să asigure aplicarea eficientă a legii. Prin urmare, este rar ca o anumită prevedere să fie aplicată direct unei situații concrete. Pentru a fi siguri de aplicabilitatea sa, este necesar, uneori, de a elimina orice ambiguitate care poate exista, pentru a conferi sensul efectiv al acesteia. În acest

² Tratatul privind Uniunea Europeană și Tratatul privind Funcționarea Uniunii Europene (versiune consolidată 2012), JO C 326 din 26 octombrie 2012.

³ „Articolul 267 Curtea de Justiție a Uniunii Europene este competentă să se pronunțe, cu titlu preliminar, cu privire la: (a) interpretarea tratatelor; (b) validitatea și interpretarea actelor adoptate de instituțiile, organele, oficiile sau agențiile Uniunii...”

⁴ Dawson M. The Political Face of Judicial Activism: Europe's Law-Politics Imbalance, Maastricht Faculty of Law Working Paper 2012/1, p. 79. [On-line]: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=198463 (Vizitat la: 10.11.2013).

⁵ Kennedy T. Learning European Law; A Primer and Vade-mecum. London: Sweet&Maxwell, 1998, p. 250.

sens, rolul interpretării este de a asigura că normei interpretate i se atribuie scopul și înțelesul său exact, pentru ca aceasta să fie aplicată corect în circumstanțe concrete.⁶

Este clar că există o vastă și confuză „zonă cenușie” care variază de la simpla explicare a normei existente, până la adoptarea unei noi norme virtuale de către judecător într-un anumit caz. Dacă judecătorii recurg constant la cea de-a doua limită, ei pot fi acuzați, ocazional, de uzurparea funcțiilor legislatorului, ceea ce va avea un impact negativ asupra credibilității lor. Curtea de Justiție a UE a fost frecvent subiectul unor atare critici. Cu toate acestea, trebuie de remarcat că Curtea poate dezvolta și adapta sistemul juridic, doar prin utilizarea anumitor metode și tehnici de interpretare care, în majoritatea circumstanțelor, îi permite realizarea sarcinilor care îi revin.⁷

Dorința instanțelor de a elabora politici, atunci când instituțiile politice ale guvernului nu pot sau nu o vor face, a fost denumită în doctrină – activism judiciar. Cu alte cuvinte, aceasta reprezintă transferul puterii decizionale de la legislativ, guvern sau administrația publică, către instanțe.

Este acceptat pe larg, că activismul Curții de Justiție semnifică implicațiile în domeniul politicilor, pe care Curtea le realizează în procesul exercitării rolului său de interpretare a dreptului UE. Există mai multe abordări pe marginea acestui subiect. Unii susțin că instanțele, prin natura funcțiilor lor, nu pot acționa în calitate de legiuitori. Alții văd activismul judiciar ca pe o judicializare a politicilor.

S-a sugerat că Curtea promovează interesele Uniunii în detrimentul intereselor Statelor Membre. Cu toate acestea, Curtea a demonstrat că, în unele cazuri, poate adopta și o abordare mai atentă. Aceasta reprezintă un argument suficient pentru a arăta că Curtea nu dorește să facă uz de abordarea activistă în vederea promovării integrării cu orice preț.⁸

Activismului judiciar al Curții de Justiție a UE îi sunt aduse multe critici, Curtea fiind învinuită de distorsionarea echilibrului „drept/lege-politică”. Mai mult decât atât, prin această

practică, Curtea ar atenta la autonomia politică a Statelor Membre a UE, iar mecanismul limitat al instituțiilor UE de a exprima un răspuns politic în privința hotărârilor sale, fortifică și mai mult rolul Curții în calitate de actor politic.⁹

Patru domenii ale dreptului UE, care sunt de o mare importanță socială și juridică, precum și în privința cărora Curtea a fost acuzată de activism, sunt: libera circulație, legislația anti-discriminare, normele referitoare la interpretarea directivelor și normele privind despăgubirile pentru încălcarea legislației UE. În toate aceste domenii, conceptele juridice fundamentale sunt imprecise și susceptibile la diverse interpretări. Ambiguitatea acestor domenii de drept este o trăsătură comună a legislației UE, care rezultă din caracterul flexibil și incomplet al acordului dintre Statele Membre ale UE, reprezentat de Tratatul UE. Statele membre au realizat un acord imprecis, din motive politice și juridice, și se confruntă cu consecințe juridice imprecise. Cu toate acestea, gradul de deschidere a normelor, de asemenea, are tangență și cu contextul în care legislația UE se aplică.¹⁰ Prin urmare, putem constata că în condițiile în care însăși statele membre au decis caracterul flexibil al normelor UE, iar interpretarea acestora se realizează în mare parte, la momentul aplicării dreptului UE, de către instanțele naționale, acestea din urmă au suficiente instrumente și posibilități de a se implica și de a realiza „activismul judiciar” în materia dreptului UE, iar Curtea de Justiție nu are acea putere supranaturală și influență absolută, de care este învinuită.

Cadrul teoretic privind interpretarea dreptului UE se axează destul de mult pe metoda teleologică sau cea a scopului urmărit. Este adevărat că aplicarea acestor metode a avut ca rezultat importante progrese ale jurisprudenței, însă importanța acestora în calitate de instrument uzual este deseori exagerată. Trebuie de menționat că sarcina unui judecător este de a decide asupra cazului într-o manieră consecventă, astfel încât să poată finisa examinarea cauzei, cât mai curând posibil. Nici un judecător nu va aplica

⁶ Ibidem., p. 251.

⁷ Ibidem., p. 251, p. 252.

⁸ Yavuz A. Judicial activism of the European Court of Justice, p. 4. [On-line]: http://www.justice.gov.tr/e-journal/pdf/european_court.pdf. (Vizitat la: 10.11.2013).

⁹ Grimm A. Judicial Interpretation or Judicial Activism?: the Legacy of Rationalism in the Studies of the European Court of Justice, Center for European Studies Working Paper Series #176, 2010, Harvard University/University of Hamburg, p. 4. [on-line]: http://aei.pitt.edu/14470/1/CES_176.pdf. (Vizitat la: 10.11.2013).

¹⁰ Ibidem.

o abordare teleologică sau contextuală pentru interpretare, dacă răspunsul la o problemă poate fi extras chiar din citirea literală a textului.

Având în vedere varietatea infinită a circumstanțelor și volumul legislației scrise care poate necesita o interpretare, este clar că interpretarea juridică nu poate fi redusă la un sistem de diagnosticare exactă, precum testarea, pe diferite căi, a unei părți defectuoase dintr-un echipament electric sau analiza chimică a unei substanțe necunoscute. Nu există anumite coduri privind interpretarea, iar declarațiile judiciare exprese privind metodologia utilizată, sunt puține, chiar dacă multe din hotărâri conțin puncte de reper privind abordările utilizate. Prin urmare, Curtea de Justiție a UE se poate baza pe mai multe metode și principii, atât în mod individual, cât și alternativ, sau să utilizeze una/unul pentru confirmarea rezultatului obținut prin intermediul alteia/altuia.

Chiar dacă un alpinist entuziasmat poate alege cea mai dificilă sau provocatoare cale pentru a ajunge în vârful muntelui, un judecător care se confruntă cu o problemă de interpretare este mai degrabă un călător care doar vrea să savureze priveliștea din vârful muntelui și dacă există o cale mai simplă, o va alege pe ultima. Sigur, dacă nu există o cale mai ușoară, judecătorul va trebui să aleagă calea alpinistului, utilizând echipamentul necesar.¹¹

Caracteristicile dreptului UE, care au o influență primară asupra modului său de interpretare, sunt următoarele: dreptul UE este elaborat în limbile oficiale ale UE și toate versiunile lingvistice sunt egal autentice. Astfel, interpretarea dreptului UE implică o comparație a textelor existente în diferite versiuni lingvistice; dreptul UE utilizează o terminologie proprie, iar conceptele juridice ale acestuia nu au întotdeauna același înțeles ca și în drepturile naționale ale statelor membre; fiecare prevedere a dreptului UE trebuie plasată în contextul său specific și interpretată în lumina prevederilor dreptului UE, luate în ansamblu, avându-se în vedere obiectivele și etapa de evoluție a dreptului UE la data la care urmează să fie aplicate prevederile în cauză.

Instanțele naționale sunt obligate, atunci când interpretează și aplică dreptul național, să interpreteze dreptul național, când este posibil și

în limitele discreției lor, în conformitate cu cerințele dreptului UE.¹²

Atât jurisprudența Curții de Justiție a UE, cât și doctrina relevantă menționează ocazional anumite metode de interpretare, precum cea literală și teleologică. În majoritatea cazurilor în care Curtea interpretează o prevedere, nu se specifică principiile care au stat la baza interpretării. Deseori, aceasta se întâmplă deoarece în procesul interpretării, nu apare vreo problemă care ar necesita recurgerea la sau formularea vreunui principiu: este suficient ca să citești prevederea și să iei în considerație chestiunile pe care, în mod normal, și Curtea le are în vedere pentru a ajunge la o concluzie privind înțelesul corect al textului. Astfel, atunci când limbajul utilizat este aparent clar și în concordanță cu scopul prevederii și cu întregul context legislativ, Curtea poate pur și simplu constata că adevăratul sens al reglementărilor rezultă din cuvintele utilizate, fără a specifica în mod expres că a luat în considerație scopul și contextul prevederilor. Indicarea expresă a metodei de interpretare utilizate se face, de obicei, în cazurile în care este vorba despre o problemă specifică apărută, mai cu seamă, când limbajul utilizat este mai puțin clar. Aici Curtea se bazează pe adevăratul sens al prevederii, în calitate de indicator credibil, care poate fi unul sau orice combinație din următorii factori: scopul acesteia, contextul legal general, aspectele practice ale aplicării legislației, istoria sa legislativă, etc. De aceea, o analiză minuțioasă a jurisprudenței Curții de Justiție a UE este capabilă să scoată în lumină declarațiile exprese sau aparente privind principiile, care pot fi utilizate ca suport pentru cele mai diverse abordări ale problemelor de interpretare a textelor legislative; iar multe dintre aceste declarații pot părea chiar contradictorii.

Orice interpretare propusă trebuie să aibă un anumit fundament. De obicei, jurisprudența sugerează că în calitate de prim pas sau pas fundamental, interpretarea trebuie să-și găsească fundamentarea în textul prevederii ce constituie subiect al interpretării sau, dacă nu în formularea textului, atunci în „sistemul” sau „schema” măsurii legislative care cuprinde prevederea dată.

¹² Lasok Q.C., Millet T., Howard A. *Judicial Control in the EU: procedures and principles*. New York: Oxford University Press, 2004, p. 375.

¹¹ Kennedy T. *Op. cit.*, p. 252-253.

Cu toate acestea, chiar dacă un anumit suport pentru interpretare poate fi obținut din formularea textului sau din „sistemul” sau „schema” măsurii legislative care cuprinde prevederea dată, aceasta nu înseamnă că s-au epuizat toate acțiunile ce trebuiau a fi întreprinse pentru a ajunge la concluzia că interpretarea propusă redă sensul corect al prevederii. Problema interpretării este, în mare măsură, o chestiune ce necesită identificarea acelor resurse materiale (textul care trebuie de interpretat, alte acte care limitează prevederile textului, etc.), care pot sau nu pot fi utilizate ca mijloace complementare pentru interpretare. Mai apoi, urmează să se descrie modalitățile în care aceste raționamente pot sau nu pot fi utilizate, precum și regulile sau tehnicile de utilizare ale acestora. În orice caz concret, importanța unui anumit raționament pentru interpretare, depinde de utilitatea acestuia pentru identificarea adevăratului sens al cuvintelor ce urmează a fi interpretate, precum și gradul său de utilitate în comparație cu alte ajutoare disponibile. De aceea, valoarea unui anumit raționament pentru interpretare variază de la caz la caz. Într-un exemplu, diferite raționamente ale interpretării, în combinație cu regulile de interpretare acceptate, pot duce la concluzia că cea mai mare atenție posibilă trebuie acordată formulării precise a textului respectiv. În acest sens, abordarea privind interpretarea unei prevederi poate fi influențată și de locul pe care îl ocupă aceasta în ierarhia normelor legale ale dreptului UE. În general, o abordare mai liberală se aplică în cazul interpretării unor prevederi din tratat și, deseori, interpretarea unor norme mai inferioare din punct de vedere al ierarhiei legislative, care au scopul de a implementa într-un mod mai detaliat sau mai specific o prevedere mai superioară și mai generală, se bazează pe o abordare mai puțin liberală și mai mult literală.

Metodele de interpretare care sunt cel mai des utilizate sunt următoarele: Curtea interpretează o prevedere a dreptului UE în lumina spiritului acesteia, a schemei generale, a formulării, precum și a întregului context legislativ, în special, se iau în considerație sistemul și obiectivele tratatelor constitutive și al instrumentelor care cuprind acele prevederi supuse interpretării. Prin urmare, prevederile specifice trebuie interpretate în lumina principiilor generale sau a obiectivelor instrumentelor legislative în cauză. În general, orice prevedere trebuie interpretată în lumina

normei juridice superioare și este preferabilă interpretarea care este consecventă cu acele norme ierarhic superioare. Scopul sau obiectivele prevederilor pot, în special, să determine dacă formularea sau conceptele la care se referă prevederea urmează să aibă o interpretare largă sau îngustă. Această metodă combină câteva raționamente ale interpretării și evidențiază obiectivul de asigurare atât a consecvenței dreptului UE, cât și a eficienței acestuia. Aceasta nu înseamnă că în toate cazurile este necesar sau adecvat de a alege calea interpretării liberale a prevederilor dreptului UE. Contextul poate indica suficient de clar că interpretarea trebuie să fie mai îngustă sau literală, în special în cauzurile în care există riscul încălcării principiului certitudinii juridice.¹³ Frecvent, Curtea face referință la „schema” sau „contextul” tratatului, sau la „cadru legislației” unionale. Această abordare are scopul de a clarifica o regulă, concept sau terminologia utilizată, plasând-o în cel mai apropiat context sau în schema generală a instrumentului legislativ din care face parte.¹⁴

Punctul de pornire al interpretării unei prevederi constă în *terminologia utilizată*. Se spune că Curtea nu poate să-și asume rolul legislatorului și să interpreteze o prevedere care este contrară formulării sale exprese. Chiar dacă anumiți factori relevanți pentru interpretarea unui text pot crea prezumția că legislatorul a intenționat să adopte o anumită soluție, interpretarea aleasă de Curte nu poate merge prea departe de formularea textului. Cu toate acestea, sensul clar al unei prevederi și sensul literal al acesteia, nu sunt sinonime. În anumite cazuri, referința la sensul literal al textului a fost suficientă pentru stabilirea adevăratului său înțeles, afirmându-se că certitudinea juridică exclude orice interpretare care deviază de la sensul firesc al cuvintelor utilizate. Însă analiza literală a textului nu întotdeauna este potrivită pentru natura și schema unei măsuri legislative sau nu corespunde circumstanțelor în care au fost adoptate acele prevederi.¹⁵ Prin urmare, textualismul s-a dovedit a fi o doctrină interpretativă ineficientă, mă ales când legea este

¹³ Lasok Q.C., Millet T., Howard A. *Op. cit.*, p. 376-380.

¹⁴ Kennedy T. *Op. cit.*, p. 260.

¹⁵ Lasok Q.C., Millet T., Howard A. *Op. cit.*, p. 380.

vagă.¹⁶ Înțelesul literal al reglementărilor nu trebuie luat în considerație dacă acesta nu este în concordanță cu scopul, schema generală sau contextul în care acestea trebuie aplicate sau dacă există discrepanțe între versiunile în diferite limbi ale prevederilor. În consecință, chiar dacă textul pare clar, totuși, pentru a susține interpretarea care rezultă din cuvintele utilizate (*a fortiori*, dacă nu este clar textul) este necesar să se facă referință și la spiritul, schema generală și contextul prevederii, sau la aspectele sale practice.¹⁷

Un alt raționament important pentru interpretare este *temporalitatea*. Atunci când se interpretează o prevedere a legislației UE, este necesar de a se lua în calcul reglementările existente la momentul aplicării prevederilor interpretate, însă aceasta nu înseamnă că extinderea unei prevederi existente permite statelor membre să reutilizeze opțiunea pe care deja a utilizat-o. O normă care nu exista la momentul producerii unui anumit eveniment, nu poate fi luată în considerație pentru interpretarea unei prevederi în vigoare în acel moment.¹⁸

Principiile reprezintă un element fundamental care stă la baza raționamentului Curții de Justiție a UE. Curtea a trebuit să aibă o poziție fermă pentru a dezvolta principiile constituționale ale dreptului UE: aceasta a declarat supremația dreptului UE *vis-a-vis* de dreptul național, a stabilit condițiile în care dreptul UE prevede drepturi pentru persoanele fizice și juridice, a dezvoltat doctrina drepturilor fundamentale în cadrul Uniunii, etc.¹⁹ Legislația UE trebuie interpretată în conformitate cu principiile generale ale dreptului UE. De aceea, este preferabilă interpretarea care este în conformitate cu principiile ce sunt stabilite sau care rezultă din prevederile interpretate și nu cea care ar contribui la principiul ineficienței și inutilității. În aceste

condiții, trebuie evitată interpretarea care ar duce la impunerea unor condiții care nu justifică obiectivul prevederilor și constituie o sursă de discriminare și încurajată interpretarea care este compatibilă cu principiul tratamentului egal și care asigură o interpretare uniformă a dreptului UE. Principiul certitudinii juridice cere ca legislația Uniunii Europene să fie clară, iar modul său de aplicare, anticipat. Acest principiu determină modalitatea de interpretare a legislației UE, în măsura în care interpretarea prevederilor actului UE care ar duce la o îndepărtare de sensul firesc al cuvintelor utilizate, este contrară principiului certitudinii juridice.

Regula generală este că prevederile care dau efect libertăților fundamentale sau principiilor dreptului UE, în caz de dubiu, trebuie interpretate în sens larg și într-o manieră care ar da efect deplin acelor prevederi și principii. Cu toate acestea, nu se aplică aceeași abordare și asupra conceptelor care descriu sfera de aplicare a uneia sau mai multor libertăți fundamentale garantate de tratatele UE. În caz de dubiu, prevederile care stabilesc garanții pentru protecția drepturilor nu pot fi interpretate într-un mod restrictiv, în detrimentul persoanei, iar tăcerea unui text nu poate fi interpretată într-un mod care ar defavoriza drepturile și libertățile individuale. Prevederile care protejează cetățenii UE în exercitarea drepturilor și libertăților lor în conformitate cu tratatele UE, trebuie interpretate în favoarea acestora. Atunci când versiunile lingvistice ale unei decizii adresate statelor membre ale UE diferă, trebuie să prevaleze cea mai liberală interpretare, care să fie suficientă pentru atingerea obiectivelor deciziei și să asigure neîncălcarea drepturilor fundamentale ale omului.

Derogații, excepții, scutiri și excluderi. Regulile fundamentale ale tratatelor UE pot fi considerate inaplicabile doar de către prevederile exprese ale însuși tratatului. O prevedere care limitează scopul măsurii legislative, merge împotriva unuia din obiectivele acesteia sau constituie un obstacol în calea realizării obiectivelor fundamentale ale măsurii legislative, trebuie să fie interpretată restrictiv. Pe de altă parte, excepțiile de la excepții, derogările de la derogări nu trebuie să fie interpretate în mod restrictiv.

Derogațiile de la excepțiile din tratat sau din altă legislație trebuie să fie interpretate strict. Acestora nu trebuie să li se atribuie un sens care

¹⁶ Reyniers P. The Interpretation of European Union Law and the Dislocation of the Patterns of European Social Legitimacy, European University Institute, Department of Law, 2009, p. 3. [On-line]: http://works.bepress.com/philippe_reyniers/6. (Vizitat la: 10.11.2013).

¹⁷ Lasok Q.C., Millet T., Howard A. *Op. cit.*, p. 382.

¹⁸ *Ibidem.*, p. 398-399.

¹⁹ Reyniers P. The Interpretation of European Union Law and the Dislocation of the Patterns of European Social Legitimacy, European University Institute, Department of Law, 2009, p. 4. [On-line]: http://works.bepress.com/philippe_reyniers/6. (Vizitat la: 10.11.2013).

să meargă mai departe decât ceea ce ele prevăd expres și ele nu trebuie interpretate într-un mod care ar extinde efectele lor mai departe de limita necesară pentru garantarea intereselor pe care acestea le protejează, iar scopul lor trebuie să fie determinat în lumina obiectivelor urmărite de măsura legislativă care le conține.

Regula generală este că excepțiile trebuie interpretate strict și nu trebuie să aibă prioritate față de regulile generale și necondiționate. Excepțiilor de la prevederile fundamentale sau de la alte reguli nu le pot fi atribuite un scop care le-ar extinde obiectivele. Scutirile, de asemenea, trebuie interpretate în lumina contextului lor legislativ. În principiu, acestea trebuie interpretate în sens strict, însă scopul lor poate să nu necesite o interpretare specială îngustă. Excluderile sunt interpretate strict, având în vedere faptul că ele se opun obiectivelor măsurii legislative și datorită caracterului lor excepțional.

Uniformitatea. Limitele care se impun conceptelor utilizate într-o măsură legislativă reprezintă o chestiune legată de interpretarea acestei măsuri. Termenii utilizați în dreptul UE trebuie să aibă o interpretare și aplicare uniformă pe întreg teritoriul Uniunii, cu excepția cazurilor în care există o referință expresă la dreptul național al statelor membre, în special când obiectivul prevederilor interpretate este de a armoniza dreptul național. O referință la uzanțele naționale face imposibilă definirea uniformă la nivelul UE a termenului folosit. Dacă Curtea interpretează un concept după anumite evenimente, acest fapt nu justifică concluzia precum că acest concept ar fi avut în trecut un sens diferit.

Prevederile identice trebuie să fie interpretate împreună, cel puțin atunci când reglementează același subiect. Aceeași frază are același sens atunci când apare de mai multe ori în contextul acelorași prevederi sau aceluiși act. Atunci când implementează o prevedere din tratat, legislația secundară are același scop, aceleași obiective și utilizează aceleași cuvinte ca și tratatele UE.²⁰

Efectul util. Prevederile dreptului UE trebuie interpretate în așa mod încât să se asigure că acestea vor avea un efect deplin, efect practic sau efectul util deplin. De aceea, prevederile pot fi interpretate în sens larg pentru a asigura funcționarea omogenă a unei scheme

administrative sau interpretarea poate fi fundamentată pe faptul că prevederile în cauză sunt în conformitate cu normele de aplicare ale acelei scheme legislative. Însă, prevederile nu pot fi interpretate într-un mod care ar duce la instituirea unui formalism, care ar merge mai departe decât este necesar pentru aplicarea eficientă a schemei sau care ar lipsi prevederea de efectul său și ar produce un rezultat inconsecvent cu scopul acesteia. Din aceleași considerente, atunci când legislația secundară este susceptibilă de mai multe interpretări, se va da preferință interpretării care îi conferă un caracter compatibil cu tratatul UE, în defavoarea interpretării care ar duce la incompatibilitatea acesteia cu tratatul și, prin urmare, ar fi nevalidă și ineficientă.²¹ Curtea face referire la principiul efectului util atunci când dorește să definească importanța obligațiilor statelor membre, care vizează, în special, protecția drepturilor cetățenilor europeni.²²

Deducția și raționamentul contrario. O prevedere trebuie interpretată în lumina înputernicirilor pe care le are autoritatea care a adoptat-o, iar aplicarea sa unei anumite situații poate să rezulte din schema și obiectivele sale. Intenția legislatorului poate fi presupusă din absența unei prevederi exprese. Mai mult ca atât, reglementările tratatelor constitutive ale UE sau ale legislației primare conțin, în mod indirect, reguli fără de care acestea nu ar avea nici un sens sau nu ar putea fi aplicate într-un mod rațional și util, iar atunci când ele conferă anumite sarcini unei instituții UE, îi atribuie instituției competențele necesare pentru realizarea acestor sarcini. Prin urmare, o prevedere care condiționează ceva de o autorizație semnifică că autoritatea vizată are competența de a acorda acea autorizație. Pe de altă parte, cerințele adiționale care impun obligații suplimentare nu pot fi deduse din textul prevederii.

Raționamentul *contrario* este capabil să ajute la interpretarea unei prevederi. O interpretare dedusă din absența unei declarații exprese în prevederea legală este acceptabilă doar în ultimă instanță, atunci când o altă interpretare nu pare să

²¹ Lasok Q.C., Millet T., Howard A. *Op. cit.*, p. 404.

²² Esch B. The Principles of Interpretation Applied by the Court of Justice of the European Communities and Their Relevance for the Scope of the EEC Competition Rules. In: Fordham International Law Journal. 1991, Vol. 15, Issue 2, 1991, p. 368. [On-line]: <http://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1308&context=ilj>. (Vizitat la: 10.11.2013).

²⁰ Lasok Q.C., Millet T., Howard A. *Op. cit.*, p. 399-403.

fie adecvată sau compatibilă cu textul prevederilor, cu contextul și obiectivele lor. Cu toate acestea, interpretarea poate fi bazată și pe faptul că o interpretare alternativă ar face ca o altă prevedere a măsurii legislative în cauză ar fi de prisos sau pe faptul că dacă acea prevedere ar fi avut o semnificație diferită, aceasta sau măsura legislativă care o prevede ar fi fost, probabil, formulate într-un mod diferit. Atunci când legislația utilizează expresii generale într-o prevedere, pentru a determina sensul expresiei, se poate recurge la scopul prevederii.²³

Analogia și deficiențele textuale. O prevedere se aplică, de obicei, doar situațiilor pe care le prevede, însă aceasta poate fi aplicată, prin analogie, atunci când există anumite lacune în text și ele trebuie suplinite. Atunci când aceasta nu este adecvat, prevederea nu va fi aplicată prin analogie. Curtea poate completa lacuna din text prin extinderea prevederii existente, prin analogie, dacă legislația secundară nu conține prevederi exprese, ceea ce ar permite ca un principiu obligatoriu să aibă efect, dacă prin aceasta s-ar păstra un principiu fundamental al dreptului UE sau dacă astfel s-ar asigura o protecție eficientă a drepturilor individuale. Dacă e clar că o prevedere urmează să fie aplicată doar în anumite circumstanțe, în mod normal, aceasta nu poate fi aplicată prin analogie atunci când aceste circumstanțe nu există. Orice problemă de interpretare apărută în acest caz, trebuie rezolvată prin referința la spiritul general, schema și scopul legislației. Curtea poate utiliza principiul echității pentru a interpreta un text care conține lacune.

Relevanța contextului social sau economic. Chiar dacă o prevedere este formulată neclar, prudența determină necesitatea luării în considerație a tuturor circumstanțelor care ar indica asupra adevăratei interpretări ale acesteia sau care ar confirma interpretarea pe care prevederea trebuie să o aibă, din anumite motive. Aceste circumstanțe pot include contextul social. Cu toate acestea, considerentele de natură socială și tehnică pot să nu ducă la o interpretare a dreptului UE, care este contrară formulării și obiectivelor sale, chiar dacă ele ar putea justifica luarea măsurilor pentru amendarea acestora.

Dacă măsura legislativă produce în practică un rezultat nesatisfăcător, nu este obligația Curții de a remedia situația prin modificarea conținutului

prevederii prin intermediul interpretării. Modificarea măsurii legislative ține de competența exclusivă a legislatorului UE.

Faptul că o anumită interpretare a provocat un număr mare de acțiuni în fața instanțelor nu presupune că corectitudinea interpretării este dubioasă.²⁴

Aplicarea normelor procedurale și materiale și măsurile tranzitorii. Regulile procedurale se aplică tuturor procedurilor aflate în curs la momentul intrării acestora în vigoare. Normele materiale pot fi aplicate situațiilor care au existat înaintea intrării lor în vigoare, doar în măsura în care rezultă clar din prevederile, obiectivele sau schema generală ale acestora că urmează să li se atribuie un astfel de efect.

Regula generală este că o prevedere care autorizează o instituție a UE să adopte măsuri de tranziție trebuie interpretată că se referă la măsurile de tranziție care vizează perioada ulterioară termenului de când prevederile principale produc efecte, însă nu poate fi exclusă posibilitatea ca aceste măsuri de tranziție să fie aplicate perioadei dintre momentul publicării normelor și momentul din care acestea produc efecte, cu condiția că măsurile își mențin caracterul de tranziție și sunt necesare pentru atingerea competențelor în discuție.²⁵

Tratatul și acordurile internaționale. Interpretarea unei prevederi din unul din tratatele constitutive poate confirma interpretarea pe care trebuie să o aibă o prevedere similară din alt tratat, însă nu constituie un argument decisiv în favoarea acestei opțiuni. Prevederile legislației secundare a UE, care implementează prevederile unuia din tratate trebuie să fie întotdeauna interpretate în lumina reglementărilor din tratat pe care le implementează. Normele generale din tratatele fondatoare, care nu creează drepturi individuale, pot exprima, principii sau o politică care trebuie avută în vedere atunci când se interpretează alte prevederi ale tratatului sau legislația secundară ce reglementează domeniul respectiv. O declarație care reprezintă o anexă la tratat, trebuie luată în calcul la interpretarea prevederii, fiind o parte componentă a tratatului.

Se va face trimitere și la alte instrumente internaționale pentru a ghida procesul de identificare a intenției autorilor prevederii dreptului UE. Legislația UE trebuie interpretată

²³ Lasok Q.C., Millet T., Howard A. *Op. cit.*, p. 405-406.

²⁴ *Ibidem.*, p. 406-408.

²⁵ *Ibidem.*, p. 408.

în lumina dreptului internațional public, în cazul în care competențele UE trebuie exercitate în corespundere cu dreptul internațional. Legislația UE urmează să fie interpretată, atât cât este posibil, într-o manieră compatibilă cu dreptul internațional, în special în cazurile în care prevederile sale au intenția de a conferi efecte unui acord internațional încheiat de UE. Cu toate acestea, similitudinea noțiunilor dintre tratatele constitutive și alte acorduri internaționale, nu este suficientă pentru a transpune interpretarea valabilă pentru un instrument, unui alt instrument. Scopul interpretării unor prevederi cu o formulare similară în diferite instrumente este determinat de obiectivele acestor instrumente sau de către scopul și contextul acestora.²⁶

În cazul în care instrumentul internațional, care este implementat de legislația UE, nu stabilește anumite obligații exprese pentru protecția eficientă a drepturilor și libertăților omului, Curtea va interpreta actul UE de implementare în lumina principiilor fundamentale ale dreptului UE, implicit principiul protecției drepturilor omului, chiar dacă acestea din urmă depășesc obligațiile care rezultă din instrumentul internațional. O astfel de metodă, poate fi numită metoda funcționalistă, care are la bază protecția drepturilor și libertăților individuale, bazându-se pe raționamentul că respectarea drepturilor omului este o condiție inerentă pentru legalitatea actelor UE, iar măsurile incompatibile cu acest principiu nu sunt acceptate de UE.²⁷

Prevederile generale ale tratatelor constitutive și Instrumentele de Aderare. Atunci când o prevedere generală a tratatului UE este menționată sau detaliată în alte părți ale tratatului, textele care se referă la acea prevedere trebuie, de asemenea, să fie luate în considerație, ca un tot întreg, și aplicate simultan.

Prevederile tratatului care depășesc regulile recunoscute de dreptul internațional public clasic pentru a asigura realizarea obligațiilor statelor membre, trebuie să fie interpretate strict.

Instrumentele de Aderare ale noilor state membre ale UE nu pot fi interpretate într-un mod care ar valida măsurile legislative incompatibile cu tratatele UE.

Acordurile dintre statele membre și țările terțe. Atunci când un acord între UE și un stat terț este ambiguu, trebuie să fie aleasă interpretarea care este cea mai apropiată de planul general și obiectivele acordului și care corespunde practicii stabilite dintre părțile la acord. Interpretarea unui astfel de acord se poate face, de asemenea, prin referirea la art. 31 al Convenției de la Viena privind dreptul tratatelor din 1969. Instituțiile UE care au competențe de a negocia și a încheia acorduri cu statele terțe sunt în drept să ajungă la o înțelegere cu acel stat privind efectul pe care îl va avea prevederile acordului în contextul ordinii juridice interne a părților contractante. Dacă subiectul dat nu este reglementat de acord, acesta va fi determinat prin intermediul hotărârilor instanțelor care au jurisdicție în domeniul dat.²⁸

În cele ce urmează, putem da anumite exemple ilustrative privind modul de interpretare a unor *termeni și expresii* utilizate în legislația UE. Când o prevedere conține o referință la o altă măsură legislativă, referința constituie un element al interpretării prevederilor la care se face trimitere, cu excepția cazului când este stabilit altfel în prevederea de trimitere. Cuvântul „principiu” este utilizat în tratatele constitutive ale UE pentru a indica natura fundamentală a anumitor prevederi și nu este o declarație vagă. Atunci când legislația secundară utilizează expresia „în conformitate cu tratatul”, referindu-se la legislația națională, aceasta înseamnă că măsurile legislative naționale trebuie să respecte regulile și principiile generale ale tratatului la care nu se face referință expresă în legislația secundară a UE. „Sau” are un caracter alternativ. „Pot să nu” indică o regulă generală, de la care pot fi și abateri. Utilizarea expresiei „în special” sau a expresiilor echivalente, indică o intenție clară precum că cele enumerate după această expresie nu constituie o listă exhaustivă. Utilizarea expresiei „fără să aducă atingere” în privința unei decizii care urmează a fi adoptată de o instituție, semnifică că acea instituție își rezervă dreptul de discreție, și că nu trebuie să existe expectative că această discreție va fi utilizată într-un anumit mod. Cuvântul „parte” se referă la întregul din care acea parte este parte. Expresia „legislația națională” poate semnifica și actele administrative, precum și practicile existente.²⁹

²⁶ Ibidem, p. 392.

²⁷ Joint Cases C-402/05 P and C-415/05 P, Yassin Abdullah Kadi and Al Barakaat International Foundation v. EU Council and EC Commission, 3 September 2008.

²⁸ Lasok Q.C., Millet T., Howard A. *Op. cit.*, p. 410-415.

²⁹ Ibidem., p. 416.

Misiunea complexă de garantare a respectării dreptului Uniunii Europene în interpretarea și aplicarea dreptului Uniunii Europene, îi revine Curții de Justiție a UE, care trebuie să asigure integritatea efectului prevederilor legislației Uniunii Europene. Dezbaterile pe marginea integrării (europene) prin lege și privind rolul Curții de Justiție a UE în acest proces se axează tot mai mult, în mod paradoxal, doar pe anumite considerente oferite de știința politică care percep Curtea în calitate de actor politic, care realizează funcțiile legislatorului prin intermediul activismului juridic. Dacă e să mergem pe calea acestei extreme, discuțiile pot omite esența procesului de integrare prin lege – însăși legea. În acest sens, analiza detaliată a raționamentului juridic devine tot mai importantă. Integrarea prin lege nu ar trebui să fie privită ca pe un obiect care are doar formă, însă nu și un conținut clar definit. Integrarea este generată de un actor rațional, iar Curtea de Justiție a UE are raționamente clare privind dreptul Uniunii Europene.

Bibliografie:

1. Broberg M., Fenger N. Preliminary References to the European Court of Justice. New York: Oxford University Press, 2010. ixii + 486 p.
2. Dawson M. The Political Face of Judicial Activism: Europe's Law-Politics Imbalance, Maastricht Faculty of Law Working Paper 2012/1. [On-line]: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1984636. (Vizitat la: 10.11.2013).
3. Dickson J. Interpretation and Coherence in Legal Reasoning, The Stanford Encyclopedia of Philosophy, Spring 2010 Edition, Edward N. Zalta (ed.). [On-line]: <http://plato.stanford.edu/archives/spr2010/entries/legal-reas-interpret>. (Vizitat la: 10.11.2013).
4. Esch B. The Principles of Interpretation Applied by the Court of Justice of the European Communities and Their Relevance for the Scope of the EEC Competition Rules. In: Fordham International Law Journal. 1991, vol. 15, Issue 2. [On-line]:

<http://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1308&context=ilj>. (Vizitat la: 10.11.2013).

5. Grimm A. Judicial Interpretation or Judicial Activism?: the Legacy of Rationalism in the Studies of the European Court of Justice, Center for European Studies Working Paper Series #176, 2010, Harvard University/University of Hamburg. [On-line]: http://aei.pitt.edu/14470/1/CES_176.pdf. (Vizitat la: 10.11.2013).
6. Joint Cases C-402/05 P and C-415/05 P, Yassin Abdullah Kadi and Al Barakaat International Foundation v. EU Council and EC Commission, 3 September 2008.
7. Kennedy T. Learning European Law; A Primer and Vade-mecum. London: Sweet&Maxwell, 1998. xv + 416 p.
8. Kurt U. Europe of Monnet, Schumann and Mitrany: A Historical Glance to the EU from the Functionalist Perspective. In: European Journal of Economic and Political Studies, 2009. [On-line]: <http://ejeps.fatih.edu.tr>. (Vizitat la: 10.11.2013).
9. Lasok Q.C., Millet T., Howard A. Judicial Control in the EU: procedures and principles. New York: Oxford University Press, 2004.
10. Reyniers P. The Interpretation of European Union Law and the Dislocation of the Patterns of European Social Legitimacy, European University Institute, Department of Law, 2009. [On-line]: http://works.bepress.com/philippe_reyniers/6. (Vizitat la: 10.11.2013).
11. Tratatul privind Uniunea Europeană și Tratatul privind Funcționarea Uniunii Europene (versiune consolidată 2012). JO C 326 din 26 octombrie 2012.
12. Yavuz A. Judicial activism of the European Court of Justice. [On-line]: http://www.justice.gov.tr/e-journal/pdf/european_court.pdf. (Vizitat la: 10.11.2013).

Copyright© Stela BUTUC, 2013.

Contacte / Contacts / Контакты:

The Moldova State University

60, A. Mateevici str., Chisinau, The Republic of Moldova, MD 2009.

E-mail: stela.buiuc@justice.gov.md

Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2013, Issue 4, Volume 30, Pages 108-116.

ISSN 1857-1999

Submitted: 16. 10. 2013 | Accepted: 30.11. 2013 | Published: 15.12. 2013

**TRIBUNA TINERILOR CERCETĂTORI
THE TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS
ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

**ПОНЯТИЕ ПРАВА НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО
В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**

**CONCEPT OF RIGHT ON FAIR JUDICIAL HEARING
IN PRACTICE OF EUROPEAN COURT ON HUMAN RIGHTS**

**CONCEPTUL DE DREPT LA UN PROCES ECHITABIL
ÎN PRACTICA CURȚII EUROPENE A DREPTURILOR OMULUI**

КОНОНЕНКО Юлия / KONONENKO Julia / KONONENKO Julia*

ABSTRACT:

**CONCEPT OF RIGHT ON FAIR JUDICIAL HEARING
IN PRACTICE OF EUROPEAN COURT ON HUMAN RIGHTS**

The article is devoted illumination of concept of right on the fair judicial hearing in the decisions of the European court on human rights. Positions of international and domestic legislative acts are analyzed touching the normative decision of elements of right on the fair judicial hearing. Taking into account the international obligations of Ukraine, a national legislation must be, it is resulted in accordance with international agreements, ratified Supreme Soviet of Ukraine.

Harmonization of the domestic legal system foresees the analysis of judicial practice of the European court on human rights, touching different violations of right on the fair judicial hearing. An author accents attention on the making elements of concept of right on the fair judicial hearing and to their interpretation in practice of the European court on human rights.

As a result of analysis of court decisions in matters against Ukraine, the author decision of concept of right is formulated on the fair judicial hearing.

Key words: *right on the fair judicial hearing, European Court on Human Rights, the interpretation, harmonization of the legal system.*

JEL Classification: K33, K41, F55

РЕЗЮМЕ:

**ПОНЯТИЕ ПРАВА НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО
В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**

Статья посвящена освещению понятия права на справедливое судебное разбирательство в решениях Европейского суда по правам человека. Проанализированы положения международных и

* **KONONENKO Julia** - Doctorand, Universitatea de Drept din Kiev a Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev, Ucraina). / **KONONENKO Julia** - PhD student, the Kyiv University of Law of The National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraina). / **КОНОНЕНКО Юлия** - Аспирант кафедры конституционного и административного права Киевского университета права НАН Украины (Киев, Украина).

отечественных законодательных актов касающихся нормативного определения элементов права на справедливое судебное разбирательство.

Учитывая международные обязательства Украины, национальное законодательство должно быть, приведено в соответствие с международными договорами, ратифицированными Верховным Советом Украины.

Гармонизация отечественной правовой системы предусматривает анализ судебной практики Европейского суда по правам человека, касающейся различных нарушений права на справедливое судебное разбирательство.

Автор акцентирует внимание на составляющих элементах понятия права на справедливое судебное разбирательство и их толкованию в практике Европейского суда по правам человека.

В результате анализа судебных решений по делам против Украины, сформулировано авторское определение понятия права на справедливое судебное разбирательство.

Ключевые слова: *право на справедливое судебное разбирательство, Европейский суд по правам человека, толкование, гармонизация правовой системы.*

JEL Classification: K33, K41, F55

УДК: 341.64, 341.645.5

REZUMAT:

CONCEPTUL DE DREPT LA UN PROCES ECHITABIL ÎN PRACTICA CURȚII EUROPENE A DREPTURILOR OMULUI

Articolul este dedicat elucidării conceptului de drept la un proces echitabil în deciziile Curții Europene a Drepturilor Omului. Se analizează legislația națională și internațională referitoare la cadrul normativ a dreptului la un proces echitabil.

Luând în considerare obligațiile internaționale ale Ucrainei, legislația națională ar trebui să fie armonizată cu tratatele internaționale ratificate de Consiliul Suprem al Ucrainei.

Armonizarea sistemului juridic național prevede analiza jurisprudenței Curții Europene a Drepturilor Omului referitoare la diverse încălcări a dreptului la un proces echitabil.

Autorul se concentrează asupra elementelor constitutive ale conceptului dreptului la un proces echitabil și interpretarea lor în jurisprudența Curții Europene a Drepturilor Omului.

Ca urmare a analizei hotărârilor judecătorești în cazurile împotriva Ucrainei, autorul propune definiția proprie a dreptului la un proces echitabil.

Cuvinte cheie: *dreptul la un proces echitabil, Curtea Europeană a Drepturilor Omului, interpretare, armonizarea sistemului de drept.*

JEL Classification: K33, K41, F55

CZU: 341.64, 341.645.5

Обеспечение судебной защиты или доступа к правосудию имеет конструктивный смысл только тогда, когда орган правосудия действительно способен эффективно восстановить нарушенное право. В связи с этим международное сообщество выработало и закрепило в нормах международного права обязательные формы судебной процедуры, именуемые основополагающими гарантиями, которые удовлетворяют представлениям о справедливом судебном разбирательстве.

Традиционное представление в теории права на то, что единственными источниками права в романо-германской правовой семье (в том числе и в Украине) является нормативно

правовой акт и нормативный договор нуждается в переосмыслении, учитывая, в первую очередь, динамические процессы, которые происходят в мире в сфере экономики и права.

На сегодняшний день, в условиях переоценки источников национального права и формирования самостоятельной судебной ветви власти в Украине растет потребность в судебном прецеденте как источнике права, что позволило бы дополнять действующие законы, другие нормативно правовые акты, обеспечивало бы их неизменность в течение более-менее длительного времени. Такими прецедентами могли бы стать решения

Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Кроме того, существуют проблемы вхождения Украины в юрисдикционный механизм Европейской Конвенции о защите прав и основоположных свобод человека (далее – Конвенция), обусловленные отсутствием национальной процедуры, позволяющей судам прямо использовать и объяснять конвенционные положения.

В связи с этим возникает потребность правового анализа понятия права на справедливое судебное разбирательство в практике ЕСПЧ.

Право на справедливое судебное разбирательство является общепризнанной международно-правовой нормой, непосредственно относящейся к правам человека. Оно неразрывно связано с правом на эффективное восстановление нарушенных прав и признанием того факта, что наиболее адекватным органом, способным обеспечить такое восстановление, является суд. Целый ряд международно-правовых актов содержат нормы, касающиеся правовой регламентации права на справедливое судебное разбирательство.

Так, Всеобщая декларация прав человека устанавливает общее положение в этой области: «Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом» (ст. 8)¹.

Международный пакт о гражданских и политических правах декларирует обязательства государств - участников: «а) обеспечить любому лицу, права и свободы которого, признаваемые в настоящем Пакте, нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве; б) развивать возможности судебной защиты» (ст. 2)².

В соответствии с частью 1 статьи 6 Конвенции гласит: «Каждый имеет право при

определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на все судебное разбирательство или часть его по соображениям морали, общественного порядка или государственной безопасности в демократическом обществе, если это требуется в интересах несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или - в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо - при особых обстоятельствах, когда гласность нарушила бы интересы правосудия»³.

Право на справедливое судебное разбирательство включает в себя следующие элементы общего характера. 1. Обеспечение доступа к правосудию в любом случае, когда имеется спор относительно гражданских прав и обязанностей или когда гражданину предъявлено уголовное обвинение. 2. Наличие развитой судебной системы, установленной законом, при обеспечении независимости судей. Право на рассмотрение дела судом, созданным на основании закона, понимается как право на рассмотрение дела тем судом, к подсудности которого оно относится. Иногда такое право называется правом на «своего судью». Образование судов, не предусмотренных законом, запрещается. 3. Необходимость рассмотрения дела в разумный срок (без неоправданной задержки). 4. Беспристрастность суда. 5. Гласность судебного разбирательства за исключением случаев, предусмотренных законом.

Таким образом, надлежащее осуществление правосудия должно предусматривать два аспекта: институциональный (независимость и беспристрастность суда) и процедурный (справедливый характер разбирательства дела). Для соблюдения этих обязательств

¹ Загальна декларація прав людини: прийнята 10 грудня 1949 року. [On-line]: <http://www.zakon1.rada.gov.ua.htm>. (Дата посещения: 10.11.2013).

² Міжнародний пакт про громадянські та політичні права: прийнятий 16 грудня 1966 року. [On-line]: <http://www.zakon1.rada.gov.ua.htm>. (Дата посещения: 10.11.2013).

³ Конвенція про захист прав людини і основоположних свобод від 4 листопада 1950 року, ратифікована Законом України 17 липня 1997 року. В: Відомості Верховної Ради України. 1997, № 40, ст. 246.

государства – участники Конвенции должны создать и обеспечить функционирование институциональных инфраструктур, необходимых для надлежащего осуществления правосудия, а также принять законы, гарантирующие беспристрастный и справедливый характер самого судебного разбирательства. Хотя статья 6 связана со структурой данного государства, а значит, косвенно – с конституционными принципами, выходящими за рамки защиты прав личности, тем не менее, она охраняет права индивида, который является субъектом судебного разбирательства в качестве одной из сторон. Цель данной нормы состоит в «закреплении гарантий в отношении порядка разрешения исков или споров, касающихся юридических прав и обязанностей» («гражданского характера»), а также уголовного обвинения. Указанная статья касается прав тех, кого осуждают за уголовное правонарушение, иным образом лишают свободы или чьи «гражданские права и обязанности» изменяют и кому грозят такие меры. Таким образом, главный предмет правового регулирования ст. 6 Конвенции – порядок осуществления названных действий и справедливость соответствующих процедур.

ЕСПЧ толкует эту статью столь широко на том основании, что гарантируемые права имеют основополагающее значение для функционирования демократии, поскольку, в демократическом обществе, право на справедливое отправление правосудия занимает столь видное место, что ограничительное толкование пункта 1 ст. 6 не соответствовало бы цели и задаче этого положения.

Как уже отмечалось, пункт 1 ст. 6 Конвенции устанавливает право каждого лица при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Таким образом, рассматриваемая статья фактически применима только к делам, в ходе которых определяются гражданские права или обязанности или разбираются уголовные обвинения, а также к любому спору между

частными лицами в области гражданского права. Следует заметить, что контрольным органам Совета Европы приходилось решать немало сложных вопросов, возникающих в связи с применением данной статьи в области публичного права, когда административным или дисциплинарным органам в силу закона доверялось предпринимать действия, затрагивающие права или интересы частных лиц. В значительной степени прецедентное право Европейского Суда развилось именно при рассмотрении таких дел.

Так, в решении по делу «Рингайзен против Австрии» ЕСПЧ прибегнул к расширительному толкованию пункта 1 статьи 6, установив, что он относится «к любой процедуре, в результате которой определяются права и обязанности частных лиц», а также что «тип законодательства, устанавливающего способ решения вопроса (гражданское, торговое, административное право и т.д.), и органа, наделенного правом такого решения (обычный суд, административный орган и т.д.), таким образом, не играют большой роли»⁴.

Подобный подход позволил применять статью 6 Конвенции к широкому кругу процедур публичного права, а также выработать целый ряд общих принципов в прецедентном праве Европейского Суда. В частности, для применения статьи 6 необходимо: наличие подлинного права или требования, относящихся к «правам» или «обязательствам», существование которых как минимум предполагается по внутреннему праву соответствующего государства; исход спора должен иметь решающее воздействие для соответствующего права или обязательства; такие права или обязанности должны быть гражданскими по своему характеру.

Положения ст. 6 Конвенции не применяются к спорам по поводу политических прав, а также прав на участие в управлении государством посредством работы в полиции, органах судебной власти и так далее. По мнению ЕСПЧ, такие права не имеют частного характера, что является основой для их признания в качестве

⁴ Вибрані рішення Європейського суду з прав людини (в двох томах) / [Укл. Зайцев Ю., Павліченко О.]. [Т.1]. К.: Фенікс, 2005, с. 172.

гражданских прав. Вместе с тем, положение может измениться, если лицо связано с государственным учреждением посредством трудового договора. Кроме того, статья 6 не применяется в области иммиграционного законодательства, налогообложения. Споры о возмещении ущерба в связи с пребыванием в предварительном заключении также не затрагивают гражданских прав⁵.

ЕСПЧ определил «обвинение» как «официальное уведомление лица компетентным органом об утверждении, что оно совершило уголовное преступление». Кроме того, в ряде случаев оно может принимать форму иных мер, которые подразумевают такое утверждение и которые таким образом оказывают воздействие на положение подозреваемого. Определение точного момента предъявления обвинения зачастую играет крайне важную роль, поскольку это является отправной точкой для отсчета «разумного срока», упомянутого в пункте 1 статьи 6 Конвенции. В практике контрольных органов в качестве таких моментов считались арест обвиняемого, официальное уведомление о намерении преследовать в уголовном порядке, а также начало предварительного расследования.

В соответствии с Конвенцией государства-участники вправе сами решать вопрос о том, относится ли то или иное обвинение к «уголовным» преступлениям. Единственным условием является то, что характеризуемые в качестве «уголовных» действия не должны являться защищаемыми по Конвенции правами или свободами⁶.

Следует подчеркнуть, что ЕСПЧ право на справедливое судебное разбирательство понимает исключительно как право на должную (справедливую) правовую процедуру, но не как право на получение благоприятного судебного решения. Это не означает формального характера судебной процедуры. Право на справедливое судебное разбирательство предназначено для обеспечения возможности реализации

конкретных прав и законных интересов, суд в ходе осуществления правосудия должен стремиться к установлению истины. Однако процедурные и организационные правила, включаемые в содержание права на справедливое судебное разбирательство (права на судебную защиту), имеют самостоятельную ценность: они в своей совокупности регламентируют такую процедуру, строгое соблюдение которой позволяет обеспечить установление истины, принятие правосудного судебного решения в подавляющем большинстве случаев, а также добиваться исправления ошибки, если она была допущена судом.

Включение права на получение благоприятного (правосудного) судебного решения в содержание права на судебную защиту придает данному праву чрезвычайно неопределенный характер, способно поставить под угрозу саму возможность его реализации. Судебная защита, как правило, нужна в случае наличия правового спора. Тогда вне зависимости от того, как этот спор будет разрешен, в деле останется сторона, не удовлетворенная таким решением. Это обстоятельство оставляет открытым вопрос о том, реализовано ли право такой стороны на судебную защиту как на получение справедливого судебного решения⁷.

Стремление обеспечить реализацию права на судебную защиту в таком его понимании способно привести к многочисленным пересмотрам постановленного судебного решения, негативно повлиять на его стабильность и правовую определенность, затянуть судебное разбирательство сверх разумного срока, сделать судебное решение неисполнимым.

В практике ЕСПЧ наблюдается тенденция распространения гарантий ст. 6 Конвенции на рассмотрение обвинений в совершении правонарушений, предусматривающих наказание в виде наложения штрафа, особенно в сфере налоговых правонарушений. Например, в решении по делу «Й.Б. против Швейцарии» суд указал: «Целью наложения штрафа, однако, была не

⁵ Application 10293/83 *B. vs. United Kingdom*. In: *Decisions and Reports*. 1985, Volume 45, p. 41. [On-line]: <http://www1.umn.edu>. (Дата посещения: 10.11.2013).

⁶ Конвенція про захист прав людини і основоположних свобод від 4 листопада 1950 року, ратифікована Законом України 17 липня 1997 року. В: *Відомості Верховної Ради України*. 1997, № 40. Ст. 246.

⁷ Соловйов О. Застосування практики страсбургського суду як джерела права в Україні: деякі проблемні аспекти. В: *Право України*. 2010, № 10, с. 207 – 213.

имущественная компенсация; оно, скорее, представляло собой меру карательного и устрашающего (превентивного) характера. Более того, размер штрафа был отнюдь не незначительным. Нет никаких сомнений в том, что штраф был уголовно-правовым по своему характеру»⁸.

Если правовая норма применяется только в отношении ограниченной группы лиц, например, представителей определенной профессии, это означает, что речь идет о дисциплинарном, а не об уголовном производстве. Однако если правовая норма обладает общим действием, то, вероятнее всего, она с точки зрения ЕСПЧ входит в систему уголовного права и подпадает под действие ст. 6 Конвенции. В деле «Лауко против Словакии» заявитель был признан виновным в совершении правонарушения, которое по словацкому законодательству считалось «легким правонарушением», наказуемым в административном порядке наложением штрафа, (состоявшим в «необоснованном обвинении другого лица в совершении легкого правонарушения»)». Несмотря на классификацию правонарушения в словацком законодательстве, обвинение в его совершении было признано Судом «уголовным» на основании того, что соответствующая норма касалась всех граждан, а не отдельной категории лиц, а также по причине очевидно карательной и превентивной цели наказания.

Среди основополагающих признаков справедливости, которые четко не сформулированы в статье 6 Конвенции, но важны для понимания ее действия, наиболее существенным является принцип «равенства исходных условий»: стороны судебного разбирательства должны иметь равную возможность представить свое дело и ни одна из сторон не должна пользоваться какими-либо преимуществами по сравнению с противной стороной.

В решении по делу «Брандстетер против Австрии» ЕСПЧ прямо указал: «Принцип равенства исходных условий является всего

лишь одним из аспектов более широкой концепции справедливого судебного производства, которая охватывает также основополагающее право на состязательное уголовное судопроизводство: Право на состязательное судебное производство означает, применительно к конкретному уголовному делу, что и обвинению, и защите должна быть дана возможность ознакомиться с представленными замечаниями и выдвинутыми доказательствами другой стороны и высказаться по ним. Национальное законодательство может обеспечить соблюдение этого требования различными методами. Однако вне зависимости от избранного метода оно должно обеспечить, чтобы другая сторона была осведомлена о представленных замечаниях и имела реальную возможность высказаться по ним»¹⁰.

По сравнению с другими положениями статьи 6 требование проведения разбирательства «в разумный срок» породило наибольшее количество обращений в ЕСПЧ. В данном аспекте возникают два основных вопроса. Во-первых, какой именно срок здесь оценивается. Во-вторых, является ли такой срок «разумным». Что касается первого аспекта, то сроком считается все время разбирательства. В случае гражданского процесса он обычно начинает течь с момента подачи иска в суд, но может начаться раньше, если до подачи иска необходимо пройти предварительную административную процедуру. В уголовном процессе срок исчисляется с момента первого предъявления лицу обвинения по смыслу пункта 1 статьи 6, что может произойти еще до передачи дела в суд (например, с момента ареста). Решение вопроса о том, является рассматриваемый срок «разумным», зависит от конкретных обстоятельств дела. Как в гражданских, так и в уголовных делах следует учитывать сложность дела, а также поведение автора жалобы и властей. Необходимо принять во внимание характер и важность рассматриваемого дела, при том, что некоторые дела могут требовать особой деликатности со стороны властей.

Нарушение требований беспристрастности суда предполагает доказательства

⁸ Рішення Європейського суду з прав людини щодо України. Випуск 1 / Харківська правозахисна група: [оформ. Захаров Б. Є.]. Х.: Права людини, 2006, с. 182.

⁹ Там же, с. 185.

¹⁰ Там же, с. 63.

фактического наличия предубеждения, поскольку личная беспристрастность официально назначенного судьи не подвергается сомнению, если только не появляются свидетельства, указывающие обратное. Данная презумпция является очень существенной, так как на практике достаточно трудно доказать наличие личного пристрастия суда. Несмотря на то, что подобные жалобы часто направляются в Страсбург, решений Суда, в котором было признано, что заявитель имел основания опасаться наличия личной заинтересованности судьи в исходе дела, не так много. Одно из таких решений вынесено в 2003 году по делу «Сигурдсон против Исландии»¹¹. Заявитель проиграл в первой инстанции иск к Национальному Банку Исландии; Верховный Суд, рассматривавший апелляционную жалобу, оставил ее без удовлетворения. Как выяснилось впоследствии, муж одной из рассматривавших дело судей Верховного Суда был должником Национального Банка. С целью погашения долга он, в частности, заложил имущество, принадлежавшее его жене, однако незадолго до рассмотрения Верховным Судом жалобы заявителя ему удалось заключить с Банком соглашение о существенном снижении суммы долга (на 130 тыс. евро). На этом основании заявитель полагал, что судья не была беспристрастна при рассмотрении его дела.

ЕСПЧ указал, что в его задачи не входит «строить предположения о том, извлекла ли судья какую-либо личную выгоду из данной операции, и он не видит каких-либо причин полагать, что она или ее муж имели какую-либо непосредственную заинтересованность в исходе спора между заявителем и Национальным Банком. Но, в свете близости по времени сделки и рассмотрения дела Верховным Судом заявитель имел разумные основания опасаться, что Верховный Суд не обладает требуемой беспристрастностью»¹².

Суть требования доступа в суд состоит в том, чтобы у лица была возможность передать дело в суд в целях принятия по нему решения. При этом ему не должны чиниться

никакие ненадлежащие препятствия юридического или практического характера.

Право на доступ к правосудию в ходе гражданского разбирательства было впервые признано ЕСПЧ в решении по делу «Голдер против Великобритании». Данное право не является абсолютным и может регулироваться государствами-участниками Конвенции, но при условии, что такое регулирование не «нарушает сущности права». Государства вправе регулировать это право по собственному усмотрению, однако их действия могут стать предметом рассмотрения ЕСПЧ. Любое ограничение права на доступ должно преследовать законную цель и быть разумно пропорционально этой цели. В дополнение к негативной обязанности не мешать доступу государства-участники также имеют позитивную обязанность предоставлять практический и эффективный доступ в суд.

О важности соблюдения требований ст.6 Конвенции касающихся обязательности исполнения решений национальных судов свидетельствует практика последних решений ЕСПЧ в отношении Украины. Так, 17 января 2013 года ЕСПЧ опубликовал три своих регулярных пресс-релиза, в котором сообщил, что были приняты решения по 206 так называемым «повторным делам» (repetitive cases), где решение принимается на основании пилотного постановления суда - по сокращенной процедуре. Так называемая пилотная процедура не является какой-то формой наказания неудобного государства. Ее суть заключается в том, что ЕСПЧ в одном отобранном решении против государства выявляет какую-либо структурную или системную проблему, которая приводит к постоянному возникновению новых обращений в Суд, и привлекает внимание ответчика к этой проблеме. Обычно ответчику дается время устранить эту проблему. Если ответчик этого не сделает, ЕСПЧ будет решать такие дела по упрощенной процедуре, что позволит значительно ускорить их рассмотрение. Такого рода пилотных постановлений пока немного. Против России, к примеру, принято таких два: по делу Ананьева (о тяжелых условиях содержания в тюрьмах) и Бурдова (неисполнение судебных решений). Также

¹¹ Там же, с. 87.

¹² Рішення Європейського суду з прав людини щодо України. *Op. cit.*, p. 88.

есть пилотные постановления против Италии, Германии и Великобритании, Молдовы, Турции, Польши. Против Украины такое решение пока одно: Постановление от 15 октября 2009 года по делу «Иванов против Украины»¹³. В нем ЕСПЧ отметил, что граждане Украины неоднократно (более 300 рассмотренных дел) обращались в Суд с одной и той же проблемой: судебные решения в отношении государственных органов и предприятий не выполняются, при том, что обращение взыскания на их имущество запрещено законом (то есть заявители фактически лишены возможности взыскать свой долг). Именно «вслед» за этим пилотным постановлением были приняты те самые 206 новых постановлений Суда, которые обязали власти Украины выплатить около 600 тыс. евро¹⁴.

Как отмечает М.Л. Энтин, «Европейская конвенция конструирует право на справедливое судебное разбирательство как включающее три вполне самостоятельных блока прав, признаваемых вообще за всеми людьми и лицами, оказавшимися в особо затруднительном положении: на судебное разбирательство, отвечающее некоторому набору базисных процессуальных требований; презумпцию невиновности; и принадлежащих всем тем, кто обвиняется в уголовном преступлении Статья 6 - единственное наиболее часто применяемое положение Конвенции. Ее важность подчеркивалась неоднократно и по разным поводам»¹⁵.

Для обеспечения каждому реальной возможности осуществления права на справедливое судебное разбирательство необходимо: повышение статуса и роли суда в обществе и государстве; создание правовых и экономических гарантий независимой и

эффективной деятельности суда; оптимальное устройство судебной системы, обеспечивающее максимальную приближенность судов первой инстанции к населению, наличие вышестоящих судов, необходимых для реализации права заинтересованных лиц на обжалование судебных решений, а также для обеспечения правильного и единообразного применения законодательства; установление надлежащей процедуры рассмотрения дел, обеспечивающей доступность суда для всех заинтересованных лиц, возможность равноправного участия сторон в состязательном процессе, вынесение законных и обоснованных решений, их обжалование и, в случае нарушения закона, отмену; обеспечение исполнения вступивших в законную силу решений суда; обеспечение получения квалифицированной правовой (юридической) помощи; формирование судебного корпуса, способного по своему мировоззрению, образованию, нравственным, волевым и иным качествам осуществлять правосудие.

Таким образом, право на справедливое судебное разбирательство следует понимать, как гарантированную государством субъективную возможность каждого обратиться в суд для справедливого, открытого, на протяжении разумного срока рассмотрения любого правового конфликта, независимым, беспристрастным судом, созданным на основании закона; пользуясь при этом процессуальными правами, а также требовать принудительного выполнения решений. Обязательными составляющими элементами права на справедливое судебное разбирательство относятся: доступность правосудия; справедливая и независимая судебная процедура; публичное рассмотрение дела; разумный срок судебного разбирательства; независимость, беспристрастность и профессионализм судей; равенство сторон и состязательность.

Библиография:

1. Загальна декларація прав людини: прийнята 10 грудня 1949 року. [On-line]: <http://www.zakon1.rada.gov.ua.htm>. (Дата посещения: 10.11.2013).

¹³ Иванов против Украины: (Application no. 40450/04). [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-95032>. (Дата посещения: 10.11.2013).

¹⁴ Украина проиграла еще 600 тыс. в Евросудею [On-line]: http://lb.ua/news/2013/01/17/186008_ukraina_proigrala_600_tis.htm. (Дата посещения: 10.11.2013).

¹⁵ Энтин М. Справедливое судебное разбирательство по праву Совета Европы и Европейского союза. В: Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2003, № 3, с. 85.

2. Міжнародний пакт про громадянські та політичні права: прийнятий 16 грудня 1966 року. [On-line]: <http://www.zakon1.rada.gov.ua.htm>. (Дата посещения: 10.11.2013).

3. Конвенція про захист прав людини і основоположних свобод від 4 листопада 1950 року, ратифікована Законом України 17 липня 1997 року. В: Відомості Верховної Ради України. 1997, с. № 40, ст. 246.

4. Вибрані рішення Європейського суду з прав людини (в двох томах). Укл. Зайцев Ю., Павліченко О. Т. І. К.: Фенікс, 2005. 688 с.

5. Application 10293/83 B vs. United Kingdom, Decisions and Reports, Volume 45 (1985), p. 41. [On-line]: <http://www1.umn.edu>. (Дата посещения: 10.11.2013).

6. Соловйов О. Застосування практики страсбурзького суду як джерела права в Україні: деякі проблемні аспекти. В: Право України. 2010, № 10, с. 207 – 213.

7. Рішення Європейського суду з прав людини щодо України. Випуск 1 / Харківська правозахисна група: [оформ. Захаров Б. Є.]. Х.: Права людини, 2006. 306 с.

8. Украина проиграла еще 600 тыс. в Евросуде. [On-line]: http://lb.ua/news/2013/01/17/186008_ukraina_proigrala_600_tis.htm. (Дата посещения: 10.11.2013).

9. Иванов против Украины: (Application no. 40450/04). [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-95032>. (Дата посещения: 10.11.2013).

10. Энтин М. Справедливое судебное разбирательство по праву Совета Европы и Европейского союза. В: Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2003, № 3, с. 85.

Bibliography:

1. Zagal'na deklaracija prav ljudini: prijnjata 10 grudnja 1949 roku. [On-line]: <http://www.zakon1.rada.gov.ua.htm>. (Accessed at 15.09.2013).

2. Mizhnarodnij pakt pro gromadjans'ki ta politichni prava: prijnjatij 16 grudnja 1966 roku. [On-line]: <http://www.zakon1.rada.gov.ua.htm>. (Visited on: 10.11.2013).

3. Konvencija pro zahist prav ljudini i osnovopolozhnih svobod vid 4 listopada 1950 roku, ratifikovana Zakonom Ukraïni 17 lipnja 1997 roku. V: Vidomosti Verhovnoi Radi Ukraïni. 1997, nr. 40, s. 246.

4. Vibrani rishennja Evropejs'kogo sudu z prav ljudini (v dvoh tomah). Ukl. Zajcev Ju., Pavlichenko O. T. I. K.: Feniks, 2005. 688 s.

5. Application 10293/83 B vs. United Kingdom. In: Decisions and Reports. 1985, Volume 45, p. 41. [On-line]: <http://www1.umn.edu> (Visited on: 10.11.2013).

6. Solovjov O. Zastosuvannja praktiki strasburz'kogo sudu jak dzherela prava v Ukraïni: dejaki problemni aspekti. V: Pravo Ukraïni. 2010, nr. 10, s. 207 – 213.

7. Rishennja Evropejs'kogo sudu z prav ljudini shhodo Ukraïni. Vipusk 1 / Harkiv's'ka pravozahisna grupa: [oform. Zaharov B. Є.]. H.: Prava ljudini, 2006. 306 s.

8. Ukraina proigrala eshhe 600 tis. v Evrosude. [On-line]: http://lb.ua/news/2013/01/17/186008_ukraina_proigrala_600_tis.htm. (Visited on: 10.11.2013).

9. Ivanov protiv Ukrainy: (Application no. 40450/04). [On-line]: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-95032>. (Visited on: 10.11.2013).

10. Entin M. Spravedlivoje sudebnoe razbiratel'stvo po pravu Soveta Evropy i Evropejskogo Sojuza. V: Konstitucionnoe pravo: Vostochnoevropejskoe obozrenie. 2003, nr. 3, s. 85.

Copyright© Julia KONONENKO, 2013.

Contacte / Contacts / Контакты:

Киевский университет права Национальной академии наук Украины.

03142, Украина, г. Киев, ул. Академика Доброхотова, 7 а.

Tel: (+380) 50 662 35 64

E-mail: kononenko.yulia@gmail.com

Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2013, Issue 4, Volume 30, Pages 117-123.
ISSN 1857-1999
Submitted: 16. 10. 2013 | Accepted: 30.11. 2013 | Published: 15.12. 2013

**TRIBUNA TINERILOR CERCETĂTORI
THE TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS
ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

**POZIȚIA DREPTULUI REFUGIAȚILOR VIS A VIS DE ALTE RAMURI
ȘI INSTITUȚII ALE DREPTULUI INTERNAȚIONAL PUBLIC**

**THE POSITION OF REFUGEES LAW VIS A VIS OTHER BRANCHES
AND INSTITUTIONS OF PUBLIC INTERNATIONAL LAW**

**ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ПРАВА БЕЖЕНЦЕВ ОТНОСИТЕЛЬНО ДРУГИХ
ОТРАСЛЕЙ И ИНСТИТУТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА**

LITRA Stela* / LITRA Stella / ЛИТРА Стелла

ABSTRACT:

**THE POSITION OF THE RIGHT OF REFUGEES
VIS A VIS OTHER BRANCHES AND INSTITUTIONS OF PUBLIC INTERNATIONAL LAW**

The article is dedicated to studying the issues instead of the right of refugees in public international law. It is found that the right of refugees is an institution of public international law, consisting of the totality of international rules drawn up by the will of States, governing the relations between them in terms of grant of refugees.

The author concludes that, due to the fundamental principle of public international law relating to respect for human rights and of fundamental freedoms and the trend of democratization of most countries of the world, we can say with certainty that individuals, regardless of nationality, race, ethnic origin, membership of a particular social group, religion, sex, colour, language, political opinion, economic position or any other discriminatory aspect protection is afforded to them by the State of origin or Member State other than that of whose citizens are either on the basis of the Convention on the status of refugees of 1951 (if it matches its provisions) or under other international rules, which are designed primarily to guarantee the protection of persons.

Key words: *right of refugees, public international law, respect for human rights, fundamental freedoms, the status of refugees.*

JEL Classification: K33, K37, F22

* **LITRA Stela** - Magistru în drept internațional, Doctorand, Institutul de Cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei; lector universitar, Universitatea de Studii Europene din Moldova (Chișinău, Republica Moldova). / **LITRA Stella** - Master of International Law, Ph.D student, The Institute of Legal and Political Research of The Academy of Sciences of Moldova; lecturer, The European University of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova). / **ЛИТРА Стелла** - Магистр международного права, аспирант, Институт юридических и политических исследований Академии наук Молдовы; преподаватель, Европейский университет Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

РЕЗЮМЕ:

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ПРАВА БЕЖЕНЦЕВ ОТНОСИТЕЛЬНО ДРУГИХ
ОТРАСЛЕЙ И ИНСТИТУТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Статья посвящена изучению вопросов о месте концепции «права беженцев» в международном публичном праве. Установлено, что право беженцев - это институт международного публичного права, состоящий из совокупности международных правил, составленных при изъявлении воли государств, регулирующие отношения между ними с точки зрения оказания правовой защиты беженцам.

Автор приходит к выводу, что, исходя из положений основополагающего принципа международного публичного права, касающегося уважения прав человека и его основных свобод, а также учитывая тенденции демократизации большинства стран мира, можно с уверенностью отметить, что физическим лицам, независимо от национальности, расы, этнического происхождения, членства в определенной социальной группе, религии, пола, цвета кожи, языка, политических убеждений, экономического положения или любого другого дискриминационного аспекта, обеспечивается защита государством происхождения или другим государством, гражданами которого они не являются, либо на основании Конвенции о статусе беженцев 1951 года (если они соответствуют его положениям) или согласно другим международным правилам, которые предназначены главным образом для того, чтобы гарантировать защиту физических лиц.

Ключевые слова: право беженцев, международное публичное право, уважение прав человека, основные свободы, статус беженцев.

JEL Classification: K33, K37, F22

УДК: 341.433, 325.1

REZUMAT:

POZIȚIA DREPTULUI REFUGIAȚILOR VIS A VIS DE ALTE RAMURI
ȘI INSTITUȚII ALE DREPTULUI INTERNAȚIONAL PUBLIC

Articolul este dedicat studierii problematicei privitor la locul dreptului refugiaților în sistemul dreptului internațional public. Se constată, că dreptul refugiaților este o instituție a dreptului internațional public, formată din totalitatea normelor internaționale elaborate prin acordul de voință a statelor, care reglementează relațiile dintre ele în materie de acordare a protecției persoanelor refugiate.

Autorul concluzionează că, datorită principiului fundamental al dreptului internațional public privind respectarea drepturilor omului și a libertăților lui fundamentale și a tendinței de democratizare a majorității statelor lumii, se poate afirma cu certitudine că indivizilor, indiferent de naționalitate, rasă, etnie, apartenență la un anumit grup social, religie, limbă, sex, culoare, situație economică, opinie politică sau oricare alt aspect discriminatoriu le este asigurată protecția din partea statului de origine sau altul decât cel al căror cetățeni sunt, fie în baza Convenției privind statutul refugiaților din 1951 (dacă corespunde prevederilor acesteia), fie în baza altor norme internaționale ce au scopul prioritar de a garanta protecția persoanelor.

Cuvinte-cheie: dreptul refugiaților, dreptul internațional public, respectarea drepturilor omului, libertățile fundamentale, statutul refugiaților.

JEL Classification: K33, K37, F22

CZU: 341.433, 325.1

Dreptul refugiaților este o instituție a dreptului internațional public, formată din totalitatea normelor internaționale elaborate prin acordul de voință a statelor, care reglementează relațiile dintre ele în materie de acordare a protecției persoanelor refugiate.

Indiscutabil, dreptul refugiaților completează lista categoriilor de protecție umanitară acordată individului, de aceea consider că are nemijlocită și directă legătură cu așa ramuri de drept internațional cum sunt dreptul internațional umanitar și dreptul internațional al drepturilor

omului, dar și cu instituții de drept internațional ca dreptul de azil, dreptul persoanelor care aparțin minorităților naționale sau protecția populației civile în caz de conflict armat. În cele ce urmează vom face o succintă analiză a acestor interdependențe.

Doctrina recunoaște că dreptul internațional umanitar este una din cele mai vechi ramuri de drept internațional public, originea căreia o găsim încă în antichitate. Cu toate că în acea perioadă, dreptul internațional umanitar, datorită faptului că stabilea regulile de ducere a luptelor, era numit dreptul războaielor, el mai făcea referire și la persoanele care se aflau pe câmpul de luptă, de exemplu răniților li se acorda îngrijire (afirmație demonstrată și de arheologi).¹

În evul mediu găsim mai multe aspecte privind poziția individului în dreptul internațional umanitar, drept exemplu ne servește divizarea populației în diferite grupuri și precizarea dacă pot sau nu pot participa în lupte: „ca participanți la acțiunile militare puteau fi doar bărbații, cu excepția pelerinilor, negustorilor, reprezentanților clerului și copii cu vârsta sub 12 ani. Femeile și persoanele de vârstă înaintată, de asemenea, făceau parte din categoria non-beligeranților”.² Cu toate acestea, viața populației – atât a beligeranților, cât și a non-beligeranților, rămânea neprotejată.

Abia în epoca modernă omenirea s-a convins de importanța protecției individului și s-au depus primele eforturi în încercarea de a stabili careva norme în acest sens. Chiar dacă aplicarea violenței nu a încetat, în această perioadă se observă unele aspecte de evoluție a principiului de umanitate: se recunoaște inviolabilitate spitalelor, a medicilor și a asistenților medicali, nu se împiedică îngrijirea răniților și bolnavilor, și cel mai important este recunoașterea imunității populației civile.

Dreptul internațional umanitar nu a încetat să se dezvolte, iar astăzi este cunoscut sub denumirea sa deplină ca dreptul internațional umanitar al conflictelor armate și cuprinde două tipuri de norme: norme privind reglementarea relațiilor dintre participanții la un conflict armat

(declanșarea conflictului, metodele și mijloacele de luptă, regimul ocupațiilor, etc.) și norme cu privire la relațiile dintre părțile aflate într-un conflict armat ce se referă la protejarea victimelor acestui conflict (populația civilă, răniții, bolnavii, naufragiații, refugiații, personalul sanitar și religios, personalul societăților de ajutor și voluntariat, etc).

Din ultimele afirmații înțelegem că dreptul internațional umanitar este o ramură foarte vastă, compusă din toate normele de drept internațional ce se referă atât la regulile de ducere a unui conflict armat, cât și la asigurarea și garantarea protecției tuturor categoriilor de persoane care se înțeleg prin termenul de populație civilă din statele beligerante. Pentru a exclude confuziile și cu scopul de a împiedica statelor să profite de aceste imperfecțiuni, s-a decis enumerarea, în diferite tratate internaționale, a tuturor acestor categorii de persoane. Convenția de la Geneva privitoare la protecția persoanelor civile în timp de război din 12 august 1949 cuprinde norme obligatorii pentru statele părți la prezenta convenție și pentru statele care nu sunt părți, și le obligă să garanteze drepturile și libertățile fundamentale ale populației civile. Articolul 4 al Convenției explică înțelesul acestei noțiuni: „sunt protejate prin Convenție persoanele care, la un moment dat și indiferent în ce formă se găsesc, în caz de conflict sau de ocupație, sub puterea unei Părți în conflict sau a unei Puteri ocupante ai cărei cetățeni nu sunt”.³

Datorită exigenței înaintate de Convenția de la Geneva privind statutul refugiaților din 28 iulie 1951, refugiați pot fi doar persoanele care fie dețin cetățenia unui stat – altul decât cel în care cer această formă de protecție, fie sunt apatrizi, dar reședința lor obișnuită este în alt stat decât în statul în care solicită acest statut. Prin urmare, după acordarea statutului de refugiat, statul, în caz de conflict armat, se obligă să garanteze protecția acestei categorii de persoane, care cade sub incidența articolului 4 din Convenția de la Geneva privitoare la protecția persoanelor civile în timp de război din 1949. Putem afirma că statul care s-a oferit să asigure protecția pe timp de pace în baza Convenției de la Geneva privind statutul refugiaților din 1951, se obligă să garanteze refugiaților această protecție și în

¹ Burian A. Izvoarele dreptului internațional. În: Drept Internațional public. Ch.: S. n., (Tipogr. „Elena-V.I.” SRL), 2009, p. 45-58.

² Balan O., Rusu V., Nour V. Drept internațional umanitar. Chișinău: Departamentul Editorial al Universității de Criminologie, 2003.

³ Convenția de la Geneva cu privire la protecția persoanelor civile în timp de război din 12 august 1949, art. 4.

timpul conflictelor armate, prevedere a Convenției de la Geneva privitoare la protecția persoanelor civile în timp de război din 1949.

Transformările la care a fost supus dreptul internațional al drepturilor omului începând cu anii 1950 și viteza cu care s-a dezvoltat și a fost codificat, datorită importanței incomensurabile care i s-a atribuit asigurării și garantării drepturilor omului, a dus la afirmarea unui nou principiu fundamental al dreptului internațional public înscris în Actul Final al Conferinței pentru Securitate și Cooperare în Europa semnat la Helsinki în 1975: principiul respectării drepturilor omului și a libertăților fundamentale. Acest principiu stă la baza dezvoltării mai multor ramuri și instituții ale dreptului internațional.

Potrivit Dianei Sârcu-Scobioală, dreptul internațional al drepturilor omului recunoaște calitatea specială a persoanei fizice de participant al relațiilor juridice internaționale reglementate. Prin aceasta, DIDO diferă în mod substanțial de antecedentele sale istorice prin aceea că astăzi oamenii sunt considerați a avea drepturi garantate pe plan internațional ca persoane individuale și nu numai ca cetățeni ai unui anume stat.⁴

Studiind meticulos această ramură de drept internațional observăm calitatea deosebită pe care o obține individul alături de subiecții clasici de drept internațional public. Această poziție a sa este motivul opiniilor diametral opuse ale doctrinarilor vizavi de calitatea de subiect de drept internațional a persoanei fizice. Acceptarea acestei calități a individului este argumentată doar de poziția sa în materie de protecție a ființei umane, garantată de principiul respectării drepturilor omului și a libertăților fundamentale. Totuși, acest principiu fundamental nu se adresează direct individului, ci subiecților de drept internațional, însă are în vedere ocrotirea și garantarea demnității omului.

Normele internaționale în materia drepturilor omului creează direct drepturi pentru indivizi, aceștia devenind titulari de drepturi direct în temeiul normelor juridice internaționale și pot invoca aceste drepturi în fața organelor interne și internaționale.⁵

⁴ Sârcu-Scobioală D. Dreptul internațional al drepturilor omului. Note de curs, Ediția a II, revizuită, Chișinău, 2012, p. 11.

⁵ Miga-Beșteliu R., Brumar C. Protecția internațională a drepturilor omului. Note de curs. Ediția V. București: Editura Universul Juridic, 2010, p. 27.

Există trei situații recunoscute de diferiți autori, conform cărora individul poate fi considerat participant la relațiile internaționale, și anume:

- în primul caz, când anumite norme internaționale protejează valorile esențiale și fac răspunzător direct individul pentru încălcarea lor (cu referire la răspunderea penală internațională, deci pedepsirea infractorilor pentru săvârșirea crimelor împotriva umanității, a crimelor de război, a actelor de genocid, ș.a.);

- al doilea caz este când individul obține statutul de reclamant vizavi de statutul de reclamat al statului care se presupune că i-a lezat drepturile și libertățile consacrate în normele internaționale, deci i se garantează dreptul de recurs în fața jurisdicțiilor internaționale, situație care le egalează poziția juridică în materie procedurală;

- și în cel de-al treilea caz ne referim la acele categorii de persoane cărora, în baza prevederilor unor convenții internaționale, li se determină un statut juridic special, deosebit de statutul juridic al cetățenilor sau de statutul juridic al cetățenilor străini.

De aici concludem, că refugiații sunt o categorie de indivizi, care formează o entitate separată, însă această poziție se evidențiază doar după obținerea statutului de refugiat – statut ce îi este acordat de statul în care solicită protecție umanitară și îi asigură această protecție în conformitate cu normele de drept internațional și prevederile legale naționale. Această cercetare ne-a convins că dreptul refugiaților nu poate fi cercetat decât în cadrul ramurii de drept internațional al drepturilor omului și ne-a demonstrat legătura strânsă pe care acestea o au, cu atât mai mult, cu cât vedem că în cel de-al treilea caz de studiere a poziției individului în cadrul DIDO se face referire directă la aceste grupări de persoane protejate expres prin diferite norme imperative ale dreptului internațional public.

Dreptul refugiaților și dreptul de azil sunt instituții ale dreptului internațional public adesea confundate din cauza că ambele sunt fondate în baza scopurilor proclamate în Carta Națiunilor Unite și în conformitate cu Declarația Universală a Drepturilor Omului, care consideră o datorie a statelor să protejeze persoana împotriva tuturor formelor de discriminare și persecuție.

Dreptul de azil, recunoscut multă vreme doar ca un drept al statului de a permite intrarea și șederea pe teritoriul său și de a proteja persoanele urmărite pentru delikte politice, reprezintă astăzi un veritabil drept fundamental al omului – dreptul de a cere protecție pe teritoriul altui stat când este persecutat în țara sa.⁶ DUDO, în articolul 14, alineatul 1, proclamă: „în cazul persecuției, orice persoană are dreptul să caute azil și să beneficieze de azil în alte țări.”⁷ În opinia lui Gheorghe Iancu, azilul este o măsură de protecție, care se acordă azilantului sau urmează să se acorde solicitantului de azil. Acordarea azilului are drept rezultat acordarea dreptului de azil cu toate consecințele referitoare la conținutul acestuia.⁸

Totuși, sensul dat de Dicționarul explicativ al limbii române pentru cuvântul azil ar fi – loc de refugiu inviolabil, adăpost; iar drept de azil înseamnă acordare de către un stat a dreptului de stabilire pe teritoriul său a unor persoane urmărite în țara lor pe motive politice⁹.

Opiniile enunțate mai sus ne conving că dreptul de azil nu este altceva decât o formă de protecție acordată de către un stat, de care se poate bucura individul persecutat pe motive politice în țara sa de origine, prin care i se oferă o garanție a respectării drepturilor sale fundamentale și reprezintă cea mai elocventă demonstrare a legăturii dreptului refugiaților cu dreptul de azil. Prin urmare atât dreptul de azil, cât și dreptul refugiaților au ca scop protecția străinilor aflați în afara teritoriului statului lor de origine și care refuză protecția acestui stat din cauza riscului de a fi supuși tratamentelor discriminatorii și/ori persecuției invocând motive politice.

Chiar dacă au atât de multe asemănări, dreptul refugiaților și dreptul de azil sunt diferite, astfel încât, nu tuturor refugiaților li se aplică și dreptul de azil, iar unele persoane se pot bucura de protecție umanitară în baza dreptului de azil, fără să le fie acordat statutul de refugiat. Mai mult, doctrinarii consideră că dreptul de azil cunoaște o

dezvoltare net anterioară dreptului refugiaților, cu toate acestea, în zilele noastre, această instituție cunoaște o decadentă. Din punct de vedere al aplicabilității normelor internaționale care le compun, distincția dintre dreptul refugiaților și dreptul de azil este evidentă: dreptul refugiaților este reglementat prin instrumente internaționale cu aplicabilitate universală, iar dreptul de azil este reglementat, în mare parte, în instrumente internaționale cu caracter regional.

Legătura dintre dreptul refugiaților și dreptul persoanelor care aparțin minorităților naționale este una evidentă și foarte greu de delimitat, deoarece ambele instituții au scopul de a proteja categoriile de indivizi ce sunt discriminați în țările de origine. Pentru a putea deosebi aceste instituții de drept internațional aparent identice este necesară studierea fiecăreia și aplicarea criteriilor lor de determinare.

Făcând referire la dreptul persoanelor care aparțin minorităților naționale este important de definit această instituție. Vom spune că dreptul minorităților naționale reprezintă totalitatea normelor internaționale create de subiecții dreptului internațional public prin acordul lor de voință, menite să asigure protecția grupurilor de persoane ce reprezintă o minoritate națională și este guvernat de principiile fundamentale ale dreptului internațional. Pentru a face mai explicit acest enunț, urmează să explicăm sensul noțiunii de minoritate națională.

Problema minorităților a căpătat importanță după Primul și mai ales după cel de-al Doilea Război Mondial. Atunci, schimbările aduse pe harta lumii au dus la transformarea multor minorități naționale în majorități prin formarea statelor naționale, în special în Europa. Totuși, aceste noi state naționale, ca și cele vechi, de altfel, nu erau lipsite de minorități naționale. Putem afirma astăzi că statele omogene etnic, lingvistic sau religios sunt excepții, în special pe continentul nostru.¹⁰

În general, dreptul internațional nu oferă o explicație a sintagmei minoritate națională, ba mai mult, toate normele internaționale în care se reglementează protecția acestei categorii de persoane le numesc diferit. Studiind convențiile internaționale în materia drepturilor omului găsim articole sau alineate care se referă fie la minorități etnice, religioase sau lingvistice, fie la minorități

⁶ Scăunaș S. Drept internațional public, Curs universitar, Ediția II. București: Editura C.H.Beck, 2007, p. 227.

⁷ Declarația Universală a Drepturilor Omului din 10 decembrie 1948, art. 14, alin. 1.

⁸ Iancu G. Dreptul de azil. Privire comparativă cu statutul juridic al refugiatului. București: Editura ALL BECK, 2002. vi + 119 p.

⁹ Dicționar explicativ al limbii române. Institutul de Lingvistică „Iorgu Iordan”. București: Editura Univers Enciclopedic, 1998.

¹⁰ Prisacariu M.R. Statutul juridic al minorităților naționale. București: Editura C.H.Beck, 2010, p. 64.

naționale, grup național/etnic sau unele norme le numesc minorități rasiale sau grup rasial.

De exemplu, Pactul internațional cu privire la drepturile civile și politice din 1966 în art. 27 face referire la minoritățile etnice: „În statele în care există minorități etnice, religioase sau lingvistice, persoanele aparținând acestor minorități nu pot fi lipsite de dreptul de a avea, în comun cu ceilalți membri ai grupului lor, viața lor culturală, de a profesa și practica propria lor religie sau de a folosi propria lor limbă”¹¹.

Convenția internațională cu privire la drepturile copilului din 1989 enunță în articolul 30 „în statele în care există minorități etnice, religioase sau lingvistice sau persoane de origine autohtonă, un copil autohton sau care aparține uneia din aceste minorități nu poate fi privat de dreptul de a avea în comun cu alți membri ai grupului său propria cultură, de a profesa și de a practica propria religie sau de a folosi propria religie”¹².

Referitor la această sintagmă Convenția pentru prevenirea și reprimarea crimei de genocid din 1948 proclamă: „în prezenta Convenție, genocidul se referă la oricare dintre actele de mai jos, comise cu intenția de a distruge, în totalitate sau numai în parte, un grup național, etnic, rasial sau religios, cum ar fi...”¹³.

Și un ultim exemplu la care ne vom referi este Carta de la Paris pentru o Nouă Europă din 1990 care, în diviziunea numită Drepturile omului, democrația și statul de drept, afirmă că „identitatea etnică, culturală, lingvistică și religioasă a minorităților naționale va fi protejată, iar persoanele aparținând acestor minorități au dreptul de a exprima liber, prezerva și dezvolta această identitate, fără nici o discriminare și în condițiile unei depline egalități în fața legii”¹⁴.

Analiza acestor prevederi ne dă posibilitatea să deducem de sine stătător sensul acestei locuțiuni. În primul rând observăm un șir de criterii comune tuturor definițiilor date de aceste

norme internaționale care, cumulate fiind, formează definiția propriu-zisă, și anume:

- se referă la un grup de persoane aflate pe teritoriul unui stat, care au legătură juridică cu acesta (cetățenie) și legături durabile;
- exprimă însușiri etnice, culturale, religioase și/sau lingvistice proprii față populația majoritară a statului de origine;
- nu au o poziție dominantă în acest stat;
- demonstrează o dorință colectivă de a păstra propria lor identitate, cultura, religia sau limba;
- să le fie recunoscută oficial de către stat calitatea de minoritate.

Conform Legii Republicii Moldova nr.382-XV privind drepturile persoanelor aparținând minorităților naționale și la statutul juridic al organizațiilor lor din 19 iulie 2001, prin noțiunea de „persoane aparținând minorităților naționale se înțeleg persoanele care domiciliază pe teritoriul Republicii Moldova, sunt cetățeni ai ei, au particularități etnice, culturale, lingvistice și religioase prin care se deosebesc de majoritatea populației - moldoveni - și se consideră de altă origine etnică”¹⁵.

Prin urmare, atât dreptul refugiaților, cât și dreptul persoanelor ce aparțin unei minorități naționale are menirea să protejeze drepturile și libertățile unei persoane ce aparține unui grup distinct dintr-un stat sau protejarea întregului grup de indivizi. Aceste persoane suferă din urma discriminărilor de origine rasială, de naționalitate sau datorită religiilor lor.

Până aici s-ar părea că aceste două instituții nu se deosebesc, dar definiția refugiatului dată de Convenția de la Geneva cu privire la statutul refugiatului din 1951 stipulează că refugiați pot fi persoanele care fug din țara lor de origine datorită temerii de persecuție pe motiv de rasă, religie, naționalitate, apartenență la un anumit grup social sau opinie politică. Deci, dacă am considera că o minoritate națională formează un grup social într-un stat, iar statutul de minoritate națională nu i-a fost recunoscut, atunci aceste persoane vor putea solicita protecție din partea altui stat aplicând instituția dreptului refugiaților. În același timp, practica demonstrează că sunt rare cazurile de discriminare a persoanei doar potrivit unui din cele cinci criterii indicate în Convenția cu privire

¹¹ Pactul internațional cu privire la drepturile civile și politice adoptat la New York la 16 decembrie 1966, art. 27.

¹² Convenția internațională cu privire la drepturile copilului adoptată la New York la 20 noiembrie 1989, art. 30.

¹³ Convenția pentru prevenirea și reprimarea crimei de genocid adoptată la New York la 9 decembrie 1948, art. 2.

¹⁴ Carta de la Paris pentru o Nouă Europă adoptată la Conferința pentru securitate și cooperare în Europa, la Paris la 21 noiembrie 1990, secțiunea Drepturile omului, democrația și statul de drept, alin. 5.

¹⁵ Legea Republicii Moldova nr.382-XV cu privire la drepturile persoanelor aparținând minorităților naționale și la statutul juridic al organizațiilor lor din 19 iulie 2001, art. 1.

la statutul refugiaților, adesea acestea fiind cumulate, creând condiția perfectă pentru un membru al unei minorități etnice de a cere și a obține statutul de refugiat.

Însă, în cazul în care o persoană sau un grup de persoane care aparțin unei minorități naționale recunoscute de statul lor de origine, invocă oricare alt tip de discriminare decât cele care sunt prevăzute în Convenția de la Geneva din 1951, această persoană sau persoane nu vor putea obține statutul de refugiat, însă vor putea obține alt tip de protecție umanitară recunoscut și aplicat de statul în care vor înainta o cerere de azil.

Deci, datorită principiului fundamental al dreptului internațional public privind respectarea drepturilor omului și a libertăților lui fundamentale și a tendinței de democratizare a majorității statelor lumii, putem afirma cu certitudine că indivizilor, indiferent de naționalitate, rasă, etnie, apartenență la un anumit grup social, religie, limbă, sex, culoare, situație economică, opinie politică sau oricare alt aspect discriminatoriu le este asigurată protecția din partea statului de origine sau altul decât cel al căror cetățeni sunt, fie în baza Convenției privind statutul refugiaților din 1951 (dacă corespunde prevederilor acesteia), fie în baza altor norme internaționale ce au scopul prioritar de a garanta protecția persoanelor.

Bibliografie:

1. Balan O., Rusu V., Nour V. Drept internațional umanitar, Departamentul Editorial al Universității de Criminologie. Chișinău, 2003. 312 p.
2. Burian A. Izvoarele dreptului internațional. În: Drept Internațional public, Ed. a 3-a (rev. și adăug.). Chișinău: S. n., (Tipogr. „Elena-V.I.” SRL), 2009, p. 45-58.
3. Sârcu-Scobioală D. Dreptul internațional al drepturilor omului. Note de curs. Ediția a II, revizuită, Chișinău, 2012. 148 p.
4. Miga-Beșteliu R., Brumar, C. Protecția internațională a drepturilor omului. Note de curs, Ediția V. București: Editura Universul Juridic, 2010. 453 p.
5. Scăunaș S. Drept internațional public, Curs universitar, Ediția II. București: Editura C.H.Beck, 2007. 422 p.

6. Iancu G. Dreptul de azil. Privire comparativă cu statutul juridic al refugiatului. București: Editura ALL BECK, 2002. 128 p.

7. Prisacariu M. R. Statutul juridic al minorităților naționale. București: Editura C.H.Beck, 2010. 201 p.

8. Declarația Universală a Drepturilor Omului din 10 decembrie 1948. În: A.Potînga, Gh.Costachi, Asigurarea drepturilor omului în lume. Chișinău: Editura Epigraf, 2003, p. 125-129.

9. Convenția de la Geneva cu privire la protecția persoanelor civile în timp de război din 12 august 1949. În: Culegere de acte normative privind azilul (texte și extrase la data de 15 iunie 2004). Chișinău: Tipografia Sirius, 2004, p. 78-83.

10. Pactul internațional cu privire la drepturile civile și politice adoptat la New York la 16 decembrie 1966. În: A.Potînga, Gh.Costachi. Asigurarea drepturilor omului în lume. Chișinău: Editura Epigraf, 2003, p. 137-152.

11. Convenția internațională cu privire la drepturile copilului adoptată la New York la 20 noiembrie 1989. În: A.Potînga, Gh.Costachi. Asigurarea drepturilor omului în lume. Chișinău: Editura Epigraf, 2003, p. 152-168.

12. Convenția pentru prevenirea și reprimarea crimei de genocid adoptată la New York la 9 decembrie 1948. În: A.Potînga, Gh.Costachi. Asigurarea drepturilor omului în lume. Chișinău: Editura Epigraf, 2003, p. 182-185.

13. Carta de la Paris pentru o Nouă Europă adoptată la Conferința pentru securitate și cooperare în Europa, la Paris la 21 noiembrie 1990. În: A.Potînga, Gh.Costachi. Asigurarea drepturilor omului în lume. Chișinău: Editura Epigraf, 2003, p. 259-269.

14. Legea Republicii Moldova nr.382-XV cu privire la drepturile persoanelor aparținând minorităților naționale și la statutul juridic al organizațiilor lor din 19 iulie 2001. În: A.Potînga, Gh.Costachi. Asigurarea drepturilor omului în lume. Chișinău: Editura Epigraf, 2003, p. 492-497.

Copyright©Stela LITRA, 2013.

Contacte / Contacts / Контакты:

Institutul de Cercetări Juridice și Politice al AȘM.

Bd. Ștefan cel Mare, 1, Chișinău, Republica Moldova, MD 2009.

E-mail: stellatop@mail.ru

Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2013, Issue 4, Volume 30, Pages 124-132.

ISSN 1857-1999

Submitted: 16. 10. 2013 | Accepted: 30.11. 2013 | Published: 15.12. 2013

**TRIBUNA TINERILOR CERCETĂTORI
THE TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS
ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

**НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В
ПРИЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ
ЧЕРНОМОРСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА)***

**NEW TRENDS OF INTERNATIONAL LEGAL COOPERATION IN THE BLACK SEA
REGION (ON THE EXAMPLE OF THE ORGANIZATION OF THE BLACK SEA
ECONOMIC COOPERATION)**

**NOI TENDINȚE DE COOPERARE ÎN DOMENIUL
DREPTULUI INTERNAȚIONAL ÎN REGIUNEA MĂRII NEGRE
(CAZUL ORGANIZAȚIA DE COOPERARE ECONOMICĂ LA MAREA NEAGRĂ)**

ПРОЦЕНКО Ирина ** / PROTSENKO Iryna / PROTSENKO Irina

ABSTRACT:

**THE NEW TRENDS OF INTERNATIONAL LEGAL COOPERATION IN THE BLACK SEA
REGION (ON THE EXAMPLE OF THE ORGANIZATION OF THE BLACK SEA ECONOMIC
COOPERATION)**

The article examines the reasons for which the international legal cooperation in the Black Sea region is not highly effective. Organization of Black Sea Economic Cooperation, in this area serves as an example.

An primordial lack of a comprehensive plan of action, lack of attention to the real economic situation of the Member States, miss of an independent policy in relation to other international organizations, especially the European Union, currently the Black Sea Economic Cooperation Organization declares its intention more than implements them in practice.

Key words: *Black Sea Economic Cooperation Organization, international legal cooperation, the European Union, a subject of international law.*

JEL Classification: K33, K10, Z18

* Raport prezentat la Conferință internațională științifico-practică "Securitatea regională și procesele integraționiste în spațiul extins al Mării Negre: abordări politico-juridice naționale și internaționale", Chișinău, 28 noiembrie 2013. / Report presented at the International Scientific-practical Conference "The regional security and integraționiste processes in the expanded area of the Black Sea: political and legal approaches", Chisinau, November 28, 2013. / Доклад, представленный на международной научно практической конференции "Региональная безопасность и интеграционные процессы в Большом Причерноморском регионе: политико-правовые подходы", Кишинев, 28 ноября 2013 г.

** **PROTSENKO Irina** - Cercetător științific stagiar la Institutul Stat și Drept al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei; conferențiar universitar la Universitatea de Drept din Kiev a Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev, Ucraina). / **PROTSENKO Iryna** - Researcher at the Institute of State and Law „V. M. Koretsky”, National Academy of Sciences of Ukraine; Associate Professor, The Kyiv University of Law of The National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine). / **ПРОЦЕНКО Ирина Николаевна** - Младший научный сотрудник отдела международного права и сравнительного правоведения Института государства и права им. В.М. Корецкого Национальной академии наук Украины; доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения Киевского университета права Национальной академии наук Украины (Киев, Украина).

REZUMAT:

NOI TENDINȚE DE COOPERARE JURIDICĂ INTERNAȚIONALĂ ÎN REGIUNEA MĂRII NEGRE (CAZUL ORGANIZAȚIA DE COOPERARE ECONOMICĂ LA MAREA NEAGRĂ)

În articol, în baza exemplului Organizației de Cooperare Economică la Marea Neagră, se analizează cauzele datorită cărora cooperarea juridică internațională în regiune este ineficientă.

Lipsa unui plan bine-gândit de acțiune, neglijarea situației economice reale din Statele membre, lipsa de o politică independentă în raport cu alte organizații internaționale, în special cu Uniunea Europeană, au dus la aceea că astăzi OCEMN mai degrabă declară intențiile sale, decât asigură aplicarea acestora în practica.

Cuvinte cheie: Organizația de Cooperare Economică la Marea Neagră, cooperare juridică internațională, Uniunea Europeană, subiect de drept internațional.

JEL Classification: K33, K10, Z18

CZU: 341.1, 341.232.3

РЕЗЮМЕ:

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ПРИЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ ЧЕРНОМОРСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА)

В статье на примере Организации Черноморского экономического сотрудничества рассматриваются причины, вследствие которых международно-правовое сотрудничество в регионе не является высокоэффективным.

Изначальное отсутствие продуманного плана действий, невнимание к реальному экономическому положению государств-членов, отсутствие самостоятельной политики по отношению к другим международным организациям, и прежде всего к Европейскому союзу, привели к тому, что сегодня ОЧЭС больше декларирует свои намерения, нежели реализует их на практике.

Ключевые слова: Организации Черноморского экономического сотрудничества, международно-правовое сотрудничество, Европейский союз, субъект международного права.

JEL Classification: K33, K10, Z18

УДК: 341.1, 341.232.3

Исторически сложилось, что, не смотря на огромный, прежде всего экономический, потенциал Причерноморья, государства, расположенные на его территории, использовали его преимущественно как площадку для конфликтов, а не как основу для установления эффективного политического, экономического и культурного сотрудничества. Первой и пока единственной попыткой сделать Причерноморье центром серьезного межгосударственного сотрудничества является создание региональной международной организации - Организации Черноморского Экономического Сотрудничества (далее - ОЧЭС). В Украине правовой статус этой международной организации детально исследован в диссертации Липкана И.А. на тему:

«Организация Черноморского экономического сотрудничества как особый субъект международного права». Кроме того, отдельные аспекты правового статуса и институциональной структуры этой международной организации исследовали такие учёные, как Рудь И.Н. Хоманец В. А. Однако, эти авторы уделяли мало внимания причинам низкой эффективности деятельности ОЧЭС и именно об этом вопросе пойдёт речь в данной статье.

Идеологом создания ОЧЭС стала Турция, которая ещё в 1990 г. предложила Болгарии, Румынии и СССР создать Черноморскую зону процветания и сотрудничества, реагируя тем самым на падение социалистической системы в ряде государств Западной Европы и ослабление СССР. Кроме того, Турция

таким образом пыталась закрепить свое лидерство в регионе.

Первым документом, нацеленным на реализацию турецкой инициативы, была Декларация о черноморском экономическом сотрудничестве, подписанная в Стамбуле в 1992 г.¹ (далее – Стамбульская Декларация) широким кругом государств, в число которых входили, как страны имеющие выход к Чёрному морю, так и страны, не имеющие его: Азербайджан, Албания, Армения, Болгария, Греция, Грузия, Молдова, Российская Федерация, Румыния, Турция, Украина. Несмотря на то, что в этом документе не шла речь о создании международной организации, он сегодня является одним из учредительных документов ОЧЭС, поскольку в Уставе ОЧЭС подтверждена приверженность принципам и целям сотрудничества, изложенным в Стамбульской Декларации.

Первые пункты Стамбульской Декларации свидетельствуют о том, что государства, принявшие её, не рассматривали черноморское сотрудничество как самостоятельную экономическую силу, как проект, который может стать противовесом тогдашним мощным интеграционным объединениям Европы, как образование, готовое проводить собственную политику в регионе. В них было задекларировано, что вся деятельность, проводимая в рамках черноморского экономического сотрудничества, является вкладом в процесс Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, в создание общеевропейского экономического пространства, а также в достижение более высокой степени интеграции стран-участниц в мировую экономику. Кроме того, некоторые пункты Стамбульской Декларации свидетельствовали, что государства воспринимали черноморское экономическое сотрудничество как этап создания объединённой Европы. Такая лояльность к инициативам Западной Европы ставила под сомнение возможность развития

черноморского экономического сотрудничества по собственному пути.

Недостатком Стамбульской Декларации было также и то, что в ней практически не были предусмотрены конкретные меры по организации экономического сотрудничества в данном регионе, не был очерчен план будущих действий по реализации этого проекта, не было установлено будет ли экономическая либерализация избрана в качестве идеологической основы сотрудничества. Государства только договаривались рассмотреть возможность и пути учреждения отдельного финансового учреждения – «Черноморского внешнеторгового и инвестиционного банка». При этом в документе не уточнялось, в каком статусе этот банк будет учреждён (как юридическое лицо или как международная организация (по типу МБРР или ЕБРР), кто выступит его учредителем (только государства или физические и юридические лица). Понятным было только его предназначение - мобилизация средств, необходимых для реализации проектов черноморского сотрудничества. Исходя из экономического положения стран в период подписания Стамбульской Декларации, эта задача была самой важной для организации эффективного сотрудничества.

Кроме создания банка, этот документ устанавливал институциональную структуру данного сотрудничества – ежегодно должны были проходить встречи министров иностранных дел стран-участниц сотрудничества, на которых следовало проводить анализ достигнутого прогресса и устанавливать новые задачи сотрудничества. Также на постоянной или временной основе должны были функционировать рабочие группы экспертов для выработки предложений о мерах по укреплению сотрудничества в различных областях. Вместе с тем Декларация не устанавливала возможности регулярного созыва саммитов на уровне глав государств или глав правительств, что и не требовалось для этого этапа сотрудничества.

В Стамбульской Декларации чётко и неоднозначно высказывалась готовность сотрудничества с частными предпринимателями, их планировали

¹ Декларация о Черноморском экономическом сотрудничестве 1992 г. [On-line]: <http://www.lawmix.ru/abro/9944>. (Дата посещения: 09.10.2013).

привлекать как к работе вышеупомянутых институций, так и к проектам, которые должны были реализоваться в рамках данного сотрудничества. Такой шаг является традиционным для многих организаций экономического направления. Сегодня, например, и в рамках Содружества независимых государств (далее - СНГ), и в рамках Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ, и в рамках Евразийском экономическом сообществе (далее - ЕврАзЭС), и в рамках Шанхайской организации сотрудничества функционируют отдельные структурные единицы – Деловые советы, которые высказывают рекомендации относительно дальнейшего экономического развития организации.

Среди прочего в Стамбульской Декларации были очерчены области, в которых планировалось проводить межгосударственное сотрудничество. Среди них: транспорт и связь; информатика; обмен экономической и коммерческой информацией; стандартизация и сертификация товаров; энергетика; добыча и переработка минерального сырья; туризм; сельское хозяйство и агропромышленный комплекс; ветеринарная и санитарная защита; здравоохранение и фармацевтическая промышленность; наука и техника. Кроме того, в Стамбульской Декларации неоднократно подчёркивалась необходимость развития сотрудничества в сфере защиты окружающей среды. Как видно, область сотрудничества очерчена широко и явно без учёта экономических возможностей стран участниц, но при этом не учтена важная для организации экономических отношений область – таможенное сотрудничество.

Таким образом, Стамбульская Декларация только очерчивала сферы возможного сотрудничества в Причерноморье и устанавливала для его координации простую институциональную структуру, не учитывая при этом экономические возможности стран участниц и оставив без внимания ряд важных вопросов.

После Стамбульской Декларации в рамках инициативы Черноморского экономического сотрудничества было подписано ряд документов, которые наполняли содержанием и уточняли последующие направления

деятельности этого интеграционного образования. Речь идёт о Декларации о создании Парламентской ассамблеи Черноморского экономического сотрудничества 1993 г.², Соглашении о создании Черноморского банка торговли и развития 1994 г.³ (вступило в силу в 1997 г.), Московской декларации глав государств и правительств стран - участниц Черноморского экономического сотрудничества от 1996 г.⁴, Декларации намерений о создании зоны свободной торговли ЧЭС 1997 г. и др. Например, в Московской декларации 1996 г. впервые были названы конкретные проекты, которыми планировало заниматься это интеграционное объединение: прокладка региональных и трансрегиональных линий волоконно-оптической связи; объединение энергосистем стран Черноморского экономического сотрудничества; реализация крупных трансрегиональных проектов транспортировки энергоносителей; развитие в регионе транспортной инфраструктуры, включенной в трансевропейские сети. Такая конкретизация целей деятельности безусловно должна была служить на пользу развития Черноморского экономического сотрудничества, поскольку уже давала возможность сформировать чёткий и определенный план работы, однако государства-участники этого образования снова не предусматривали источники финансирования этих проектов, поэтому этим планам не суждено было реализоваться.

В ходе восьмой встречи министров иностранных дел государств-участников черноморского экономического сотрудничества было выработано решение трансформировать это образование в

² Декларация о создании Парламентской ассамблеи Черноморского экономического сотрудничества 1993 г. [On-line]: <http://www.pabsec.org/Documents.asp?id=1&hl=ru>. (Дата посещения: 11.11.2013).

³ Угода про заснування Чорноморського банку торгівлі та розвитку 1994 р. [On-line]: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/998_003. (Дата посещения: 11.11.2013).

⁴ Московская декларация глав государств и правительств стран - участниц черноморского экономического сотрудничества от 1996 г. [On-line]: <http://www.lawmix.ru/abro/6621>. (Дата посещения: 11.11.2013).

международную организацию. Эта идея была реализована на Ялтинской встрече глав-государств Черноморского экономического сотрудничества, прошедшей в 1998 г. На ней был подписан Устав Организации Черноморского экономического сотрудничества⁵, который вступил в силу в 1999 г. Кроме Устава на этой встрече была принята Декларация⁶, в которой, прежде всего, было установлено, что Черноморское экономическое сотрудничество требует разработки новой экономической программы, которая нацеливается на решение задач эпохи глобализации и информационного сообщества. В ней также были определены руководящие начала организации межгосударственного торгового сотрудничества, а именно: 1) либерализация торговли; 2) гармонизация режимов внешней торговли; 3) присоединение всех черноморских государств к Всемирной Торговой Организации; 4) постепенное создание зоны свободной торговли в рамках региона. То есть, в вопросах торговли государства-участники черноморского экономического сотрудничества не планировали разрабатывать самостоятельные правила, предполагая опираться в этом вопросе на нормы ВТО.

Значительная часть этого документа была посвящена подтверждению государствами своей готовности продолжать сотрудничество с рядом международных интеграционных объединений, в число которых попали, например, такие мало известные образования, как Руайомонский процесс укрепления стабильности и добрососедства в Юго-Восточной Европе, Процесс укрепления стабильности, безопасности и сотрудничества в Юго-Восточной Европе, и, вместе с тем, не попали такие весомые международные организации, как Содружество Независимых Государств, Лига арабских государств. Следует отметить, что СНГ ни разу не попало в круг организаций, с которыми хотя бы

декларировалось взаимодействие государств-участников Черноморского экономического сотрудничества. Вместе с тем, в Декларации ещё раз было подчеркнуто, что Организация черноморского экономического сотрудничества готовит почву для интеграции с единой Европой XXI века.

Таким образом, ОЧЭС, также как и, например, ГУАМ, первоначально планировалось не как международная организация, а как политико-экономическое объединение государств. Причиной тому было, прежде всего, то, что большинство государств, поддержавшие эту инициативу, были молодыми, не имели продуманной внешнеэкономической политики и необходимых знаний для реализации правил рыночной экономики. Кроме того, экономическое положение этих государств было плачевным, что позволило поставить Черноморское экономическое сотрудничество в финансовую зависимость сначала от Европейского Экономического Сообщества, а потом от Европейского Союза и в значительной мере снизило шансы реализовать собственную политику в регионе.

Сегодня можно говорить о том, что в рамках Причерноморского региона функционирует Организация Черноморского экономического сотрудничества и система самостоятельных, связанных с нею, органов⁷: Черноморский банк торговли и развития (далее - ЧБТР), Деловой совет Черноморского экономического сотрудничества (действует как международная неправительственная организация), Парламентская ассамблея Черноморского экономического сотрудничества (далее - ПАЧЭС). Как отметил Липкан И.А.: «особенностью организационной структуры ОЧЭС является существование самостоятельных органов, которые входят в систему ОЧЭС в статусе связанных с ЧЭС органов, которые, в свою очередь, имеют свои институциональные механизмы»⁸.

⁵ Статут Організації Чорноморського економічного співробітництва 1998 р. [On-line]: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/998_009. (Дата посещения: 11.11.2013).

⁶ Декларация Ялтинской встречи на высшем уровне 1998 г. [On-line]: <http://www.pabsec.org/Documents.asp?id=6&hl=ru>. (Дата посещения: 11.11.2013).

⁷ Эти образования названы органами в Уставе ОЧЭС.

⁸ Липкан І.А. Організація чорноморського економічного співробітництва як особливий суб'єкт міжнародного права. Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата юридичних наук за спеціальністю 12.00.11 – міжнародне право. К., 2008, с. 14.

Создание такой многоуровневой системы сотрудничества объясняется, вероятно, тем, что ЧБТР, ПАЧЭС и Деловой совет Черноморского экономического сотрудничества были созданы раньше ОЧЭС, имеют самостоятельную институциональную структуру и финансирование и было бы сложно трансформировать их во внутренние институции ОЧЭС. Хотя, например, В.Е. Улахович выделяет пять уровней сотрудничества в Причерноморском регионе. Описывая Черноморское экономическое сотрудничество он отмечает: «сотрудничество осуществляется на основе так называемых пяти платформ: межгосударственной, межпарламентской, бизнес, банковско-финансовой и академической»⁹. Позиция В.Е. Улаховича заслуживает на внимание, поскольку Устав ОЧЭС предусматривает, что организация содействует развитию сотрудничества между научными сообществами, учеными и научными работниками государств - членом в интересах осуществления принципов и целей ЧЭС в рамках их компетенции, что, вероятно, подходит под определение академического сотрудничества. Однако, в таком случае следует выделять ещё одну платформу для сотрудничества – культуру, поскольку на этой основе в рамках ОЧЭС тоже предпринимаются некоторые шаги. Одновременно, такое расширение уровней сотрудничества в рамках ОЧЭС ещё раз показывает, что эта организация неоправданно широко рассматривает сферу своей деятельности.

В системе органов ОЧЭС обращает на себя внимание роль ПАЧЭС, полномочия которой в Уставе ОЧЭС определены слишком расплывчато - обеспечение постоянной поддержки процесса черноморского сотрудничества на консультативной основе. Более подробно функции ПАЧЭС определены в Декларации о создании Парламентской ассамблеи Черноморского экономического сотрудничества 1993 г. Среди них: обеспечение правовой основы для реализации принципов и целей уважения прав человека, власти закона и демократических ценностей; обеспечение демократического

участия и поддержки народов, путём доведения принципов Черноморского экономического сотрудничества до сведения народов стран-участниц через их парламенты; развитие дружественных отношений между парламентариями и парламентами стран-участниц Черноморского экономического сотрудничества, способствуя, таким образом, созданию атмосферы доверия и добрососедских отношений между народами; помощь странам-участницам этого образования действовать в согласии с международными организациями, в которых они являются сторонами. Однако возникает вопрос, нуждается ли ОЧЭС в такой помощи со стороны ПАЧЭС. Следует сказать, что множество современных интеграционных образований эффективно сотрудничают с международными организациями и доводят до сведения народов стран-участниц принципы своей деятельности не создавая для этого Парламентских Ассамблей. Кроме того, любая современная международная организация должна строить свою деятельность на основе уважения прав человека и демократических ценностях, поэтому нет необходимости в создании для этого отдельного органа - Парламентской Ассамблеи. Создание ПАЧЭС было бы оправданным только в том случае, если бы Устав ОЧЭС предполагал унификацию национального законодательства путём создания модельных нормативных актов, на основе которых разрабатывалось бы национальное законодательство, чего в данном документе не было предусмотрено. Поэтому, гораздо правильнее было бы упразднить ПАЧЭС, особенно учитывая современную экономическую ситуацию большинства стран-членов ОЧЭС или же наделить ее более важными полномочиями.

Устав ОЧЭС предусмотрел несколько положений, нехарактерных для уставных документов других международных организаций. Например, участие в его деятельности можно принимать в статусе члена¹⁰, в статусе наблюдателя¹¹ и в статусе

⁹ Улахович В.Е. Международные организации: Справочное пособие. М.: АСТ, 2005, с. 310.

¹⁰ На 2013 г. членами ОЧЭС являются 11 государств: Албания, Азербайджан, Армения, Болгария, Греция, Грузия, Молдова, Российская Федерация, Румыния, Сербия, Турция, Украина.

партнёра¹². Такой подход позволяет привлекать государства, не желающие принимать полное членство в ОЧЭС, к участию в отдельных проектах организации в качестве партнёров. Кроме того, Устав ОЧЭС ввел институт «тройки», который должен обеспечить непрерывность реализации инициатив организации. Его введение обусловлено тем, что каждая страна-член ОЧЭС на протяжении полугода председательствует в этой организации. «Тройка» состоит из действующего председателя, предыдущего и последующего председателей ОЧЭС или их представителей и созывается для обмена мнениями и информацией по вопросам текущей и будущей деятельности экономического сотрудничества в регионе и отношений с другими международными организациями и учреждениями.

Вместе с тем, по мнению некоторых украинских учёных, институциональная структура ОЧЭС требует реформы. Например, И.Н. Рудь в статье «Механизмы сотрудничества в рамках «Организации черноморского экономического сотрудничества»¹³ анализирует ряд предложений, которые касаются изменений институциональной структуры ОЧЭС, а именно введения нового порядка председательствования в ОЧЭС, усиления значения Генерального секретаря и Постоянного международного секретариата,

введения института страны-координатора отдельных проектов ОЧЭС, деятельность которых должен анализировать Комитет старших должностных лиц и направлять свои соответствующие предложения Совету министров ОЧЭС, расширение числа вспомогательных органов и др. Как подчёркивает этот автор: «предпосылкой повышения эффективности работы ОЧЭС является проведение ее реинституциализации, а также изменение принципов и методов принятия решений: важные вопросы должны вноситься в повестку дня по упрощённой процедуре»¹⁴. Однако, на наш взгляд, любые изменения в ОЧЭС, особенно если они касаются увеличения числа органов, должны, прежде всего, соотноситься с финансовыми возможностями организации и теми экономическими проектами, которые она готова выполнить и в реализации которых заинтересованы государства-члены.

В Уставе ОЧЭС снова довольно широко были сформулированы области сотрудничества, в которое входили: торговля и экономическое развитие; банковское дело и финансы; связь; энергетика; транспорт; сельское хозяйство и агропромышленность; здравоохранение и фармацевтика; охрана окружающей среды; туризм; наука и техника; обмен статистическими данными и экономической информацией; сотрудничество между таможенными и другими пограничными органами; контакты между людьми; борьба с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков, оружия и радиоактивных материалов, всеми актами терроризма и незаконной миграцией. Однако, сегодня можно констатировать, что эта международная организация в каждой из этих сфер большей мерой декларирует свои намерения, нежели реализует реальные проекты на практике. ОЧЭС следовало бы разработать план, в соответствии с которым количество сфер сотрудничества постепенно увеличивалось бы исходя из финансовых возможностей организации и потребностей региона. Ведь именно путём развития «от малого к большому» шел Европейский Союз или ЕврАзЭС при реализации своих

¹¹ На 2013 г. наблюдателями ОЧЭС являются: Австрия, Беларусь, Германия, Египет, Израиль, Италия, Польша, Словакия, США, Тунис, Франция, Хорватия, Чехия, Международный черноморский клуб, Секретариат Энергетической хартии, Черноморская комиссия, Европейская комиссия.

¹² На 2013 г. партнёрами ОЧЭС являются: Великобритания, Венгрия, Корея, Словения, Черногория, Япония, Международная Ассоциация судовладельцев Черноморского региона, Ассоциация портов Черного и Азовского морей, Союз ассоциаций автомобильных перевозчиков региона Черноморского экономического сотрудничества, Черноморская ассоциация судостроителей и судоремонтников, Сеть университетов Черноморского региона, Конференция периферийных морских регионов Европы, Дунайская Комиссия, Международная сеть малых и средних предприятий.

¹³ Рудь І.М. Механізми співпраці в рамках Організації чорноморського економічного співробітництва. В: «Стратегічні пріоритети». 2011, №1 (18), с. 134-138.

¹⁴ Ibidem., p. 137.

экономических инициатив, хотя в их случае речь шла не только об увеличении сфер сотрудничества, а прежде всего о увеличении степени интеграции. ОЧЭС следовало начинать с упрощения правовых режимов, строительства мостов, дорог, морских магистралей и постепенно переходить к сотрудничеству между таможенными и пограничными органами. Далее необходимо было начинать налаживать сотрудничество в области науки, техники, охраны окружающей среды, борьбы с терроризмом, незаконной миграцией, организованной преступностью и только в той мере, в которой оно необходимо для бесперебойного функционирования экономических связей.

Непродуманность деятельности ОЧЭС приводит к тому, что ею активно обсуждаются идеи создания таких дорогостоящих проектов, как Черноморская кольцевая автодорога, транзитный железнодорожный маршрут «Викинг», ряд проектов по транспортировке энергоносителей, хотя у организации больше возможностей создать активные морские, в том числе паромные, магистрали. Также ОЧЭС следует усилить свою дипломатическую деятельность, которая должна привести к подписанию Договора о правовой помощи в гражданских и уголовных делах, Консульской конвенции, Договора о создании зоны свободной торговли в рамках ОЧЭС¹⁵, свободному передвижению предпринимателей и туристов в рамках региона, возможно полному или частичному снятию портовых сборов для судов стран-членов ОЧЭС и др.

Вместе с тем следует констатировать, что причины, по которым эффективность деятельности ОЧЭС не очень высока, находятся также и в политическом поле. Первоначальная зависимость этого интеграционного образования от Западной Европы привела к тому, что ряд его

¹⁵ Подписание такого международно-правового договора является одним из самых болезненных вопросов, поскольку в связи с высоким уровнем производства Турции, оно приведет к уничтожению многих видов национального товарного производства других государств-членов ОЧЭС. Поэтому уже сейчас ясно, что Договор о создании зоны свободной торговли ОЧЭС будет сопровождаться существенным ограничениями.

государств-членов большей мерой хотели получить членство в Европейском Союзе, нежели сохранить свой суверенитет и развивать сотрудничество в ОЧЭС. ОЧЭС активно декларировала свою связь с европейскими интеграционными инициативами в уставных документах, в том числе и в преамбуле Устава закрепила положение о том, что видит свое региональное сотрудничество как часть интеграционного процесса в Европе. В результате ряд государств-членов ОЧЭС вошли в состав Европейского Союза, что привело к утрате ими части суверенитета, а значит, при решении вопросов в рамках ОЧЭС они должны теперь руководствоваться экономической политикой и интересами ЕС. К такому же результату привело активное участие Российской Федерации в развитии экономических проектов в рамках ЕврАзЭС. Теперь она, как член Таможенного союза ЕврАзЭС также должна руководствоваться его интересами в собственной внешнеэкономической политике. Эффективность ОЧЭС значительно снижается и тем, что Украина и Молдова в качестве главенствующего вектора своей внешней политики избрали членство в Европейском Союзе.

Таким образом, изначальное отсутствие продуманного плана действий, невнимание к реальному экономическому положению государств-членов, отсутствие самостоятельной политики по отношению к другим международным организациям, и прежде всего к Европейскому Союзу привели к тому, что сегодня ОЧЭС больше декларирует свои намерения, нежели реализует их на практике.

Библиография:

1. Ліпкан І.А. Організація чорноморського економічного співробітництва як особливий суб'єкт міжнародного права. Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата юридичних наук за спеціальністю 12.00.11 – міжнародне право. К., 2008.
2. Рудь І.М. Механізми співпраці в рамках Організації чорноморського економічного співробітництва. В: «Стратегічні пріоритети». 2011, №1 (18), с. 134-138.

3. Улахович В.Е. Международные организации: Справочное пособие. М.: АСТ, Минск, 2005. 400 с.

Bibliography:

1. Lipkan I.A. Organizacija chornomors'kogo ekonomichnogo spivrobotnictva jak osoblivij sub'ekt mizhnarodnogo prava. Avtoreferat disertacii na zdobuttja naukovoogo stupenja kandidata juridichnih nauk za special'nistju 12.00.11 – mizhnarodne pravo. K., 2008.

2. Rud' I.M. Mehanizmi spivpraci v ramkah Organizacii chornomors'kogo ekonomichnogo spivrobotnictva. V: «Strategichni prioriteti». 2011, #1 (18), p. 134-138.

3. Ulahovich V.E. Mezhdunarodnye organizacii: Spravochnoe posobie. M.: AST, 2005. 400 p.

Copyright© Irina PROTSENKO, 2013.

Contacte / Contacts / Контакты:

Институт государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины.

01001 Украина, г. Киев, ул. Трёхсвятительская 4.

Tel: (+380) 67 9317571; (+380) 44 278-75-33

E-mail: iraprocenko@rambler.ru

Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2013, Issue 4, Volume 30, Pages 133-142.

ISSN 1857-1999

Submitted: 16. 10. 2013 | Accepted: 30.11. 2013 | Published: 15.12. 2013

**COMUNICĂRI ȘTIINȚIFICE
THE SCIENTIFIC COMMUNICATIONS
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ**

**SOME ASPECTS OF ORGANIZATIONAL AND LEGAL SUPPORT FOR MONITORING
ACTIVITY OF CIVIL SERVANTS OF ADMINISTRATIVE SERVICES**

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
МОНИТОРИНГА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ ПО
ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ АДМИНИСТРАТИВНЫХ УСЛУГ**

**UNELE ASPECTE DE ASISTENȚĂ ORGANIZATORICĂ ȘI JURIDICĂ
PRIVIND MONITORIZAREA ACTIVITĂȚII FUNCȚIONARILOR PUBLICI
DIN SERVICIILE ADMINISTRATIVE**

ЕВДОКИМОВ Валерий*, ЕДГАРОВА Иванна** /
EVDOCHIMOV Valeriu, EDGAROVA Ivanna /
EVDOKIMOV Valery, EDGAROVA Ivanna

ABSTRACT:

**SOME ASPECTS OF ORGANIZATIONAL AND LEGAL SUPPORT FOR MONITORING
ACTIVITY OF CIVIL SERVANTS OF ADMINISTRATIVE SERVICES**

The article presents an overview and analysis of the legal framework of Ukraine in the sphere of Public Service, administrative services and information activities with aim to determine the organizational and legal aspects of information ensuring of the monitoring of public servants activities on providing administrative services. The conclusion is made that a new a regulatory act is needed, which allow to monitor the activities of providing administrative services. The adoption of such act will both to allow effectively use of resources spent on administrative services and significantly increase the level of consumer confidence to providers as well as improve a positive image of Civil Service of Ukraine in the international arena.

* **EVDOCHIMOV Valeriu** - Doctor în drept, profesor universitar, Președinte al Asociației Juriștilor din Ucraina, Jurist Emerit al Ucrainei, academician al Academiei de Științe Economice din Ucraina (Kiev, Ucraina). / **EVDOKIMOV Valery** - Ph.D in Law, Professor, President of the Union of Lawyers of Ukraine, Merited Lawyer of Ukraine, academician of the Academy of Economic Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine). / **ЕВДОКИМОВ Валерий Александрович** - Кандидат юридических наук, профессор, председатель Союза юристов Украины, заслуженный юрист Украины, академик Академии экономических наук Украины (Киев, Украина).

** **EDGAROVA Ivanna** - Magistru în administrarea publică, competitor, Academia Națională a Afacerilor Interne a Ucrainei, Șef Departament Relații Internaționale și Subvenții, Universitatea de Drept din Kiev a Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev, Ucraina). / **EDGAROVA Ivanna** - Master of Public Administration, PhD applicant, The National Academy of Internal Affairs of Ukraine, Head of the Department of international relations and grants of Kyiv University of law of the National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine). / **ЕДГАРОВА Иванна Владимировна** - Магистр государственного управления, соискатель Национальной Академии внутренних дел Украины, Заведующая отделом международных связей и грантов Киевского университета права Национальной академии наук Украины (Киев, Украина).

Key words: monitoring activities of public servants, administrative services, information monitoring, monitoring, legal regulation of monitoring.

JEL Classification: K10, K23, Z18

REZUMAT:

**UNELE ASPECTE DE ASISTENȚĂ ORGANIZATORICĂ ȘI JURIDICĂ
PRIVIND MONITORIZAREA ACTIVITĂȚII FUNCȚIONARILOR PUBLICI
DIN SERVICIILE ADMINISTRATIVE**

Articolul prezintă o imagine de ansamblu și analiza a cadrului legal al Ucrainei în domeniul serviciilor publice, serviciilor administrative și a activităților de informare pentru a determina aspectele organizatorice și juridice a procesului de monitorizare a activităților funcționarilor publici pentru a oferi servicii administrative. Se rezumă necesitatea de a dezvolta legislația pentru a monitoriza livrarea de servicii administrative. Adoptarea unui astfel de act normativ va permite nu doar utilizarea în mod eficient a resurselor cheltuite pentru furnizarea de servicii administrative, dar de asemenea, va spori nivelul încrederii consumatorilor față de producător, cât și va asigura o imagine pozitivă a Serviciului de Stat al Ucrainei pe arena internațională.

Cuvinte cheie: monitorizarea activităților funcționarilor publici, servicii administrative, informare, monitorizare, supraveghere, acte normative, asigurarea juridică a procesului de monitorizare.

JEL Classification: K10, K23, Z18

CZU: 35.072.2, 35.075.15, 35.078.3

РЕЗЮМЕ:

**ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МОНИТОРИНГА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ УКРАИНЫ ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ УСЛУГ: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

В статье осуществлен обзор и анализ нормативно-правовой базы Украины в сфере государственной службы, административных услуг и информационной деятельности для определения организационно-правового аспекта информационного обеспечения мониторинга деятельности государственных служащих по предоставлению административных услуг. Сделан вывод о необходимости разработки нормативно-правового акта, позволяющего проводить мониторинг деятельности по предоставлению административных услуг. Принятие такого акта позволит не только эффективно использовать ресурсы, расходуемые на предоставление административных услуг, но и значительно повысить уровень доверия потребителей услуг к их производителю, обеспечить позитивный имидж государственной службы Украины на международной арене.

Ключевые слова: мониторинг деятельности государственных служащих, административные услуги, информационное обеспечение мониторинга, организация мониторинга, правовое регулирование мониторинга.

JEL Classification: K10, K23, Z18

УДК: 35.072.2, 35.075.15, 35.078.3

Постановка проблемы. На современном этапе развития Украины возникает потребность в новом типе государственного управления, который будет основан на принципах открытости и прозрачности и ориентирован на удовлетворение потребностей физических и юридических лиц

в получении административных услуг.¹
Удовлетворенность потребителей

¹ Про схвалення Концепції Державної цільової програми створення та функціонування інформаційної системи надання адміністративних послуг на період до 2017 року: розпорядження Кабінету Міністрів України від 24 липня 2013 р. № 614-р. [On-line]:

определенным набором административных услуг и отсутствие излишнего участия государства в процессе обслуживания могут значительно улучшить нынешний уровень взаимодействия в тандеме «государственное управление – народ». С управленческой точки зрения в этом аспекте наиважнейшим является предоставление административных услуг на соответствующем качественном уровне.² Качество удовлетворения потребителей, и, следовательно, действенность государственной власти зависит от готовности персонала продемонстрировать соответствующую административную культуру и профессионализм.³ Однако эффективное повышение качества предоставления административных услуг невозможно без получения оперативных данных по состоянию этапов процесса предоставления этих услуг. Получение этих данных является миссией такого процесса как мониторинг, который является неотъемлемой частью современного организационного управления в государственном секторе.⁴ Однако, в Украине отсутствуют не только общегосударственная методика мониторинга деятельности государственных служащих по предоставлению административных услуг, но и существенные теоретико-методологические исследования, посвященные анализу отдельных аспектов, в том числе организационно-правовой базе информационного обеспечения вышеупомянутого мониторинга. Данная

<http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/614-2013-%D1%80>.
(Дата посещения: 09.10.2013).

² Тимошук В. П. Адміністративні акти, процедура прийняття та припинення дії. К.: Конус-Ю, 2010, с. 29–35.

³ Сороко В. М. Впровадження системи управління якістю в органах державної влади: пріоритет у сфері організації надання державних послуг. В: Стратегічні пріоритети: наук. - аналіт. щокварт. зб. К.: Нац. Ін - т стратег. дослідж. 2007, № 3 (4). [On-line]: <http://www.niss.gov.ua/book/StrPryor/4/01-Soroko.pdf>.
(Дата посещения: 09.10.2013).

⁴ Єдгарова І. В. Моніторинг діяльності державних службовців з надання публічних послуг: підходи до визначення сутності. В: Державне управління: теорія та практика: електронне наукове фахове видання. К.: Нац. акад. держ. управ. при Президентіві України. 2011, № 2011/2. [On-line]: <http://www.academy.gov.ua/ej/ej14/index.htm>.
(Дата посещения: 09.10.2013).

ситуация и обуславливает актуальность выбранной темы исследования.

Анализ последних исследований и публикаций. Изучению разнообразных аспектов сервисной деятельности государственных служащих в контексте новой парадигмы государственного управления посвятили свои работы такие известные ученые как В. Аверьянов, О. Берданова, В. Долечек, С. Дубенко, С. Загороднюк, И. Колиушко, В. Колпаков, А. Липенцев, В. Марченко, Т. Мотренко, Н. Нижник, А. Оболенский, В. Сороко, А. Чемерис, Ю. Шаров и другие. Их исследования касаются и общетеоретических вопросов в сфере публичного администрирования, и имеют узкую направленность: отдельные составляющие работы органов власти и их персонала, оценивание и совершенствование механизмов по предоставлению публичных, в том числе административных, услуг, влияние качества услуг на имидж государственной службы в обществе, подходы к внедрению института публичных услуг и т.д.

Вместе с тем, как свидетельствует анализ научной литературы, вопрос внедрения технологии, благодаря которой на протяжении периода оценивания деятельности производителя административной услуги должен осуществляться контроль за качеством предоставления этой услуги, остается открытым. Данная ситуация обуславливает необходимость научного обоснования и разработки мониторинга деятельности государственных служащих по предоставлению административных услуг, в частности его организационно-правовых основ.

К нерешенным ранее частям общей проблемы, которым посвящена статья, относится организационно-правовой аспект информационного обеспечения мониторинга деятельности государственных служащих по предоставлению административных услуг с учетом особенностей, свойственных вышеупомянутому мониторингу.

Целью данного исследования является проведение анализа нормативно-правовой базы Украины в сфере деятельности по предоставлению административных услуг для

аккумуляции тех правовых актов, которые определяют организационно-правовой аспект информационного обеспечения мониторинга деятельности государственных служащих в вышеупомянутой области их профессиональной деятельности.

Изложение основного материала. Один из главных приоритетов государственной политики Украины в сфере публичных услуг - это стремление построить ориентированное на интересы людей, открытое для всех и направленное на развитие информационное общество, в котором каждый мог бы создавать и накапливать информацию и знания, иметь к ним свободный доступ, пользоваться и обмениваться ними для того, чтобы в полном объеме обеспечить каждому человеку возможность реализовать свой потенциал, содействуя общественному и личному развитию и повышая качество жизни.⁵

Данная ремарка в полной мере отражает содержание информационного обеспечения мониторинга деятельности государственных служащих по предоставлению административных услуг. Ведь вышеуказанный мониторинг – это ни что иное как информационно-аналитическая технология, основной целью которой является своевременное выявление и устранение возможных отклонений от заявленных требований (стандартов услуги) в деятельности персонала. Источниками информации, используемой в мониторинге, являются правовые акты, нормативные документы, отчеты, отражающие количественные параметры ресурсов, используемых для предоставления административных услуг, а также данные опросов субъектов мониторинга относительно качества обслуживания. Зачастую при проведении мониторинга не используются финансовые показатели использования ресурсов: во-первых, преимущественно мониторинг деятельности государственных служащих проводится в рамках мероприятий, проводимых

структурными подразделениями, отвечающими за работу с персоналом; во-вторых, в Украине некое подобие мониторинга деятельности по предоставлению административных услуг спонтанно осуществляется общественными организациями, не имеющими ни опыта, ни единой методики мониторинга, ни возможности получить информацию о финансовых показателях деятельности производителей административных услуг. Поэтому в целях нашего исследования мы группируем источники информации для мониторинга деятельности государственных служащих по предоставлению административных услуг как документы и материалы, содержащие

1) требования к организации:

- деятельности государственных служащих;
- предоставления административных услуг;
- проведения самого мониторинга (сбор, обработка, хранение и использование данных, полученных в результате проведенного мониторинга);

2) данные мониторинга, полученные из:

- опросов потребителей административных услуг;
- опросов производителей административных услуг;
- отчетов предыдущих мониторингов .

Таким образом, мы предлагаем рассматривать организационно-правовой аспект информационного обеспечения мониторинга в соответствии с предложенной выше классификацией.

Статья 4 Закона Украины «О государственной службе» определяет правовое регулирование государственной службы, которое осуществляется Конституцией Украины, этим и другими законами Украины, актами Президента Украины, Кабинета Министров Украины, специально уполномоченным центральным органом исполнительной власти по вопросам государственной службы, изданными в рамках их полномочий в случаях, определенных законом. Кроме того, статьей 4 этого же закона предусмотрено, что в части отношений, не регулируемых данным законом, на государственных служащих

⁵ Основні засади розвитку інформаційного суспільства в Україні на 2007 – 2015 роки: Закон України. В: Ведомости Верховной Рады Украины. 2007, № 12, с. 102.

распространяется также действие норм законодательства о труде.⁶ Следует обратить особое внимание, что именно в новом Законе Украины «О государственной службе» в ст. 1 впервые в истории украинского законодательства даны определения терминов государственной службы и государственного служащего с учетом деятельности по предоставлению административных услуг. Этим же законом определено (ст. 7), что «государственное регулирование и проведение государственной политики в сфере государственной службы осуществляется специально уполномоченным центральным органом исполнительной власти по вопросам государственной службы». Этот же орган власти осуществляет контроль по исполнению другими органами власти в Украине, в том числе Автономной Республике Крым, Закона Украины «О государственной службе» и других актов законодательства о государственной службе. В соответствии с Указом Президента Украины от 18 июля 2011 года № 769 «Вопросы управления государственной службой Украины» функции и полномочия Главного управления государственной службы Украины были прекращены и возложены на новый специально уполномоченный центральный орган исполнительной власти по вопросам государственной службы - Национальное агентство Украины по вопросам государственной службы (далее – Нацагентгосслужба).⁷ Со своей стороны Кабинет Министров Украины поддержал предложение Президента Украины о создании нового центрального органа исполнительной власти и утверждении Положения о вышеупомянутом агентстве.⁸ К основным заданиям Нацагентгосслужбы принадлежат, среди прочего: разработка

мероприятий по повышению эффективности государственной службы, координация и осуществление контроля за их выполнением; организация функционального обследования органов исполнительной власти и подготовка предложений по повышению эффективности государственного управления; осуществление контроля за соблюдением условий реализации граждан права на государственную службу. В Методических рекомендациях по проведению функционального обследования органов власти термин «функциональное обследование» определен как механизм сбора, анализа и обобщения информации относительно реализации задач и функций органов государственной власти. Эта трактовка значительно отличается от определения, данного в Порядке проведения горизонтального функционального обследования, где это обследование подразумевалось как инструмент постоянного анализа соответствия заданий и функций органов исполнительной власти действующему законодательству, а также соответствия внутренней структуры органов исполнительной власти возложенным на них заданиям и функциям с целью устранения из практики их деятельности внутренних несоответствий.⁹ А в переводе с английского слово «мониторинг» означает не что иное как проведение ряда однотипных замеров обследуемого объекта и дальнейший анализ, оценка, сравнение полученных результатов для выявления определенных тенденций, изменений и их динамики.¹⁰ Также, в соответствии с Законом Украины «Об административных услугах» (ст. 1), административная услуга – это результат осуществления властных полномочий органов исполнительной власти, других государственных органов, органов власти Автономной Республики Крым, органов

⁶ Про державну службу: Закон України. 2012, № 26, с. 1072.

⁷ Питання управління державною службою в Україні: Указ Президента України. Офіц. вестник Президента України. 2011, № 22, с. 8.

⁸ Питання Національного агентства з питань державної служби: распоряжение Кабинета Министров Украины. [On-line]: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/230-2012-%D1%80/print1375102512574131>. (Дата посещения: 09.11.2013).

⁹ Про організацію проведення функціонального обстеження органів державної влади у 2013 році: Приказ Національного агентства України по вопросам государственной службы Украины от 27 июля 2012 года № 155. [On-line]: http://nads.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=599070&cat_id=581194. (Дата посещения: 09.11.2013).

¹⁰ Щербак В. Г. Управління персоналом підприємства: Наукове видання. Харків: ХНЕУ, 2005. 220 с.

местного самоуправления, их должностных лиц, уполномоченных в соответствии с законом предоставлять административные услуги. Следовательно, функциональное обследование – тот же мониторинг, который может проводиться в порядке, установленном законодательством. Также в вышеупомянутых методических рекомендациях предусмотрено, что для организации работы, связанной с проведением функционального обследования и в соответствии с его целью, предложено создать рабочие группы. В Нацагентгосслужбе Украины – с целью предоставления консультативно-методической помощи, общей координации и оперативного решения вопросов, возникающих во время функционального обследования, в каждой областной администрации – с целью обследования деятельности этой администрации, методологического сопровождения процесса обследования, обобщения его результатов. А для непосредственного проведения обследования, которое включает сбор, анализ и обобщение информации относительно функциональной деятельности структурных подразделений в каждой районной администрации создаются комиссии. Кроме того, последней новинкой в сфере административных услуг явилось расширение круга участников мониторинга (функционального обследования), а именно введение института аутсорсеров – любой организации (государственной или негосударственной), на которую возлагается выполнение функции органа государственной власти.

Источниками информации, необходимой для проведения мониторинга (функционального обследования) служат законы и подзаконные нормативно-правовые акты, в том числе акты внутреннего действия – должностные инструкции, планы и отчеты, регламенты, стандарты, информационные и технологические карточки административных услуг. Такие документы разрабатываются во исполнение Закона Украины «Об административных услугах» и на основании Требований к подготовке технологической

карточки административной услуги¹¹, Положения о центре предоставления административных услуг¹², Порядка ведения Реестра административных услуг¹³, Порядка ведения Единого государственного портала административных услуг.¹⁴

Вместе с тем, проведение мониторинга исключительно силами производителей административных услуг не будет полным и, по всей вероятности, достоверным. Очевидно, что в предоставлении качественных административных услуг должны быть заинтересованы сами потребители. На нынешний день нормы украинского законодательства весьма лояльны к получению общественностью такого рода информации от органов государственной власти, центров предоставления административных услуг или аутсорсеров как производителей административных услуг. Так, ст. 34 Конституции Украины¹⁵ гарантирует право каждого на свободу мысли и слова, на свободное выражение своих взглядов и убеждений, а также право свободно собирать, использовать и распространять информацию устно, письменно или другим способом по собственному усмотрению. Реализация этих прав может быть ограничена законом в интересах национальной безопасности, территориальной целостности,

¹¹ Про затвердження вимог до підготовки технологічної картки адміністративної послуги: постановлення Кабінету Міністрів України от 30 января 2013 года № 44. [On-line]: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/44-2013-%D0%BF/paran7#n7>. (Дата посещения: 09.11.2013).

¹² Про затвердження Примірнього положення про центр надання адміністративних послуг: постановлення Кабінету Міністрів України от 20 февраля 2013 года № 118. [On-line]: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/118-2013-%D0%BF/paran8#n8>. (Дата посещения: 09.11.2013).

¹³ Про затвердження Порядку ведення Реєстра адміністративних послуг: постановлення Кабінету Міністрів України от 30 января 2013 года № 57. [On-line]: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/57-2013-%D0%BF/paran11#n11>. (Дата посещения: 09.11.2013).

¹⁴ Про затвердження Порядку ведення Єдиного державного порталу адміністративних послуг: в редакції постановлення Кабінету Міністрів України от 11 июля 2013 года № 556. [On-line]: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/13-2013-%D0%BF/paran9#n9>. (Дата посещения: 09.11.2013).

¹⁵ Конституция Украины. В: Ведомости Верховной Рады Украины. 1996, № 30.

общественного порядка, с целью предупреждения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья населения, для защиты репутации или прав других людей, для предупреждения разглашения информации, полученной конфиденциальным путем и для поддержания авторитета и непредвзятости правосудия.

Таким образом, реализация прав потребителей на информацию регулируется Законами Украины «Об обращениях граждан»¹⁶, «Об информации»¹⁷, «О доступе к публичной информации»¹⁸, «О защите персональных данных»¹⁹, «О порядке освещения деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления»²⁰ и другими нормативно-правовыми актами. Действуя в рамках вышеперечисленных законов и подзаконных нормативно-правовых актов, производитель и / или потребитель административной услуги может получить большую часть необходимой для проведения мониторинга информации. Кроме того, потребитель имеет полное право вносить предложения по улучшению деятельности производителя административной услуги, указывать на недостатки в работе, участвовать в управлении государственными делами для совершенствования работы органов власти и местного самоуправления в сфере предоставления административных услуг, отстаивания своих прав и законных интересов.

Выводы. Украина имеет собственную историю развития организационно-правовых

основ деятельности по предоставлению административных услуг: принят ряд нормативно-правовых актов, которые регулируют общественные отношения в сфере публичных услуг, частью которых являются административные услуги, а предоставление административных услуг закреплено в новом Законе Украины «О государственной службе» как форма государственной службы и вид профессиональной деятельности государственных служащих. На нынешнем этапе государствообразование в Украине выпускается соответствующими ВУЗами значительное количество высококвалифицированных специалистов в области управления человеческими ресурсами в сфере государственной власти и местного самоуправления; в стране постоянно расширяется спектр современных систем и средств коммуникации; достаточно высока степень технической информатизации органов власти, предоставляющих административные услуги.

Эти и другие предпосылки дают основания полагать, что отечественный рынок административных услуг находится в состоянии активного становления и при определенных условиях может стать залогом развития перспективных отношений между государственной властью и обществом. Вместе с тем, по сравнению с мировыми тенденциями в данной сфере динамика реализации сервисной функции государства слаба и не отвечает потенциалу и потребностям страны. К причинам, которые тормозят эффективность использования финансовых, материальных, кадровых ресурсов, направленных на удовлетворение потребностей потребителей административных услуг, относится практически полное отсутствие нормативно-правовой базы, обеспечивающей внедрение мониторинга деятельности государственных служащих по предоставлению административных услуг в общую систему контроля работы должностных лиц, обеспечивающих предоставление административных услуг. Существующие нормативно-правовые акты лишь позволяют осуществлять или функциональное обследование органов государственной

¹⁶ Про звернення громадян: Закон України. [On-line]: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/393/96-%D0%B2%D1%80>. (Дата посещения: 09.10.2013).

¹⁷ Про інформацію: Закон України. [On-line]: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2657-12>. (Дата посещения: 09.10.2013).

¹⁸ Про доступ до публічної інформації: Закон України. [On-line]: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2939-17>. (Дата посещения: 09.10.2013).

¹⁹ Про захист персональних даних: Закон України. [On-line]: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2297-17>. (Дата посещения: 09.10.2013).

²⁰ Про порядок висвітлення діяльності органів державної влади та органів місцевого самоврядування в Україні засобами масової інформації: Закон України. [On-line]: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2297-17>. (Дата посещения: 09.10.2013).

власти без учета мнения потребителя административных услуг и привязки в целом к изучению процесса производства административных услуг, или осуществлять общественный мониторинг, который будет необъективным и неполным из-за отсутствия единой технологии проведения подобных мониторингов и ограниченной возможности получения определенной информации от производителей административных услуг.

Восполнить пробел украинского законодательства в отношении контроля предоставления административных услуг мог бы нормативно-правовой акт, позволяющий внедрить мониторинг деятельности по предоставлению административных услуг. Наличие соответствующего организационного обеспечения и правового регулирования отношений при проведении мониторинга деятельности государственных служащих по предоставлению административных услуг, особенно в части его информационной составляющей, в значительной степени позволит не только эффективно использовать ресурсы, которые расходуются на предоставление административных услуг, но и значительно повысит уровень доверия потребителей услуг к их производителю, обеспечит позитивный имидж государственной службы Украины на международной арене.

Перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

Выполнение такой масштабной, многогранной задачи как повышение эффективности деятельности государственной власти в сфере предоставления публичных услуг требует гармоничного объединения усилий государства (производителя административных услуг) и общества, бизнеса и граждан (потребителей этих услуг) по внедрению и использованию соответствующего инструмента контроля качества реализации сервисных функций государства. В связи с этим, дальнейшие исследования должны осуществляться с целью научного обоснования в первую очередь актуального организационно-правового обеспечения как отдельных составляющих, так и в целом всех процессов мониторинга деятельности государственных

служащих по предоставлению административных услуг.

Библиография:

1. Про схвалення Концепції Державної цільової програми створення та функціонування інформаційної системи надання адміністративних послуг на період до 2017 року: розпорядження Кабінету Міністрів України від 24 липня 2013 р. № 614-р [On-line]: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/614-2013-%D1%80>. (Дата посещения: 09.10.2013).
2. Тимошук В. П. Адміністративні акти, процедура прийняття та припинення дії. К.: Конус-Ю, 2010, с. 29–35
3. Сороко В. М. Впровадження системи управління якістю в органах державної влади: пріоритет у сфері організації надання державних послуг. В: Стратегічні пріоритети: наук. - аналіт. щокварт. зб. К.: Нац. Ін - т стратег. дослідж., 2007. – № 3. [On-line]: <http://www.niss.gov.ua/book/StrPryor/4/01-Soroko.pdf>. (Дата посещения: 09.10.2013).
4. Єдгарова І. В. Моніторинг діяльності державних службовців з надання публічних послуг: підходи до визначення сутності / І.В. Єдгарова. В: Державне управління: теорія та практика: електронне наукове фахове видання. – К.: Нац. акад. держ. управ. при Президентові України, 2011. – № 2011/2. [On-line]: <http://www.academy.gov.ua/ej/ej14/index.htm>. (Дата посещения: 09.10.2013).
5. Основні засади розвитку інформаційного суспільства в Україні на 2007 – 2015 роки: Закон України. В: Ведомости Верховной Рады Украины. 2007, № 12.
6. Про державну службу: Закон Украины. 2012, № 26, с. 1072.
7. Питання управління державною службою в Україні: Указ Президента України. Офіц. вестник Президента України. 2011, № 22, с. 8.
8. Питання Національного агентства з питань державної служби: распоряжение Кабинета Министров Украины. [On-line]: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/230-2012-%D1%80/print1375102512574131>. (Дата посещения: 09.10.2013).
9. Про організацію проведення функціонального обстеження органів державної влади у 2013 році: Приказ Национального агентства Украины по вопросам государственной службы Украины от 27 июля 2012 года № 155: [On-line]: http://nads.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=599070&cat_id=581194. (Дата посещения: 09.10.2013).

10. Щербак В. Г. Управління персоналом підприємства: Наукове видання. Харків: ХНЕУ, 2005. 220 с.

11. Про затвердження вимог до підготовки технологічної картки адміністративної послуги: постановление Кабинета Министров Украины от 30 января 2013 года № 44. [On-line]: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/44-2013-%D0%BF/paran7#n7>. (Дата посещения: 09.10.2013).

12. Про затвердження Примірного положення про центр надання адміністративних послуг: постановление Кабинета Министров Украины от 20 февраля 2013 года № 118. [On-line]: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/118-2013-%D0%BF/paran8#n8>. (Дата посещения: 09.10.2013).

13. Про затвердження Порядку ведення Реєстра адміністративних послуг: постановление Кабинета Министров Украины от 30 января 2013 года № 57. [On-line]: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/57-2013-%D0%BF/paran11#n11>. (Дата посещения: 09.10.2013).

14. Про затвердження Порядку ведення Єдиного державного порталу адміністративних послуг: в редакції постановлення Кабинета Министров Украины от 11 июля 2013 года № 556. [On-line]: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/13-2013-%D0%BF/paran9#n9>. (Дата посещения: 09.10.2013).

15. Конституция Украины. В: Ведомости Верховной Рады Украины. 1996, № 30

16. Про звернення громадян: Закон Украины. [On-line]: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/393/96-%D0%B2%D1%80>. (Дата посещения: 09.10.2013).

17. Про інформацію: Закон Украины. [On-line]: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2657-12>. (Дата посещения: 09.10.2013).

18. Про доступ до публічної інформації: Закон Украины. [On-line]: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2939-17>. (Дата посещения: 09.10.2013).

19. Про захист персональних даних: Закон Украины. [On-line]: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2297-17>. (Дата посещения: 09.10.2013).

20. Про порядок висвітлення діяльності органів державної влади та органів місцевого самоврядування в Україні засобами масової інформації: Закон Украины. [On-line]: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2297-17>. (Дата посещения: 09.10.2013).

Bibliography:

1. Pro shvalennja Koncepicii Derzhavnoi cil'ovoi programi stvorenja ta funkcionuvannja informacijnoi sistemi nadannja administrativnih poslug na period do 2017 roku: rozporjadzhennja Kabinetu Ministriv Ukraini vid 24 lipnja 2013 r. # 614-r [On-line]: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/614-2013-%D1%80>. (Data poseshhenija: 09.10.2013).

2. Timoshhuk V. P. Administrativni akti, procedura prijnjattja ta pripinennja dii. K.: Konus-Ju, 2010, s. 29–35

3. Soroko V. M. Vprovadzhennja sistemi upravlinnja jakistju v organah derzhavnoi vladi: prioritet u sferi organizacii nadannja derzhavnih poslug. V: Strategichni prioriteti: nauk. - analit. shhokvart. zb. K.: Nac. In - t strateg. doslidzh., 2007. – # 3. [On-line]: <http://www.niss.gov.ua/book/StrPryor/4/01-Soroko.pdf>. (Data poseshhenija: 09.10.2013).

4. Edgarova I. V. Monitoring dijal'nosti derzhavnih sluzhbovciv z nadannja publichnih poslug: pidhodi do viznachennja sutnosti / I.V. Edgarova. B: Derzhavne upravlinnja: teorija ta praktika: elektronne naukovе fahove vidannja. – K. : Nac. akad. derzh. uprav. pri Prezidentovi Ukraini, 2011. - # 2011/2. [On-line]: <http://www.academy.gov.ua/ej/ej14/index.htm>. (Data poseshhenija: 09.10.2013).

5. Osnovni zasadi rozvitku informacijnogo suspil'stva v Ukraini na 2007 – 2015 roki: Zakon Ukrainy. B: Vedomosti Verhovnoj Rady Ukrainy. 2007, # 12.

6. Pro derzhavnu sluzhbu: Zakon Ukrainy. 2012, # 26, c. 1072.

7. Pitannja upravlinnja derzhavnoju sluzhboju v Ukraini: Ukaz Prezidenta Ukrainy. Ofic. vestnik Prezidenta Ukrainy. 2011, # 22, c. 8.

8. Pitannja Nacional'nogo agentstva z pitan' derzhavnoi sluzhbi: rasporyadzenie Kabinetu Ministriv Ukrainy. [On-line]: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/230-2012-%D1%80/print1375102512574131>. (Data poseshhenija: 09.10.2013).

9. Pro organizaciju provedennja funkcional'nogo obstezhennja organiv derzhavnoi vladi u 2013 roci: Prikaz Nacional'nogo agentstva Ukrainy po voprosam gosudarstvennoj sluzhby Ukrainy ot 27 ijulja 2012 goda # 155: [On-line]: http://nads.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=599070&cat_id=581194. (Data poseshhenija: 09.10.2013).

10. Shherbak V. G. Upravlinnja personalom pidpriemstva: Naukove vidannja. Harkiv: HNEU, 2005. 220 s.

11. Pro zatverdzhennja vimoг do pidgotovki tehnologichnoi kartki administrativnoi poslugi:

postanovlenie Kabineta Ministrov Ukrainy ot 30 janvarja 2013 goda # 44. [On-line]: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/44-2013-%D0%BF/paran7#n7>. (Data poseshhenija: 09.10.2013).

12. Pro zatverdzhennja Primirnogo polozhennja pro centr nadannja administrativnih poslug: postanovlenie Kabineta Ministrov Ukrainy ot 20 fevralja 2013 goda # 118. [On-line]: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/118-2013-%D0%BF/paran8#n8>. (Data poseshhenija: 09.10.2013).

13. Pro zatverdzhennja Porjadku vedennja Reestra administrativnih poslug: postanovlenie Kabineta Ministrov Ukrainy ot 30 janvarja 2013 goda # 57. [On-line]: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/57-2013-%D0%BF/paran11#n11>. (Data poseshhenija: 09.10.2013).

14. Pro zatverdzhennja Porjadku vedennja Ėdinogo derzhavnogo portalu administrativnih poslug: v redakcii postanovlenija Kabineta Ministrov Ukrainy ot 11 ijulja 2013 goda # 556. [On-line]: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/13-2013-%D0%BF/paran9#n9>. (Data poseshhenija: 09.10.2013).

15. Konstitucija Ukrainy. B: Vedomosti Verhovnoj Rady Ukrainy. 1996, # 30

16. Pro zvernennja gromadjan: Zakon Ukrainy. [On-line]: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/393/96-%D0%B2%D1%80>. (Data poseshhenija: 09.10.2013).

17. Pro informaciju: Zakon Ukrainy. [On-line]: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2657-12>. (Data poseshhenija: 09.10.2013).

18. Pro dostup do publichnoĭ informacii: Zakon Ukrainy. [On-line]: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2939-17>. (Data poseshhenija: 09.10.2013).

19. Pro zahist personal'nih danih: Zakon Ukrainy. [On-line]: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2297-17>. (Data poseshhenija: 09.10.2013).

20. Pro porjadok visvitlenija dijaj'nosti organiv derzhavnoĭ vladi ta organiv miscevego samovrjaduvannja v Ukraĭni zasobami masovoi informacii: Zakon Ukrainy. [On-line]: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2297-17>. (Data poseshhenija: 09.10.2013).

Copyright©Valery EVDOKIMOV,
Ivanna EDGAROVA, 2013.

Contacte / Contacts / Контакты:

Киевский университет права НАН Украины

03142, Украина, Киев, ул. Академика
Доброхотова, 7 а.

Tel: (+380) (44) 424 91 48; (+380) (44) 452-28-64

E-mail: inter-dep@kul.kiev.ua

Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2013, Issue 3, Volume 29, Pages 143-149.

ISSN 1857-1999

Submitted: 12. 6. 2013 | Accepted: 30.11. 2013 | Published: 15.12. 2013

**COMUNICĂRI ȘTIINȚIFICE
THE SCIENTIFIC COMMUNICATIONS
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ**

**НЕКОТОРЫЕ ВНЕШНИЕ АСПЕКТЫ
ЭКОНОМИКИ ГРУЗИИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД**

**SOME OF THE EXTERNAL ASPECTS
OF THE GEORGIAN ECONOMY IN MODERN TIMES**

**UNELE ASPECTELE EXTERNE
PRIVIND ECONOMIA GEORGIEI DIN PERIOADA MODERNĂ**

СИЛАГАДЗЕ Автандил* / SILAGADZE Avtandil / SILAGADZE Avtandil

ABSTRACT:

**SOME OF THE EXTERNAL ASPECTS
OF THE GEORGIAN ECONOMY IN MODERN TIMES**

Among the CIS countries, Georgia, according to the scale of economic development takes, unfortunately, one of the last places (compared to 1990). After the „Rose Revolution”, the development of production, based on national resources was not adequately stimulated by the government and, accordingly, it was reflected at the external factors of the economy: the extent of dependence on foreign exchange, foreign investment and imports increased to a critical level.

Key words: *Post-soviet economy, economy of Georgia, national resources, investment, exports, imports, external debt.*

JEL Classification: E10, F12, O11

REZUMAT:

**UNELE ASPECTELE EXTERNE
PRIVIND ECONOMIA GEORGIEI DIN PERIOADA MODERNĂ**

În dezvoltarea sa, Georgia, printre statele post-sovietice, este plasată, din păcate, pe unul din ultimele locuri (comparativ cu 1990). După „Revoluția Trandafirilor” dezvoltarea economică bazată pe resurse naționale nu a fost stimulată în limitele necesare de către guvern, și aceasta a afectat factorii economici externi: gradul de dependență de monedele străine, investițiile străine și importuri a crescut la un nivel critic.

Cuvinte cheie: *economia post-sovietică, economia Georgiei, resursele naționale, investiții, export, import, datoria externă.*

JEL Classification: E10, F12, O11

CZU: 338.001.36, 338.054.23, 338.22, 339.1

* **SILAGADZE Avtandil** - Doctor habilitat în economie, profesor universitar, academician al Academiei Naționale de Științe a Georgiei (Tbilisi, Georgia). / **SILAGADZE Avtandil** - Doctor of Economical Sciences, Full Professor, academician of the Georgian National Academy of Science (Tbilisi, Georgia). / **СИЛАГАДЗЕ Автандил** - Доктор экономических наук, профессор, действительный член НАН Грузии (Тбилиси, Грузия).

РЕЗЮМЕ:

**НЕКОТОРЫЕ ВНЕШНИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИКИ ГРУЗИИ
В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД**

Среди постсоветских стран, Грузия по масштабам развития экономики, занимает, к сожалению, одно из последних мест (по сравнению с 1990 г.). После «революции роз» развитие основанного на национальных ресурсах производства не стимулировалось в должной мере со стороны правительства и, соответственно, это отразилось на внешних факторах экономики: масштабы зависимости от внешней валюты, иностранных инвестиций и импорта выросли до критического уровня.

Ключевые слова: *Постсоветская экономика, экономика Грузии, национальные ресурсы, инвестиции, экспорт, импорт, внешний долг.*

JEL Classification: E10, F12, O11

УДК: 338.001.36, 338.054.23, 338.22, 339.1

1. Введение (Introduction)

В постсоветский период проведенные в Грузии экономические реформы имели огромное значение для формирования независимого государства. Территория Грузии составляет всего 69.700 кв км, население – 4 483.8 тысяч человек (по положению на 1 января 2013 г.) (12), валовый внутренний продукт (ВВП) на душу населения – 3519.6 долларов США (2012 г.).¹ Однако страна занимает территорию, расположенную в важнейшем геополитическом и геоэкономическом пространстве между Европой и Азией, и обладает значительными национальными ресурсами. Очевидно, что в обеспечении экономической и политической стабильности Грузии заинтересованы и соседние страны.

В постсоветской Грузии на начальном этапе строительства рыночной экономики главным был вопрос - как сможет страна сформироваться в государство с демократической рыночной экономикой.²

Проводимые в Грузии экономические реформы часто характеризовались теми же ошибками, которые были присущи в целом реформам в других постсоветских странах на начальном этапе.³ Ситуация осложнялась также тяжелыми внутривнутриполитическими конфликтами. Несмотря на трудности, в середине 90-х годов страна смогла ввести твердую национальную валюту и добиться двузначного роста темпа двузначной экономики. К сожалению, по сравнению с экономиками других постсоветских стран, экономика Грузии (как и Молдавии) достигла уровня 1990 г. позже всех – в 2006 г.⁴ Вместе

<http://georgiamonitor.org/upload/medialibrary/dbd/dbd913e338d8e77bc832bebe67ae8e18.pdf>. (Дата посещения: 12.11.2013); Tvalchrelidze A., Silagadze A., Keshelashvili G., Gegia D. Georgia's Social Economic Development Program. „Nekeri”, Tbilisi. 2011. 312 p. = То же на англ. языке: [On-line]: <http://www.ifsdeurope.com/prezation.html>. [242 p.]; Папава В. Политическая экономия посткоммунистического капитализма и экономика Грузии. Тбилиси: «ПДП», 2002.

³ Tvalchrelidze A., Silagadze A., Keshelashvili G., Gegia D. Georgia's Social Economic Development Program. „Nekeri”, Tbilisi. 2011. 312 p. = То же на англ. языке: [On-line]: <http://www.ifsdeurope.com/prezation.html>. [242 p.]; Силагадзе А. Постсоветская Экономика: аспекты экономики Грузии. 2013. [On-line]: <http://georgiamonitor.org/upload/medialibrary/dbd/dbd913e338d8e77bc832bebe67ae8e18.pdf>. (Дата посещения: 12.11.2013); Tokmazishvili M., Silagadze A. Challenges of the Post-Communist Financial-Currency Policy. Nova publisher. USA: New-York, 2009. 78 p.

⁴ Basilia T., Silagadze A., Chikvaidze T. *Op. cit.*; Silagadze A. *Op. cit.*, p. 66-69; Силагадзе А. Постсоветская Экономика: аспекты экономики Грузии.

¹ Silagadze A. Some aspects of development of Post-soviet economy – „Actual problems of economies of Post-communist countries at current stage”. TSU: Paata Gugushvili Institute of economics. Tbilisi, 2013, p. 66-69; Силагадзе А. Постсоветская Экономика: аспекты экономики Грузии. 2013. [On-line]: <http://georgiamonitor.org/upload/medialibrary/dbd/dbd913e338d8e77bc832bebe67ae8e18.pdf>. (Дата посещения: 12.11.2013).

² Basilia T., Silagadze A., Chikvaidze T. Post-socialist Transformation: The Economy of the XXI-st century. Tbilisi: Aradani, 2001. 544 p.; Силагадзе А. Постсоветская Экономика: аспекты экономики Грузии. 2013. [On-line]:

с тем самый высокий уровень показателя ВВП на душу населения среди постсоветских стран отмечался в странах Прибалтики (Эстонии, Латвии, Литве) и в России. Грузия по данному показателю занимала в 1990 г. шестое место, но в 2011 г. оказалась уже на одиннадцатом месте.⁵ Такие результаты были обусловлены следующими факторами: непоследовательными реформами и внутренними конфликтами в Грузии; высоким уровнем экономики в странах Прибалтики до распада Советского Союза, разумными реформами и евроинтеграцией; эксплуатацией природных ресурсов, имеющих мировое значение в России и некоторых других странах.

В последние годы деятельности правительства Эдуарда Шеварднадзе (1998 – 2003 гг.), проведение экономических реформ застопорилось. В 2003 г., несмотря на высокий темп роста экономики (11,3%), острые проблемы бедности не были решены. В результате власть путем «революции роз» (ноябрь 2003 г.) перешла в руки правительства Саакашвили, которое поставило целью обеспечение устойчивого развития экономики и преодоление бедности в Грузии. Были ли выполнены обещания? С целью ответа на этот вопрос проанализируем текущие явления в нескольких секторах экономики.

2. Экономический рост: инвестиции, внешняя торговля, внешние долги

Экономический рост и реальный сектор. В 2004 – 2012 гг. темп роста экономики Грузии достиг максимального уровня в 2007 г. (12,3%), хотя, как и в других странах, он снизился в 2009 г. (-3,8%) (13,14%) после финансового кризиса и военного конфликта с Россией (2008 г.). Масштабы падения были бы значительно глубже, если бы не финансовая помощь международных финансовых организаций, США и Евросоюза (4,5 млрд долл. США).

После «революции роз» рост экономики и доходов в государственный бюджет страны был в основном вызван следующими обстоятельствами:

- ужесточением административных методов (изъятием задолженностей, накопившихся в период правления прежней власти, реализацией конфискованного имущества, приватизацией);
- беспрецедентной международной помощью;
- ростом внешних долгов и прямых иностранных инвестиций.

Используемые в этот период правительством Грузии экономические методы (изменение налоговой политики, упрощение регистрации бизнеса, финансовая и имущественная амнистия), не сыграли решающей роли в процессе экономического роста страны.

Несмотря на проведенные реформы, в стране не удалось ощутимо снизить уровень бедности, обеспечить стабильный рост прямых иностранных инвестиций. Вырос объем внешних долгов, уровень безработицы, ухудшились показатели реального сектора и внешней торговли.⁶ Правительство, с одной стороны, не смогло выработать

⁶ Atanelishvili T., Silagadze A. Modern state finances of Georgia. International Academy of Sciences, Education, Industry and Arts. San Francisco (USA), 2010. 36 p.; Basilia T., Silagadze A., Chikvaidze T. Post-socialist Transformation: The Economy of the XXI-st century. Tbilisi: Aradani, 2001. 544 p.; Папава В. Политическая экономия посткоммунистического капитализма и экономика Грузии. Тбилиси: «ПДП», 2002.; Silagadze A. Current financial and monetary trends in Georgia. In: The Caucasus & Globalization. 2010, V.2, I. 4, p. 51-64.; Silagadze A. Economic Priorities in PostSoviet Georgia in the light of World Financial. In: Social Economics. 2012, №4/07-08, p. 60-68.; Silagadze A. Some aspects of development of Post-soviet economy – „Actual problems of economies of Post-communist countries at current stage”. TSU: Paata Gugushvili Institute of economics. Tbilisi, 2013, p. 66-69; Силагадзе А. Постсоветская Экономика: аспекты экономики Грузии. 2013. [On-line]: <http://georgiamonitor.org/upload/medialibrary/dbd/dbd913e338d8e77bc832bebe67ae8e18.pdf>. (Дата посещения: 12.11.2013); Tvalchrelidze A., Silagadze A., Keshelashvili G., Gegia D. Georgia's Social Economic Development Program. „Nekeri”, Tbilisi. 2011. 312 p. = То же на англ. языке: [On-line]: <http://www.ifsdeurope.com/prezation.html>. [242 p.]; Месхиа И. Глобальный экономический кризис и проблемы макроэкономической стабильности Грузии. В: «Экономисты». 2009, № 2, с. 8-19, Тбилиси.

2013. [On-line]: <http://georgiamonitor.org/upload/medialibrary/dbd/dbd913e338d8e77bc832bebe67ae8e18.pdf>. (Дата посещения: 12.11.2013).

⁵ Silagadze A. Some aspects of development of Post-soviet economy – „Actual problems of economies of Post-communist countries at current stage”. TSU: Paata Gugushvili Institute of economics. Tbilisi, 2013, p. 66-69.

стратегическую программу долгосрочного экономического развития, с другой стороны, не использовало программы, созданные на неправительственном уровне, в которых упор делается на использовании национальных ресурсов. В частности, согласно предложенной в «Программе социально-экономического развития Грузии», 2011 – 2030 гг. модели,⁷ Грузия в случае эффективного использования национальных ресурсов в ближайшие 20 лет сможет достичь среднеевропейских экономических показателей без значительного роста внешних долгов.

Производимая в реальном секторе экономики продукция не удовлетворяет даже существующего внутри страны спроса. Низкая эффективность экономики особенно ярко проявляется в основной отрасли грузинской экономики – в сельском хозяйстве. К ожидаемому росту мировых цен на продукты питания в начале нашего столетия Грузия оказалась неподготовленной и не смогла использовать благоприятные условия роста производства национальной сельскохозяйственной (в том числе экологически чистой) продукции.⁸ До критического уровня снизилось производство основной сельскохозяйственной продукции на душу населения, только половина посевных площадей была обработана минеральными удобрениями.⁹ В 2011 г. по сравнению с 2003 г. сократились поголовья свиней (на 77,8%), крупного рогатого скота (на 12,5%), овец и коз (на 12,7%). Национальное производство уже не удовлетворяет большую часть спроса на сельскохозяйственную продукцию, пищевая же промышленность не обеспечивает даже 20% спроса населения.¹⁰ Правительство не

стимулирует привлечение инвестиций в отрасль, в результате выросли масштабы импорта продуктов сельского хозяйства: мяса (в 2,2 раза), картофеля (в 2,1 раз) и овощей (на 46,2 %) и т.д.¹¹

После «революции роз» пришедшее к власти правительство оставило без внимания возможности приоритетного развития национального аграрного хозяйства.¹² Результаты не заставили себя ждать. Если до «революции роз» в 2003 г. в сельском хозяйстве был зафиксирован 10,3% рост, в последующие годы он перманентно снижался: в 2004 г. - -7,9 %, в 2006 г. - -11,7%, в 2008 г. - -4,4%, в 2009 г. - -6,8%, в 2010 г. - -4,8% и в 2012 г. - -3,3%. В конечном итоге доля сельского хозяйства в ВВП в 2007 – 2012 гг. упала с 10,7% до 8,4%.¹³

После отставки правительства Саакашвили экономическая политика претерпела изменения. Программа победившей на выборах 2012 г. коалиции «Грузинская мечта» предусматривает выделение на развитие сельского хозяйства в первый год после победы на парламентских выборах 1 млрд долларов США и экспорт грузинской продукции как на западный, так и на российский рынок. Уже сделаны положительные шаги в этом направлении.

В последние годы в неблагоприятном положении оказался и промышленный сектор Грузии, особенно горнодобывающая промышленность, здесь в 2004, 2005 и 2011 гг. зафиксировано снижение на - 19,9, - 7,8 и 6,5% соответственно. В 2006 - 2012 гг. в промышленности вырос объем (в текущих

_(Дата посещения: 12.11.2013); Silagadze A. Economic Priorities in PostSoviet Georgia in the light of World Financial. In: Social Economics. 2012, №4/07-08, p. 60-68. (Russian Language).

¹¹ Национальная служба статистики Грузии. [On-line]: http://www.geostat.ge/?action=page&p_id=1144&lang=geo (Дата посещения: 12.11.2013).

¹² Silagadze A. Economic Priorities in PostSoviet Georgia in the light of World Financial. In: Social Economics. 2012, №4/07-08, p. 60-68; Tvalchrelidze A., Silagadze A., Keshelashvili G., Gegia D. Georgia's Social Economic Development Program. „Nekeri”, Tbilisi. 2011. 312 p. = То же на англ. языке: [On-line]: <http://www.ifsdeurope.com/prezation.html>. [242 p.]

¹³ Национальная служба статистики Грузии. [On-line]: http://www.geostat.ge/?action=page&p_id=1144&lang=geo (Дата посещения: 12.11.2013).

⁷ Tvalchrelidze A., Silagadze A., Keshelashvili G., Gegia D. Georgia's Social Economic Development Program. „Nekeri”, Tbilisi. 2011. 312 p. = То же на англ. языке: [On-line]: <http://www.ifsdeurope.com/prezation.html>. [242 p.]

⁸ Tvalchrelidze A., Silagadze A., Keshelashvili G., Gegia D. Georgia's Social Economic Development Program. „Nekeri”, Tbilisi. 2011. 312 p. = То же на англ. языке: [On-line]: <http://www.ifsdeurope.com/prezation.html>. [242 p.]

⁹ Ibidem.

¹⁰ Национальная служба статистики Грузии. [On-line]: http://www.geostat.ge/?action=page&p_id=1144&lang=geo

ценах) выпускаемой продукции, инвестиции в фиксированных активах (на 9,5%), однако предложение продукции национальной промышленности сильно отстает от внутреннего спроса на промышленную продукцию, удовлетворение которого происходит за счет импорта.

Внешняя торговля. В эпоху «революции роз» экономическими колебаниями характеризовалась также сфера внешней торговли, перманентно выросла доля импорта во внешнем торговом обороте: до «революции роз» (2002 г.) она составляла 69,9%, в последний год революции (2012 г.) она достигла своего пика – 76,7%. Вместе с тем в 2012 г. (по сравнению с 2002 г.) отрицательное торговое сальдо выросло в 12,2 раза и составило -5,5 млрд долларов США. В настоящее время лидирующее положение среди стран – импортеров в Грузию занимают Турция, Азербайджан, Китай и Украина.¹⁴

В целом в Грузии выявился ярко выраженный резкий рост масштабов основанного на импорте отрицательного торгового баланса, незаинтересованность в национальных ресурсах и возможностях создания новых рабочих мест, поощрение использования полученных посредством национальной экономики средств на импорт. В результате подобной экономической политики национальные возможности производства оказываются невостребованными и в дальнейшем не смогут служить на благо страны. Очевидно, что в импорте Грузии большое место занимают продукты, без которых страна не может обойтись, но совершенно неоправдан рост импорта таких продуктов, в производстве которых страна обладает относительным преимуществом.

¹⁴ Silagadze A. Economic Priorities in PostSoviet Georgia in the light of World Financial. In: Social Economics. 2012, №4/07-08, p. 60-68; Silagadze A. Some aspects of development of Post-soviet economy – „Actual problems of economies of Post-communist countries at current stage”. TSU: Paata Gugushvili Institute of economics. Tbilisi, 2013, p. 66-69; Силагадзе А. Постсоветская Экономика: аспекты экономики Грузии. 2013. [On-line]: <http://georgiamonitor.org/upload/medialibrary/dbd/dbd913e338d8e77bc832bebe67ae8e18.pdf>. (Дата посещения: 12.11.2013).

Прямые иностранные инвестиции. На экономические колебания оказывают воздействие инвестиции. Экономика Грузии испытывает дефицит инвестиций.¹⁵ Внутренние инвестиционные ресурсы страны являются недостаточными, поэтому их можно компенсировать путем привлечения иностранных инвестиций. До начала последнего мирового финансового кризиса был зафиксирован явный прогресс в этом направлении (2007 г. – более 2 млрд долларов США), в год отставки правительства Саакашвили (2012 г.) объем инвестиций резко сократился (865 млн долларов США) (13). Сокращение прямых инвестиций было вызвано несколькими причинами: нестабильным политическим положением внутри страны, незащищенностью собственности, мировым финансовым кризисом, августовскими событиями 2008 г., ростом недоверия к системе судопроизводства, низким уровнем капитализации национальной экономики, растущей инфляцией и др.

Самые крупные прямые иностранные инвестиции в 2003 г. поступили из США, России, Соединенного Королевства, Азербайджана и Австралии, в 2012 г. уже лидируют Германия, Турция, Нидерланды, Азербайджан и Соединенное Королевство. Самый большой приток иностранных инвестиций был осуществлен в транспортном секторе и секторе связи, в энергетическом секторе, в секторе обрабатывающей промышленности, в сфере гостиниц и ресторанов, в финансовом секторе. В секторы сельского хозяйства и горнодобывающей промышленности было вложено наименьшее

¹⁵ Silagadze A. Economic Priorities in PostSoviet Georgia in the light of World Financial. In: Social Economics. 2012, №4/07-08, p. 60-68; Silagadze A. Some aspects of development of Post-soviet economy – „Actual problems of economies of Post-communist countries at current stage”. TSU: Paata Gugushvili Institute of economics. Tbilisi, 2013, p. 66-69; Силагадзе А. Постсоветская Экономика: аспекты экономики Грузии. 2013. [On-line]: <http://georgiamonitor.org/upload/medialibrary/dbd/dbd913e338d8e77bc832bebe67ae8e18.pdf>. (Дата посещения: 12.11.2013); Tvalchrelidze A., Silagadze A., Keshelashvili G., Gegia D. Georgia's Social Economic Development Program. „Nekeri”, Tbilisi. 2011. 312 p. = То же на англ. языке: [On-line]: <http://www.ifsdeurope.com/prezation.html>. [242 p.]

количество инвестиций. В результате подобной политики эти последние оказались в критическом положении.

Внешние долги. Темпы роста внешних долгов намного превышают темпы роста экономики Грузии.¹⁶ В 2012 г. общий внешний долг страны вырос до 13,4 млрд долларов США (85% ВВП), в том числе долги правительства и Национального банка - до 4,9 млрд долларов США (31% ВВП). В 2006 г. аналогичный показатель составлял: 3,8 млрд долларов США (49% ВВП) и 1,8 млрд долларов США (23% ВВП) (12). Исходя из этого, в 2006 – 2012 гг. внешний общий долг страны вырос в 3,6 раза, в том числе долги правительства и Национального банка – в 2,8 раза. Очевидно, что суммы, полученные посредством внешних долгов, были важнейшим источником роста экономики Грузии и государственного бюджета. Однако настал трудный период возвращения долгов, процесс лег тяжелым бременем на экономику страны. Несмотря на это, новое правительство сократило масштабы получения внешних долгов и приступило к процессу своевременного возврата долгов, взятых при прежнем правительстве.

3. Заключение

В постсоветский период экономика Грузии развивалась медленными темпами: с точки зрения расширения масштабов экономики она оказалась на одном из последних мест (по сравнению с 1990 г.). Такие результаты были обусловлены непоследовательностью реформ в Грузии и внутренними конфликтами. В

последние годы деятельности правительства Эдуарда Шеварднадзе (1998 – 2003 гг.) процесс проведения экономических реформ был затруднен. В 2003 г, несмотря на высокий темп роста экономики (11,3%), острые проблемы бедности не были решены. В результате к власти путем «революции роз» пришло правительство Саакашвили, которое в 2004 – 2012 гг. увеличило масштабы экономики Грузии и уровень доходов в государственный бюджет в основном за счет ужесточения административных методов, беспрецедентной международной помощи, внешних долгов и привлечения иностранных инвестиций. Однако в условиях проведения непоследовательных реформ, незащищенности собственности, высокого уровня безработицы, ухудшения показателя зависимости реального сектора от импорта процесс достижения стабильного экономического роста и ощутимого снижения уровня бедности оказался трудноосуществимым.

Библиография:

1. Atanelishvili T., Silagadze A. Modern state finances of Georgia. International Academy of Sciences, Education, Industry and Arts. San Francisco (USA), 2010. 36 p.
2. Basilia T., Silagadze A., Chikvaidze T. Post-socialist Transformation: The Economy of the XXI-st century. Tbilisi: Aradani, 2001. 544 p. (Georgian Language).
3. Silagadze A. Current financial and monetary trends in Georgia. In: The Caucasus & Globalization. 2010, V.2, I. 4, p. 51-64.
4. Silagadze A. Economic Priorities in PostSoviet Georgia in the light of World Financial. In: Social Economics. 2012, №4/07-08, p. 60-68. (Russian Language).
5. Silagadze A. Some aspects of development of Post-soviet economy – „Actual problems of economies of Post-communist countries at current stage”. TSU: Paata Gugushvili Institute of economics. Tbilisi, 2013, p. 66-69. (Georgian Language).
6. The World Development Indicators. [On-line]: <http://data.worldbank.org/indicator>. (Дата посещения: 12.11.2013).
7. Tokmazishvili M., Silagadze A. Challenges of the Post-Communist Financial-Currency Policy. Nova publisher. USA: New-York, 2009. 78 p.
8. Tvalchrelidze A., Silagadze A., Keshelashvili G., Gegia D. Georgia's Social Economic Development Program. „Nekeri”, Tbilisi. 2011. 312 p. = То же на англ. языке: [On-line]: <http://www.ifsdeurope.com/prezation.html>. [242 p.]

¹⁶ Atanelishvili T., Silagadze A. Modern state finances of Georgia. International Academy of Sciences, Education, Industry and Arts. San Francisco (USA), 2010. 36 p.; Silagadze A. Current financial and monetary trends in Georgia. In: The Caucasus & Globalization. 2010, V.2, I. 4, p. 51-64; Silagadze A. Economic Priorities in PostSoviet Georgia in the light of World Financial. In: Social Economics. 2012, №4/07-08, p. 60-68; Silagadze A. Economic Priorities in PostSoviet Georgia in the light of World Financial. In: Social Economics. 2012, №4/07-08, p. 60-68; Silagadze A. Current financial and monetary trends in Georgia. In: The Caucasus & Globalization. 2010, V.2, I. 4, p. 51-64; Tokmazishvili M., Silagadze A. Challenges of the Post-Communist Financial-Currency Policy. Nova publisher. USA: New-York, 2009. 78 p.; Tvalchrelidze A., Silagadze A., Keshelashvili G., Gegia D. Georgia's Social Economic Development Program. „Nekeri”, Tbilisi. 2011. 312 p. = То же на англ. языке: [On-line]: <http://www.ifsdeurope.com/prezation.html>. [242 p.]

- англ. языке: [On-line]: <http://www.ifsdeurope.com/prezation.html>. [242 p.]
9. Месхиа И. Глобальный экономический кризис и проблемы макроэкономической стабильности Грузии. В: «Экономисти». 2009, № 2, с. 8-19, Тбилиси (Georgian Language).
10. Национальная служба статистики Грузии. [On-line]: http://www.geostat.ge/?action=page&p_id=1144&lang=geo. (Дата посещения: 12.11.2013).
11. Национальный банк Грузии. [On-line]: <http://www.nbg.gov.ge/?m=306>. (Дата посещения: 12.11.2013).
12. Папава В. Политическая экономия посткоммунистического капитализма и экономика Грузии. Тбилиси: «ПДП», 2002. (Georgian Language).
13. Силагдзе А. Постсоветская Экономика: аспекты экономики Грузии. 2013. [On-line]: <http://georgiamonitor.org/upload/medialibrary/dbd/dbd913e338d8e77bc832bebe67ae8e18.pdf>. (Дата посещения: 12.11.2013).
14. Читанова Н. Метаморфозы и перспективы экономики Грузии. Тбилиси: «Иверони», 2012. 216. (Georgian Language).

Bibliography:

1. Atanelishvili T., Silagadze A. Modern state finances of Georgia. International Academy of Sciences, Education, Industry and Arts. San Francisco (USA), 2010. 36 p.
2. Basilia T., Silagadze A., Chikvaidze T. Post-socialist Transformation: The Economy of the XXI-st century. Tbilisi: Aradani, 2001. 544 p. (Georgian Language).
3. Silagadze A. Current financial and monetary trends in Georgia. In: The Caucasus & Globalization. 2010, V.2, I. 4, p. 51-64.
4. Silagadze A. Economic Priorities in PostSoviet Georgia in the light of World Financial. In: Social Economics. 2012, #4/07-08, p. 60-68. (Russian Language).
5. Silagadze A. Some aspects of development of Post-soviet economy – „Actual problems of economies of Post-communist countries at current

stage”. TSU: Paata Gugushvili Institute of economics. Tbilisi, 2013, p. 66-69. (Georgian Language).

6. The World Development Indicators. [On-line]: <http://data.worldbank.org/indicator>. (Data poseshhenija: 12.11.2013).
7. Tokmazishvili M., Silagadze A. Challenges of the Post-Communist Financial-Currency Policy. Nova publisher. USA: New-York, 2009. 78 p.
8. Tvalchrelidze A., Silagadze A., Keshelashvili G., Gegia D. Georgia's Social Economic Development Program. „Nekeri”, Tbilisi. 2011. 312 p. = To zhe na angl. jazyke: [On-line]: <http://www.ifsdeurope.com/prezation.html>. [242 p.]
9. Meshia I. Global'nyj jekonomicheskij krizis i problemy makrojekonomicheskoy stabil'nosti Gruzii. V: «Jekonomisti». 2009, # 2, s. 8-19, Tbilisi (Georgian Language).
10. Nacional'naja sluzhba statistiki Gruzii. [On-line]: http://www.geostat.ge/?action=page&p_id=1144&lang=geo. (Data poseshhenija: 12.11.2013).
11. Nacional'nyj bank Gruzii. [On-line]: <http://www.nbg.gov.ge/?m=306>. (Data poseshhenija: 12.11.2013).
12. Papava V. Politicheskaja jekonomija postkommunisticheskogo kapitalizma i jekonomika Gruzii. Tbilisi: «PDP», 2002. (Georgian Language).
13. Silagadze A. Postsovetskaja Jekonomika: aspekti jekonomiki Gruzii. 2013. [On-line]: <http://georgiamonitor.org/upload/medialibrary/dbd/dbd913e338d8e77bc832bebe67ae8e18.pdf>. (Data poseshhenija: 12.11.2013).
14. Chitanava N. Metamorfozy i perspektivy jekonomiki Gruzii. Tbilisi: «Iveroni», 2012. 216. (Georgian Language).

Copyright©Avtandil SILAGADZE, 2013.

Contacte / Contacts / Контакты:

Национальная Академия Наук Грузии.

Тбилиси, Пр-т. Руставели № 57, п. а. 01 08.

Tel: (+995) 99544242

E-mail: avtosilagadze@yahoo.com

Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2013, Issue 4, Volume 30, Pages 150-156.

ISSN 1857-1999

Submitted: 16. 10. 2013 | Accepted: 30.11. 2013 | Published: 15.12. 2013

**COMUNICĂRI ȘTIINȚIFICE
THE SCIENTIFIC COMMUNICATIONS
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ**

**ИНИЦИАТИВЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ОТНОШЕНИИ ПОСТСОВЕТСКИХ
ГОСУДАРСТВ ПРИЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА (ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ)***

**EU INITIATIVES IN THE FORMER SOVIET STATES
OF THE BLACK SEA REGION (LEGAL ASPECTS)**

**INIȚIATIVELE UNIUNII EUROPENE VIS A VIS DE STATELE POST-SOVIETICE DIN
REGIUNEA MĂRII NEGRE (ASPECTE JURIDICE)**

СТРЕЛЬЦОВА Ольга ** / STRELTSOVA Olga / STRELTSOVA Olga

ABSTRACT:

**EU INITIATIVES IN THE FORMER SOVIET STATES
OF THE BLACK SEA REGION (LEGAL ASPECTS)**

The article investigates the EU initiatives in relation to the post-Soviet countries in the Black Sea region, which have been developed through an agreement on partnership and cooperation, making the European Neighbourhood Policy and the Eastern Partnership. Prospects for association agreements with this group of countries are also analyzed.

Keywords. *Partnership and Cooperation Agreements, European Neighbourhood Policy, Eastern partnership, Ukraine – EU Association Agreement, Free trade area.*

JEL Classification: K33, K29, Z18

REZUMAT:

**INIȚIATIVELE UNIUNII EUROPENE VIS A VIS DE STATELE POST-SOVIETICE DIN
REGIUNEA MĂRII NEGRE (ASPECTE JURIDICE)**

Articolul este dedicat studierii inițiativelor UE vis a vis de țările post-sovietice din Regiunea Mării Negre care au evoluat prin încheierea Acordurilor de Parteneriat și Cooperare, adoptarea Politicii Europene de

* Raport prezentat la Conferință internațională științifico-practică "Securitatea regională și procesele integraționiste în spațiul extins al Mării Negre: abordări politico-juridice naționale și internaționale", Chișinău, 28 noiembrie 2013. / Report presented at the International Scientific-practical Conference "The regional security and integraționiste processes in the expanded area of the Black Sea: political and legal approaches", Chisinau, November 28, 2013. / Доклад, представленный на международной научно практической конференции "Региональная безопасность и интеграционные процессы в Большом Причерноморском регионе: политико-правовые подходы", Кишинев, 28 ноября 2013 г.

** **STRELTSOVA Olga** - Doctor în drept, cercetător științific la Institutul Stat și Drept al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei; conferențiar universitar la Universitatea de Drept din Kiev a Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev, Ucraina). / **STRELTSOVA Olga** - Ph.D in Law, researcher at the Institute of State and Law „V. M. Korytsky”, National Academy of Sciences of Ukraine; Associate Professor, The Kyiv University of Law of The National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine). / **СТРЕЛЬЦОВА Ольга Викторовна** - Кандидат юридических наук, научный сотрудник Института государства и права им. В.М.Корецкого Национальной академии наук Украины; доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения Киевского университета права Национальной академии наук Украины (Киев, Украина).

Vecinătate și Parteneriat Estic. De asemenea se analizează perspectivele de încheierea de Acordurilor de Asociere cu acest grup de țări.

Cuvinte cheie: *Acordul de Parteneriat și Cooperare, Politica Europeană de Vecinătate, Parteneriatul Estic, Acordul de Asociere între Ucraina și UE, zone de comerț liber.*

JEL Classification: K33, K29, Z18
CZU: 341.217(4), 341.1

РЕЗЮМЕ:

ИНИЦИАТИВЫ ЕС В ОТНОШЕНИИ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ ПРИЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА (ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ)

Статья посвящена исследованию инициатив ЕС в отношении постсоветских стран Причерноморского региона, которые развивались путем заключения Соглашений о партнерстве и сотрудничестве, принятия Европейской политики соседства и Восточного партнерства. Также анализируются перспективы заключения соглашений об ассоциации с этой группой стран.

Ключевые слова: *Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, Европейская политика соседства, Восточное партнерство, Соглашение об ассоциации между Украиной и ЕС, зона свободной торговли.*

JEL Classification: K33, K29, Z18
УДК: 341.217(4), 341.1

Первым двусторонним соглашением, регулирующим отношения между Европейскими сообществами и СССР, был Договор о развитии торговли и сотрудничества 1989 г.¹ После распада Советского Союза и ликвидации «социалистического лагеря» политико-правовые инициативы ЕС в отношении бывших социалистических стран развивались в нескольких направлениях. С государствами Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) были заключены соглашения об ассоциации, в соответствии со ст. 217 Договора о функционировании ЕС (бывшая ст. 310 Договора об учреждении Европейского сообщества). Изначально данные соглашения рассматривались как альтернатива полноправному членству стран ЦВЕ в ЕС. Однако позднее на Копенгагенском саммите в 1993 г. было принято политическое решение о возможности членства стран ЦВЕ в ЕС, что и произошло во время расширения этого межгосударственного объединения в 2004 и 2007 гг.

Что касается так называемых «новых независимых государств» – бывших

республик СССР, с ними были подписаны соглашения о партнёрстве и сотрудничестве (СПС): с Казахстаном, Киргизстаном, Молдовой, Россией и Украиной – в 1994 г.; с Азербайджаном, Арменией, Грузией и Узбекистаном – в 1996 г.; с Таджикистаном – в 2010 г. Содержание этих соглашений практически совпадает, поэтому СПС можно охарактеризовать как своеобразные типовые договоры. СПС не предусматривали возможности полного членства в ЕС, но служили подтверждением потенциального интереса ЕС к дальнейшему развитию взаимного сотрудничества с этими странами.

Среди названных государств отдельную группу формируют государства Причерноморского региона, в частности – Молдова, Грузия, и Украина.

Так, Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве между Украиной и Европейскими сообществами и их государствами-членами было подписано 14 июня 1994 г. и вступило в силу 1 марта 1998 г.² Данное соглашение все ещё продолжает оставаться правовой основой для

¹ Official Journal of the European Union [English edition]. 1990. L 68/1.

² Україна – Європейський Союз: зібрання міжнародних договорів та інших документів (1991 - 2009). К.: Юстиніан, 2010, с. 31.

сотрудничества между Украиной и ЕС, хотя оно давно уже вышло за его рамки. Это связано с тем, что срок действия СПС с Украиной, как и большинства остальных СПС (10 лет) уже истёк и ежегодно пролонгируется.

Расширение и углубление интеграционных процессов на европейском континенте повлияло на дальнейшее развитие отношений между ЕС и странами Причерноморского региона. В частности, после расширения ЕС на восток в 2004-2007 гг. с 15 до 27 государств-членов (о котором упоминалось выше), у некоторых стран Причерноморского региона возникла общая граница с такими государствами-членами этого межгосударственного объединения как Венгрия, Польша, Румыния и Словакия, в силу чего, к примеру, Украина и Молдова стали странами, которые соседствуют с ЕС.

Однако, их статус страны-соседа был определен в документах ЕС несколько раньше – в 2003 г. после принятия Европейской комиссией Коммуникации «Более широкая Европа – соседство: новые рамки отношений с нашими южными и восточными соседями» (так называемая «Европейская политика соседства»)³. В 2004 г. Европейская комиссия дополнила и конкретизировала данный документ, приняв Коммуникацию «Стратегия Европейской политики соседства»⁴. В соответствии с положениями этих документов, Европейская политика соседства (ЕПС) является многосторонней инициативой ЕС относительно восточных (Украина, Беларусь, Молдова, Армения, Грузия, Азербайджан) и средиземноморских (Израиль, Палестинская автономия, Иордания, Тунис, Марокко и др.) стран-соседей. ЕПС касается широкого спектра отношений (в том числе охватывает вопросы внешней политики и политики безопасности, торговли, развития, окружающей среды, др.), но главным и основным направлением этой инициативы выступают экономические отношения.

В соответствии с исходной концепцией ЕПС, её основная цель заключается в создании предпосылок для интенсификации отношений ЕС с соседними государствами для обеспечения пространства стабильности и безопасности вдоль всей границы этого межгосударственного объединения.

В то же время, анализ базовых принципов и методологии ЕПС даёт основания выделить ряд недостатков, свойственных ей. Во-первых, ЕПС не разрешает вопроса о дальнейшем расширении и потенциальном членстве. Данное обстоятельство объясняет критическое отношение к ЕПС самих государств-соседей (в частности, в Украине эта политика с самого начала не была воспринята позитивно). Во-вторых, основные инструменты взаимодействия и конечные перспективы, которые предлагаются в рамках ЕПС, являются схожими для всех государств-соседей – как европейских, так и неевропейских. В-третьих, ЕПС даёт противоречивые сигналы соседним странам, поскольку, если эта политика не предусматривает перспектив членства, не ясно, почему в ней используются вступительная методология и соответствующий инструментарий.⁵

Осознание несовершенства ЕПС стало стимулом для разработки новых инструментов для усиления региональных инициатив в рамках данной политики ЕС. Сохраняя общие принципы, направленные на создание «пространства стабильности» по периметру границы ЕС, ЕПС была разделена на отдельные составляющие, несколько отличающиеся друг от друга по содержанию и организационным механизмам – «Средиземноморский союз» и «Восточное партнёрство». Их появление отображает процесс дифференциации политики ЕС в отношении стран-соседей.

Среди названных инициатив непосредственное отношение к странам Причерноморского региона имеет «Восточное партнёрство», сформулированное в Общем заявлении, провозглашенном 7 мая 2009 г. на Пражском саммите ЕС и шести восточноевропейских стран-соседей (Украина, Беларусь, Молдова, Армения,

³ Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours//COM (2003) 104 final.

⁴ European Neighborhood Policy. Strategy Paper//COM (2004) 373 final.

⁵ Emerson M. Democratization in the European Neighborhood Policy. Brussels, CEPS, 2010. 231 p.

Грузия, Азербайджан). Инициатива Восточного партнёрства призвана дополнять и развивать отношения, которые сложились между ЕС, его государствами-членами и названными восточноевропейскими странами в рамках ЕПС в силу их географической, исторической и цивилизационной принадлежности к европейскому пространству.

В то же время, в отличие от ЕПС, Восточное партнёрство прямо предусматривает возможность политической ассоциации и экономической интеграции между ЕС и заинтересованными странами-партнёрами, включая заключение договоров о зоне свободной торговли – так называемых соглашений об ассоциации⁶.

Р.А. Петров считает, что такие соглашения между ЕС и восточноевропейскими государствами-участниками ЕПС, в случае их заключения могут стать прототипом новой группы внешних договоров этого межгосударственного объединения со странами-соседями – соглашений о соседстве. Такое утверждение автор обосновывает тем, что будущие соглашения между ЕС и третьими странами в рамках ЕПС будут отличаться особыми целями – возможностью тесной интеграции с ЕС, но без перспективы полного членства в нём, при условии значительного совершенствования собственных политической, экономической и правовой систем. Такие будущие соглашения о соседстве будут содействовать углублению двустороннего сотрудничества в следующих сферах (как это указано в документах ЕПС): 1) политический диалог; 2) политика экономического и социального развития; 3) участие в некоторых программах ЕС (образование, научные исследования, инновации); 4) отраслевое сотрудничество; 5) открытие национальных рынков в соответствии с принципами ВТО и сближение со стандартами ЕС; 6) сотрудничество в сферах правосудия и внутренних дел.

В то же время, будущие соглашения о соседстве будут иметь как общие, так и

специальные цели. Общие цели будут сосредоточены на тесном политическом, экономическом и культурном сотрудничестве и взаимодействии в области безопасности, с возможным доступом соседних стран на внутренний рынок ЕС. Индивидуальные цели будущих соглашений о соседстве будут отображать различные стратегические приоритеты ЕС в отношении соседних стран. К примеру, можно предположить, что будущие соглашения о соседстве со средиземноморскими странами будут преследовать цели усиления регионального сотрудничества, установления общих энергетических сетей и инфраструктуры, а также предупреждения локальных конфликтов. С другой стороны, будущие соглашения о соседстве с постсоветскими странами (в частности, с государствами Причерноморского региона), будут уделять больше внимания адаптации демократических ценностей ЕС, сотрудничеству в сферах правосудия и внутренних дел, борьбе с коррупцией и вопросам региональной безопасности, поскольку ЕС стремится содействовать постсоветским странам в организации эффективного функционирования демократических институтов и механизмов борьбы с нелегальной миграцией в Европу.⁷

Следует отметить, что одним из первых государств из группы стран Причерноморского региона, с которым ЕС начал переговоры о подписании нового базового договора, призванного заменить СПС, стала Украина. 9 сентября 2008 г. на Парижском саммите ЕС – Украина была достигнута договоренность по вопросу о названии нового продвинутого соглашения как Соглашения об ассоциации. Это стало значительным шагом, поскольку изменение названия является признаком также изменения содержания, уровня и сути будущего соглашения по сравнению с СПС.⁸ Предварительные договоренности свидетельствуют о том, что ключевым

⁶ Учитывая особенности политических отношений между ЕС и Российской федерацией, с этим государством планируется подписание Соглашения о стратегическом партнерстве.

⁷ Петров Р.А. Транспозиция «acquis» Европейского Союза в правовые системы третьих стран: Монография. К.: Истина, 2011, с. 305-306.

⁸ Право Европейского Союза. Особлива частина: навч. посібник / За ред. М.А. Аракеяна, О.К. Вишнякова. К.: Истина, 2010, с. 467.

элементом Соглашения об ассоциации должно стать создание между Украиной и ЕС углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли (ЗСТ). Такая ЗСТ будет предусматривать либерализацию торговли не только товарами (включая продукцию сельскохозяйственного производства и другую чувствительную продукцию), но и услугами, а также свободное движение капитала и частично рабочей силы. То есть речь идет о ЗСТ, которая будет иметь не преференционный, а интеграционный характер, в рамках которой Украина получит доступ на внутренний рынок ЕС.

Что касается согласования текста самого Соглашения об ассоциации, то в период с 2007 – по 2011 гг. в целом состоялся 21 раунд переговоров, которые проходили на пленарных заседаниях и в рамках четырех рабочих групп: 1) по вопросам политического диалога, внешней политики и политики безопасности; 2) по вопросам юстиции, свободы и безопасности; 3) по вопросам экономического и отраслевого сотрудничества; 4) по вопросам ЗСТ.⁹ В ходе переговорного процесса Стороны согласовали преимущественную часть текста будущего соглашения. Однако, по ряду принципиальных вопросов Украина и ЕС так и не достигли консенсуса. Речь, в частности, идет о положениях относительно европейских перспектив нашего государства. Планировалось, что принятие политических решений, необходимых для парафирования Соглашения об ассоциации, произойдет на саммите Украина – ЕС, проходившем в Киеве 19 декабря 2011 г. По результатам саммита действительно было заявлено о завершении переговоров по Соглашению об ассоциации, но парафирования Соглашения так и не состоялось.

Необходимо признать, что переговорный процесс выявил значительные разногласия в видении роли и места будущего соглашения в системе политико-правовых отношений Украины и ЕС. Для ЕС соглашения об ассоциации – это, прежде всего, эффективный

инструмент распространения собственных правовых ценностей и стандартов на правовые системы третьих стран. С помощью таких договоров ЕС стремится обеспечить политическую стабильность в отношениях со странами-партнерами (прежде всего, соседними) и создать благоприятную внешнеэкономическую среду путем взаимного открытия рынков на основе соблюдения правовых стандартов этого межгосударственного объединения.

Для Украины же Соглашение об ассоциации в значительной степени носит символический характер. С его подписанием наше государство связывает дальнейшую судьбу евроинтеграционного курса или его альтернатив. Вследствие этого, технические и правовые аспекты переговоров часто приобретали идеологический и политический оттенок, что замедляло достижение договоренностей в других (неполитических) сферах взаимодействия. В частности, в экономической сфере принципиально важными для Украины являются положения соглашения относительно квот на сельскохозяйственную продукцию, энергетической политики и введения безвизового режима поездок украинских граждан на территорию ЕС. В целом, эти вопросы были разрешены в рамках переговоров о ЗСТ через взаимные компромиссы.

В политической плоскости наиболее острой проблемой, на которой акцентирует внимание наше государство, является определение в тексте будущего соглашения перспективы членства Украины в ЕС. То есть Украина рассматривает заключение Соглашения об ассоциации как первый шаг на пути приобретения членства в этом межгосударственном объединении. В свою очередь позиция ЕС состоит в том, что вопрос членства носит комплексный характер и для своего разрешения требует не столько политических заявлений, сколько многолетней подготовительной работы. Поэтому ЕС и его государства-члены настаивают на соблюдении принципа последовательности и возможности перехода к новым этапам интеграции при условии реализации предыдущих заданий.

⁹ Перший, Другий, Третій та Четвертий спільні звіти про прогрес у переговорах щодо Угоди про асоціацію між Україною та ЄС. [On-line]: www.ukraine.eu.be/eu/publication/content/47343.htm. (Дата посещения: 11.11.2013).

Еще одной формой политизации процесса переговоров (уже со стороны ЕС) является требование соблюдать демократические принципы, прежде всего – обеспечение независимого правосудия и соблюдение основных прав и свобод человека (в свете судебных процессов над лидерами оппозиции).¹⁰ Во время проведения Киевского Саммита 19 декабря 2011 г. Президент Европейского совета Г. ванн Ромпей и Председатель Европейской комиссии Ж.М. Баррозу акцентировали, что данная проблема является камнем преткновения в подписании нового базового договора между Украиной и ЕС. По мнению европейских лидеров, в отличие от экономических аспектов соглашения, эти ценности не могут выступать предметом компромиссов, поэтому отклонение от них подставит под сомнение подписание и ратификацию всего документа. И даже если подписание и вступление в силу Соглашения все-таки состоятся, оно может так и не стать полезным правовым инструментом для дальнейшего развития отношений между нашим государством и ЕС.

В любом случае, следует учитывать, что Соглашение об ассоциации является системой взаимозависимых обязательств, общее содержание которых сводится к значительному углублению сотрудничества между Украиной и ЕС как в экономической, так и в политической сферах. В этом контексте правовые и политические аспекты соглашения неотъемлемы от экономических, а поэтому должны рассматриваться целостно как обязательные элементы эволюции взаимоотношений Сторон.

Какие же перспективы дальнейшего развития отношений стран Причерноморского региона и ЕС в случае подписания Соглашений об ассоциации? Учитывая существующий опыт евроинтеграционного строительства, можно предположить несколько возможных вариантов.

Во-первых, возможно, что после заключения соглашений об ассоциации между ЕС и государствами

Причерноморского региона, на которые распространяется инициатива Восточного партнерства, эти государства могли бы создать между собою Восточноевропейскую зону свободной торговли как платформу для дальнейшей интеграции с ЕС. А.К. Вишняков считает, что в перспективе это могло бы привести к образованию «Соседского экономического сообщества», в состав которого войдут ЕС и названные государства-участники Восточного партнерства. Исследователь утверждает, что по своим функциональным признакам «Соседское экономическое сообщество» будет подобным первичному варианту Европейского экономического сообщества, созданного на основе Римского договора 1957 г. (то есть экономическая интеграция без политической составляющей). Такое «Соседское экономическое сообщество» будет формироваться по образцу Европейского экономического пространства (ЕС + Норвегия, Исландия, Лихтенштейн), созданного в рамках Европейской ассоциации свободной торговли. В то же время, если Европейское экономическое пространство выступает договорным объединением, не имеющим статуса субъекта права, то процедурной формой образования инициативы Восточного партнерства является «учреждение» (англ. *«establishing»*), что свойственно международным и наднациональным объединениям, наделенным международной правосубъектностью.¹¹ Однако, принимая во внимание стремление России создать свое евразийское экономическое объединение, образование панъевропейской зоны свободной торговли, а тем более «Соседского экономического сообщества», которое охватило бы все страны континента под эгидой ЕС, представляется довольно сложной задачей.

Во-вторых, дальнейшее развитие отношений стран Причерноморского региона и ЕС может происходить по образцу так называемой «турецко-балканской» модели интеграции, которая характеризуется процедурой длительного институционального

¹⁰ Капітоненко М. Вигоди й ризики Угоди про асоціацію з ЄС. В: Дзеркало тижня. Україна. 2011, № 26 (15 липня 2011 р.).

¹¹ Право Європейського Союзу. Особлива частина: навч. посібник / За ред. М.А. Аракеляна, О.К. Вишнякова. К.: Істина, 2010, с. 464.

присоединения. При таком варианте развития событий, подав официальное заявление о вступлении, страны Причерноморского региона (Украина, Молдова, Грузия) могут оказаться в долгой очереди «аутсайдеров расширения». Объективные трудности институциональной интеграции этих государств в структуры ЕС и масштабы необходимых внутренних реформ могут сделать их последними странами, которые присоединятся к ЕС.

Наконец, в-третьих, если одно из государств-участников Восточного партнерства будет демонстрировать более интенсивные показатели роста экономики и демократизации политической жизни, чем другие страны этой группы, нельзя исключить варианта достижения таким государством двусторонней ассоциации с ЕС по образцу отношений ЕС-Швейцария.¹²

Список литературы:

1. Капітоненко М. Вигоди й ризики Угоди про асоціацію з ЄС. В: Дзеркало тижня. Україна. 2011, №26 (15 липня 2011 р.).
2. Петров Р.А. Транспозиция «acquis» Европейского Союза в правовые системы третьих стран: Монография. К.: Истина, 2011. 384 с.
3. Посельський В.М. Європейський Союз після ратифікації Лісабонського договору: до стабілізації європейського будівництва. [On-line]: www.nbu.gov.ua/e-journals/esp/2010_1/10pvmseb.pdf. (Дата посещения: 10.11.2013).
4. Право Європейського Союзу. Особлива частина: навч. посібник / За ред. М.А. Аракеляна, О.К. Вишнякова. К.: Істина, 2010. 528 с.
5. Emerson M. Democratization in the European Neighborhood Policy. Brussels: CEPS, 2010. 231 p.

Bibliography:

1. Kapitonenko M. Vigodi j riziki Ugodi pro asociaciju z ES. V: Dzerkalo tizhnja. Ukraïna. 2011, # 26 (15 lipnja 2011 r.).

2. Petrov R. A. Transpozicija «acquis» Evropejskogo Sojuza v pravovye sistemy tret'ih stran: Monografija. K.: Istina, 2011. 384 s.

3. Posel'skij V. M. Evropejs'kij Sojuz pislja ratifikacii Lisabons'kogo dogovoru: do stabilizacii evropejs'kogo budivnictva. [On-line]: www.nbu.gov.ua/e-journals/esp/2010_1/10pvmseb.pdf. (Data poseshenia: 10.11.2013).

4. Pravo Evropejs'kogo Sojuzu. Osobliva chastina: navch. posibnik / Za red. M. A. Arakeljana, O. K. Vishnjakova. K.: Istina, 2010. 528 s.

5. Emerson M. Democratization in the European Neighborhood Policy. Brussels, CEPS, 2010. 231 p.

Copyright© Olga STRELTSOVA, 2013.

Contacte / Contacts / Контакты:

Институт государства и права им. В.М.Корецкого Национальной академии наук Украины.

01001, Украина, г. Киев, Трехсвятительская, 4.

Тел.: (+380) 44-278-80-24.

E-mail: StreltsovaOV@yandex.ua; StreltsovaOV.33@gmail.com

¹² Посельський В.М. Європейський Союз після ратифікації Лісабонського договору: до стабілізації європейського будівництва. [On-line]. http://www.nbu.gov.ua/e-journals/esp/2010_1/10pvmseb.pdf. (Дата посещения: 10.11.2013).

Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2013, Issue 4, Volume 30, Pages 157-161.

ISSN 1857-1999

Submitted: 16. 10. 2013 | Accepted: 30.11. 2013 | Published: 15.12. 2013

TRIBUNA DISCUȚIONALĂ THE TRIBUNE OF DISCUSSION ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

МОЛДОВА МЕЖДУ ЕС И РОССИЕЙ*

MOLDOVA BETWEEN THE EU AND RUSSIA

MOLDOVA ÎNTRE UE ȘI RUSIA

АНДРИЕВСКИЙ Виталий** / ANDRIEVSCHI Vitalii / ANDRIEVSCHI Vitalii

ABSTRACT:

MOLDOVA BETWEEN THE EU AND RUSSIA

The article analyzes the pros and cons of European and Eurasian integration of the Republic of Moldova. The author considers that Moldova, by virtue of geographical reasons, and its historic past, doomed to friendly cooperation with the West and the East. We would like that this should be understood in the first place, by all citizens of Moldova, as well as by our partners in the West and the East.

Whatever our integration selection, we will always strive to ensure that the territory of Moldova was not a confrontation but a convergence of East and West.

Key words: *the Republic of Moldova, European integration, the Eurasian integration, friendly cooperation, confrontational field, a place of convergence.*

JEL Classification: F29, K33, K39

REZUMAT:

MOLDOVA ÎNTRE UE ȘI RUSIA

În articol se analizează argumentele pro și contra ale integrării europene și euro-asiatice a Republicii Moldova. Autorul consideră că Moldova, în baza specificului geografie și trecutului său istoric, este condamnată la o cooperarea amicală și cu Occidentul și cu Orientul, exprimându-și dorința ca acest lucru să fie înțeles și conștientizat, în primul rând, de către toți cetățenii Republicii Moldova, precum și de partenerii noștri din Vest și din Est.

Oricare ar fi opțiunea noastră de integrare, ne vom strădui întotdeauna pentru a asigura, ca teritoriul Republicii Moldova să nu fie o arie de confruntare, dar o punte de convergență dintre Est și Vest.

* <http://ava.md/analytics-commentary/022325-moldova-mezhdu-es-i-rossiei.html>

** **ANDRIEVSCHI Vitalie** - Doctor în istorie, analist politic, Diriginte al portalului informațional AVA.MD (Chișinău, Republica Moldova). / **ANDRIEVSKY Vitaly** - PhD in History, Political analyst, Head of the information and analytical WEB Site AVA.MD (Kishinev, The Republic of Moldova). / **АНДРИЕВСКИЙ Виталий Александрович** - Доктор истории, политический аналитик, руководитель информационно-аналитического портала AVA.MD (Кишинев, Республика Молдова).

Cuvinte cheie: Republica Moldova, integrarea europeană, integrarea euro-asiatică, cooperare amicală, arie de confruntare, punte de convergență.

JEL Classification: F29, K33, K39

CZU: 327.39, 341.222.6, 341.223.7

РЕЗЮМЕ:

МОЛДОВА МЕЖДУ ЕС И РОССИЕЙ

В статье анализируются плюсы и минусы европейской и евразийской интеграции Республики Молдова. Автор считает что Молдова, в силу географических причин и своего исторического прошлого, обречена на дружеское сотрудничество и с Западом, и с Востоком. Хотелось бы, чтобы это поняли, в первую очередь, все граждане Молдовы, а также наши партнеры на Западе и на Востоке.

Каким бы ни был наш интеграционный выбор, мы всегда будем стремиться к тому, чтобы территория Молдовы была не полем конфронтации, а местом сближения Запада и Востока.

Ключевые слова: Республика Молдова, европейская интеграция, евразийская интеграция, дружеское сотрудничество, конфронтационное поле, место сближения.

JEL Classification: F29, K33, K39

УДК: 327.39, 341.222.6, 341.223.7

Вопрос внешнеполитического стратегического выбора Республики Молдова стал «темой номер один» текущего 2013-го политического года. Пожалуй, не осталось больше ни одной политической силы в стране, которая не использовала бы эту тему, апеллируя к своему электорату с призывами поддержать собравшихся под её крышей, в зависимости от своих идеологических установок, либо «лучших евроинтеграторов», либо «лучших интеграторов в Таможенный союз».

На фоне столь активной агитации за эти два варианта внешне – политического и экономического развития страны едва слышны сегодня робкие голоса тех прагматиков, которые утверждают, что одно, дескать, совершенно не противоречит другому, что Республика Молдова вполне может и даже должна строить и развивать свои отношения как с Западом, так и с Востоком.

На самом деле, хотя такой прагматичный подход к выбору внешнеполитической ориентации страны, состоящий в желании «быть хорошими для всех», на первый взгляд, выглядит очень привлекательно, практически же он, к сожалению, очень трудно исполним и потому, скорее, относится к сфере политических утопий, чем реалий.

Вспомним хотя бы известную народную мудрость о том, чем оканчиваются попытки угнаться за двумя зайцами, либо что случается с теми, кто пытается усидеть на двух стульях. То есть, как ни крути, но выходит, что, в любом случае, Республика Молдова должна будет сделать свой однозначный стратегический выбор между Западом и Востоком и затем сконцентрироваться либо на одном, либо на другом варианте своего дальнейшего развития, чтобы в итоге не оказаться «и не там, и не здесь».

Сегодня у власти в Республики Молдова находится правящая коалиция двух партий – ЛДПМ и ДПМ, в программе каждой из которых в качестве принципиально важного пункта обозначена европейская интеграция Республики Молдовы. Собственно говоря, и нынешняя парламентская оппозиция в лице ПКРМ, когда она еще не была оппозицией, а находилась у власти, также декларировала именно евроинтеграцию, как свою основную внешнеполитическую цель, что доказывает знаменитая фраза лидера этой партии Владимира Воронина, президента РМ в 2001 – 2009 годах, о том, что «европейскому выбору Молдовы нет альтернативы».

Сегодня ПКРМ поменяла (по крайней мере, на словах) свой внешнеполитический вектор, но пока трудно сказать, сделано ли

это с сугубо электоральными целями, в расчете на «своего избирателя», или же это её осознанный выбор. Ведь лидер ПКРМ Владимир Воронин так часто менял свои (и руководимой им партии также) политические приоритеты, что верить ему сегодня весьма затруднительно.

Что касается правящих партий – ЛДПМ и ДПМ, то ничего неожиданного в их решении идти на Запад, в Евросоюз, нет. Все это было вполне ожидаемо: декларировали они в своих программных документах сближение с Евросоюзом – именно это сегодня и делают. Такая вот политическая последовательность и верность предвыборным обещаниям.

В этой связи возникает беспокоящий сегодня многих вопрос: как отразится этот евроинтеграционный внешнеполитический выбор на партнерских отношениях Молдовы с Россией, чем обернется для неё решение двигаться на Запад?

Если рассуждать чисто формально, с точки зрения международного права и международных экономических процессов, то никаких негативных последствий от поворота Молдова на Запад для неё не должно быть. Однако, к сожалению, некоторые сторонники «восточной интеграции» пытаются сегодня внушить молдавскому обществу, что Россия находится чуть ли не в состоянии войны, как минимум «холодной», с Европейским союзом, а потому, взяв курс на сближение с Европой, Молдова непременно попадет в категорию врагов России. Разумеется, со всеми вытекающими из этого последствиями.

На самом деле, это совсем не так. Известно, что Россия в последние два десятилетия активно и последовательно развивает свои экономические и политические связи с европейскими странами, а её руководители неоднократно заявляли о своем желании максимально расширить и укрепить торгово-экономическое сотрудничество со странами зоны Евросоюза.

Заведующая отделом европейских политических исследований ИМЭМО РАН Надежда Арбатова считает, например, что в отношениях России и ЕС можно выделить, как минимум, две реперные точки, дающие надежду на качественный сдвиг.

Во-первых, это сформулированная на саммите Россия-ЕС в мае 2003 года Санкт-Петербургская инициатива, предполагающая создание четырех общих пространств в сфере экономики, внутренней и внешней безопасности, науки, образования и культуры. В своей основе это прорывная идея, способная действительно придать отношениям России и ЕС стратегическую перспективу (в обход трудного для обеих сторон вопроса о членстве России в ЕС). Эта инициатива была положена в основу переговоров о новом Базовом договоре России с ЕС.

Во-вторых, программа «Партнерство для модернизации», запущенная на саммите Россия-ЕС в Ростове-на-Дону 31 мая – 1 июня 2010 года.

В то же время, между Россией и ЕС существует проблема стран СНГ. Складывается впечатление, пишет Надежда Арбатова, что Россия и ЕС рассматривают новые независимые государства как зону «вакуума силы», которую нужно непременно заполнить в духе «игры с нулевой суммой», а потому никакого реального сотрудничества, прежде всего в урегулировании конфликтов на пространстве СНГ, ожидать не приходится.

Это противостояние вредит, однако, как ЕС, так и России. Оно также наносит вред странам СНГ, в частности Республике Молдова, которая не хочет портить отношения ни с Востоком, ни с Западом.

Усилиями ЕС многие страны СНГ уже вовлечены в различные региональные проекты европейской политики добрососедства. На данный момент в центре внимания находится региональная инициатива ЕС «Восточное партнерство». Странам «Восточного партнерства» (Украине, Белоруссии, Грузии, Молдавии, Армении и Азербайджану) обещаны соглашения об ассоциации и свободной торговле с ЕС.

Кроме того, они получают финансовую помощь от ЕС, налаживают сотрудничество в различных областях (безопасность, сельское хозяйство, транспорт, защита окружающей среды) и получают постепенную либерализацию визового режима. На период 2010–2013 годов ЕС выделил на двусторонние программы в рамках

«Восточного партнерства» 1,9 млрд евро, а всего через различные каналы планируется потратить до 16 млрд евро. В основном эти суммы будут направлены на реализацию различных проектов в Украине, Молдове и Грузии. Необходимо отметить, что подобных проектов у России или стран Таможенного союза пока нет.

В результате действий в рамках проекта «Восточное партнерство» Республика Молдова оказалась готовой к парафированию в Вильнюсе Соглашения об ассоциации с ЕС. Это событие вызвало множество откликов, как в Молдове, так и в России. Начались разговоры о том, что этот шаг Кишинева чреват разрывом торгово-экономических связей Молдовы с Россией.

Откуда же берутся и на чём основаны все эти рассуждения и заявления о «неизбежности катастрофы» в отношениях Молдовы с Россией после Вильнюсского саммита?

Действительно, такие разговоры небезосновательны. Дело в том, что у России существует определённая «ревность» по отношению к бывшим советским республикам, так как часть политиков в Москве считают, что бывшие сателлиты проявляют «неблагодарность» по отношению к Кремлю, налаживая связи с другими партнерами.

Однако, хотя такие темы временами активно обсуждаются в российских средствах массовой информации, высшее руководство в Москве, будучи прагматиками, всё же понимает, что силой заставить какую-то страну симпатизировать России невозможно.

Другим причём более важным, аспектом, который повлиял на формирование мифа о том, что все, кто с Европой, якобы против России, стали известные проблемы с положением русскоязычных граждан в странах Прибалтики и отчасти в Молдове.

Естественно, что Россия, как официальный наследник СССР, чувствует себя ответственной за своих соотечественников, оставшихся за пределами её территории, в то время как, в некоторых случаях, в бывших советских республиках национализм преобладает над разумом, имеют место факты дискриминации людей по национальному признаку.

Национализм, в какие бы цветистые одежды он ни рядился, всегда был и остаётся также сегодня опасной политической болезнью. Перефразируя известные слова классика, можно сказать, что национализм является «последним прибежищем негодяев». Поэтому вполне логичным и обоснованным видится определенное давление со стороны России на страны, в которых проводится несправедливая национальная политика в отношении русскоязычных граждан.

Этим объясняется и тот факт, что наибольшего охлаждения отношения между Россией и Молдовой достигали именно тогда, когда во власти в Кишиневе преобладали политики - носители радикальной идеологии. Хуже всего молдо-российские отношения были в тот период, когда наибольшее влияние на молдавскую политику оказывал Народный фронт (ХДНФ). Во второй раз это случилось, когда у власти в Молдове была ПКРМ. Если фронтисты вели открытую антироссийскую политику, то коммунисты испортили отношения с Россией, отказавшись выполнить свои предвыборные обещания относительно восстановления статуса русского языка, как второго государственного, а также сорвав подписание «Меморандума Козака».

Нынешняя коалиционная власть в Молдове не декларирует свою пророссийскость. Более того, она открыто объявила свой курс на евроинтеграцию. Однако, во многом благодаря Владимиру Филату в бытность его премьер-министром, а сегодня – политике, проводимой премьер-министром Юрием Лянкэ и председателем парламента Игорем Корман, власть Молдовы говорит с Россией доброжелательно, честно и открыто.

Нынешняя молдавская власть прямо говорит России: Да, мы сторонники евроинтеграции, но мы отнюдь не противопоставляем наш европейский выбор стратегическому партнёрству с Россией. Власть в Кишиневе хорошо понимает, что Россия озабочена своей безопасностью, недовольна приближением НАТО к своим границам, а потому заявляет, что Республика Молдова не намерена отказываться от нейтралитета, не собирается вступать в НАТО, учитывает, что у России есть

собственные интересы в этом регионе, готова обсуждать и решать связанные с этим проблемы.

На мой взгляд, несмотря на многие ошибки, которые делаются нынешней молдавской властью, она обладает одним очень важным качеством, которого так не хватало прежним правителям Молдовы – последовательностью. Это качество уже высоко оценили западные партнеры нашей страны. Есть все признаки того, что и на Востоке такой стиль правления также будет одобрен и поддержан.

Несомненно, куда приятнее иметь дело со страной, которая хоть и не набивается в партнеры, но при этом проводит понятную, последовательную политику, лишённую резких смен векторов и одновременных ложных обещаний, раздаваемых всем международным партнерам.

Вопрос о правильности или ошибочности проевропейского курса Молдовы имеет своих сторонников и противников, причём у каждой стороны есть свои доводы и аргументы. Кто из них прав, мы узнаем только пройдя этот путь до конца или же отказавшись от него. Но важно, чтобы при любом раскладе наши политики не руководствовались эмоциями и не играли на эмоциях граждан, пытаясь заработать себе, таким образом, электоральные очки.

Последовательность и предсказуемость внешней политики, проводимой Молдовой в настоящее время, дает надежду на то, что курс на европейскую интеграцию не испортит наших традиционно дружественных и теплых

отношений на Востоке. Конечно, это будет возможно только в том случае, если власть в Кишиневе останется такой же предсказуемой и последовательной в выполнении своих обещаний если она не попадет под влияния политических маргиналов, как справа, так и слева, которые мечтают под любым предлогом обострить ситуацию, чтобы заработать на этом свой политический капитал. Будем надеяться также, что даже если и произойдет смена интеграционного курса Молдовы, то случится это без революционных потрясений.

Молдова, в силу географических причин и своего исторического прошлого, обречена на дружеское сотрудничество и с Западом, и с Востоком. Хотелось бы, чтобы это поняли, в первую очередь, все граждане Молдовы, а также наши партнеры на Западе и на Востоке. Каким бы ни был наш интеграционный выбор, мы всегда будем стремиться к тому, чтобы территория Молдовы была не полем конфронтации, а местом сближения Запада и Востока.

Copyright©Vitalii ANDRIEVSKI, 2013.

Contacte / Contacts / Контакты:

Информационно-аналитический портал
AVA.MD.

Tel: (+373) 69111228

E-mail: info@ava.md; moldova.ava@gmail.com

Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2013, Issue 4, Volume 30, Pages 162-175.

ISSN 1857-1999

Submitted: 16. 10. 2013 | Accepted: 30.11. 2013 | Published: 15.12. 2013

**TRIBUNA DISCUȚIONALĂ
THE TRIBUNE OF DISCUSSION
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА**

**ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ,
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОЦЕССА СТРОИТЕЛЬСТВА
ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА***

**EXPERIENCE OF INTEGRATION IN THE POST-SOVIET SPACE,
CONDITION AND PROSPECTS OF THE CONSTRUCTION PROCESS
OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION**

**EXPERIENȚA DE INTEGRARE ÎN SPAȚIUL POST-SOVIETIC,
STAREA ACTUALĂ ȘI PERSPECTIVELE PROCESULUI DE INSTITUIRE
A UNIUNII ECONOMICE EUROASIATICE**

МЕДВЕДЕВ Андрей / MEDVEDEV Andrei / MEDVEDEV Andrey**

ABSTRACT:

**EXPERIENCE OF INTEGRATION IN THE POST-SOVIET SPACE,
CONDITION AND PROSPECTS OF THE CONSTRUCTION PROCESS
OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION**

The article examines both positive and negative experiences of integration processes in the post-Soviet space.

Particular attention is paid to the problems of competition between several global projects that seek to create a „global world”, the proposed U.S. „Celestial Empire”, proposed by China and „regional integration” proposed by the European Union.

In a comparative perspective the problems of formation of the Eurasian Economic Union, as well as prospects of the Customs Union in the context of processes of global reformation of the international system and its smooth transformation into a multipolar world is also analyzed.

Key words: Eurasian Economic Union, the European Union, Customs Union, CIS, World International, multi-polar world.

JEL Classification: F29, K33, K39

* Лекция исполнительного директора АНО «ЦПТ «ПолитКонтакт» Андрея Медведева в ходе **Международного Молодежного Форума Соотечественников «Лидер XXI века»** 17-18 октября 2013 г., г. Минск, Республика Беларусь. Текст лекции составлен на основе обобщения ранее опубликованных по данной тематике собственных статей, а также на основе монографии члена-корреспондента РАН Г.И.Чуфрина «Очерки евразийской интеграции» (Москва, издательство «Весь Мир», 2013 год). [On-line]: <http://www.politkontakt.ru/2013/10/opyt-integratsii-na-postsovetskom-prostranstve-sostoyanie-i-perspektivy-protsesta-stroitelstva-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza/>.

** **MEDVEDEV Andrei** - Director executiv al Centrului de tehnologii politice „PolitKontakt” (Moscova, Federația Rusă). / **MEDVEDEV Andrey** - Executive Director of The Center of Political Tecnology „PolitKontakt” (Moscow, The Russian Federation). / **МЕДВЕДЕВ Андрей Николаевич** - Исполнительный директор АНО Центр политических технологий «ПолитКонтакт» (Москва, Российская Федерация).

РЕЗУМАТ:

**EXPERIENȚA DE INTEGRARE ÎN SPAȚIUL POST-SOVIETIC,
STAREA ACTUALĂ ȘI PERSPECTIVELE PROCESULUI DE INSTITUIRE
A UNIUNII ECONOMICE EUROASIATICE**

În articol este analizată experiența, atât pozitivă cât și negativă, a proceselor integraționiste din spațiul post-sovietic.

O atenție deosebită este acordată problemelor de concurență între mai multe proiecte globale: încercarea de a crea o „Lume Globală”, propusă de Statele Unite ale Americii, „Imperiul Ceresc”, propus de China și „Integrarea Regională”, propusă de Uniunea Europeană.

Într-o perspectivă comparativă se analizează procesele de instituționalizare a Uniunii Economice Euroasiatice, precum și perspectivele Uniunii Vamale în contextul proceselor de reformatare a sistemul internațional și transformarea acestuia într-o lume multipolară.

Cuvinte cheie: Uniunea Economică Euroasiatică, Uniunea Europeană, Uniunea Vamală, CSI, sistemul internațional, lume multipolară.

JEL Classification: F29, K33, K39

CZU: 327.33, 327.39

РЕЗЮМЕ:

**ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ,
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОЦЕССА СТРОИТЕЛЬСТВА
ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА**

В статье анализируется как позитивный, так и негативный опыт интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Особое внимание уделяется проблемам конкуренции между несколькими мировыми проектами претендующими на создание «глобального мира», предлагаемого США, «Поднебесной империей», предлагаемой Китаем и «региональной интеграции», предлагаемой Евросоюзом.

В сравнительном аспекте анализируется проблематика становления Евразийского экономического союза а также перспективы Таможенного союза в контексте процессов реформирования мировой международной системы и её плавной трансформации в многополярный мир.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Европейский союз, Таможенный союз, СНГ, мировая международная система, многополярный мир.

JEL Classification: F29, K33, K39

УДК: 327.33, 327.39

Прежде чем поговорить о перспективах и трудностях создания Евразийского экономического Союза и нынешнем состоянии интеграционных процессов, видится необходимым сделать короткий экскурс в отношении серии попыток консолидации на постсоветском пространстве, последовавшими после распада единой страны.

В результате ликвидации Советского Союза полтора десятка стран, в один момент ставших суверенными государствами, (обладающими абсолютно разными

стартовыми экономическими возможностями, с разными показателями обеспеченности сырьевыми ресурсами, продовольствием, с разной степенью развитости промышленности, а также уровнем связей с внешним миром) столкнулись с проблемами экономического выживания, угрозой политического хаоса. Перед вновь образовавшимися государствами встал выбор, к которому они оказались мало подготовленными, по поводу способов обеспечения социальных потребностей населения, путей экономического развития и

внешнеполитического курса. Происходило это одновременно с обострением взаимных территориальных споров, роста сепаратистских настроений и возникших на их основе вооруженных столкновений и даже войн в ряде образовавшихся стран, включая Россию.

Во многом, не готовность самостоятельно справиться с подобными вызовами определило объединение большинства бывших советских республик в Содружество независимых Государств в качестве попытки коллективного поиска жизненно необходимых ответов на беспрецедентные до этого вызовы. При этом СНГ изначально не имело наднациональных полномочий, что в конечном итоге определило его аморфность, как межгосударственной структуры, фактически превратившейся в диалоговую площадку с постепенно сужающимся составом. Как известно, Узбекистан изначально минимизировал свое участие, Туркменистан является всего лишь ассоциированным членом, Грузия полностью вышла из состава СНГ после пятидневной войны 2008 года. По мнению ряда экспертов, СНГ – это не столько «форма цивилизованного развода», сколько реализованный способ нивелировать сопротивление тех, кто не желал расторжения Договора 1922 года о создании СССР, и фактически исторически — оправдать Б.Ельцина, Л.Кравчука и С.Шушкевича, подписавших Беловежское соглашение о его (СССР) ликвидации – «дескать, они не просто ликвидировали Советский Союз, а создали ему замену в виде СНГ».

Но как бы то ни было, в итоге, мы получили иллюзию политической суверенизации и разрушение системы взаимовыгодной дополняемости производственных, технологических, торгово-сбытовых и других хозяйственных связей – и, как следствие, практически все постсоветские страны оказались в стратегическом тупике.

Исходя из содержания термина «интеграция» (от латинского — восстановление, восполнение целого) существует обобщенное определение интеграции как сплочения, слияния общественных, государственных структур

либо в рамки единого государства, либо в более широкую межгосударственную общность. Межгосударственная политическая и экономическая интеграция предполагает создание новых институтов власти с передачей им части суверенных прав национальных политических органов. Это подразумевает:

- наличие общего политического пространства и наличие верховного политического органа;
- согласованного юридического и административного пространства;
- общего экономического пространства;

Примером подобного рода интеграции с определенными поправками является Европейский Союз, который у подавляющего большинства населения постсоветского пространства является неким положительным образом региональной интеграции.

Если говорить о постсоветском пространстве, в частности о пространстве СНГ, то здесь мы наблюдаем то, что интеграционные процессы столкнулись с серьезными трудностями. Ход событий показал, что отсутствие наднациональных полномочий и отсутствие механизмов контроля за исполнением решений, принимаемых в рамках СНГ, быстро привели к тому, что данные решения носили необязательный характер для его участников. В результате попытки сохранения и поддержки необходимых межгосударственных связей на практике не соответствовали декларативным целям и несут весьма ограниченные результаты. Это касалось и экономического наполнения декларируемых межгосударственных отношений, что, в частности, проявилось в не выполнении Договора о создании экономического союза, подписанного в 1993 году, и который подразумевал последовательный и поэтапный переход к зоне свободной торговли, таможенного, платежного и валютного союза с целью формирования общего рынка товаров, услуг и капиталов.

Тем не менее, в ряде новых независимых государств здравомыслящие политики фактически всегда понимали жизненную необходимость на постсоветском пространстве в создании, укреплении и

развитии межгосударственного экономического сотрудничества на многосторонней основе. И такие попытки, разные по своему содержанию и исходным целям, предпринимались неоднократно.

По поводу Союзного государства Белоруссии и России я подробно говорить не буду, потому что это отдельная тема, ею я никогда профессионально не занимался, Вы ее знаете намного лучше меня, и было бы правильно, если бы Вы прочли мне лекцию о Союзном государстве Белоруссии и России, из которой я бы узнал много нового для себя. Мне же ближе ситуация, связанная с интеграционными попытками в постсоветской Средней Азии.

Так вот, касаясь республик бывшей советской Средней Азии и Казахстана, необходимо сказать, что убеждение в необходимости интеграции, так или иначе, разделяли все лидеры государств ЦА, что и нашло свое отражение в периодически озвучивавшихся интеграционных проектах с той или иной стороны. В частности, интеграционные предложения были озвучены в апреле 1993 года Исламом Каримовым, президентом Узбекистана; об идее создания конфедерации пяти центрально-азиатских республик заявлял в середине 90-х годов прошлого столетия Сапармурад Ниязов, первый президент Туркменистана. Но наиболее концептуально разработанную на тот момент идею — о создании Евразийского союза (ЕАС) — выдвинул президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, с которой он впервые публично выступил в ходе лекции перед преподавателями и студентами в МГУ имени М.В.Ломоносова 29 марта 1994 года.

Традиционно отдавая дань уважения данному событию, все же необходимо отметить две вещи: во-первых первоначально данная презентация Н.Назарбаева была представлена не в столице России г. Москве, а в Великобритании, и двумя годами ранее. Во-вторых, чтобы не говорили «говорящие головы», финансово мотивированные из статей государственного бюджета Казахстана, все же придется признать, что изначально «идея» лидера Казахстана была направлена на самом деле не столько на общие интересы интеграции в рамках постсоветского пространства, сколько на реализацию

собственных национальных целей. В процессе региональной интеграции Казахстан желал занять положение «старшего брата» в постсоветской Средней Азии, а уже потом, так сказать, коллективно выстраивать наиболее выгодные для себя взаимоотношения не только с Москвой, но и с Пекином, Вашингтоном, Брюсселем, а также – Дели, Тегераном, Анкарой и Исламабадом. Но дело не в том, что «информационная лапша» для спонсоров «московских говорящих голов» оказалась неэффективной с точки зрения соотношения «цена/качество», а в том, что точно с такими же намерениями (стать «старшим братом» в бывшей советской Средней Азии) до сих пор не расстался и Узбекистан, имеющий общие границы не только со всеми четырьмя азиатскими странами постсоветского пространства, но еще и с Афганистаном. В результате в Средней Азии были апробированы разные формы межгосударственной интеграции без участия России.

Первые соглашения о региональном сотрудничестве между странами Центральной Азии были достигнуты еще в 1993 году. Казахстан и Узбекистан заключили соглашение о мерах по углублению экономической интеграции, а в январе 1994 г. две страны подписали соглашение о создании **Единого экономического пространства**. В апреле того же года к данному соглашению присоединился Кыргызстан, после чего были предприняты попытки создания координационных органов, межгосударственных советов, секретариата ЕЭП. В марте 1998 года к указанным странам присоединился Таджикистан. После этого было принято решение акцентировать организацию сместить на экономическое взаимодействие, ЕЭП было преобразовано в **Центрально-Азиатское экономическое сообщество (ЦАЭС)**, которое затем, в декабре 2001 года, было реорганизовано в **Организацию центрально-азиатского сотрудничества (ОЦАС)**.

Однако, «процесс не пошел», несмотря на периодические заявления о необходимости и важности региональной интеграции, страны Центральной Азии не смогли создать действенной региональной организации в силу ряда причин, ключевой из которых на

политическом уровне являлась неготовность нынешнего поколения среднеазиатских элит к ограничению суверенитета ради достижения стратегических целей. «Субъективные факторы», в частности, соперничество за региональное лидерство, личные взаимоотношения президентов изначально препятствовали видящейся объективной и логичной социально-культурной интеграции. В результате этого в регионе добровольная «малая» интеграция в ближайшее время стала невозможной, а в отдаленном будущем и не нужна. Стало очевидно, что она стала возможна только в рамках «большого пространства» – типа ЕврАзЭС», Договор об учреждении которого был подписан 10 октября 2000 года в Астане и который после ратификации всеми участниками официально вступил в силу 30 мая 2001 года.

К концу 2003 года стало понятно, что в рамках Организации центрально-азиатского сотрудничества большинство ключевых соглашений не было реализовано, в 2004 году в ОЦАС вошла Россия, после чего по предложению президента Узбекистана, после того, как Узбекистан присоединился к ЕврАзЭС, в 2005 году произошло слияние этих двух организаций.

В рамках ЕврАзЭС проделан колоссальный объем работы в целях первичного стимулирования многостороннего экономического сотрудничества между входящими в него странами, но, тем не менее, данный процесс тоже шел очень медленно, и на данный момент можно сказать, что изначально заложенный в данную организацию потенциал до конца не был реализован. Одной из главных причин тому является то обстоятельство, что само по себе членство в ЕврАзЭС **автоматически**, без взаимных уступок и поиска компромиссов, не могло привести к эффективности взаимодействия по хозяйственным вопросам между постсоветскими странами.

Забегая вперед, хотел бы отметить, что завершение успехом создания Евразийского экономического союза, как более высокой формы экономической интеграции на постсоветском пространстве, приведет к окончанию деятельности ЕврАзЭС, как интеграционного объединения, созданного в 2000 году. Но сейчас, прежде чем закончить

часть нашей лекции, касающейся попыток «малой», без участия России, интеграции в рамках постсоветской Средней Азии и Казахстана необходимо сказать, что достаточно мощное влияние на интеграционные процессы в этом регионе, изначально оказывали и продолжают оказывать стратегии Китая и внерегиональных игроков. Однако сразу оговорюсь, что их появление является объективной закономерностью, заполнившей идеологический вакуум и экономическую разобщенность, вызванных крахом Советского Союза, а степень их влияния на сложности интеграции в рамках СНГ не стоит ставить во главу угла. Мне более близка точка зрения, согласно которой «пресловутый внешний фактор» является все же катализатором, а не первопричиной дезинтеграции на постсоветском пространстве.

Перечислю лишь некоторые внешние стратегии, которые, на мой взгляд, на протяжении всего описываемого периода, включая данный момент, оказывают наиболее серьезное влияние на процессы интеграции стран бывшей советской Средней Азии и Казахстана с участием России. Прежде всего, это стратегии США (ГУУАМ (1995-2005), «Большая Центральная Азия» (БЦА) — 2006 г), Китая (в основе которой лежит принцип «мягкой силы» в китайском понимании), ЕС («ЕС — Центральная Азия» (2007 г)), Японии («ЦА + Япония» (2005)), Турции («Большой тюркский мир» начало 90-х годов XX века). Свои долгосрочные стратегии в отношении ЦА также имеют Иран, Пакистан, Индия, Южная Корея.

Перечисленные стратегии являются разными по степени проработанности, подкреплению реальными финансовыми ресурсами и наполненности реальными проектами.

На мой взгляд, стратегия Китая изначально была менее всего виртуальна, и сейчас мы все являемся свидетелями ее значительной эффективности, в ее основу лег воспринимаемый странами региона принцип «мягкой силы», изначально привнесенный в регион с Запада, но в последствии наполненный Китаем конкретной экономической экспансией. Китайские

стратегические инвестиции (покупка акций ресурсодобывающих компаний, строительство транспортной инфраструктуры, выдача привлекательных займов, товарных кредитов и прочее) соответствуют долгосрочным целям КНР. При этом Китай до сих пор пока стремится всеми способами показать, что на политическом уровне не ставит целью прямую конкуренцию с США и Россией, по всей видимости, ожидая того момента, когда совокупность реализованных экономически выгодных проектов станет определять и политические отношения со странами региона. Данная стратегия весьма выгодно отличается от геополитической конкуренции РФ и США, которая далеко не всегда подкреплена серьезной экономической базой.

Наличие такого количества внешних стратегий, адресованных центрально-азиатскому региону, имеет неоднозначное и, причем разное значение для каждой расположенных в нем стран. При таком богатстве выбора все без исключения страны, несмотря на разность выбранных моделей собственного экономического развития, провозгласили в своей внешней политике принцип многовекторности. Однако, как оказалось, многовекторность мало провозгласить, необходимо еще и иметь ресурсы для того, чтобы ее себе позволить. Как показало время, на примере Киргизии, не всем данный принцип пошел на пользу. К сожалению, правящими элитами многовекторность зачастую воспринимается явно в упрощенном виде и, по сути, сводится к частой смене декларируемых внешнеполитических приоритетов. Опыт Киргизии в данной «многовекторности» фактически привел ее к порогу, за которым крах государственности. И, по всей видимости, Киргизия в данной трагедии может оказаться не единственной в своем роде. Однако злорадствовать по данному поводу не имеет никакого смысла, потому что до сих пор Россия и страны постсоветской Средней Азии, по сути, являются, сообщающимися сосудами, а в трудные времена взоры с мольбой о помощи со стороны последних, традиционно обращены к России.

Но как бы то ни было, в конце XX-го – начале XXI-го века баланс между центробежными и центроостремительными тенденциями начал приобретать свое эволюционно закономерное качество. Еще задолго до глобального кризиса 2008-2009 года вменяемые политики поняли неизбежную необходимость создания, укрепления и развития на постсоветском пространстве межгосударственного экономического сотрудничества на многосторонней основе. Что и говорить, что без коллективных усилий не получится противостоять угрозе спада внутреннего производства и снижению экспортных доходов от его итоговой продукции.

Тем не менее, в государствах постсоветского пространства до сих пор популярны изначально завышенные надежды на то, что тесное партнерство с западными промышленно развитыми странами, в частности членами Евросоюза, позволит кардинально решить с их помощью и **за их счет** свои прогрессирующие социальные и экономические проблемы. Данные иждивенческие ожидания сохраняются на фоне того, что уже давно определены основные интересы западных партнеров – доступ на выгодных условиях к добыче и экспорту энергоресурсов и других видов минерального сырья, максимальный доступ на местные рынки потребительских товаров и продуктов питания. Ни какого значимого содействия постсоветским странам в развитии высоких технологий иностранные инвесторы с периода распада Советского Союза не обеспечили и не собираются обеспечивать, в лучшем случае – за счет наличия более дешевой рабочей силы производится перенос некоторых видов сборочных производств, не более того.

Поэтому Евразийская интеграция – это действительно ответ на сложившуюся ситуацию, а создание Таможенного Союза между Беларуссией, Казахстаном и Россией в качестве логичного этапа на пути к созданию Евразийского Экономического Союза стало реальной заявкой на появление на евразийских просторах мощного конкурента существующим центрам силы в мировой и экономике и политике. Заявкой на достижение цели равноправного и

взаимовыгодного участия в мировом экономическом сообществе. Поэтому я полностью разделяю тезис о том, что становление и развитие евразийской экономической интеграции не может рассматриваться исключительно в категориях межгосударственных отношений бывших союзных республик, а ныне суверенных государств Евразии. По своему значению это явление, вполне очевидно, носит даже не региональный, а глобальный характер, и его стратегические перспективы будут определяться сложным переплетением и взаимодействием многих внутренних и внешних факторов политического, военно-политического, экономического и социального характера.

В одной из публикаций мне частично уже доводилось высказываться по этому поводу. Позволю себе повториться в рамках сегодняшней лекции.

Сегодня мы живем в условиях жесткой конкуренции нескольких мировых проектов, претендующих на создание глобальной системы, намеревающейся определять будущее всех цивилизаций, живущих на Земле. Основными «соперниками», между которыми идет финансово-экономическая война на сырьевых, товарных, фондовых и валютных рынках, стали проект создания глобального мира, различные варианты которого предлагают правящие круги США, и китайский проект воссоздания (теперь уже на общемировом уровне) Поднебесной империи. Это то, что, как называется, лежит на поверхности.

Помимо этих видимых глобальных проектов, которые можно условно назвать «основными», поскольку силы, участвующие в их реализации, контролируют значительную часть природных ресурсов и располагают огромными военно-политическими возможностями, существуют еще, как минимум, два, не столь видимых невооруженным взглядом, мировых проекта. Это сегодня, хоть и далеко не всегда заметный в публичном пространстве, мондиалистский проект, являющийся прямым наследником дела Ватикана по созданию «католического мира», не обладающий видимым военно-политическим и природно-ресурсным потенциалом, но за то

обладающий весьма значительными финансовыми ресурсами. И так называемый проект «финансового интернационализма», нацеленный на создание глобального общества, в котором классические национальные государства выступают в роли подчиненных по отношению к международным финансовым структурам и транснациональным корпорациям.

Эти четыре глобальных проекта во многом противоречат друг другу, как по своим целям, так и по средствам реализации. Однако было бы ошибкой рассматривать взаимоотношения между ними как непрекращающееся соперничество. Они связаны друг с другом системой сложных отношений взаимодействия и конкуренции, которые позволяют им ограничивать взаимные противоречия локальными конфликтами, не подвергая опасности относительную и шаткую стабильность, установившуюся на глобальном уровне.

Для государств, образовавшихся на территории СССР, наиболее важно то, что ни к одному из этих четырех глобальных интеграционных проектов, которые реализуются в современном мире, они не могут присоединиться **на сколько-нибудь приемлемых для себя условиях**. Включение в любой из этих проектов требует от них фактически полного отказа от государственного суверенитета и права на самостоятельное развитие, подчинения требованиям и нормам, навязанным извне.

В таком положении оказались, конечно же, не только республики бывшего СССР, но и многие государства Европы, Юго-Восточной Азии, Южной и Центральной Америки. Для того чтобы выстроить взаимовыгодные отношения с участниками глобальных проектов, эти страны объединяют усилия, увеличивающие их возможности по защите своего экономического и политического пространства от внешней экспансии.

Поэтому наряду с глобальными проектами в современном мире сосуществуют интеграционные проекты, которые реализуются на более низком уровне, охватывая отдельные макрорегионы или группы стран. Данные проекты («европейский», «киберо-латинский», «индуистский», «японский») зачастую

«накладываются» друг на друга, а потому некоторые национальные государства участвуют одновременно в нескольких проектах. При этом каждое индивидуально принимает для себя решение о том, в какой доле и какой составляющей своего национального суверенитета оно жертвует, и что за это рассчитывает получить взамен. Но это происходит отнюдь не всегда, так как подобный подход подразумевает наличие в этих государствах элит, ответственных за судьбу своего государства, гражданами которого они являются.

Ни одна из стран постсоветского пространства неспособна ни предложить, ни даже сформировать собственный мировой проект. Поэтому в условиях современного мира они оказались перед выбором: превратиться в арену столкновения внешних глобальных проектов (что, собственно и происходит) или приступить к экономической и военно-политической интеграции на региональном уровне, позволяющей объединить усилия для совместного восстановления **полного государственного суверенитета** и его совместной защиты на глобальном уровне.

С этой точки зрения евразийская интеграция, как мне видится, является для постсоветских государств единственным способом дать ответ на исторический вызов, сохранить в новых, чрезвычайно сложных международных обстоятельствах, как перспективы самостоятельного развития, так и контроль над ресурсами, позволяющими обеспечить высокое качество жизни.

Сама идея евразийства основана на единстве и культурно-историческом взаимодействии евразийских народов **в течение не одной сотни лет**. Эта идея включает в себя несколько аспектов и сторон. Это идея диалога культур Европы и Азии, это и обозначение суперэтнической общности, это и элементы, взятые из идейно-политического движения 20-х годов XX века в Европе. В частности проекта Пан-Европы, который предложила группа европейцев того времени во главе с князем Р.Куденхове-Калерги и который после Второй мировой войны лег в основу современного Евросоюза. В основе евразийства лежат принципы открытости и терпимости общества, его

готовности к восприятию полезного извне, **то есть способности синтезировать воспринятое извне с собственной самобытностью**, что, собственно и отличает его от проекта глобализации.

Однако на данный момент существуют серьезные препятствия для реализации «евразийского» интеграционного проекта на постсоветском пространстве, и было бы наивным и глубоко ошибочным преуменьшать многочисленные проблемы и трудности, которые стоят, и будут возникать в ходе эволюции ТС в ЕЭП и Евразийский экономический союз. Например, на начальной стадии создания ТС весьма сложным оказалось заручиться согласием Казахстана на увеличение ввозных пошлин на 5 тысяч товарных позиций, так как это решение могло серьезным образом сказаться на состоянии казахстанского внутреннего рынка и на уровне потребительских цен. Это лишь одна из сотни трудностей. С самого начала ТС столкнулся с серьезными проблемами, которые обуславливаются существенными различиями в национальных и групповых интересах - за два десятилетия входившие в состав Советского Союза национальные республики, став суверенными, разошлись достаточно далеко. В них сформировались самостоятельные хозяйственные группировки со своими собственными интересами, которые далеко не всегда совпадали и продолжают не совпадать с общенациональными. Откровенно негативное отношение к планам экономической интеграции демонстрирует та часть деловых кругов в постсоветских странах, которая, установив свой контроль над высоко прибыльными отраслями национальной экономики, в первую очередь над добычей и экспортом энергосырьевых ресурсов, намерена и далее эксплуатировать их в целях личного либо группового обогащения, не считаясь с национальными интересами.

Правоммерно констатировать, что отношение к ТС в странах-учредителях было остается не однозначным. Это усиливалось тем обстоятельством, что наблюдалось заметное падение удельного веса постсоветских стран во взаимном внешнеторговом обороте, значительное

сокращение масштабов взаимных торгово-экономических и инвестиционных связей. Необходимо также сказать, что неоднозначное отношение к ТС сохраняется и в России, которой в силу ее экономического потенциала и геополитических мотивов приходится нести большую тяжесть расходов по формированию ТС и его функционированию, на интеграционные мероприятия и интеграционную инфраструктуру, а также вводить дополнительные преференции партнерам. Тем не менее, Россия идет на это сознательно в расчете на то, что за счет сложения природных ресурсов, капиталов, человеческого потенциала Евразийский экономический союз имеет шансы встать в один ряд и занять свое место с такими ключевыми игроками и региональными структурами как ЕС, США, КНР, АТЭС. При этом стать не только конкурентоспособным в индустриальной и технологической гонке, но и внести существенный вклад в обеспечение устойчивости глобального развития. Это далеко не всем нравится, в том числе и создателям глобального мира под диктатом и контролем США, которые однозначно не хотят видеть Россию в числе равноправных геополитических игроков. В частности, правящие круги США, заинтересованные в реализации собственного глобального проекта, предполагают в противовес Китаю превратить Россию в основную базу американских ТНК для освоения ими Сибири и стран Средней и Центральной Азии. Но все здравомыслящие политики понимают, что там, где доминируют ТНК, уже не остается места ни для национального бизнеса, ни для политического и экономического суверенитета страны. Как правило, вслед за американскими ТНК в страну неизбежно приходят военные базы США, различные военизированные структуры и частные наемные армии американских корпораций. А для удобства контроля над политическим и экономическим пространством той или иной страны ее фактически превращают в конгломерат плохо связанных между собой экономических и политических областей, фактически независимых от слабого центрального правительства. С аналогичной угрозой, помимо России, сталкивается также

и Казахстан (правда, в значительно меньшей степени, поскольку существование этой страны в качестве самостоятельного геополитического игрока не рассматривается американской элитой как серьезное препятствие для реализации собственных планов). В результате понимания сути угроз Россия, Украина, Казахстан и Белоруссия, то есть страны с самыми крупными на постсоветском пространстве размерами ВВП, каждая по своему пришли к пониманию поиска алгоритма в пользу постепенного и последовательного укрепления и развития взаимного экономического сотрудничества. Уровень сегодняшних противоречий во взаимоотношениях указанных стран говорит о том, что данный алгоритм пока не найден, и его поиск потребует не только временных затрат, но и значительных интеллектуальных, материальных, а также очевидно, что на этом пути еще предстоит поломать немало копий.

Тем не менее, с созданием Таможенного союза его участники впервые за постсоветские годы договорились передать часть своего национального суверенитета наднациональному органу. Этим органом явилась Комиссия Таможенного союза, которой переданы полномочия по формированию единого таможенного тарифа. Вслед за созданием Таможенного союза страны-учредители выразили намерение продолжить начатый ими интеграционный процесс, переходя в согласованные сроки к очередным его этапам, что и было зафиксировано в Декларации о евразийской интеграции, принятой президентами России, Казахстана и Белоруссии 18 ноября 2011 года. Одним из важнейших результатов принятия данной Декларации стало межправительственное соглашение о начале формирования с января 2012 года Единого экономического пространства (ЕЭП) – межгосударственного объединения с открытыми внутренними границами и общим внешним контуром – и достижения в его рамках более высокого уровня экономической интеграции со свободным передвижением между участниками ЕЭП **не только товаров, но и услуг, трудовых ресурсов и капитала**. В результате были определены 17 соглашений, первоначально составившие договорно-правовую базу ЕЭП.

В дальнейшем готовятся к подписанию еще более 50 документов, регламентирующих деятельность ЕЭП.

Было решено, что ЕЭК будет носить двухуровневый характер. Верхний ее уровень должен включать в себя вице-премьеров трех стран-участниц ЕЭП. Нижний уровень, или коллегия, должен стать основным рабочим органом ЕЭП, принимающим решение об изменении пошлин, санитарного, ветеринарного и миграционного контроля и контролирующим распределение промышленных и сельскохозяйственных субсидий.

Решения ЕЭК подлежат непосредственному применению и выполнению на всей территории ЕЭП. В то же время, в целях защиты национальных интересов стран-участниц было предусмотрено, что если не будет достигнуто согласия между членами ЕЭС по какому-либо из обсуждаемых вопросов, решение по нему будет выноситься на рассмотрение Высшего Евразийского экономического совета, где оно может быть принято только **консенсусом**.

Всего в ближайшие пять лет Евразийской экономической комиссии намеревается передать 175 национальных полномочий, включая принятие решений по конкретной политике, техническим регламентам и субсидиям.

Что касается Украины, становится очевидным, что ее вступление в Таможенный Союз имело бы критически важное значение для всего процесса постсоветской интеграции, означая восстановление в основных чертах народнохозяйственного экономического комплекса, существовавшего до распада СССР. В свою очередь и для Украины развитие и укрепление хозяйственных связей со странами-членами ТС, являющимися основными ее торговыми партнерами, способно оказать весьма благоприятное влияние на состояние экономики и финансов страны, сыграв важную стабилизирующую роль и став серьезным фактором ее развития. Однако политическому руководству Украины и части элиты кажется, что вступление Украины в Евразийский Союз, присоединение к Таможенному союзу равносильно отказу от права принимать собственные политические

и экономические решения. Украинская элита опасается утратить контроль над экономическим пространством страны. При этом (в отличие от Беларуси, России и Казахстана) враждебная позиция украинской элиты к интеграции на евразийском направлении опирается на национал-либеральные и откровенно националистические настроения, которые в той или иной степени разделяет значительная (и довольно активная) группа избирателей. На общенациональных выборах последнего десятилетия доля избирателей, разделяющих указанные концепции, в общем числе голосующих составляла приблизительно 15%—20%. Это создало условия для политических манипуляций, позволило создать видимость общественного раскола по вопросу о векторе интеграционных процессов. Причем этот общественный конфликт в результате деятельности политических и медийных структур обрел реальные черты и стал одним из важнейших факторов развития политического процесса на Украине. В действительности же, если прекратить искусственно подогревать, фиксировать и усиливать общественные противоречия, то в скором времени в результате общественного компромисса был бы принят евразийский интеграционный вектор. Это становится очевидным на фоне того, что постсоветские государства (за исключением стран Балтии, превратившихся в экономическую и культурную окраину ЕС) остались в стороне от мировых интеграционных процессов. В результате сложилась прямая угроза превращения бывших советских республик в мировую периферию, лишенную перспективы самостоятельного развития. Изменить ситуацию можно, только объединив усилия для совместной борьбы за достойное место в мировой экономической системе. Реализация «евразийского проекта» дает реальный шанс достичь этой цели.

Еще одна проблема, связанная с восприятием евразийской интеграции в украинском обществе, состоит в том, что она (с подачи ведущих СМИ и политических деятелей) воспринимается **как серия экономических мер, а не как стратегия общенационального развития**. Хотя

очевидно, что интеграционный проект, направленный на региональную экономическую интеграцию с целью защиты права на самостоятельное развитие, а в перспективе — совместного восстановления **полного государственного суверенитета** и его совместной защиты на глобальном уровне, не может быть подчинен соображениям исключительно **текущей** экономической выгоды. Но в результате на Украине на первый план выходят вопросы, связанные с деятельностью крупных корпораций, стремящихся к сиюминутной максимальной прибыли. Несомненно, сегодня деятельность корпоративных структур представляет собой одно из главных препятствий на пути интеграционных процессов. Но преодолеть его удастся только в результате совместных усилий, направленных на создание общего социально-экономического и культурного пространства. Без перехода к интеграции противоречия, вызванные действиями корпоративных структур, будут только усиливаться.

Возможное вступление в ТС двух центрально-азиатских государств – Киргизии и Таджикистана, стран с чрезвычайно слабой экономикой и серьезными социальными проблемами, также сопряжено с большими сложностями, хотя и иного порядка, нежели с Украиной. Существуют сторонники присоединения Молдавии к ТС, которые призывают создать широкое и массовое движение в стране в пользу продвижения и реализации этой идеи. Они обоснованно считают, что вступление Молдавии в ТС позволит стране выйти на обширный рынок сбыта своей традиционной продукции, не пропускаемой на рынок Евросоюза, восстановить и модернизировать молдавские сельскохозяйственные и промышленные предприятия, поднять уровень жизни молдавского народа.

Как было сказано выше, евразийский интеграционный проект, не может быть подчинен соображениям исключительно **текущей** экономической выгоды. Но это не означает необходимость неизбежность «жертвенности собой», так как преимущества, которые получают участники евразийской интеграции, уже на начальной ее стадии касаются также и экономической

сферы. Тем более что задачей членов ТС не является переориентация исключительно на взаимный товарообмен, и тем более самоизоляция от внешних рынков. Что же касается внутренней торговли, то необходимо отметить, что в результате упрощения пограничных процедур между странами-учредителями ТС наметилось улучшение положения в транспортных перевозках через общие границы, тогда как до начала формирования ТС зачастую 50% времени транспортировки товаров занимали простои на таможенной границе и таможенное оформление. К тому же таможенные сборы и плата за оформление могли увеличивать до 15% себестоимость продукции.

Дополнительные возможности развития партнерства в рамках Единого экономического пространства предоставляет анализ действующих тенденций глобального развития, который неоспоримо свидетельствует о том, что «центр тяжести» мировой экономики смещается из североатлантического региона на азиатский континент. А это, в свою очередь, предоставляет уникальный шанс странам-учредителям ТС (а затем и ЕЭП) через объединение своих усилий стать не просто транспортным коридором, по которому перемещаются товары из Европы в Азию и обратно, но играть роль интегрирующей силы, объединяющей экономические пространства двух континентов. Таким образом, железнодорожные перевозчики России, Казахстана и Белоруссии, объединившись, могут усилить совместный потенциал в конкурентной борьбе с морскими перевозчиками и, как минимум, вернуть себя позиции по транзитным грузоперевозкам, которые они утратили после распада СССР.

Общеэкономический эффект от создания единой системы управления транспортом оценивается в исследовании Евразийского банка развития (в частности, основываясь на исследовании «Единое транспортное пространство ЕврАзЭС: перспективы создания единой системы управления») в росте ВВП каждой страны – члена ТС/ЕЭП на 3-5% к 2015 году по сравнению с 2010 г. Наибольший эффект (до 2-3%) при этом должно обеспечить гармонизированное законодательство при осуществлении

перевозок внутри единого транспортного пространства. От 0,5 до 1% эффекта может быть получено за счет сокращения аппаратов управления и передачи функций на наднациональный уровень. Вместе с тем, хотя предполагается, что создание единой транспортной системы управления транспортным пространством в рамках ЕЭП на наднациональном уровне должно быть выполнено к 2015 году, однако на практике этот процесс идет с большим трудом, ибо по-прежнему «наиболее острым остается вопрос готовности национальных правительств передать часть суверенитета в пользу экономической интеграции».

Эти сложности касаются и других отраслей экономики, поэтому рапортовать об успехах, безусловно, рано, что и признается всеми без исключения странами-учредителями ТС. Так, в обзоре Евразийского банка развития в марте 2012 года отмечалось, что, несмотря на некоторые экономические достижения, таможенная интеграция России, Беларуси и Казахстана к появлению единого инвестиционного пространства все еще не привела. Его отсутствие серьезно затрудняет решение важнейшей, фактически центральной задачи национального развития стран-участниц, то есть осуществления структурной перестройки на более высокой технологической основе. Соответственно - и преодоления отставания по основным показателям научно-технического прогресса и наукоемкости ВВП.

Тем не менее, очевидно, ЕЭП позволяет реализовать приоритетные направления сотрудничества в таких отраслях как энергетика, транспорт и телекоммуникации, а также – аграрно-промышленный комплекс, обрабатывающая промышленность, включая машиностроение и станкостроение; компьютерные технологии, медицина и биохимия. Устранение таможенных, законодательных и прочих барьеров на пути межгосударственной кооперации в сфере высоких технологий создает благоприятные условия для восстановления научных и производственных связей, в результате чего предприятия наукоемкой промышленности окажутся в явном выигрыше.

При этом, говоря о сотрудничестве в области энергетики, не стоит, допустим,

ограничиваться российско-казахстанским сотрудничеством в рамках добычи, переработки и транспортировки на мировой рынок углеводородного сырья. Не меньшее значение имеет взаимодействие в ядерной энергетике. Например, важным этапом стало соглашение об учреждении совместного ядерного центра в г. Ангарске по обогащению урана (ЦОУ) на производственной базе Ангарского электролизного химического комбината. В 2010 году было также подписано соглашение, которое предусматривает получение Казахстаном собственной доли в одном из действующих российских предприятий – Уральском электрохимическом комбинате (г.Новоуральск). В свою очередь российская корпорация «РосАтом» приобрела в Казахстане ряд урановых месторождений. Благодаря этим договоренностям Казахстан получил доступ к мощностям крупнейшего в мире предприятия по обогащению урана и может повысить добавленную стоимость практически половины всего урана и снизить зависимость «Казатопроба» от колебаний цен на природный уран. Российско-казахстанское сотрудничество по расширению мощности Экибастузской ГРЭС-2 является важнейшим, но далеко не единственным примером взаимодействия двух стран в производстве электроэнергии. Например, важным объектом сотрудничества является Петропавловская ТЭЦ-2, одна из наиболее мощных теплоэлектроцентралей Казахстана по комбинированной выработке электрической и тепловой энергии.

Взаимоотношения России и Белоруссии по энергетическим вопросам имеют также важный, но одновременно и сложный характер в общей системе их двусторонних отношений. О непростых российско-белорусских отношениях в сфере поставок нефти и газа, достаточно много написано. Но важно, что к концу 2011 года и моменту вступления в силу ЕЭП сторонам удалось достичь соглашения об особых условиях поставок российских углеводородов в Белоруссию и существенном снижении цен на них. Белоруссия также рассчитывает, что с завершением строительства с российской помощью АЭС на ее территории острота энергетических проблем страны серьезно

ослабнет. В целом же необходимо сказать, что, несмотря на определенные трудности, стоящие на пути развития энергетического сотрудничества в рамках ЕЭП, данное сотрудничество является важным условием укрепления **взаимодополняемости** экономик трех стран. И значение данного сотрудничества выходит за рамки сугубо экономического взаимодействия сторон, способствуя развитию и углублению отношений доверия между ними, в том числе и благодаря предоставлению ценовых скидок на торгуемые энергоресурсы, тарифных льгот при использовании нефте- и газотранспортных сетей и т.д.

Следующий пласт проблем. Следующий и не единственный - все пласты проблем, не говоря о каждой в отдельности, невозможно уделить внятное внимание в ходе часовой лекции. Поэтому – следующий пласт сложностей, но не последний. В рамках ЕЭП предстоит так же проделать большую работу по поводу упорядочивания процедур для легальных трудовых мигрантов, обеспечения их прав и законных интересов. Параллельно с этим решить вопросы нелегальной миграции, вызывающей законную обеспокоенность в российском, казахстанском и белорусском обществах. В начале 2012 года Евразийский банк развития подготовил доклад по проблемам трудовой миграции в ЕЭП, в котором был проведен углубленный анализ экономических и институционально-правовых последствий ратификации соглашений между членами ЕЭП в области трудовой миграции. Речь, в частности, шла о соглашении о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей, а также о соглашении о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств. Подписание этих соглашений было призвано обеспечить постепенную гармонизацию национального законодательства государств-участников ЕЭП и формирование ими единой миграционной политики. Это тоже большая проблема, по тому, что трудовая миграция - несомненно, весьма болезненный процесс, сопряженный с вынужденным выездом мигрантов из родных мест, зачастую на довольно длительный срок, работой и проживанием в непривычных бытовых условиях и т.д. Вместе с тем следует

признать, что длительный исторический опыт совместного нахождения в рамках единого государства положительно влияет на то, что адаптация трудовых мигрантов из других постсоветских государств в странах ЕЭП происходит все же намного проще по сравнению с мигрантами из стран «дальнего зарубежья», таких как Китай, Вьетнам, Турция.

Следующим, и не менее важным блоком вопросов являются проблемы и перспективы валютно-финансового сотрудничества. Сохранение нескоординированной валютной политики в странах ЕЭП может существенным образом минимизировать положительные эффекты от интеграционных связей. Нельзя при этом игнорировать опыт Евросоюза, переживающего, начиная с 2010 года, острейший кризис еврозоны. Созданию Европейского валютного союза предшествовала длительная работа по унификации экономической политики и выравниванию основных макроэкономических показателей странами Евросоюза, а также достижению ими максимальной унификации фискальной политики в области налогообложения, госрасходов, в том числе на социальные нужды, установления максимально допустимого размера дефицита госбюджета, борьбы с инфляцией. В действительности, однако, эти требования были нарушены целым рядом стран еврозоны, что и привело к упомянутому кризису. Соответственно серьезным уроком для стран-членов ЕЭП является необходимость достижения таких межгосударственных соглашений по финансовой политике, которыми было бы предусмотрено введение строгих санкций к их нарушителям. Неслучайно поэтому участники ЕЭП в декабре 2010 года подписали ряд взаимных обязывающих соглашений по типу Копенгагенских критериев Евросоюза. Согласно этим соглашениям годовой дефицит государственного бюджета любой из стран-участниц ЕЭП не должен превышать 3% ВВП, государственный долг быть не выше 50% валового внутреннего продукта, а уровень инфляции (индекс потребительских цен в среднегодовом выражении) не превышал более чем на 5 пунктов уровень

инфляции государства-участника ЕЭП, имеющего наименьший рост цен. Таким образом, формирование правил хозяйствования на территории ЕЭП предполагает налаживание, развитие и совершенствование валютно-финансового сотрудничества между участниками этого объединения вплоть до создания единой валюты. Плюсы от введения единой валюты понятны — ее введение позволило бы изменить нынешнюю ситуацию, когда значительная часть расчетов в рамках ЕЭП проводится в долларах или евро, причем основные расчетные центры находятся вне этого интеграционного объединения. Однако очевидно, что решение о создании единой валюты явно потребует значительного времени, так как, по крайней мере, в условиях сохраняющейся глобальной финансовой нестабильности это представляется невыполнимым. Оно может быть рассмотрено только, когда будет достигнута стабильность торговых балансов и резервов участников соглашения по этому вопросу. К тому же создание единой валюты для расчетов между собой может стать возможным в практическом плане, видимо, только после образования ими общей валютной зоны и достижения согласия между ними по поводу единого эмиссионного центра. При этом велика вероятность того, что роль единой валюты должна будет выполнять не денежная единица одной из стран-участниц ЕЭП, а принципиально новая валюта, аналогичная евро.

В заключение хочу повториться и в еще раз подчеркнуть, что перечисленные сложности, естественно, не являются единственными, их намного больше. Плюс к этому – они (эти сложности) существуют на фоне, когда в политических и деловых кругах целого ряда постсоветских стран сохраняются и культивируются подозрения по поводу конечных целей интеграционных мероприятий на постсоветском пространстве и той роли, которую намерена играть в их проведении Россия, которой приписываются великодержавные и неоимперские планы. В этой связи России необходимо значительно усилить качественное информационное сопровождение своих действий, акцентируя внимание на том, что развитие именно

экономического сотрудничества в рамках евразийского проекта, является и будет оставаться на обозримую перспективу магистральным направлением ее взаимодействия с партнерами по интеграции. Однако нельзя допустить, чтобы, перескакивая через этапы постепенной интеграции, спешить через пропаганду плюсов опережать реальные результаты и замалчивать объективно существующие проблемы, трудности и неминуемые сложности на данном пути. Задача непростая, но вполне выполнимая, так как очевидно, что интеграция ресурсов и усилий позволит постсоветским государствам добиться доминирующего положения не только на своих традиционных рынках, и увеличить свое экономическое присутствие в третьих странах, но самое главное выстроить **выгодные для себя** отношения с внешними глобальными проектами, о которых говорилось выше. В противном случае экономическое пространство бывшего СССР (в том числе и народное хозяйство Украины, кстати) окажется под контролем европейских, американских и китайских экономических структур, а в итоге: отказ от самостоятельной геополитической роли - это путь к дальнейшей деградации, к превращению наших стран и нашего общего геоэкономического пространства в арену столкновения других, более удачливых, геополитических игроков, к утрате перспективы самостоятельного развития и контроля над национальными ресурсами.

Copyright©Andrei MEDVEDEV, 2013.

Contacte / Contacts / Контакты:

АНО Центр Политических Технологий «Политконтакт».

101000, г Москва, ул. Мясницкая, д. 22/2/5, стр. 4.

Tel: (+7) 495-621-15-56

E-mail: m_andrey2004@mail.ru

Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2013, Issue 4, Volume 30, Pages 176-183.

ISSN 1857-1999

Submitted: 16. 10. 2013 | Accepted: 30.11. 2013 | Published: 15.12. 2013

**TRIBUNA DISCUȚIONALĂ
THE TRIBUNE OF DISCUSSION
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА**

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПЕРСПЕКТИВА
ПРИЧЕРНОМОРСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ
В СФЕРЕ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ***

**INTERNATIONAL LEGAL PERSPECTIVE OF BLACK SEA COOPERATION
BETWEEN STATES IN THE FIELD OF PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE**

**PERSPECTIVELE COOPERĂRII STATELOR DIN REGIUNEA MĂRII NEGRE
ÎN DOMENIUL PROTECȚIEI PATRIMONIULUI CULTURAL
(ASPECTE DE DREPT INTERNAȚIONAL)**

МЕЛЬНИЧУК Елена ** / MELNICIUK Elena / MELNICHUK Elena

ABSTRACT:

**INTERNATIONAL LEGAL PERSPECTIVE OF BLACK SEA COOPERATION
BETWEEN STATES IN THE FIELD OF PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE**

The article is devoted to questions of local cooperation development in culture and cultural heritage protection sphere at international level in the Black Sea region, taking into account that this region is situated at civilization crossroad and is very rich in tangible and intangible heritage which need legal protection.

Some international legal instruments concerning cultural heritage and culture protection are analyzed, including Black Sea convention on cooperation in culture, education, science and information sphere 1993, BSEC recommendations, activity of BSEC cultural, educational and social questions committee and OBSEC working group on culture is analyzed.

Suggestions and recommendations regarding the international legal perspectives of Black Sea cooperation among states in the sphere of culture in general and the protection of cultural heritage, including creation of a legal framework for the protection of cultural heritage of Black Sea are expressed in the article.

Key words: *cultural cooperation, cultural heritage, OBSEC, Parliament Assembly BSEC, BSEC cultural, educational and social questions committee, OBSEC working group on culture.*

JEL Classification: K33, K29, F59

* Raport prezentat la Conferință internațională științifico-practică "Securitatea regională și procesele integraționiste în spațiul extins al Mării Negre: abordări politico-juridice naționale și internaționale", Chișinău, 28 noiembrie 2013. / Report presented at the International Scientific-practical Conference "The regional security and integraționiste processes in the expanded area of the Black Sea: political and legal approaches", Chisinau, November 28, 2013. / Доклад, представленный на международной научно практической конференции "Региональная безопасность и интеграционные процессы в Большом Причерноморском регионе: политико-правовые подходы", Кишинев, 28 ноября 2013 г.

** MELNICIUK Elena - Doctor în drept, cercetător științific superior la Institutul Stat și Drept al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev, Ucraina). / MELNICHUK Elena - Ph.D in Law, senior researcher at the Institute of State and Law „V. M. Koretsky”, The National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine). / МЕЛЬНИЧУК Елена Игоревна - Кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института государства и права им. В.М. Корецкого Национальной академии наук Украины (Киев, Украина).

РЕЗУМАТ:

**PERSPECTIVELE COOPERĂRII STATELOR DIN REGIUNEA MĂRII NEGRE
ÎN DOMENIUL PROTECȚIEI PATRIMONIULUI CULTURAL
(ASPECTE DE DREPT INTERNAȚIONAL)**

Articolul se referă la problematica dezvoltării cooperării regionale în domeniul culturii și protecția patrimoniului cultural la nivel internațional interstatal în Regiunea Mării Negre, având în vedere că regiunea este la intersecția dintre câteva civilizații și extrem bogat în monumente, corporale și necorporale, ale patrimoniului cultural, care necesită protecție juridică.

Autorul analizează actele normative internaționale legate de protecția patrimoniului cultural și a culturii la general, inclusiv Convenția Mării Negre privind cooperarea în domeniile culturii, învățământului, științei și informației, din 1993, precum și recomandările Adunării Parlamentare a Organizației de Cooperare Economică la Marea Neagră, studiază activitățile Comitetului pentru cultură, educație și afaceri sociale a CEMN, grupului de lucru a OCEMN pe chestiunile de cultură.

Sunt propuse sugestii și recomandări privind perspectivele cooperării juridice internaționale a statelor din Regiunea Mării Negre în sfera culturii la general și protecția patrimoniului cultural, inclusiv stabilirea unui cadru juridic pentru protecția patrimoniului cultural al Regiunii Mării Negre.

Cuvinte cheie: cooperarea culturală, patrimoniu cultural, OCEMN, AP OCEMN, Comitetul pentru cultura al CEMN, grupul de lucru al OCEMN pentru chestiunile de cultură.

JEL Classification: K33, K29, F59

CZU: 341.232.7

РЕЗЮМЕ:

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПЕРСПЕКТИВА ПРИЧЕРНОМОРСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

Статья касается вопросов развития регионального сотрудничества в сфере культуры и охраны культурного наследия на межгосударственном уровне в причерноморском регионе, учитывая, что этот регион, находится на перекрестке нескольких цивилизаций и чрезвычайно богат на материальные и нематериальные памятники культуры, которые нуждаются в правовой охране.

Автор анализирует международно-правовые документы, касающиеся охраны культурного наследия и культуры в целом, в том числе Черноморская конвенция о сотрудничестве в сфере культуры, образования, науки и информации 1993 г., а также рекомендации Парламентской Ассамблеи Черноморского экономического сотрудничества, раскрывается деятельность Комитета по культуре, образованию и социальным вопросам ЧЕС, Рабочей группы ОЧЭС по культуре.

Высказываются предложения и рекомендации относительно международно-правовой перспективы причерноморского сотрудничества государств в сфере культуры в целом и охраны культурного наследия, в т.ч. создание правового механизма охраны культурного наследия Причерноморья.

Ключевые слова: культурное сотрудничество, культурное наследие, ОЧЭС, ПАЧЭС, Комитет по культуре ЧЕС, Рабочая группа ОЧЭС по культуре.

JEL Classification: K33, K29, F59

УДК: 341.232.7

Черноморский геокультурный регион, соединяющий Европу и Азию, Запад и Восток, находится на перекрестке нескольких цивилизаций. Здесь, взаимообогащаясь и оказывая влияние друг на друга, переплелись различные культуры, традиции и религии, что

позволяет Причерноморью занять свое особое место на мировой культурной арене. Древнее и очень богатое культурное наследие этого региона выражается в материальных (памятники, ансамбли, художественные произведения, скульптуры, книги, т.д.) и

нематериальных (музыка, языки, фольклор, традиции) формах, имеющих историческую, эстетическую, археологическую, научную, этнологическую, художественную или антропологическую ценность.

Сосуществование народов Черноморского региона (в период Османской Империи, Российской Империи и Советского Союза), традиционные культурные связи государств с одинаковыми религиозными традициями (Россия и страны юго-восточной Европы) и языком (Турция и Азербайджан, Молдова и Румыния), развитие отношений с другими этническими, культурными и религиозными группами, а также наличие спорных вопросов в сфере культурного наследия (например, реставрация в Турции храмов, которые исторически принадлежали грузинской или армянской общине) способствует необходимости развития регионального сотрудничества в сфере культуры и охраны культурного наследия на межгосударственном уровне.

Проблемами международно-правовой охраны культурного наследия и культуры в целом занимаются как зарубежные, так и отечественные украинские ученые – В.Акуленко¹, М.Богуславский², С. Нахлик³, П. Герштенблит⁴, Дж. Нафziger⁵, Дж. Мерримен⁶, Ф. Франциони⁷ и другие. Вместе с тем, вопросы причерноморского сотрудничества государств в сфере охраны культурного наследия и культуры, к сожалению, не нашли достойного отражения в доктрине международного права, в том

числе и в украинской науке международного права. Поэтому целью данной статьи – обратить внимание общественности, в том числе ученой, на необходимость проведения исследования данного направления, а также на вопросы международно-правовой перспективы сотрудничества государств причерноморского региона в сфере охраны культурного наследия и культуры в целом.

Подобного рода сотрудничество особенно активно развивается в региональных международных организациях, например в рамках Совета Европы. Также, несмотря на экономические цели создания Европейских Сообществ, с момента заключения Маастрихтского договора в 1992 г. политика в сфере культуры официально стала одним из направлений деятельности Европейского союза и начала рассматриваться как фактор экономической и социальной интеграции Европы⁸. Намечаются тенденции развития сотрудничества в данной сфере в Содружестве Независимых Государств, Африканском союзе и других региональных организациях.

Следует отметить, что сотрудничество в сфере культуры и охраны культурного наследия в Причерноморском регионе осуществляется, главным образом, на двусторонней основе. В рамках двусторонних межправительственных и межведомственных соглашений о культурном сотрудничестве, меморандумов и программ обмена, которые обеспечивают правовые и, в некоторых случаях, бюджетные условия мероприятий в этой сфере включают, в основном, деятельность в сфере театра, танцев, музыки, традиционного искусства, литературы, археологии, изобразительного искусства. Также, прочно установившимися традициями в регионе являются Годы культуры, посвященные определенной стране, которые обычно носят взаимный характер: год Грузии в Украине (2005), год России в Болгарии (2008), год Болгарии в России (2009) и т. д. В том же духе, проводятся также Дни и Месяцы культуры такие как, Дни культуры Украины в

¹ Акуленко В.І. Формування міжнародно-правової позиції України в охороні культурних цінностей. К., 1995, с. 298-319.

² Богуславский М.М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты. М.: «Юристъ», 2005. 427 с.

³ Nahlik Stanislaw E.. La Protection Internationale des Biens Culturels, en Cas de Conflit Armé / Recueil des Cours de l'Academie de Droit International. 1968.

⁴ Gerstenblith Patty. Art, Cultural Heritage, and the Law: Cases and Materials. Carolina Academic Press, 2012.

⁵ Nafziger James. Cultural Law: International, Comparative, and Indigenous. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2010. xxvii + 1012 p.

⁶ Merryman John Henry. Cultural Property Internationalism. In: International Journal of International Law. 2005, Vol.12., number 1, p. 11-39.

⁷ Francioni Francesco. The destruction of the Buddhas of Bamyan and International Law (with F. Lenzerini). In: European Journal of International Law, 2003, p. 620-653.

⁸ Мельничук О.І. Правові засади охорони культурної спадщини в Європейському Союзі. В: Науковий вісник академії муніципального управління. Збірник наукових праць. Серія «Право». Вип. 1. Київ, 2011.

Республике Молдова (2001) и Дни культуры Республики Молдова в Украине (2002), Дни Сербии в Украине (2009), Дни Азербайджана в Украине (2009), Дни Тбилиси в Стамбуле (2006).

Учитывая важность культурного сотрудничества для поддержания взаимопонимания и взаимоуважения между народами, населяющих Причерноморский регион, и желая укрепить культурные связи между Албанией, Азербайджаном, Арменией, Беларусью, Грузией, Молдовой, Румынией, Российской Федерацией, Украиной и Турцией в 1993 г. была заключена Черноморская конвенция о сотрудничестве в области культуры, образовании, науки и информации (далее – Черноморская конвенция 1993 г.). Этот многосторонний договор заложил международно-правовую основу сотрудничества государств причерноморского региона в сфере культуры и охраны культурного наследия. Согласно ст. 4 Черноморской конвенции 1993 г. государства обязались содействовать совместным проектам в области музыки, театра, изобразительного искусства, музейного дела, исследований и разработок, а также публикации научных работ по археологии, этнологии, истории и искусству, охраны памятников истории и культуры, библиотечного и архивного дела. На основании ст. 9 Черноморской конвенции 1993 г. государства учредили Координационный совет в составе старших правительственных должностных лиц, ответственных за осуществление и координацию деятельности в рамках Конвенции. Еще одним обязательством, взятым на себя государствами-участниками, было поощрение, содействие и развитие помощи в заключении многосторонней научной конвенции о защите и исследовании памятников древних цивилизаций (ст. 2 h Черноморской конвенции 1993 г.).

Возрастающая на международном уровне тенденция непосредственной связи культурного сотрудничества с более широкими целями развития международного сообщества и государств привела к тому, что Черноморское Экономическое Сотрудничество с момента своего создания стало также рассматривать вопрос о

включении культуры в процесс межгосударственного сотрудничества.

Признавая важную роль сотрудничества в области культуры в осуществлении задач ЧЭС Парламентская Ассамблея в Рекомендации (Рек. 3/1994), принятой на третьей пленарной сессии в 1994 г. поставила перед собой задачу способствовать процессу ратификации и осуществления Черноморской конвенции 1993 г. и в связи с этим просила Комитет уделить данной проблеме особое внимание и регулярно рассматривать этот вопрос на повестке дня.

Кроме этого, Парламентская Ассамблея ЧЭС утвердила более 10 рекомендаций по вопросам культуры и охраны культурного наследия, таких как защита культурного наследия стран-членов ПАЧЭС (Рек. 6/1994), роль культуры в развитии региона ЧЭС (Рек. 70/2003), сохранение и преумножение культурного наследия государств-членов ЧЭС (Рек. 80/2004), культурные, образовательные и социальные аспекты расширения ЕС: последствия для Черноморского региона (Рек. 86/2005), диалог культур как средство укрепления доверия между народами (Рек. 89/2006), процесс глобализации и потенциальная угроза культурному многообразию (Рек. 93/2006), призывающие национальные парламенты принять неотложные меры по введению в действие специального законодательства или изменению существующих законов для того, чтобы защитить традиции и культурное наследие стран Черноморского региона.

Несмотря на доминирующие экономические приоритеты создания ЧЭС, Парламентская Ассамблея заложила основы для развития культурного сотрудничества государств-членов путем создания соответствующего постоянно действующего специализированного Комитета по культуре, образованию и социальным вопросам ЧЭС (далее – Комитет). По решению третьего заседания Комитета в 1994 г. был создан специализированный ad hoc подкомитет по защите культурного наследия (первый в структуре Ассамблеи) с целью рассмотрения вопроса о разработке региональной программы по защите культурного наследия. По результатам двух заседаний данного подкомитета в 1996 г. ПА ЧЭС в

рекомендации (Рек. 18/1996) подтвердила необходимость разработки программы защиты культурного наследия в Черноморском регионе и поставила задачу рассмотреть возможность проведения в ближайшем будущем межправительственной встречи на уровне экспертов для координации действий по разработке Программы.

Среди этих документов следует отметить рекомендацию 6/1994, которая выдвинула ряд важных конкретных инициатив, направленных на защиту культурного наследия в странах ПАЧЭС, в частности, относительно создания Фонда культурного наследия Причерноморья, т.е. органа, который будет координировать усилия, мобилизовать финансовые ресурсы и обеспечивать участие различных организаций в разработке и реализации проектов в сфере охраны культурного наследия. Такой Фонд защиты культурного наследия, как предлагалось, мог бы аккумулировать средства не только правительственных организаций, но и всевозможных неправительственных фондов, организаций, частных лиц, пожелавших направить их на реализацию программ защиты культурного наследия и ее конкретных проектов. В этой рекомендации также ставились вопросы о необходимости составления национальных реестров культурного наследия и единого списка культурного наследия Причерноморья, а также предупреждения незаконного вывоза и ввоза культурных ценностей, сотрудничества между музеями и архивами, сотрудничества с другими специализированными международными организациями и т.д.

Охрана культурного наследия была признана фактором развития и важным источником, способным внести значительный вклад в создание рабочих мест и улучшение качества жизни людей, обеспечить устойчивое развитие в Рекомендации ПАЧЭС (Рек. 70/2003) «О роли культуры в развитии региона ЧЭС». В связи с этим Парламентская Ассамблея ЧЭС приняла рекомендацию 80/2004 «О сохранении и улучшении состояния культурного наследия в государствах-членах ЧЭС», где в т.ч. рекомендовала парламентам и правительствам государств-членов ЧЭС

развивать институциональные рамки в области охраны объектов национального культурного наследия, разрабатывать всеобъемлющие национальные программы охраны и улучшения состояния объектов культурного наследия, давая оценку находящимся под угрозой объектам культурного наследия, готовя и осуществляя мониторинг планов защиты, сохранения и реставрации; *обеспечивать* наличие адекватных бюджетов для сохранения имущества и охраны культурной собственности, учитывая, что культурное наследие рассматривается в качестве одного из главных ресурсов будущего устойчивого развития; *предпринять* соответствующие шаги и законодательные меры по заблаговременной защите культурной собственности от стихийных бедствий: землетрясений, наводнений, пожаров и т.д., определяя вероятность этих событий и меры защиты, позволяющие свести к минимуму или избежать незащищенность или риск; *принимать* законодательство в сфере музеев для обеспечения охраны культурной собственности; *принять* необходимые законодательные меры для обеспечения сохранения объектов культурного наследия находящегося под угрозой промышленного развития и урбанизации; *воздерживаться* от политизации сектора культуры и от использования культурных ценностей и собственности в политических целях; *обеспечивать* охрану памятников культуры национальных меньшинств, сотрудничая в этом направлении с заинтересованными странами; *предпринимать* надлежащие меры во время вооруженных конфликтов, для избежания нанесения ущерба культурному наследию в соответствии с международным правом, принципами международных соглашений и рекомендациями ЮНЕСКО в области охраны наследия во время военных действий; *предпринимать* неотложные меры, чтобы остановить незаконную торговлю движимыми произведениями искусства, особенно, криминальными элементами, действующими на международном рынке предметов искусства, лишаящими свои страны бесценного достояния за сравнительно небольшое, но незамедлительное вознаграждение;

защитить архитектурное наследие двадцатого века, включив здания или предметы искусства в списки предметов, подлежащих защите, или территорий, предназначенных для сохранения; добавить к существующему законодательству конкретные меры там, где недавнее наследие не защищено или защищено ненадлежащим образом; обеспечивать возвращение памятников либо их частей, вывезенных в результате насильственных и/или незаконных действий и т.д.

Позже, в рамках Организации Черноморского Экономического Сотрудничества по инициативе греческой делегации в 2006 г. была создана Рабочая группа ОЧЭС по культуре. В задачи Рабочей группы были включены развитие межкультурного диалога с целью содействия позитивному восприятию и укреплению доверия между народами региона ЧЭС и за его пределами; укрепление уважения национальных культурных традиций; защита культурного многообразия; пропаганда культурной самобытности региона ЧЭС в духе его взаимной связи, а также его общечеловеческих ценностей, традиций и верований; защита культурных ценностей в регионе ЧЭС; повышение общественного сознания и заботы о выдающихся памятниках и парках, считающихся частью культурного и природного наследия; защита и поддержка интеллектуальной и художественной деятельности, а также творчества в искусстве, литературе, музыке, кино, спорте, соответствующего народному творчеству (ремеслам), местным познаниям, традициям и самовыражению, этнографическим элементам, кулинарии и т.д.

На своем первом заседании в Соунио в июле 2007 г. ОЧЭС по культуре министры культуры государств-членов Организации Черноморского Экономического Сотрудничества решили привлечь к межправительственному сотрудничеству также ПАЧЭС и Международный Центр Черноморских Исследований и гражданское общество, сосредоточившись на следующих направлениях: осуществление мероприятий в рамках сотрудничества на региональном уровне с целью создания списка культурного наследия, как материального так и

нематериального; укрепление сотрудничества в области предупреждения незаконного ввоза, вывоза и передачи культурной собственности; осуществление совместных проектов в области современной культуры, такой как литература, театр, танцы, музыка и изобразительное искусство; возрождение древних маршрутов и творческое развитие новых механизмов для межкультурного диалога, взаимопонимания, добрососедских отношений и социальной сплоченности; определение необходимых источников финансирования совместных проектов через национальные, международные общественные и частные фонды.

В период 2008-2010, 2011-2012 сотрудничество ОЧЭС в сфере культуры определялись Планом мероприятий Рабочей группы по культуре, которая сосредоточила свое внимание главным образом на сфере познавательного туризма. Несмотря на огромный энтузиазм в самом начале и включение многих предложений в повестку дня, с течением лет, как отмечается в Докладе «Культурное сотрудничество в регионе ЧЭС: опыт, возможности и задачи» (утвержденном на Тридцать пятом заседании Комитета по культуре, образованию и социальным вопросам 15 сентября 2010 г. и одобренном на Тридцать шестой Генеральной Ассамблее ОЧЭС 3 ноября 2010 г.) Рабочая группа ОЧЭС по культуре «утратила импульс и замедлила ход осуществления проектов».

Следует отметить, что международно-правовая охрана культурного наследия в Причерноморском регионе на данном этапе ограничивается изучением сложившейся ситуации в рамках подготовки докладов и принятием рекомендаций, в которых только в общих чертах констатируются факты и общие намерения. Конкретные мероприятия международно-правовой охраны культурного наследия, в т.ч. разработка и внедрение межгосударственных программ, создание фонда и списка культурного наследия Причерноморья, проведение экспедиции в странах Причерноморья с целью осмотра памятников культурного наследия, организация передвижных выставок по археологии, этнографии, искусству и выставок современных художников с целью привлечения средств для Фонда и т.д. в силу

определенных финансовых или других обстоятельств пока не осуществляются. В том числе не реализуется обязательство, предусмотренное ст. 2h Черноморской конвенции 1993 г. относительно поощрения, содействия и развития помощи в заключении многосторонней научной конвенции о защите и исследовании памятников древних цивилизаций.

Таким образом, сотрудничество государств Причерноморского региона в рамках ОЧЕС в этой сфере имеет смысл только при создании постоянного действующего эффективного механизма охраны культурного наследия Причерноморья (по примеру Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО) и создании фонда как финансовой основы для обеспечения его деятельности. Альтернативой вышеназванного механизма могло бы быть назначение должностного лица, ответственного за вопросы охраны культурного наследия Причерноморья. В полномочия таких органов можно бы включить планирование и координирование совместных мероприятий по охране и изучению памятников культурного наследия, в том числе обсуждение и помощь в разрешении спорных вопросов, связанных с культурным наследием. Международно-правовой основой данного механизма могла бы быть конвенция о защите и исследовании памятников древних цивилизаций, разработка и принятие которой предусмотрена в Черноморской конвенции 1993 г.

При отсутствии политической воли ОЧЕС или в силу иных причин (возможно, финансовых) на данном этапе государствам Причерноморского региона следовало бы сосредоточить своё внимание на уже существующих международно-правовых механизмах охраны культурного наследия – ЮНЕСКО, Совета Европы или других региональных организаций. В любом случае следует помнить, что сотрудничество в области культуры и охраны культурного наследия между государствами Причерноморского региона может оказаться ключом к углублению политического диалога, развитию экономического сотрудничества и обеспечению стабильности государствами региона.

Библиография:

1. Francioni Francesco. The destruction of the Buddhas of Bamyán and International Law (with F. Lenzerini). In: European Journal of International Law. 2003, p. 620-653.
2. Gerstenblith Patty. Art, Cultural Heritage, and the Law: Cases and Materials. Durham, N.C.: Carolina Academic Press, 2012. xxii + 907 p.
3. Merryman John Henry. Cultural Property Internationalism. In: International Journal of International Law. 2005, Vol.12, number 1, p. 11-39.
4. Nafziger James. Cultural Law: International, Comparative, and Indigenous. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2010. xxvii + 1012 p.
5. Nahlik Stanislaw E. La Protection Internationale des Biens Culturels, en Cas de Conflit Armé / Recueil des Cours de l'Academie de Droit International. Leyde, 1968, p. 61 – 163.
6. Акуленко В.І. Формування міжнародно-правової позиції України в охороні культурних цінностей / Суверенітет України та міжнародне право. К., 1995, с. 298-319.
7. Богуславский М.М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты. М. «Юрист», 2005. 427 с.
8. Мельничук О.І. Правові засади охорони культурної спадщини в Європейському Союзі. В: / Науковий вісник академії муніципального управління. Збірник наукових праць. Серія «Право». Вип. 1. Київ, 2011.

Bibliography:

1. Francioni Francesco. The destruction of the Buddhas of Bamyán and International Law (with F. Lenzerini). In: European Journal of International Law. 2003, p. 620-653.
2. Gerstenblith Patty. Art, Cultural Heritage, and the Law: Cases and Materials. Durham, N.C.: Carolina Academic Press, 2012. xxii + 907 p.
3. Merryman John Henry. Cultural Property Internationalism. In: International Journal of International Law. 2005, Vol.12, number 1, p. 11-39.
4. Nafziger James. Cultural Law: International, Comparative, and Indigenous. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2010. xxvii + 1012 p.
5. Nahlik Stanislaw E. La Protection Internationale des Biens Culturels, en Cas de Conflit Armé / Recueil des Cours de l'Academie de Droit International. Leyde, 1968, p. 61 – 163.
6. Akulenko V.I. Formuvannja mizhnarodno-pravovoi pozicii Ukraïni v ohoroni kul'turnih cinnostej / Suverenitet Ukraïni ta mizhnarodne pravo. K., 1995, p. 298-319.

7. Boguslavskij M.M. Kul'turnye cennosti v mezhdunarodnom oborote: pravovye aspekty. M.Iurist, 2005. 427 p.

8. Mel'nichuk O.I. Pravovi zasadi ohoroni kul'turnoi spadshhini v Evropejs'komu Sojuzi. V: Naukovij visnik akademii municipal'nogo upravlinnja. Zbirnik naukovih prac'. Serija «Pravo». Vip. 1 Kiiv, 2011.

Copyright©Elena MELNICHUK, 2013.

Contacte / Contacts / Контакты:

Институт государства и права им. В.М. Корецкого Национальной академии наук Украины.

01601, Украина, г. Киев, ул.Трехсвятительская, 4.

Tel: (+ 380) 50 251 38 60

E-mail: Elya.Melnychuk@gmail.com

Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2013, Issue 3, Volume 29, Pages 184-189.

ISSN 1857-1999

Submitted: 12. 6. 2013 | Accepted: 30.11. 2013 | Published: 15.12. 2013

**TRIBUNA DISCUȚIONALĂ
THE TRIBUNE OF DISCUSSION
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА**

МОЛОДЁЖНАЯ ПОЛИТИКА И ГОСУДАРСТВО ГРУЗИЯ

YOUTH POLICY AND THE STATE OF GEORGIA

POLITICA DE TINERET ȘI STATUL GEORGIA

МЕТРЕВЕЛИ Николоз* / METREVELI Nikoloz / METREVELI Nikoloz

ABSTRACT:

YOUTH POLICY AND THE STATE OF GEORGIA

The article analyses the youth policies in Georgia and the State power structures of its formation. Youth policy is a system of priorities and activities aimed at the creation and socialization conditions and opportunities of effective youth. The purpose of the youth policy is the development and realization of the potential of young people. State youth policy should be an integral part of public policy.

In our opinion, the youth, as the most important object of national interest, requires the development of appropriate youth policy of the state. Today's contradictory and inconsistent youth policy creates serious problems for the government and society. In this regard, it is necessary to use features of the expert community, the political and administrative structures of the state.

Key words: youth policy, state policy, self-realisation of youth, the national interest.

JEL Classification: Z18, H59, K19

REZUMAT:

POLITICA DE TINERET ȘI STATUL GEORGIA

În articol se analizează politicile de tineret din Georgia și atitudinea structurilor puterii de stat în procesul de formare a acesteia. Politica de tineret este un sistem de priorități și activități care vizează condițiile de creație și socializare, cât și oportunitățile de autorealizare eficientă a tineretului. Scopul politicii de tineret politica constă în dezvoltarea și realizarea potențialului tinerilor. Politica statală de tineret ar trebui să fie parte integrantă a politicii naționale a statului.

După părerea noastră, tinerii în calitatea sa de obiect important al interesului național necesită o politica statală de tineret. Politica actuală de tineret, contradictorie și inconștientă, inițiază probleme serioase în fața puterii și societății. De aceea, este necesar de utilizat potențialul Comunității de experți, cât și structurile politice și administrative ale statului.

Cuvinte cheie: politica de tineret, politica statului, auto-realizare de tineret, interes național.

JEL Classification: Z18, H59, K19

CZU: 323.21, 32.019.51:37, 323.269.6:378.18.06

* **METREVELI Nikoloz** - Șeful Institutului Politicii de Tineret în Caucaz (Tbilisi, Georgia). / **METREVELI Nikoloz** - Head of Institute of Youth Policy in the Caucasus (Tbilisi, Georgia). / **МЕТРЕВЕЛИ Николоз** - Руководитель Института молодежной политики Кавказа (Тбилиси, Грузия).

РЕЗЮМЕ:

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА И ГОСУДАРСТВО ГРУЗИЯ

В статье анализируется молодежная политика в Грузии и подход государственных властных структур к ее формированию. Молодежная политика представляет собой систему формирования приоритетов и мероприятий, которая направлена на социализацию и создание условий и возможностей эффективной самореализации молодежи. Целью молодежной политики является развитие и реализация потенциала молодежи. Государственная молодежная политика должна быть составной частью государственной политики.

Автор считает, что молодежь как важнейший объект национальных интересов требует со стороны государства выработки адекватной молодежной политики. Сегодняшняя противоречивая и непоследовательная молодежная политика ставит перед властью и обществом серьезные проблемы. В связи с этим необходимо использование возможностей экспертного сообщества, политической и административной структур государства.

Ключевые слова: молодежная политика, государственная политика, самореализация молодежи, национальный интерес.

JEL Classification: Z18, H59, K19

УДК: 323.21, 32.019.51:37, 323.269.6:378.18.06

Анализ показывает, что проблемы, стоящие перед молодежью в Грузии, требуют немедленного реагирования и решения. Основными проблемными сферами, по нашему мнению, являются: образование, занятость, здравоохранение, наркомания, токсикомания и низкий уровень участия молодежи в управлении политическими и социальными процессами.

Признавая молодежь позитивной силой общества, которая является носителем очень большого потенциала и которая должна способствовать развитию страны, считаем недопустимым оставлять эту узловую социальную группу один на один с её проблемами.

Молодежная политика представляет собой систему формирования приоритетов и мероприятий, которая направлена на социализацию и создание условий и возможностей эффективной самореализации молодежи. Целью молодежной политики является развитие и реализация потенциала молодежи. Государственная молодежная политика должна быть составной частью государственной политики. Эффективность молодежной политики определяется комплексом действенных мероприятий в правовой, социальной, организационной и психологической сферах.

Считаем, что молодежь как важнейший объект национальных интересов требует со стороны государства выработки адекватной молодежной политики. Сегодняшняя противоречивая и непоследовательная молодежная политика ставит перед властью и обществом серьезные проблемы. В связи с этим необходимо использование возможностей экспертного сообщества, политической и административной структур государства.

Существующие в стране и мире проблемы, естественно, встают и перед грузинской молодежью.

Экономический кризис, гражданская война, сепаратизм еще больше усилили социальную дифференциацию грузинской молодежи. Известно, что наличие высокого процента бедности всегда создает угрозу социальной стабильности. Стоящие перед молодым поколением проблемы вынуждали правительство постсоветской Грузии заботиться, хотя бы на декларативном уровне, об их устранении. На протяжении последних двадцати лет существующие в Грузии молодежные организации были в основном заняты политической деятельностью и почти не уделяли внимания другим острым проблемам, стоящим перед молодежью, таким как бедность, тяжелейшее демографическое положение, проблемы

молодых семей, наркомания, доступность получения адекватного образования и др. С этой точки зрения не является исключением и организация студенческого самоуправления.

До прихода к власти «Единого национального движения» студенческие организации высших учебных заведений Грузии были заняты в основном общеуниверситетскими проблемами и были менее политизированными. В процессе формирования «Единого национального движения» Зураб Жвания, Михаил Саакашвили и их команда, исходя из собственного опыта, хорошо понимали значение студенческих самоуправлений и в целом молодежных организаций для осуществления своих политических целей. Еще до прихода к власти они начали активное внедрение в организации самоуправления высших учебных заведений Грузии т.н. собственных кадров и формирование подконтрольных им молодежных организаций, которые смогли внести значительный вклад в дело свержения правительства Шеварднадзе. Хорошо известно, что любая власть, желающая эффективно претворять в жизнь свои политические интересы, должна обладать в той или иной форме влиянием над университетской системой. С этой точки зрения студенческие организации являются идеальным инструментом.

С первых же дней прихода к власти «Единого национального движения» было осуществлено массированное давление на высшие учебные заведения с целью их контролирования. Далее, наряду с многими другими негативными процессами, в течение двух-трех лет была взята под контроль ситуация в Тбилиском государственном университете и, соответственно, во всех других высших учебных заведениях. Студенческие самоуправления в вузах Грузии превратились в эффективный политический инструмент «Единого национального движения».

Несмотря на победу коалиции «Грузинская мечта» на парламентских выборах 2012 г, вклад в развитие которой внесли различные молодежные организации, студенческие самоуправления высших учебных заведений, они всё еще остаются политизированным

придатком «Единого национального движения».

Студентам вузов хорошо известны все те негативные факты, которые связаны с деятельностью студенческих самоуправлений (прямой террор и физическая расправа над независимо мыслящими студентами, в которых активное участие принимали и назначенные ЕНД ректораты высших учебных заведений, финансовые нарушения и нецелевые траты, участие в политических расправах и многое другое). Контролируемые ЕНД студенческие движения и назначенные бывшей властью администрации высших учебных заведений и сегодня обладают чрезвычайно серьезными административными и финансовыми ресурсами. Следует допустить, что они активно готовятся к политическому реваншу.

Все это дает нам основание рассмотреть вопрос о немедленной деполитизации высших учебных заведений Грузии. Свой вклад в это дело должны внести Министерство по делам молодежи и спорта Грузии и Министерство образования и науки. Здесь же хотим отметить, что данные министерства по сей день не выработали четко сформулированные концепции молодежной социальной политики.

Практика последних десятилетий убеждает нас, что в быстро меняющемся мире стратегическим преимуществом обладают те общества и те страны, которые могут эффективно аккумулировать и продуктивно использовать тот инновационный потенциал, основным носителем которого является молодежь. Исходя из этого, для Грузии актуально, наряду с собственным опытом, использование методов работы с молодежью стран Евросоюза. Но необходимо учитывать, что механическое перенесение даже самого успешного опыта может нанести вред. В этом контексте, следует учитывать национальные и культурные особенности Грузии, а также выработать собственные эффективные механизмы реализации успешных проектов.

Печальным примером подобного подхода к вопросу является проект, выработанный физиком Гией Двали и его группой, в котором рассмотрены перспективы развития науки и высшего образования в Грузии. В этом не было бы ничего плохого, если бы не

попытка авторов и сторонников проекта объявить его истиной в последней инстанции. Проект, по сути, находится в естественной связи с интересами молодежи, однако он создавался без участия молодежных организаций и широких кругов компетентных ученых. По нашим данным, в работе над документом не принимали участия ни Министерство образования и науки, ни Министерство по делам спорта и молодежи. Подобный подход к проблемам молодежи, к сожалению, не является исключением.

После ознакомления с документацией Министерства по делам спорта и молодежи и Министерства образования и науки мы пришли к выводу, что эти министерства не обладают какими-либо базовыми документами, которые отражали бы направления молодежной социальной политики и пути её реализации. Министерство по делам спорта и молодежи в сфере молодежной политики даже после выборов руководствуется документом от 29 ноября 2010 г. (Приоритетные направления молодежных программ Министерства по делам спорта и молодежи в 2013 г.), документ носит явно декларативный характер. Все это заставляет обратить внимание на то, что молодежной социальной политике не уделялось достаточного внимания в период правления Михаила Саакашвили и такая практика продолжается и в настоящее время. Считаем, что Парламент Грузии, Кабинет министров, Академия Наук, Патриархия и молодежные организации должны уделить этому вопросу больше внимания.

Анализ основных проблем молодежи в Грузии показывает, что они охватывают несколько «измерений» и связаны, прежде всего, с реализацией прав человека, гражданина, члена общества. С ней в прямой связи находятся перспективы дальнейшего развития Грузии. Соответственно, основной задачей молодежной политики следует признать создание такой социально-политической среды, в которой станет возможной реализация основных функций молодежи. Молодежь должна стать активным и заинтересованным участником решения вызовов и проблем, стоящих перед страной. Для создания условий самореализации молодежи должны существовать институт,

располагающие необходимыми ресурсами и эффективными механизмами. Вместе с тем молодежь должна рассматриваться в качестве инвестиционной сферы, а не в качестве проблемы, которую необходимо сдерживать. Должны быть созданы специальные рабочие группы, укомплектованные специалистами по молодежной политике, которые будут фокусировать свою деятельность на выработке специальных программ в целях повышения социальной активности, занятости, неформального образования, социального единства молодежи, поддержки молодежных бизнес проектов. Необходимо учитывать, что в условиях новой власти молодежь сталкивается с нарушением прав человека не в политической, а в экономической, социальной и культурной сфере.

Анализ дает возможность сделать следующие выводы: молодежная политика в Грузии, подобно всем другим развитым странам, должна стать независимым направлением государственной политики.

Должен быть создан межведомственный координационный совет с участием молодежных организаций.

Государству следует проводить молодежную политику с помощью координации систем государственного управления. Эффективность программ будет обуславливаться учетом развития интересов молодежи.

Рекомендации:

1. При участии трех-четырех университетов необходимо создание «Института молодежной политики Грузии». Адресат - Министерство образования и науки.

2. Необходима выработка локальных, целевых и гибких проектов. В процессе их реализации акцент должен делаться на органы местного управления, которые лучше знакомы с демографическими, социальными, экономическими и политическими особенностями конкретных потребителей на той территории, на которой будет осуществляться реализация молодежного проекта. Адресат - Министерство по делам спорта и молодежи.

3. В сфере проведения молодежной политики необходимо внедрение комплексного метода. Так параллельно с получением образования молодежь должна быть обеспечена рабочими местами. Основные адресаты - Министерство образования и науки и Министерство экономики и устойчивого развития.

4. На уровне муниципалитетов и местных самоуправлений необходимо создание советов по делам молодежи. Основные адресаты - Министерство по делам спорта и молодежи, Министерство инфраструктуры и регионального развития.

5. Необходимо внедрение методов экономического стимулирования, в частности, налоговых льгот, которые должны быть направлены на повышение интереса в деле обеспечения молодежи рабочими местами. Главный адресат - Министерство финансов.

6. На базе университетов необходимо создание «Курсов молодых предпринимателей» с целью выработки бизнес навыков и получения юридических консультаций. Адресаты - Министерство образования и науки, Министерство экономики и устойчивого развития.

7. Необходимо систематическое проведение конкурсов на выявление лучших молодежных бизнес проектов. Адресаты - Министерство по делам спорта и молодежи, Министерство экономики и устойчивого развития.

8. Необходимо создание региональных молодежных интернет порталов. Адресат - Министерство по делам спорта и молодежи.

Библиография:

1. Almond G.A., Verba S., eds. *The Civic Culture Revisited*. Boston: Little, Brown, 1980. vi + 421 p.
2. Anderson J.E. *Public Policymaking: An Introduction*. Boston: Houghton Mifflin, 2003. x+ 322 p.
3. Banks M. *Careers and Identities*. Milton Keynes: Open University Press, 1992. x + 219 p.
4. Barber B. *Participatory Democracy*. In: *Encyclopaedia of Democracy*. Vol. 3. New-York, 1995.
5. Barber B. *Strong Democracy: Participatory Democracy for a New Age*. Berkeley: University of California Press, 1984. xvi + 320 p.

6. Bohman J., Rehg W. *Deliberative Democracy. Essays on Reason and Politics*. Cambridge, Mass: MIT Press 1997. xxx + 447 p.

7. Börzel T. *Rediscovering Policy Networks as a Form of Modern Governance*. In: *Journal of European Public Policy*. 1998, Vol. 5, n. 2, p. 354 – 359.

8. Cutler D. *Taking the Initiative: Promoting Young People's Involvement in Public Decision Making in the UK*. London: Carnegie Young People Initiative, 2002. vii + 88 p.

9. Danish Charter for interaction between Volunteer Denmark/Associations Denmark and the public sector, [On-line]: <http://www.kum.dk/sw4458.asp>. (Дата посещения: 11.11.2013).

10. Gaudin J.-P. *Pourquoi la gouvernance?* Paris: Presses de Sciences Po, 2002. 137 p.

11. *Global Civil Society: Dimensions of the Nonprofit Sector*. The Johns Hopkins Comparative Nonprofit Sector Project, Baltimore, MD: Johns Hopkins Center for Civil Society Studies, 1999 – 2004.

12. *Jugend und Jugendhilfe in den USA: Gesellschaftliche Rahmenbedingungen, Institutionen und Organisationen*. Weinheim und München, Juventa Verlag, 1986. 268 p.

13. MacDonald R. *Risky Business? Youth and the Enterprise Culture*. London; New York: Falmer Press, 1991. x+ 295 p.

14. Nikles, B. W. *Jugendpolitik in der Bundesrepublik Deutschland: Entwicklungen, Merkmale, Orientierungen*. Opladen: Leske Verlag, 1976. 244 p.

15. Poulantzas Nicos Ar. *L'État, le pouvoir, le socialisme*. Paris: PUF 1978. 300 p.

Bibliography:

1. Almond G.A., Verba S., eds. *The Civic Culture Revisited*. Boston: Little, Brown, 1980. vi + 421 p.
2. Anderson J.E. *Public Policymaking: An Introduction*. Boston: Houghton Mifflin, 2003. x+ 322 p.
3. Banks M. *Careers and Identities*. Milton Keynes: Open University Press, 1992. x + 219 p.
4. Barber B. *Participatory Democracy*. In: *Encyclopaedia of Democracy*. Vol. 3. New-York, 1995.
5. Barber B. *Strong Democracy: Participatory Democracy for a New Age*. Berkeley: University of California Press, 1984. xvi + 320 p.
6. Bohman J., Rehg W. *Deliberative Democracy. Essays on Reason and Politics*. Cambridge, Mass: MIT Press 1997. xxx + 447 p.
7. Börzel T. *Rediscovering Policy Networks as a Form of Modern Governance*. In: *Journal of*

European Public Policy. 1998, Vol. 5, n. 2, p. 354 – 359.

8. Cutler D. Taking the Initiative: Promoting Young People's Involvement in Public Decision Making in the UK. London: Carnegie Young People Initiative, 2002. vii + 88 p.

9. Danish Charter for interaction between Volunteer Denmark/Associations Denmark and the public sector, [On-line]: <http://www.kum.dk/sw4458.asp>. (Дата посещения: 11.11.2013).

10. Gaudin J.-P. Pourquoi la gouvernance? Paris: Presses de Sciences Po, 2002. 137 p.

11. Global Civil Society: Dimensions of the Nonprofit Sector. The Johns Hopkins Comparative Nonprofit Sector Project, Baltimore, MD: Johns Hopkins Center for Civil Society Studies, 1999 – 2004.

12. Jugend und Jugendhilfe in den USA: Gesellschaftliche Rahmenbedingungen, Institutionen und Organisationen. Weinheim und München, Juventa Verlag, 1986. 268 p.

13. MacDonald R. Risky Business? Youth and the Enterprise Culture. London; New York: Falmer Press, 1991. x+ 295 p.

14. Nikles, B. W. Jugendpolitik in der Bundesrepublik Deutschland: Entwicklungen, Merkmale, Orientierungen Opladen: Leske Verlag, 1976. 244 p.

15. Poulantzas Nicos Ar. L'État, le pouvoir, le socialisme. Paris: PUF 1978. 300 p.

Copyright© Nikoloz METREVELI, 2013.

Contacte / Contacts / Контакты:

Институт молодежной политики Кавказа.

Тбилиси, ул. Мцхета № 19. п- а 01 -18.

Tel: (+995) 99359585

E-mail: freestudentsorg@gmail.com

Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2013, Issue 4, Volume 30, Pages 190-195.

ISSN 1857-1999

Submitted: 16. 10. 2013 | Accepted: 30.11. 2013 | Published: 15.12. 2013

**TRIBUNA DISCUȚIONALĂ
THE TRIBUNE OF DISCUSSION
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА**

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРАЗИЙСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА (ЕЭП) И РЕСПУБЛИКА МОЛДОВА***

**THE GEOPOLITICAL PERSPECTIVES OF EURASIAN ECONOMIC AREA (EEA)
AND THE REPUBLIC OF MOLDOVA**

**PERSPECTIVELE GEOPOLITICE ALE SPAȚIULUI ECONOMIC
EURASIATIC (SEE) ȘI REPUBLICA MOLDOVA**

ШЕВЦОВ Юрий / SHEVTSOV Yury / SHEVTSOV Yury**

ABSTRACT:

**THE GEOPOLITICAL PERSPECTIVES OF EURASIAN ECONOMIC AREA (EEA) AND THE
REPUBLIC OF MOLDOVA**

The article analyzes the integration processes within the Union State (US), the Customs Union (CU) and the Eurasian Economic Space (EES), and explores the geopolitical prospects for accession of the Republic of Moldova in these structures.

Particular attention is paid to the issue of membership in the US, CU and EES in conjunction with the development of integration processes in the Republic of Moldova within the European Union.

Key words: *Union State, Customs Union, Eurasian Economic Space, European Union, The Republic of Moldova.*

JEL Classification: F29, K33, K39

REZUMAT:

**PERSPECTIVELE GEOPOLITICE
ALE SPAȚIULUI ECONOMIC EURASIATIC (SEE) ȘI REPUBLICA MOLDOVA**

Articolul oferă o analiză a proceselor de integrare în cadrul Statului Unional (SU), Uniunii Vamale (UV) și Spațiul Economic Eurasiatic (SEE), precum analizează și perspectivele geopolitice de aderare a Republicii Moldova în aceste structuri.

O atenție deosebită este acordată problemei privind statutul de membru în SU, UV și SEE în corelație cu dezvoltarea procesului de integrare a Republicii Moldova în cadrul Uniunii Europene.

* Текст выступления Юрия Шевцова, директора Центра по проблемам европейской интеграции (г. Минск) в ходе презентации 8 октября 2013 года в столице АТО Гагаузия г. Комрат социологического исследования, посвященного внешнеполитическим предпочтениям жителей Гагаузии, подготовленной Автономной некоммерческой организацией «Центр политических технологий «ПолитКонтакт» совместно с Молодежным движением «ИЛЕПИ». [On-line]: <http://www.politkontakt.ru/2013/10/geopoliticheskie-perspektivy-i-eeep-i-moldova/>.

** SHEVTSOV Yury - Directorul Centrului Integrare Europeană (Minsk, Belarus). / SHEVTSOV Yury - Director of the Center of European Integration (Minsk, Belarus). / ШЕВЦОВ Юрий Вячеславович - Директор Центра по проблемам европейской интеграции (г. Минск, Беларусь).

Cuvinte cheie: *Stat Unional, Uniunea Vamală, Spațiul Economic Eurasiatic, Uniunea Europeană, Republica Moldova.*

JEL Classification: F29, K33, K39
CZU: 327.39, 327.33, 341.222.6, 341.223.7

РЕЗЮМЕ:

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ
 ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА (ЕЭП) И МОЛДОВА**

В статье дается анализ интеграционных процессов в рамках Союзного государства (СГ), Таможенного союза (ТС) и Евразийского экономического пространства (ЕЭП) а также изучаются геополитические перспективы вступления Республики Молдова в эти структуры.

Особое внимание уделяется проблематике членства в СГ, ТС и ЕЭП в совокупности с развитием интеграционных процессов Республики Молдова в рамках Европейского союза.

Ключевые слова: *Союзное государство, Таможенный союз, Евразийское экономическое пространство, Европейский Союз, Республика Молдова.*

JEL Classification: F29, K33, K39
УДК: 327.39, 327.33, 341.222.6, 341.223.7

В СГ (Союзное государство России и Белоруссии) еще с конца 90-х годов прошлого столетия имеется и свой таможенный союз, и единая система соцобеспечения граждан России и Беларуси на территории друг друга, и единый рынок труда. Таможенный союз трех и ЕЭП – это, по сути, повторение пройденного Россией и Беларусью пути, но втроем, с участием Казахстана.

Оценить примерные геополитические перспективы ЕЭП несложно – достаточно, прежде всего, посмотреть на Беларусь после заключения Беларусью и Россией соглашения о создании Союзного государства двух стран. Таможенный союз России, Беларуси, Казахстана, который должен трансформироваться в ЕЭП на протяжении ближайших нескольких лет, является менее глубокой формой интеграции, чем Союзное государство. В СГ еще с конца 90-х годов прошлого столетия имеется и свой таможенный союз, и единая система соцобеспечения граждан России и Беларуси на территории друг друга, и единый рынок труда. Таможенный союз трех и ЕЭП – это, по сути, повторение пройденного Россией и Беларусью пути, но втроем, с участием Казахстана. При этом СГ сохраняется, но задействуется лишь тогда, когда какие-то

вопросы через формат Таможенного союза трех решить сложно.

За прошедшие примерно 15 лет после создания СГ нарабатался ряд инструментов, которые, скорее всего, будет возможно и необходимо постепенно создать в таможенном союзе трех – ЭЭП. Среди них: согласованные балансы по наиболее чувствительным товарным позициям стран-участниц объединения, единые коллегии министерств и ведомств стран-участниц, согласованная внешняя политика союзников. Выработка таких инструментов в Таможенном союзе трех уже идет, и мы можем более-менее уверенно предполагать, насколько далеко может зайти интеграция трех стран, глядя на пример 15 лет существования СГ. В Таможенном союзе трех и ИЭП вполне возможно не будет сильной политической надстройки. В СГ ее сформировать не удалось, хотя изначально она предполагалась. В ТС трех и ЕЭП может не быть единой валюты. В ТС трех и ЕЭП может сохраниться на долгое время множество изъятий из соглашения и будут происходить торговые войны между странами-участницами, которые, однако, не повлекут за собою разрушения самого союза. А главное – даже когда и если ТС трех и ЕЭП приблизится к тому уровню интеграции,

который существует в рамках СГ, все равно в этом союзе не произойдет отмирания суверенных государств и степень суверенитета стран-участниц союза сохранится на очень высоком уровне.

Высокая степень суверенитета стран-участниц ТСЕЭП – отличительная черта этого союза. Этим ЕЭП может долгое время отличаться от Европейского Союза, где происходит потеря государствами-участниками ЕС значительной части своего суверенитета в пользу союзных органов власти ЕС, формируется сильная евробюрократия и создана единая валюта.

С другой стороны, уже прошло пусть и немного времени после создания ТС трех, но достаточно, чтобы накопились некоторые последствия этого союза и определились некоторые важные тенденции его развития. Среди них хотелось бы выделить те, которые, скорее всего, наиболее интересны для Молдовы в ходе внутренней дискуссии в Молдове о выборе между Европейским и Таможенным союзами:

1. Таможенный союз трех позволил Беларуси получить то, что никак не удавалось закрепить в рамках даже такой продвинутой интеграционной конструкции как Союзное государство. Беларусь получила цены на газ на уровне одного из регионов России. Беларуси были сняты пошлины на поставляемую из России нефть. Основным последствием этого стало выравнивание условий конкурентной борьбы на внутреннем рынке ТС между белорусскими и российскими субъектами хозяйствования. Равные цены на энергоносители позволили Беларуси продолжить политику сохранения и развития крупной перерабатывающей промышленности и в целом сохранить индустриальный характер своей экономики.

Уравнивание в условиях доступа к российским энергоносителям белорусских и российских потребителей стало неожиданным геополитическим фактором восточно-европейского масштаба. Цена на газ для Беларуси примерно в 3 раза ниже цены на газ, поставляемый из России другим государствам восточной Европы. Уже одно это позволяет Беларуси сохранять свою индустрию в то время, как остальные страны восточной Европы продолжают находиться в

стадии постсоветской деиндустриализации. Особенно хорошо это видно на примере Украины. После создания ТС в Украине фактически остановились почти все нефте-перерабатывающие заводы, оказавшиеся неспособными конкурировать с дешевыми нефте-продуктами из Беларуси и России. В Украине громадные трудности испытало машиностроение, металлургия, химическая промышленность. С аналогичными последствиями высоких цен на энергоносители сталкиваются прибалтийские государства и Молдова. Эти трудности накладываются на кризис, вспыхнувший в ряде стран Европейского союза.

Беларусь, благодаря ТС, сумела сохранить свою индустрию и превратилась в своего рода индустриальный остров в рамках во многом уже деиндустриализированной восточной Европы.

Если предположить, что Молдова вступит в ТС и получит аналогичные внутрироссийские цены на энергоносители, это аналогично создаст предпосылки к возрождению в Молдове индустриального производства в заметном, регионального уровня, масштабе.

2. ТС создал предпосылки к приходу в восточную Европу больших масс нефти и газа, иных видов сырья из Казахстана. По мере перехода к ЕЭП должно происходить уравнивание доступа казахстанских субъектов хозяйствования к транспортной инфраструктуре России. Наиболее важно это в плане доступа к нефте- и газопроводам, которые проходят через Россию. Сегодня высокие транзитные платежи делают казахстанское сырье неконкурентоспособным в восточной Европе. Завтра, в случае успеха интеграции в рамках ТСЕЭП, это сырье может стать доступным для потребителей в восточной Европе. А вместе с большими объемами казахстанских нефти и газа в восточной Европе появятся предпосылки для дальнейшего уменьшения цен на эти виды сырья и получения дополнительных доходов от транзита части этого сырья в страны европейского союза.

В случае интеграции Молдовы в ТСЕЭП Молдова также может стать получателем этих бонусов. Что должно усилить предпосылки к возрождению на территории Молдовы

крупного промышленного производства регионального масштаба.

3. Создание ТС не привело к ослаблению экономических связей стран-участниц ТС со странами ЕС. Наоборот, ТС позволил усилить конкурентоспособность товаров из стран ТС на самом емком на планете рынке ЕС. Темпы роста торговли между странами ТС и странами ЕС в целом были более быстрыми, чем темпы роста торговли внутри ТС. Это особенно важно для Беларуси, которая получив дешевые энергоносители и иное сырье из России, сумела отправить на рынок даже попавшего в экономический кризис ЕС массы своей продукции. Прежде всего, продукции нефтехимии.

Этот момент – усиление позиций стран ТС на рынке ЕС был спрогнозирован еще при создании ТС и сформулирован на высшем уровне. В своих статьях в газете Известия, которые объясняли задачи ТС при его подписании, президенты России и Беларуси прямо заявили, что ТС не является формой построения автаркической экономики. Было заявлено, что ТС – это ни в коем случае не повторение раскола Европы на два лагеря вновь. Президент Беларуси даже использовал формулировку «интеграция интеграций», понимая под этим необходимость интеграции ТС и Европейского Союза.

Смысл ТС – это усиление конкурентоспособности стран-участниц союза и их субъектов хозяйствования на мировых рынках и прежде всего – на рынке Европейского Союза. По мере усиления своей конкурентоспособности страны участницы ТС должны стремиться к усилению взаимной интеграции с ЕС, не опасаясь разрушения своей промышленности под ударами европейских и иных конкурентов. Отсюда – и совмещение, часто болезненное, интеграции в рамках ТС с переходом России переговорным процессом других стран к нормам торговли в рамках ВТО и вступлении в ВТО.

Если Молдова пойдет в ТС, это будет означать вовлечение Молдовы не столько во внутреннюю торговлю между странами ТС, сколько – усиление позиций молдавских производителей на рынках Румынии, Украины, ЕС в целом. Это не может быть отколом от рынка ЕС.

4. В рамках ТС стало возможно привлечение инвестиций в очень крупные производственные и инфраструктурные проекты, которое было невозможно ранее. Применительно к Беларуси такими проектами, которые возникли после заключения ТС, стали прежде всего:

- проект строительства Белорусской АЭС. Объем инвестиций в эту АЭС оценивается примерно в 10 млрд. долларов. Ведется обсуждение возможности строительства второй АЭС. В случае успеха этого проекта Беларусь может заметно сократить потребление газа, еще более удешевив тем самым расходы своих предприятий на энергоносители и энергию.

- Проект китайско-белорусского индустриального парка возле Минска. Это на сегодня самый крупный из заявленных в восточной Европе инвестиционных проектов. Объем ожидаемых инвестиций из КНР, ЕС и иных стран и регионов в этот парк составляет 30-35 млрд. долларов. Объем ожидаемого экспорта этого нового индустриального города Беларуси оценивается в 50 млрд. долларов. Что примерно равно всему нынешнему экспорту Беларуси. Без заключения ТС этот проект был невозможен даже на уровне обсуждения.

- Скоростные и сверхскоростные железные дороги через Беларусь, в т.ч. белорусские ответвления двух из трех трансевразийских транспортных коридоров из КНР в ЕС.

Вступление Молдовы в ЕС обязательно поставит в повестку дня обсуждение крупных инвестиционных проектов подобного же типа, нацеленных как на внутренний рынок ТС, так и в еще большей степени – на рынок ЕС.

Необходимо отметить, что ТС не является построением рая на Земле. ТС – это очень сложный инструмент для небольших стран. В рамках ТС существует угроза прихода в малые страны-участницы этого союза крупных и агрессивных корпораций, прежде всего из России. Эти корпорации будут работать на благо малой страны только, если малая страна сможет выстроить с ними такой диалог, когда они будут прислушиваться к мнению малой страны.

В ТС не создаются сильные наднациональные органы, подобные

европейской комиссии. Потому в малых странах ТС обязательно должно сохраняться и усиливаться национальное государство как инструмент, способный удержать крупные корпорации в рамках позитивной активности, сдерживать их стремление к монополизации рынков малых стран и иным негативным действиям.

В случае разворота Молдовы к ТС, Молдова должна будет усилить одну из ветвей власти и создать сильное эффективное государственное управление. Сильное государство не только будет эффективным партнером и сдерживающей силой относительно корпораций. Сильное государство – это сам по себе необходимый инструмент для построения в стране комфортной для общества среды во всех областях – в социальной сфере, культуре, идеологии.

В молдавском случае разворот к ТС позволяет по-новому увидеть ряд застарелых проблем Молдовы. Прежде всего – проблему Приднестровья и отчасти Гагаузии. Сам по себе ТС не может привести к урегулированию этих проблем, ибо является экономическим союзом с малой политической составляющей. Но точек соприкосновения интересов между Молдовой и Приднестровьем и Гагаузией в случае разворота Молдовы на восток станет больше, а некоторых политических проблем станет меньше. Станет возможен новый по своей структуре, по геополитическим целям и задачам переговорный процесс. Скорее всего, в рамках этого процесса получится достигнуть хотя бы некоторого прогресса.

Стоит подчеркнуть еще раз, что ТС – не противостоит ЕС. ТС призван, прежде всего, дать странам-участницам лучшие позиции в ходе интеграционного сближения с ЕС. Интеграция в ТС усилит позиции Молдовы в отношениях, в том числе и с Румынией, сделает возможным обсуждение с румынскими партнерами столь крупных региональных проектов, которые невозможны ныне. Как это произошло у Беларуси с китайско-белорусским индустриальным парком или АЭС.

У ТС есть еще одна сторона, на которую хотелось бы обратить внимание: в силу самых разных причин, к сожалению, страны Восточной и Южной Европы, которые вошли

в ЕС, в целом развиваются однотипно: они теряют свою индустрию и превращаются в источник трудовой миграции для развитой части ЕС. Так произошло в прибалтийских государствах. Так происходит в Румынии и Болгарии. Глубоко охватил этот процесс и Молдову. Ориентация на ТС, как показывает опыт Беларуси, позволяет сохранить рабочие места в промышленности и сельском хозяйстве и сдерживает этот общий для остальных стран восточной и южной Европы миграционный процесс. Это особенно важно для малых народов и культурных групп, исход молодежи из которых в развитые страны ЕС угрожает реальным исчезновением этим культурам.

Нельзя сказать, что ТС автоматически решает эту проблему. Но в рамках ТС возникают предпосылки для решения этой проблемы за счет перехода к экономическому росту, прежде всего, в производственной сфере. Это особенно важно для восточно-европейских стран и стран юго-восточной Европы потому, что просто непонятно, где же низший уровень, где предел возможной трудовой миграции из этих стран. Между тем, уже происшедшие демографические потери от исхода молодежи в любом случае в ближайшие годы перерастут в демографическую яму, когда во взрослую жизнь вступит поколение детей этой молодежи. Шанс на запуск через ТС собственного производства позволяет рассчитывать на то, что хотя бы та часть общества, которая на это производство опирается, никуда не уедет. Возникает шанс удерживать низший предел возможной миграции в своих руках и со временем остановить этот процесс.

Необходимо подчеркнуть: ТС подразумевает создание сильного национального государства. Растворения национального государства в наднациональных структурах по примеру ЕС в ТС не происходит. А потому членство в ТС может быть только вследствие внутреннего выбора самой нации, которая желает в него войти. ТС – не СССР. Механизм его развития основан на внутренней конкуренции, а не реализации мессианской идеологической задачи. Разворот к ТС Молдовы возможен только в случае, если само молдавское

общество, включая Гагаузию, примет это внутреннее решение и найдет в себе силы его реализовать.

Иного пути, чем через внутреннюю самостоятельную дискуссию о преимуществах ориентации на ТС или ЕС и принятия такого решения у Молдовы нет. Автоматических бонусов в виде дешевого газа в обмен на, к примеру, декларативное провозглашение разворота на Восток, без подтягивания к требованиям конкурентоспособности внутри ТС остальных элементов молдавской государственности – не получится. Евразийская интеграция – не менее сложный процесс, чем европейская. И на пути к получению плюсов от евразийской интеграции никуда не деться от создания реально сильного молдавского государства, способного также разрешить на путях

сотрудничества проблему в отношениях с Приднестровьем.

В поощрении евразийской интеграцией национального государственного строительства и есть основная привлекательность ТС и ЕЭП для стран, которые вступили на этот путь.

Copyright©Yury SHEVTSOV, 2013.

Contacte / Contacts / Контакты:

Центр по проблемам европейской интеграции.

г. Минск, Беларусь.

Tel: (+375) 291403922

E-mail: yury.shevtsov@gmail.com

**RUBRICA REVISTEI
OUR JOURNAL
О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ**

**CONSILIUL REDACȚIONAL AL REVISTEI
„REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL
ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE”**

**EDITORIAL BOARD (CONSILIUM)
OF THE „MOLDAVIAN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW
AND INTERNATIONAL RELATIONS”**

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
„МОЛДАВСКОГО ЖУРНАЛА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ”**

BURIAN Alexandru.

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Ambasador Extraordinar și Plenipotențiar (ret.), Președinte al Asociației de Drept Internațional din Republica Moldova (Republica Moldova) – *Redactor-șef.*

BURIAN Alexander.

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador (ret.), President of the Moldavian Association of International Law (The Republic of Moldova) – *Editor-in-chief.*

БУРИАН Александр Дмитриевич.

Доктор юридических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол (в отставке), Президент Молдавской Ассоциации международного права (Республика Молдова) – *Главный редактор.*

E-mail: alexandruburian@yahoo.com
http://fmv.euba.sk/files/CV_Burian.pdf
<http://www.rudn.ru/en/?pagec=1340>
<http://www.cnaa.md/person/3078/>

CHINDÎBALIUC Oleana.

Doctor în științe politice, cercetător științific, Institutul de cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei (Republica Moldova) – *Redactor-șef adjunct.*

KINDIBALYK Olyana.

Ph.D in Political Sciences, Scientific Fellow, The Institute of Legal and Political Research of The Academy of Sciences of Moldova (The Republic of Moldova) – *Deputy Editor-in-chief.*

КИНДЫБАЛЮК Оляна Игоревна.

Кандидат политических наук, научный сотрудник Института юридических и политических исследований АН Молдовы (Республика Молдова) – *Заместитель главного редактора.*

E-mail: olyanasmile@bigmir.net

CHIRTOACĂ Natalia.

Doctor în drept, conferențiar universitar, Șef Secție Drept Internațional și Relații Internaționale, Institutul de cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei (Republica Moldova) – *Secretar științific.*

CHIRTOACA Natalia.

Ph.D in Law, Associate Professor, Head of the Department of International Law and International Relations, The Institute of Legal and Political Research of The Academy of Sciences of Moldova (The Republic of Moldova) – *Scientific secretary.*

КИРТОАКЭ Наталья Михайловна.

Кандидат юридических наук, доцент, зав. Отделом международного права и международных отношений Института юридических и политических исследований АН Молдовы (Республика Молдова) – *Ученый секретарь.*

E-mail: n_chirtoaca@mail.ru

ANGEL Jose Luis IRIARTE.

Doctor în drept, profesor universitar, Vicerector al Universității Publice din Navarra (Spania) - *Membbru al consiliului redacțional.*

ANGEL Jose Luis IRIARTE.

Doctor of Law, Professor, Vicerector of The Navarra Public University (Spain) – *Member of editorial board.*

АНХЕЛ Хосе Луис ИРИАРТЕ.

Доктор права, профессор, проректор Наваррского публичного университета (Испания) - *Член редакционного совета.*

E-mail: jluis.iriarte@unavarra.es

http://www.uta.edu.ec/formacioncompetencias2005/files/pictures/cv_luisiriarte.pdf

ARHILIUC Victoria.

Doctor habilitat în drept, profesor cercetător, Universitatea de Stat din Moldova (Republica Moldova) – *Membbru al consiliului redacțional.*

ARHILIUC Victoria.

Doctor of Juridical Sciences, Professor, The State University of Moldova (The Republic of Moldova) – *Member of editorial board.*

АРХИЛЮК Виктория Нестеровна.

Доктор юридических наук, профессор, Молдавский государственный университет (Республика Молдова) - *Член редакционного совета.*

E-mail: arhiliucv57@yahoo.com

ABASHIDZE Aslan.

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Șef catedră Drept Internațional, Universitatea Prieteniei Popoarelor din Rusia, Vice-Președinte al Comisiei ONU pentru drepturile economice, sociale și culturale (Federația Rusă) - *Membbru al consiliului redacțional.*

ABASHIDZE Aslan.

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of International Law, The Peoples' Friendship University of Russia, Deputy Chairman of the UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights (CESCR) - (The Russian Federation) - *Member of editorial board.*

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович.

Доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой международного права РУДН, Заместитель председателя Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам (Российская Федерация) - *Член редакционного совета.*

E-mail: aslan.abashidze@gmail.com

http://www.intlaw-rudn.com/about-en/faculty/abashidze?set_language=en-us

BALAN Oleg.

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Vicerector al Academiei de Administrare Publică de pe lângă Președintele Republicii Moldova (Republica Moldova) – *Membbru al consiliului redacțional.*

BALAN Oleg.

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Vice rector of The Academy of Public Administration of the Office of The President of The Republic of Moldova (The Republic of Moldova) – *Member of editorial board.*

БАЛАН Олег Иванович.

Доктор юридических наук, профессор, Проректор Академии публичного управления при Президенте Республики Молдова (Республика Молдова) – *Член редакционного совета.*

E-mail: vicerector1@aap.gov.md

http://aap.gov.md/index.php?option=com_content&view=article&id=167&Itemid=294&lang=en

BENIUC Valentin.

Doctor habilitat în științe politice, profesor universitar, Rector al Institutului de Stat de Relații Internaționale din Moldova (Republica Moldova) – *Membru al consiliului redacțional.*

BENIUC Valentin.

Doctor of Political Sciences, Professor, Rector of The Moldavian State Institute of Foreign Relations (The Republic of Moldova) - *Member of editorial board.*

БЕНИУК Валентин Анастасьевич.

Доктор политических наук, профессор, Ректор Молдавского государственного института международных отношений (Республика Молдова) – *Член редакционного совета.*

E-mail: v.beniuc@mail.ru; irim@irim.md

<http://irim.md/index.php/ru/ob-irim/rektorat/13-memberscv/33-valentin-beniuc>

BOSHITSKY Iury.

Doctor în drept, profesor universitar, Rector al Universității de Drept din Kiev a Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Ucraina) – *Membru al consiliului redacțional.*

BOSHITSKY Iury.

Ph.D in Law, Professor, Rector of The Kyiv University of Law of The National Academy of Sciences of Ukraine (Ukraine) - *Member of editorial board.*

БОШИЦКИЙ Юрий Ладиславович.

Кандидат юридических наук, профессор, Ректор Киевского университета права НАН Украины (Украина) – *Член редакционного совета.*

E-mail: rector@kul.kiev.ua; inter-dep@kl.kiev.ua

<http://en.kul.kiev.ua/kerivnictvo/boshickiy-juriy-ladislavovich.html>

DERGACIOV Vladimir.

Doctor habilitat în științe geografice, profesor universitar, expert în geopolitică, profesor la Universitatea Națională din Odesa (Ucraina) – *Membru al consiliului redacțional.*

DERGACHEV Vladimir A.

Dr. Sc. (Geography), Professor, Expert in geopolitics, Professor of the Odessa National University (Ukraine) - *Member of editorial board.*

ДЕРГАЧЕВ Владимир Александрович.

Доктор географических наук, профессор, эксперт в геополитике, профессор Одесского национального университета (Украина) - *Член редакционного совета.*

E-mail: admin@dergachev.ru; dergachev@farlep.net

<http://www.dergachev.farlep.net/>

<http://www.dergachev.ru/>

<http://dergachev-va.livejournal.com/>

DYULGEROVA Nina Angelova.

Doctor habilitat în economie, doctor în istorie, profesor universitar, Catedra Relații Internaționale și Științe Politice, Universitatea Liberă din Varna „Chernorizec Hrabar” (Varna, Bulgaria) – *Membru al consiliului redacțional.*

DYULGEROVA Nina Angelova.

Doctor of Economic Sciences (management and security), Ph.D. in History, Professor of International relations, Department of International Relations and Political Sciences, Faculty „Social Sciences”, Varna Free University „Chernorizec Hrabar” (Varna, Bulgaria) - *Member of editorial board.*

ДЮЛГЕРОВА Нина Ангелова.

Доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор Варненского свободного университета «Черноризец Храбър» (Варна, Болгария)

- *Член редакционного совета.*

E-mail: nina_d6@hotmail.com; nina_d56@yahoo.com

<http://nina-dulgerova.org/Papers.htm>

<http://nina-dulgerova.org/CV.htm>

FUEREA Augustin.

Doctor în drept, profesor universitar, Universitatea din București (România) – *Membbru al consiliului redacțional.*

FUEREA Augustin.

Doctor of Law, Professor, The University of Bucharest (Romania) – *Member of editorial board.*

ФУЕРЕА Августин.

Доктор права, профессор, Бухарестский государственный университет (Румыния) – *Член редакционного совета.*

E-mail: augustinfuerea@yahoo.com

http://www.univnt.ro/cv/uploads/cv/CV_Fuerea_Augustin.pdf

http://www.drept.unibuc.ro/dyn_doc/cv/a-fuerea.pdf

HEINRICH Hans-Georg.

Doctor în drept, profesor universitar, Universitatea din Viena (Austria) – *Membbru al consiliului redacțional.*

HEINRICH Hans-Georg.

Doctor of Law, Professor, The University of Viena (Austria) – *Member of editorial board.*

ХЕЙНДРИЧ Ханс-Георг.

Доктор права, профессор, Венский университет (Австрия) – *Член редакционного совета.*

E-mail: hans-georg.heinrich@univie.ac.at

<http://www.enri-east.net/consortium/institute-for-advanced-studies/en/>

KAPUSTIN Anatolii.

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Președinte al Asociației de Drept Internațional din Federația Rusă (Federația Rusă) – *Membbru al consiliului redacțional.*

KAPUSTIN Anatoly.

Doctor of Juridical Sciences, Professor, President of The Russian Association of International Law (The Russian Federation) - *Member of editorial board.*

КАПУСТИН Анатолий Яковлевич.

Доктор юридических наук, профессор, Президент Российской ассоциации международного права (Российская Федерация) – *Член редакционного совета.*

E-mail: kapustin@izak.ru, akap@mail.ru

http://jppublishing.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=96&Itemid=102

<http://izak.ru/381>

KOPYLOV Mihail.

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, academician al Academiei Ruse de Științe Naturale, academician al Academiei Ecologice din Rusia și academician al Academiei Internaționale de Ecologie și Protecție a Activității Vitale (Federația Rusă) – *Membbru al consiliului redacțional.*

KOPYLOV Mikhail.

Doctor of Juridical Sciences, Professor, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, academician of the Russian Ecological Academy and academician of the International Academy of Sciences of Ecology and Life Safety (The Russian Federation) - *Member of editorial board.*

КОПЫЛОВ Михаил Николаевич.

Доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, академик Российской экологической академии и академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности (Российская Федерация) – *Член редакционного совета.*

E-mail: mikhail.kopylov11@gmail.com

<http://www.intlaw-rudn.com/about/faculty/kopylov-mm>

LIPKOVA Ludmila.

Doctor, Ing., profesor universitar, Decan, Facultatea de Relații Internaționale, Universitatea Economică din Bratislava (Republica Slovacia) – *Membru al consiliului redacțional.*

Dr.h.c. prof. Ing. LIPKOVÁ Eudmila, CSc.

Dean, Professor, Faculty of International Relations, University of Economics in Bratislava, Slovakia (The Slovak Republic) - *Member of editorial board.*

ЛИПКОВА Людмила.

Доктор, профессор, Декан факультета международных отношений Экономического университета в Братиславе (Словацкая Республика) – *Член редакционного совета.*

E-mail: lipkova@euba.sk

<http://www.osobnosti.sk/index.php?os=zivotopis&ID=1347>

MAZILU Dumitru.

Doctor în drept, profesor universitar, Ambasador Extraordinar și Plenipotențiar (ret.), Universitatea „Spiru Haret” din București (România) – *Membru al consiliului redacțional.*

MAZILU Dumitru.

Doctor of Law, Professor, Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador (ret.), The „Spiru Haret” University of Bucharest (Romania) – *Member of editorial board.*

МАЗИЛУ Думитру.

Доктор права, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол (в отставке), Университет им. Спиру Харета, Бухарест (Румыния) – *Член редакционного совета.*

E-mail: dumitru.mazilu@spiruharet.ro; secretariat@universitatea-cantemir.ro

http://ro.wikipedia.org/wiki/Dumitru_Mazilu

http://www.ucdc.info/cd/cd_profil.php?cid=1146

NAZARIA Sergiu.

Doctor habilitat în științe politice, doctor în istorie, conferențiar universitar, Institutul de Stat de Relații Internaționale din Moldova (Republica Moldova) – *Membru al consiliului redacțional.*

NAZARIA Sergei.

Doctor of Political Sciences, Ph.D in History, Associate professor, The Moldavian State Institute of Foreign Relations (The Republic of Moldova) - *Member of editorial board.*

НАЗАРИЯ Сергей Михайлович.

Доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, Молдавский государственный институт международных отношений (Республика Молдова) – *Член редакционного совета.*

E-mail: sergnazar@mail.ru

PAPAVALADIMER Vladimir.

Doctor habilitat în economie, profesor universitar, academician al Academiei Naționale de Științe a Georgiei, Rectorul Universității de Stat din Tbilisi „Ivane Javakhishvili” (Tbilisi, Georgia) – *Membru al consiliului redacțional.*

PAPAVALADIMER Vladimir.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Academician of the Georgian National Academy of Sciences, Rector of The Ivane Javakhishvili Tbilisi State University (Tbilisi, Georgia) - *Member of editorial board.*

ПАПАВА Владимир.

Доктор экономических наук, профессор, действительный член Национальной Академии наук Грузии, ректор Тбилисского государственного университета имени Ивана Джавахишвили (Тбилиси, Грузия) – *Член редакционного совета.*

E-mail: papavavladimer@gfsis.org ; papavavladimer@yahoo.com

<http://www.tsu.edu.ge/en/government/raac/rector/>

<http://www.papava.info/>

http://en.wikipedia.org/wiki/Vladimir_Papava

POPESCU Dumitra.

Doctor în drept, profesor universitar, Universitatea „Titu Maiorescu” din București, Institutul de Cercetări Juridice „Acad. Andrei Rădulescu” al Academiei Române (România) - *Membru al consiliului redacțional.*

POPESCU Dumitra.

Doctor of Law, Professor, The „Titu Maiorescu” University of Bucharest, Legal Research Institute „Academician Andrei Rădulescu” of the Romanian Academy (Romania) – *Member of editorial board.*

ПОПЕСКУ Думитра.

Доктор права, профессор, Бухарестский университет имени Титу Майореску, Научно-исследовательский юридический институт имени академика Андрея Рэдулеску Румынской Академии (Румыния) – *Член редакционного совета.*

E-mail: juridic_institut@yahoo.com

ROȘCA Alla.

Doctor habilitat în științe politice; profesor universitar, Universitatea din Tulan, New Orleans, Louisiana (SUA) - *Membru al consiliului redacțional.*

ROSCA Alla.

Doctor of Political Sciences, Professor, The Tulane University of Louisiana, New Orleans, Louisiana (USA) – *Member of editorial board.*

РОШКА Алла.

Доктор политических наук, профессор, Туланский университет, Луизиана, Нью Орлеан (США) – *Член редакционного совета.*

E-mail: alla_rosca@yahoo.com; arosca@tulane.edu
<http://tulane.edu/liberal-arts/political-science/people.cfm>

SEDLEȚCHI Iurie.

Doctor în drept, profesor universitar, Rector al Universității de Studii Europene din Moldova (Republica Moldova) – *Membru al consiliului redacțional.*

SEDLITSCHI Yuri.

Ph.D in Law, Professor, Rector of The European University of Moldova (The Republic of Moldova) – *Member of editorial board.*

СЕДЛЕЦКИЙ Юрий Николаевич.

Кандидат юридических наук, профессор, Ректор Европейского университета Молдовы (Республика Молдова) - *Член редакционного совета.*

E-mail: juriesedletchii@yahoo.fr
<http://www.usem.md/ro.html>

TIMCENCO Leonid.

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Universitatea Națională a Serviciului Fiscal de Stat al Ucrainei (Ucraina) – *Membru al consiliului redacțional.*

TIMCHENKO Leonid.

Doctor of Juridical Sciences, Professor, The National University of The State Tax Service of Ukraine (Ukraine) – *Member of editorial board.*

ТИМЧЕНКО Леонид Дмитриевич.

Доктор юридических наук, профессор, Национальный университет Государственной налоговой службы Украины (Украина) – *Член редакционного совета.*

E-mail: ltymch@ukr.net; timchenko@asta.edu.ua

VERESHCHETIN Vladlen.

Doctor habilitat în științe juridice, profesor universitar. În 1984-1995 – membru al Curții Permanente de Arbitraj a ONU (Haga), în 1992-1994 – membru și președinte al Comisiei de Drept Internațional a ONU, în 1995-2006 – Judecător al Curții Internaționale de Justiție a ONU (Haga), din 2012 – Arbitru în Dreptul Cosmic (Spațial) la Curtea Permanentă de Arbitraj a ONU (Haga). În 1978-1995 – Vice-președinte, din 1995 – Președinte de onoare al Institutului Internațional de Drept Cosmic (Spațial) din Paris. Din 1977 - academician al Academiei Internaționale de Astronautică (SUA), din 2006 - academician al Academiei de Științe din Bulgaria. (Federația Rusă) – *Membru al consiliului redacțional.*

Vladlen S. VERESHCHETIN.

Doctor of Juridical Sciences, Professor. In 1984-1995 - Member of the Permanent Court of Arbitration (the Hague). In 1992-1994 - Member and Chairman of the United Nations International Law Commission. In 1995-2006 - Judge of the International Court of Justice (the Hague). From 2012, the Referee for Space Law of the Permanent Court of Arbitration (the Hague). In 1978-1995-Vice President, from 1995 - Director Emeritus of the International Institute of Space Law (Paris). Since 1977 - Member of the International Astronautical Academy (USA), since 2006 - Foreign Member of Bulgarian Academy of Sciences. (The Russian Federation) – *Member of editorial board.*

ВЕРЕЩЕТИН Владлен Степанович.

Доктор юридических наук, профессор. С 1984 по 1995 год - член Постоянной палаты третейского суда (г. Гаага). В 1992-1994 годах - член Комиссии международного права ООН. В 1994 году возглавлял Комиссию. В 1995-2006 годах – Судья Международного Суда ООН (г. Гаага). С 2012 г. – арбитр по космическому праву Постоянной Палаты третейского суда (г. Гаага). В 1978-1995 годах - вице-президент, с 1995 г.- почетный директор Международного института космического права (Франция). С 1977 г. - действительный член Международной астронавтической академии (США). С 2006 г. - иностранный член Болгарской Академии наук. (Российская Федерация) – *Член редакционного совета.*

E-mail: vsvereshchetin@ziggo.nl

<http://legal.un.org/avl/faculty/Vereshchetin.html> ;

http://legal.un.org/avl/pdf/ls/Vereshchetin_bio.pdf ;

<http://intl.law.rudn.com/about/history-faces/vereshchetin>

**RUBRICA REVISTEI
OUR JOURNAL
О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ**

**COLEGIUL DE REDACȚIE (RECENZENȚII)
EDITORSHIP (REVIEWERS)
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ (РЕЦЕНЗЕНТЫ)**

CHINDÎBALIUC Oleana.

Doctor în științe politice, cercetător științific, Institutul de cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei (Republica Moldova) – *Redactor-șef adjunct, președinte al colegiului de redacție.*

KINDIBALYK Olyana.

Ph.D in Political Sciences, Scientific Fellow, The Institute of Legal and Political Research of The Academy of Sciences of Moldova (The Republic of Moldova) – *Deputy Editor-in-chief, Head of Editorship.*

КИНДЫБАЛЮК Оляна Игоревна.

Кандидат политических наук, научный сотрудник Института юридических и политических исследований АН Молдовы (Республика Молдова) – *Заместитель главного редактора, председатель редакционной коллегии.*

E-mail: olyanasmile@bigmir.net

ANIȚEI Nadia Cerasela.

Doctor în drept, Conferențiar universitar, Facultatea de Științe Juridice, Sociale și Politice, Universitatea „Dunărea de Jos”, Galați (Galați, România).

ANITEI Nadia Cerasela.

Ph.D in Law, Associate professor, Faculty of Legal, Political and Social Sciences, University Dunarea de Jos of Galati (Galati, Romania).

АНИЦЕЙ Надия Черасела.

Доктор права, доцент, факультет правовых, политических и социальных наук, Университет «Дунэря де Жос» (Галац, Румыния).

E-mail: ncerasela@yahoo.com

<http://ugal.academia.edu/NADIACERASELANITEI/CurriculumVitae>

CAUIA Alexandr.

Doctor în drept, Decan al Facultății de Drept, Institutul de Stat de Relații Internaționale din Moldova (Chișinău, Republica Moldova).

CAUIA Alexandr.

Ph.D in Law, Head of The Departament of Law, The Moldavian State Institute of International Relations (Kishinev, The Republic of Moldova).

КАУЯ Александр.

Кандидат юридических наук, Декан юридического факультета, Молдавский государственный институт международных отношений (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: alex_cauia@yahoo.com

DORUL Olga.

Doctor în drept, conferențiar universitar, Universitatea de Stat din Moldova (Chișinău, Republica Moldova).

DORUL Olga.

Ph.D in Law, Associate Professor, The Moldova State University (Kishinev, The Republic of Moldova).

ДОРУЛ Ольга Павловна.

Кандидат юридических наук, доцент, Молдавский государственный университет (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: dorulolga@yahoo.com

GLADARENCO-STOIAN Maia.

Doctor în istorie, Universitatea „Alexandru Ioan Cuza” din Iași (Iași, România).

GLADARENCO-STOIAN Maia.

Ph.D in History, University „Alexandru Ioan Cuza” of Iassy (Iassy, Romania).

ГЛАДАРЕНКО-СТОЯН Майя.

Доктор истории, Ясский Университет «Александру Иоан Куза» (Яссы, Румыния).

E-mail: maia_gl@yahoo.fr

GLUHAIA Diana.

Doctor în drept, Universitatea Publică din Navarra (Pamplona, Spania).

GLUHAIA Diana.

Ph.D in Law, The Navarra Public University (Pamplona, Spain).

ГЛУХАЯ Диана.

Доктор права, Наваррский публичный университет (Памплона, Испания)

E-mail: diana.gluhaya@unavara.es; diana_gluhaia@yahoo.com

IOVIȚĂ Alexandrina.

Doctor în drept, UNAIDS, Cartierul general, Coordonator programe, drepturile omului și legislație (Chișinău, Republica Moldova – Geneva, Elveția).

IOVITA Alexandrina.

Ph.D in Law, UNAIDS Secretariat, Headquarters, Programme Officer, Human Rights and Law (Kishinev, The Republic of Moldova – Geneva, Switzerland).

ИОВИЦЭ Александрина.

Кандидат юридических наук, UNAIDS, генеральный офис, сотрудник по программам, права человека и правовые вопросы (Кишинев, Республика Молдова – Женева, Швейцария).

E-mail: alexandrina_iovita@yahoo.com

KOVALEVA Natalia.

Doctor în pedagogie, conferențiar universitar, Șef Departament activitate socială și educațională, Universitatea de Stat din Orenburg (Orenburg, Federația Rusă).

KOVALEVA Natalia.

Ph.D in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of Department for Social and Educational Work of the Orenburg State University (Orenburg, The Russian Federation).

КОВАЛЕВА Наталья Александровна.

Кандидат педагогических наук, доцент, начальник отдела по социальной и воспитательной работе Оренбургского госуниверситета (Оренбург, Российская Федерация).

E-mail: kovaleva_osu@mail.ru

<http://www.osu.ru/doc/3117>

LISENCO Vlad.

Doctor în drept, conferențiar universitar, Consultant juridic, Misiunea OSCE în Moldova, Reprezentanța din Tiraspol (Tiraspol, Republica Moldova).

LISENCO Vlad.

Ph.D in Law, Associate Professor, National Legal Officer, OSCE Mission in Moldova, Representation in Tiraspol (Tiraspol, The Republic of Moldova).

ЛЫСЕНКО Влада.

Кандидат юридических наук, доцент, советник по юридическим вопросам, Миссия ОБСЕ в Молдове, Представительство в Тирасполе (Тирасполь, Республика Молдова).

E-mail: vlada.lisenco@mail.ru

METREVELI Levan.

Doctor în științe politice, șef al Centrului pentru dezvoltarea integrată a Georgiei, Universitatea de Stat Tbilisi (Tbilisi, Georgia).

METREVELI Levan.

Doctor of Political Sciences, Head of the Center for integrated development of Georgia, Tiflis State University (Tbilisi, Georgia).

МЕТРЕВЕЛИ Леван.

Доктор политических наук, руководитель Центра комплексного развития Грузии Тбилисского государственного университета (Тбилиси, Грузия).

E-mail: levanmetreveli@yahoo.com

MOUSMOUTI Maria.

Doctor în drept, Director executiv al Centrului European de Drept Constituțional din Atena (Atena, Grecia).

MOUSMOUTI Maria.

Ph.D in Law, Executive director of The European Center of Constitutional Law (Athenas, Grece).

МОУСМУТИ Мария.

Доктор права, Исполнительный директор Европейского центра конституционного права (Афины, Греция).

E-mail: Maria.Mousmouti@postgrad.sas.ac.uk

<http://www.cecl2.gr/index.php/en/thecentre/theboard/11-thecentre/cv/16-08-maria-mousmouti>

http://ials.sas.ac.uk/postgrad/LDclinic/LDclinic_who.htm

SÂRCU Diana.

Doctor în drept, conferențiar universitar, Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea de Drept (Chișinău, Republica Moldova).

SARCU Diana.

Ph.D in Law, Associate professor, Moldova State University, Law Faculty (Kishinev, The Republic of Moldova).

СЫРКУ Диана.

Кандидат юридических наук, доцент, Молдавский государственный университет, факультет права (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: sircu@yahoo.com

SYCI Alexandru.

Doctor habilitat în științe istorice, profesor universitar, Universitatea Națională „Jurie Fedikovici” din Cernăuți (Cernăuți, Ucraina).

SYCH Alexander.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Chernivtsi National University „Yuri Fedkovych” (Chernivtsi, Ukraine).

СЫЧ Александр Иванович.

Доктор исторических наук, профессор, Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича (Черновцы, Украина).

E-mail: asych_chnu@yahoo.com , amenitinna@gmail.com

SOLNȚEV Alexandr.

Doctor în drept, conferențiar universitar, Șef-adjunct al Catedrei de Drept Internațional al Universității Prieteniei Popoarelor din Rusia (Moscova, Federația Rusă).

SOLNTSEV Alexander.

Ph.D in Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of International Law PFUR, the Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, The Russian Federation).

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович.

Кандидат юридических наук, доцент, зам. заведующего кафедрой международного права Российского университета дружбы народов (Москва, Российская Федерация).

E-mail: a.solntsev@gmail.com; intlaw.rudn@gmail.com

www.intlaw-rudn.com

SMOCHINA Carolina.

Doctor în drept, conferențiar universitar, Universitatea Europeană din Lefke (Lefke, Nicosia, Cipru).

SMOCHINA Carolina.

Ph.D in Law, Associate Professor, European University of Lefke (Lefke, Nicosia, Cyprus).

СМОКИНА Каролина.

Доктор права, доцент, Европейский Университет в Лefке (Лefке, Никосия, Кипр)

E-mail: smochina@gmail.com

STARODUBŢEV Grigorii.

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Șef catedră Drept Internațional, Academia de Drept a Ministerului Justiției al Federației Ruse (Moscova, Federația Rusă).

STARODUBTSEV Grigory.

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law Department of the Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, The Russian Federation).

СТАРОДУБЦЕВ Григорий Серафимович.

Доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой международного права Российской правовой академии Министерства юстиции РФ (Москва, Российская Федерация).

E-mail: dcxtr77@list.ru; intlaw_rpa@bk.ru

<http://rpa-mu.ru/ob-akademii/kafedra-mp>

ISMAYL Togrul.

Doctor în istorie, Doctor în economie, conferențiar universitar, Universitatea TOBB, Economie și Tehnologie (Ankara, Turcia).

ISMAYL Togrul.

Ph.D in History, Ph.D in Economic Sciences, Associate Professor, TOBB University of Economics and Technology (Ankara, Turkey).

ИСМАИЛ Тогрул.

Доктор истории, Доктор экономики, доцент, TOBB университет экономики и технологии (Анкара, Турция).

E-mail: togrul65@hotmail.com , tismayil@etu.edu.tr

ȚIGĂNAȘ Ion.

Doctor în drept, Director General Adjunct, Agentia de Stat Pentru Proprietatea Intelectuala a Republicii Moldova (Chișinău, Republica Moldova).

TIGANAS Ion.

Ph.D in Law, Deputy General Director of The State Agency on Intellectual Property of The Republic of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova).

ЦИГЭНАШ Ион.

Кандидат юридических наук, Генеральный вице-директор Государственного агентства по интеллектуальной собственности Республики Молдова (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: iondrept@yahoo.com

http://www.agepi.gov.md/pdf/about/cv_tiganas.pdf

YURCHENKO Serghei.

Doctor habilitat în științe politice, profesor universitar, șef al Departamentului de științe politice și relații internaționale a Universității Naționale „V.I.Vernadsky” din Taurida (Simferopol, Ucraina).

YURCHENKO Serghei.

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of political science and international relations of Taurida National University „V.I.Vernadsky” (Simferopol, Ukraine).

ЮРЧЕНКО Сергей Васильевич.

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук и международных отношений Таврического национального университета имени В.И.Вернадского (Симферополь, Украина).

E-mail: cbur@mail.ru

http://www.crimea.edu/person_page/yurchenko_s/index.htm

**RUBRICA REVISTEI
OUR JOURNAL
О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ**

**DATE DESPRE AUTORI
DATES OF AUTHORS
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**

ALBU Natalia.

Doctor în științe politice, conferențiar universitar interimar, Șef/coordonator științific, Centrul de Studii Strategice de Securitate și Apărare, Academia Militară „Alexandru cel Bun” (Chișinău, Republica Moldova).

ALBU Natalia.

Ph.D in Political Sciences, Acting Associate Professor, Academic Coordinator, Center for Strategic Studies of Security and Defense, the Military Academy „Alexandru cel Bun”, (Kishinev, The Republic of Moldova).

АЛБУ Наталья.

Кандидат политических наук, и.о. доцента, научный координатор, Центр стратегических исследований безопасности и обороны, Военная Академия им. Александру чел Бун (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: alburnatalia@yahoo.com

ANDRIEVSCHI Vitalie.

Doctor în istorie, analist politic, Diriginte al portalului informațional AVA.MD (Chișinău, Republica Moldova).

ANDRIEVSCHI Vitaly.

PhD in History, Political analyst, Head of the information and analytical WEB Site AVA.MD (Kishinev, The Republic of Moldova).

АНДРИЕВСКИЙ Виталий Александрович.

Доктор истории, политический аналитик, руководитель информационно-аналитического портала AVA.MD (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: info@ava.md; moldova.ava@gmail.com

BĂIEȘU Aurel.

Doctor habilitat în drept, conferențiar universitar, Universitatea de Stat din Moldova, judecător la Curtea Constituțională (Chișinău, Republica Moldova).

BAIESU Aurel.

Doctor of Juridical Sciences (Private International Law), Associate Professor, The Moldova State University, Judge at the Constitutional Court (Kishinev, The Republic of Moldova).

БЭИШУ Аурил.

Доктор юридических наук, доцент, Молдавский Государственный университет, Судья Конституционного суда (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: aurelbaiesu@yahoo.com

BOBOS Lucia.

Magistru în drept internațional, Doctorand, Universitatea de Stat din Moldova (Chișinău, Republica Moldova).

BOBOS Lucia.

Master of International Law, Ph.D student, The Moldova State University (Kishinev, The Republic of Moldova).

БОБОК Люция.

Магистр международного права, аспирант, Молдавский Государственный университет (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: lucia_boboc@list.ru

BUIUC Stela.

Magistru în drept internațional, Doctorand, Universitatea de Stat din Moldova, Vicedirector al Centrului de Armonizare a Legislației, Ministerul Justiției (Chișinău, Republica Moldova).

BUIUC Stella.

Master of International Law, Ph.D student, The Moldova State University, Deputy Director of the Centre for Legal Approximation, Ministry of Justice (Kishinev, The Republic of Moldova).

БУЮК Стелла.

Магистр международного права, аспирант, Молдавский государственный университет, Вице-директор Центра по гармонизации законодательства, Министерство юстиции (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: stela.buiuc@justice.gov.md

CHIRTOACĂ Leonid.

Doctor în drept, conferențiar universitar, cercetător științific, Institutul de cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei (Chișinău, Republica Moldova).

CHIRTOACA Leonid.

PhD in Law, Associate Professor, Scientific Fellow, The Institute of Legal and Political Research of The Academy of Sciences of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova).

КИРТОАКЭ Леонид.

Кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник, Институт юридических и политических исследований АН Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: leonid.chirtoaca@yahoo.com

CHIRTOACĂ Natalia.

Doctor în drept, conferențiar universitar, Șef Secție Drept Internațional și Relații Internaționale, Institutul de cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei (Chișinău, Republica Moldova).

CHIRTOACA Natalia.

Ph.D in Law, Associate Professor, Head of the Department of International Law and International Relations, The Institute of Legal and Political Research of The Academy of Sciences of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova).

КИРТОАКЭ Наталия Михайловна.

Кандидат юридических наук, доцент, зав. Отделом международного права и международных отношений Института юридических и политических исследований АН Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: n_chirtoaca@mail.ru

CHINDÎBALIUC Oleana.

Doctor în științe politice, cercetător științific, Institutul de cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei (Chișinău, Republica Moldova).

KINDIBALYK Olyana.

Ph.D in Political Sciences, Scientific Fellow, The Institute of Legal and Political Research of The Academy of Sciences of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova).

КИНДЫБАЛЮК Оляна Игоревна.

Кандидат политических наук, научный сотрудник Института юридических и политических исследований АН Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: olyanasmile@bigmir.net

CULICOVSCHI Constantin.

Locotenent-colonel, magistrul, Studii de Securitate și Apărare, Academia Militară „Alexandru cel Bun”, Șef Secție metodică a Colegiului Național al Poliției de Frontieră (Chișinău, Republica Moldova).

CULICOVSCHI Constantin.

Lieutenant Colonel, Master of military science, Head of the Training Department of the National Border Police College (Kishinev, The Republic of Moldova).

КУЛИКОВСКИЙ Константин.

Подполковник, магистр военных наук, Начальник методического отдела Национального колледжа пограничной полиции (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: ccc270478@gmail.com

EDGAROVA Ivanna.

Magistru în administrarea publică, competitor, Academia Națională a Afacerilor Interne a Ucrainei, Șef Departament Relații Internaționale și Subvenții, Universitatea de Drept din Kiev a Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev, Ucraina).

EDGAROVA Ivanna.

Master of Public Administration, PhD applicant, The National Academy of Internal Affairs of Ukraine, Head of the Department of international relations and grants of Kyiv University of law of the National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine).

ЕДГАРОВА Иванна Владимировна.

Магистр государственного управления, соискатель Национальной Академии внутренних дел Украины, Заведующая отделом международных связей и грантов Киевского университета права Национальной академии наук Украины (Киев, Украина).

E-mail: fishedua@gmail.com , inter-dep@kul.kiev.ua

EVDOCHIMOV Valeriu.

Doctor în drept, profesor universitar, Președinte al Asociației Juriștilor din Ucraina, Jurist Emerit al Ucrainei, academician al Academiei de Științe Economice din Ucraina (Kiev, Ucraina).

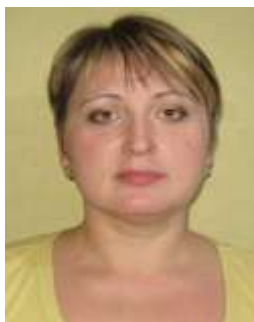
EVDOKIMOV Valery.

Ph.D in Law, Professor, President of the Union of Lawyers of Ukraine, Merited Lawyer of Ukraine, academician of the Academy of Economic Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine).

ЕВДОКИМОВ Валерий Александрович.

Кандидат юридических наук, профессор, председатель Союза юристов Украины, заслуженный юрист Украины, академик Академии экономических наук Украины (Киев, Украина).

E-mail: inter-dep@kul.kiev.ua

GRIMAILO Nelea.

Doctorandă la Institutul de cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei (Chișinău, Republica Moldova).

GRIMAILO Nelly.

PhD student, The Institute of Legal and Political Research of the Academy of Sciences of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova).

ГРИМАЙЛО Неля.

Аспирант, Институт юридических и политических исследований АН Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: neleagrimailo@yahoo.com

KONONENKO Julia.

Doctorand, Universitatea de Drept din Kiev a Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev, Ucraina).

KONONENKO Julia.

PhD student, the Kyiv University of Law of The National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine).

КОНОНЕНКО Юлия.

Аспирантка Киевского университета права Национальной Академии наук Украины (Киев, Украина).

E-mail: kononenko.yulia@gmail.com

LITRA Stela.

Magistru în drept internațional, Doctorand, Institutul de cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei; lector universitar, Universitatea de Studii Europene din Moldova (Chișinău, Republica Moldova).

LITRA Stela.

Master of International Law, Ph.D student, The Institute of Legal and Political Research of The Academy of Sciences of Moldova; lecturer, The European University of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova).

ЛИТРА Стелла.

Магистр международного права, аспирант, Институт юридических и политических исследований АН Молдовы; преподаватель, Европейский университет Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: stellatop@mail.ru

MEDVEDEV Andrei.

Director executiv al Centrului de tehnologii politice „PolitKontakt” (Moscova, Federația Rusă).

MEDVEDEV Andrey.

Executive Director of The Center of Political Tecnology „PolitKontakt” (Moscow, The Russian Federation).

МЕДВЕДЕВ Андрей Николаевич.

Исполнительный директор АНО Центр политических технологий «ПолитКонттакт» (Москва, Российская Федерация).

E-mail: m_andrey2004@mail.ru

MELNICIUK Elena.

Doctor în drept, cercetător științific superior la Institutul Stat și Drept al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev, Ucraina).

MELNICHUK Elena.

Ph.D in Law, senior researcher at the Institute of State and Law „V. M. Koretsky”, National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine).

МЕЛЬНИЧУК Елена Игоревна.

Кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института государства и права им. В.М. Корецкого Национальной академии наук Украины (Киев, Украина).

E-mail: Elya.Melnychuk@gmail.com

METREVELI Nikoloz.

Șeful Institutului Politicii de Tineret în Caucaz (Tbilisi, Georgia).

METREVELI Nikoloz.

Head of Institute of Youth Policy in the Caucasus (Tbilisi, Georgia).

МЕТРЕВЕЛИ Николоз.

Руководитель Института молодежной политики Кавказа (Тбилиси, Грузия).

E-mail: freestudentsorg@gmail.com

PLOTNIC Olesia.

Doctor în drept, lector universitar, Universitatea de Stat din Moldova (Chișinău, Republica Moldova).

PLOTNIC Olesia.

Ph.D in Law, lecturer, The Moldova State University (Kishinev, The Republic of Moldova).

ПЛОТНИК Олеся.

Кандидат юридических наук, преподаватель, Молдавский государственный университет (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: plotnicolesea@yahoo.com

PROTSENKO Irina.

Conferențiar universitar la Universitatea de Drept din Kiev a Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev, Ucraina).

PROTSENKO Iryna.

Associate Professor, The Kyiv University of Law of The National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine).

ПРОЦЕНКО Ирина Николаевна.

Доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения Киевского университета права Национальной академии наук Украины (Киев, Украина).

E-mail: iraprocenko@rambler.ru

SILAGADZE Avtandil.

Doctor habilitat în economie, profesor universitar, academician al Academiei Naționale de Științe a Georgiei (Tbilisi, Georgia).

SILAGADZE Avtandil.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Academician of the Georgian National Academy of Sciences (Tbilisi, Georgia).

СИЛАГАДЗЕ Автандил.

Доктор экономических наук, профессор, действительный член НАН Грузии (Тбилиси, Грузия).

E-mail: avtosilagadze@yahoo.com

SHEVTSOV Yury.

Directorul Centrului Integrare Europeană (Minsk, Belarus).

SHEVTSOV Yury.

Director of the Center of European Integration (Minsk, Belarus).

ШЕВЦОВ Юрий Вячеславович.

Директор Центра по проблемам европейской интеграции (Минск, Беларусь).

E-mail: yury.shevtsov@gmail.com

STRELTSOVA Olga.

Doctor în drept, cercetător științific la Institutul Stat și Drept al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei; conferențiar universitar la Universitatea de Drept din Kiev a Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev, Ucraina).

STRELTSOVA Olga.

Ph.D in Law, researcher at the Institute of State and Law „V. M. Koretsky”, National Academy of Sciences of Ukraine; Associate Professor, The Kyiv University of Law of The National Academy of Science of Ukraine (Kyiv, Ukraine).

СТРЕЛЬЦОВА Ольга Викторовна.

Кандидат юридических наук, научный сотрудник Института государства и права им. В.М.Корецкого Национальной академии наук Украины; доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения Киевского университета права Национальной академии наук Украины (Киев, Украина).

E-mail: StreltsovaOV@yandex.ua; StreltsovaOV.33@gmail.com

SUCEVEANU Natalia.

Doctor în drept, conferențiar universitar, Universitatea de Stat din Moldova, Director al Centrului de Armonizare a Legislației, Ministerul Justiției al Republicii Moldova (Chișinău, Republica Moldova).

SUCEVEANU Natalia.

Ph.D in Law, Associate Professor, The Moldova State University, Director of the Center for Legal Approximation, Ministry of Justice of The Republic of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova).

СУЧЕВЯНУ Наталья.

Кандидат юридических наук, доцент, Молдавский Государственный университет, Директор Центра по гармонизации законодательства, Министерство юстиции Республики Молдова (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: nataliasuceveanu@yahoo.fr

RUBRICA REVISTEI
OUR JOURNAL
О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ

CERINȚELE

**privind condițiile de prezentare a manuscriselor pentru publicare în
„Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”**

Revista teoretico-științifică „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale” acceptă pentru publicare articole în limbile moldovenească (română), rusă, engleză, spaniolă, franceză, germană (la discreția autorului), care conțin rezultate inedite ale cercetărilor efectuate și care sunt ajustate la „Cerințele privind condițiile de prezentare a manuscriselor articolelor”.

Consiliul Redacțional acceptă manuscrisul articolului pentru publicare în corespondere cu profilurile ediției („drept” și „științe politice”), cu un volum nu mai mult de 20 de pagini, inclusiv figuri și tabele. Manuscrisul ar trebui să conțină doar materiale originale, efectuat la un înalt nivel științific, reflectând rezultatele cercetării efectuate de către autor, obținute cu cel mult un an înainte de publicare, și care conține un element clar privitor la inovația științifică a cercetării și propria contribuție a autorului. Sunt acceptate pentru publicare materialele care anterior nu au fost publicate în alte ediții și nu au fost destinate pentru publicarea simultană în diverse ediții. Articolele sunt expuse recenzării obligatorii, în conformitate cu *Anexa 3*. Pentru doctoranzi (competitori) este obligatorie recenzarea articolelor de către conducătorul științific. Pot fi publicate doar articolele care au primit recenzii pozitive. Pentru publicarea articolelor nu se plătește și nu se încasează taxe.

Cerințele menționate mai sus se aplică tuturor materialelor trimise pentru publicare în adresa revistei. Consiliul Redacțional are dreptul de a nu accepta publicarea materialelor în caz de: a) nerespectarea cerințele privind condițiile de prezentare a manuscriselor articolelor; b) plagiat; c) conținutul articolului este neadecvat cu profilurile revistei.

În cazurile când nu sunt respectate cerințele redacția are dreptul să nu examineze manuscrisul. Consiliul Redacțional își rezervă dreptul de a reduce volumul articolului prezentat (dacă este necesar), expunându-l în versiunea redacției (introducând modificări redacționale, care nu schimbă sensul general al articolului prezentat de autor). Formulările și prezentarea materialelor în articolele publicate nu reprezintă întotdeauna poziția revistei și nu angajează în nici un fel redacția. Aceste materiale se publică în ordine de discuție, în scopul asigurării posibilității de a expune diverse opinii. Responsabilitatea asupra conținutului articolelor, selecției și preciziei faptelor și informației citate revine în exclusivitate autorilor. În același număr al revistei poate fi publicat doar un singur articol al unui autor.

Numărul de autori al unui articol nu poate fi mai mare de două persoane. Autorul (ii) trimite redacției 2 exemplare originale a articolului (semnate de autor) în imprimare pe hârtie și trimite articolul în format electronic prin e-mail la adresa: alexandruburian@yahoo.com

Volumul articolului nu trebuie să depășească 1,5 c.a. dactilografiate pe hârtie, format A4 (60 de mii de caractere, sau 16-20 de pagini de text), inclusiv figuri, tăblițe, referințe și scheme. Atunci când se plasează referințe bibliografice în limba engleză este necesar de indicat denumirea oficială a surselor (revistelor) în limba engleză.

Pentru a plasa un articol în Revistă este necesar de prezentat următoarele documente: cerere, informațiile despre autor (ia), articolul, fotografia autorului (autorilor) în format JPG, adnotare (abstract, rezumat) în trei limbi (română, rusă și engleză) într-un volum de 200 de cuvinte, cuvinte-cheie (5-7 cuvinte). Adnotarea nu trebuie să conțină referiri la literatura citată, tabele și figuri.

Informația despre autor (i) conține următoarele date: numele, prenumele, patronimicul autorului (autorilor), locul de muncă, funcția, titlul științific, gradul științific, adresa poștală, adresa electronică și numărul de telefon. Numele autorului (autorilor) ar trebui să fie listate sub titlul articolului, în dreapta.

Cerințele tehnice pentru perfectarea manuscrisul pentru publicare:

Titlul articolului nu trebuie să depășească trei linii. Titlul ar trebui să fi dat numai cu majuscule (Times New Roman 16) și centrat. Sursele literare utilizate în articol trebuie prezentate într-o singură listă la sfârșitul textului (bibliografie), în conformitate cu **Anexa 2**. Referirile la literatura de specialitate menționate în text sunt obligatorii, trebuie să fie plasate în partea de jos a fiecărei pagini a textului și necesită să fie perfectate în conformitate cu **Anexa 1**. Referirile la sursele externe sunt prezentate într-o limbă străină și sunt urmate, în cazul traducerii în română și rusă, cu indicație privitor la traducere. Numerotarea referirilor la sursele literare este dată în ordinea menționată în text. Trimiteri la lucrări nepublicate nu sunt permise. Lista bibliografică (de la sfârșitul textului) este dată în ordine alfabetică în funcție de prima literă a prenumelui autorului (autorilor).

Acronimele și abrevierile trebuie să fie descifrate la prima mențiune în textul articolului. În textele în limba română, engleză, franceză, spaniolă și germană se utilizează ghilimele germane („ ”), în textele în limba rusă se utilizează ghilimelele franceze (« »).

Parametrii paginii:

Documentul trebuie salvat în MS Word, formatul de pagină A 4, marginile paginii: sus și jos - 2 cm, dreapta - 1,5 cm, stânga - 3 cm, Font - Times New Roman; Dimensiune font - 12, spațiere - 1,5. Aliniere pe lățime, un spațiu la stânga - 1,5. Numerotarea paginilor este consecutivă, secvențială, în partea de jos a paginii, pe centru.

Redactarea textului:

Despărțirea manuală în silabe a cuvintelor (transferul din rând în rând) este inacceptabilă. Figurile și tabelele trebuie să fie numerotate, să aibă denumire, legendă și subiect. Titlurile lor și trebuie să fie prezentate în text după alineatul care conține un link de referință la ele.

Exemplarele autorului:

Fiecare autor al articolului obține doar un număr al revistei, indiferent de numărul de autori.

Consiliul Redacțional

Anexa 1

Exemple de referințe bibliografice:

Referințele (citatele) de la sfârșitul fiecărei pagini trebuie să conțină semnele de punctuație și să urmeze aceleași reguli ca și plasarea lor în descrierea bibliografică.

Dacă textul nu este citat de o sursa originală, dar de un alt document, atunci se utilizează următoarele cuvinte la început de referință: citat de: (citând sursele împrumutate):

Exemplu:	Citat de: Dumitru Mazilu. Drept diplomatic. București: Editura Lumina Lex, 2003, p. 115. Citat de: Alexandru Burian. Drept diplomatic și consular. Chișinău: Editura ARC, 2003, p. 154.

La amenajarea secvențială a referințelor (citatelor) primare și repetate se utilizează termenul "Ibid." sau ("Ibidem"):

Referință primară	Jeffrey Mankoff. Politicii externe Ruse: întoarcerea unei Mari Puteri în politică. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009, p. 217.
Referință repetată	Ibid., p. 47 sau Ibidem., p. 47.

La amenajarea nesecvențială a referințelor (citatelor) primare și repetate, când referințele urmează nu concomitent una după alta, se utilizează termenul *Op. cit.* (opus citato) și este prezentat folosind caractere cursive:

Referință primară	Jeffrey Mankoff. Politicii externe Ruse: întoarcerea unei Mari Puteri în politică. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009, p. 217.
Referință repetată	Jeffrey Mankoff. <i>Op. cit.</i> , p. 65.

Anexa 2

Exemple de „Listă bibliografică” (bibliografie):

Lista bibliografică este plasată după textul articolului cu titulatura „Bibliografie”. Toate link-urile din listă sunt numerotate secvențial și sunt aranjate în ordine alfabetică.

Descrierea unei cărți cu un singur autor:

Exemplu	Jeffrey Mankoff. Politicii externe Ruse: întoarcerea de mare putere politica. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009. XII + 359 p.

Descrierea unei cărți cu trei sau mai mulți autori:

Exemplu	David G. Victor... [et al.]. Gaze naturale și geopolitică: din 1970 până în 2040. New York: Cambridge University Press, 2006. xxv + 508 p.

Descrierea unui articol publicat într-o revistă:

Este necesar de a indica numele autorului articolului, denumirea articolului, denumirea revistei, anul, numărul ediției sau volumul, numărul paginei de la începutul și sfârșitul articolului.

Exemplu	Sergei Lavrov. Rusia și lumea în secolul XXI. În: Rusia în afacerile globale. Iulie-septembrie 2008, Vol. 6, nr. 3, p. 8 - 18.

Descrierea unei teze de doctorat:

Exemplu	Vladislav Boiko. Securitatea energetică în contextul globalizării. Teză de doctor în științe politice. Moscova, 2012. 250 p.

Descrierea unui autoreferat a tezei de doctorat:

Exemplu	Yuri Jukov. Centrismul politic în Rusia. Autoreferatul tezei... candidat în științe politice. Sankt-Petersburg, 2012. 24 p.

Descrierea publicațiilor științifice electronice:

Pentru surse de electronice, trebuie să specificați practic aceleași informații ca pentru reviste: autorul, titlul, numele site-ului (sau secțiune a site-ului) și URL-ul. Articolul ar trebui să conțină noțiunea [On-line];; informații la data de partajare pe rețeaua electronică (după fraza „Vizitat la:” indica data, luna și anul): (Vizitat la: 03.02.2012).

Exemplu	Burian Alexandru, Gurin Corina. Procesul decizional în politica externă și influența lui asupra negocierilor. În: Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale. 2011, nr. 4, p. 39 - 55. [On-line]: http://www.rmdiri.md/pdf/RMDIRI20114.p.pdf/ . (Vizitat la: 07.09.2012).

REGULAMENTUL
cu privire la recenzarea articolelor științifice în
„Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”

1. Articole științifice primite de redacția *Revistei Moldovenești de Drept Internațional și Relații Internaționale* trec prin Instituția de recenzare.

„Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale” a adoptat un sistem de patru niveluri de recenzare a articolelor și materialelor prezentate spre publicare:

Primul nivel – recenzarea de către Redactorul-șef (*main editor peer review*);

Al doilea nivel - recenzie de „nivel deschis” (*open peer review* - autorul și recenzentul se cunosc reciproc) – recenzia este transmisă la redacție de către autor;

Al treilea nivel - recenzie de nivel „orb-unilateral” (*single-blind* – recenzentul știe despre autor, autorul - nu);

Al patrulea nivel - recenzie de nivel „orb-dublu” (*double-blind* - atât recenzentul, cât și autorul, nu știu unul despre altul).

2. Fiecare articol științific necesită să aibă recenzii:

- deschise: *primul nivel* – recenzia (decizia) redactorului-șef; *al doilea nivel* - recenzia unui recenzent oficial, specialist în domeniu (doctor sau doctor habilitat);

- confidențiale (oarbe): *al treilea nivel* – recenzia redactorului științific sau a unui membru al consiliului redacțional sau al colegiului de redacție; *al patrulea nivel* – la decizia consiliului redacțional și recenzentul poate fi doar din exterior.

Pentru publicarea articolelor doctoranzilor și competitorilor la gradul de doctor, în afară de recenzia unui specialist în domeniu se cere și recomandarea spre publicare din partea catedrei de profil.

3. Analizând recenziile, redacția evaluează prezența în articole a elementelor de actualitate a problemei științifice pe care autorul pretinde să o soluționeze. Recenzia necesită să descrie în mod clar valoarea teoretică sau aplicativă a investigației, și să coreleze constatările autorului cu conceptele științifice existente. Un element de bază al recenziei ar trebui să fie aprecierea de către recenzent a contribuției personale a autorului articolului la soluționarea problemei. Este necesar de a menționa în recenzie corespunderea stilului, logicii și nivelului de accesibilitate a expunerii științifice a materialului de către autor, precum și un aviz privind fiabilitatea și valabilitatea concluziilor.

4. După primirea recenziilor, redacția analizează articolele prezentate și adoptă decizia finală, în baza unei evaluări complete, privitor la publicarea sau ne-publicarea articolelor.

În baza deciziei adoptate autorului i se comunică, prin e-mail sau poștă, informația cu privire la evaluarea articolului și decizia adoptată. În cazul că se refuză de a publica articolul, recenziții rămân anonimi.

5. Colegiul de redacție își rezervă dreptul de a trimite articolul la o recenzie suplimentară externă anonimă (*double-blind*). Redactor-șef, în asemenea caz, trimite recenzentului o scrisoare în care solicită recenzarea, atașând la scrisoare articolul și modelul conform căruia se recomandă de a efectua recenzia.

6. Prezența recenziilor pozitive nu este un motiv suficient pentru publicarea articolului. Decizia finală privitor la publicarea articolului este adoptată de consiliul redacțional.

7. În cazul în care există o critică substanțială din partea recenzentului, însă articolul, la general, este evaluat pozitiv, consiliul redacțional poate aprecia articolul ca polemic și poate decide de a-l publica în rubrica „Tribuna discuțională”.

8. Originalele recenziilor sunt păstrate la „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”.

RUBRICA REVISTEI
OUR JOURNAL
О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ

REQUIREMENTS
to papers for publication in the
„Moldavian Journal of International Law and International Relations”

„Moldavian Journal of International Law and International Relations” being a scientific-theoretical journal admits for publication articles in Moldovan (Romanian), Russian, English, Spanish, French, German (optional author) languages, containing the results of original research, designed in accordance with the „Requirements for the articles”.

An Editorial Board of the „Moldavian Journal of International Law and International Relations”, accept manuscript for publication corresponding to the edition profiles, no more than 20 pages, including figures and tables. The manuscript should contain only original material, performed at a high academic level, reflecting the author's research results, completed no more than one year before publication, and containing a clear element of creation of a new knowledge. The materials which earlier were not published and have been not intended to the simultaneous publication in other editions for printing are accepted. Articles are exposed to obligatory reviewing, in accordance with the *Appendix 3*. For post-graduate students (competitors) the review of the supervisor of studies is obligatory. We print only articles which have received only positive reviews. The fee for the publication is not paid.

The rules mentioned above apply to all the material sent to the journal for publication. The Editorial Board has the right not to accept materials to the publication in a case of: a) non-compliance of the paper with the requirements for its publication; b) plagiarism; c) inappropriate content of the presented paper to the journal profiles.

In cases when the requirements are not respected the editorial board has the right not to examine the manuscript. The editors reserve the right to reduce the volume of the article (if it is necessary), exposing it to editorial revision, make editorial (which do not change the general sense) changes in the author's original. Editors can publish materials without sharing author's opinion (in order of discussion). Authors are responsible for the selection and accuracy of the facts, quotes, and other information. Journal will only publish one article per author in each volume of the issue.

The number of authors should not be more than two people. Author (s) sent to the editor two copies of the article (signed by the author both in print and electronic form and send the article in electronic form by e-mail at: alexandruburian@yahoo.com

The paper shouldn't exceed 1,5 printer's sheet of the typewritten text of format A4 (60 thousand characters, or 16-20 pages of text), including tables, list of references and drawings (schemes). At drafting of bibliographic references in English it is necessary to specify official English-speaking names of journals.

In order to place an article in the journal you should present following documents: an application, information about the author (s), an article, one author (s) photograph in JPG form, annotation provided in three languages (Romanian, Russian and English) in a volume of 200 words, key words (5 - 7 words). Abstract should not contain references to the quoted literature, tables and figures.

Information about the author (s) contains: author's name, affiliation, post a scientific degree, an academic status, mailing address, e-mail address and telephone number Author's name should be listed under the article's title on the right.

Technical requirements to registration of the manuscript for the publication:

Title of the article should not exceed three lines. The title should be given only in capital letters (Times New Roman 16) and centred. Literary sources used in the paper should be submitted in one list at the end (bibliography). Bibliographical list is presented after the text item in accordance with the *Appendix 2*.

Footnotes to the literature mentioned in the text are mandatory and must be prepared in the bottom of the page in accordance with the *Appendix 1*. References to the foreign sources are given in a foreign language and are followed in the case of translation into Romanian and Russian indication of the translation. The numbering of the sources is given in the order mentioned in the text. References to unpublished works are not permitted. The bibliography is given in alphabetic order according to the first letter of authors surnames. Acronyms and abbreviations should be deciphered in a place of the first mention in the text. In text presented in Romanian, English, French, German or Spanish language, German inverted commas („pads”) should be used; in text presented in Russian language the French inverted commas («fur-trees») are used.

Page Setup:

The document must be saved in MS Word, A 4 page format, page margins: top and bottom - 2 cm, right - 1.5 cm, left - 3 cm Font - Times New Roman; font size - 12, line spacing - 1,5. Alignment on width, a space at the left - 1,5. Numbering of pages is through, in the bottom of the page, on the centre.

Text drafting:

Using of manual transfer (manual hyphenation) is unacceptable. Figures and tables should have a caption and subject headings and should be presented in the text after the paragraph containing a link to them.

Author's copies:

Each author obtains only one issue of the journal, regardless of the number of authors.

The Editorial Board

Appendix 1

Example of bibliographic footnotes:

Punctuation and prescribed punctuation in citations should follow the same rules as their placement in the bibliographic description.

If the text is not cited by the original source, but by another document, then following words are used: in the beginning of the reference: *Quoted by*, with a reference to the citing sources of borrowed text:

Example:	Quoted by: Ernst Gabriel Frankel. Oil and Security A World Beyond Petroleum. The Netherlands: Springer, 2007, p. 115.

«Ibid.» or (Ibidem) are used in the sequential arrangement of primary and repeated references.

<i>Primary</i>	Jeffrey Mankoff. Russian foreign policy: the return of great power politics. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009, p. 21.
<i>Repeated</i>	Ibid., p. 47.

Op. cit. (opus citato) is used in repeated footnotes containing item to the same document without following the primary reference and is presented using italics.

<i>Primary</i>	Jeffrey Mankoff. Russian foreign policy: the return of great power politics. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009, p. 217.
<i>Repeated</i>	Jeffrey Mankoff. <i>Op. cit.</i> , p. 65.

Examples of a bibliography:

Bibliographical list is placed after the text article and is supplied after the notion „Bibliography”. All links in the list are numbered sequentially and are arranged in alphabetical order.

Book with one author:

Example	Jeffrey Mankoff. Russian foreign policy: the return of great power politics. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009. xii + 359 p.

Book with three and more authors:

Example	David G. Victor ... [et al.]. Natural gas and geopolitics: from 1970 to 2040. Cambridge; New York: Cambridge University Press Cambridge University Press, 2006. xxv + 508 p.

The paper from the journal:

Article from a journal should contain following description - author (s), article title, journal name, year, and page number of the beginning and of the end of the article.

Example	Sergei Lavrov. Russia and the World in the 21 st Century. In: Russia in global affairs. July-September 2008, Vol. 6, nr. 3, p. 8 – 18.

Dissertation

Example	Vladislav Boiko. Energy security in the context of globalization. Political Science Dissertation. Moscow, 2012. 250 p.

A dissertation synopsis:

Example	Yuri Jukov E.H. Political centrism in Russia. Dissertation synopsis ... candidate in political science. Saint Petersburg, 2012. 24 p.

Description of the electronic scientific publications:

For electronic sources, you need to specify practically the same information as for journals: author, title, name of the site (or section of the website) and the URL. The item should contain the notion [On-line];; information on the date of the electronic network share (after „Visited on:” indicate the date, month and year): (Visited on: 03.02.2012) is used in referring to the e-resource e-mail address.

Example	Chietigi Bajpae. China’s Quest for Energy Security. In: Power and Interest News Report. February 25, 2005. [On-line]: http://www.pinr.com/ . (Visited on: 07.09.2011).

PROVISION
about the reviewing of scientific articles in
„Moldavian Journal of International Law and International Relations”

1. Scientific papers received to the Editorial office of „Moldavian Journal of International Law and International Relations”, pass through peer review process.

„Moldavian Journal of International Law and International Relations” comprises a four-level system of peer review articles:

1st level – reviewing by the editor (main editor peer review);

2nd level – an open peer review (the author and the reviewer know each other) – a review is submitted to the editor by the author;

3rd level - one-sided i.e. „blind” peer review (single-blind - the reviewer knows the author, but the author - doesn't know the reviewer);

4th level – double-blind peer review (neither reviewer nor author know about each other).

2. Each scientific article must be accompanied by a review:

– Open: 1st level – a review (conclusion) of the editor; 2nd level – a review of official reviewer, specialist of appropriate scientific profile (doctorate or PhD);

– Closed (blind): 3rd level – a review done by a scientific editor or a member of the editorial board; 4th level - a review done by the decision of the editorial board and only external.

To publish articles of graduate students, PhD applicants except for review it should be presented a recommendation from the profile of the department.

3. An editorial board, making the evaluation of reviews, draws attention to the relevance of the scientific problem to be solved by the author. The Review should clearly describe the theoretical or applied significance of the study; correlate the author's conclusions to existing scientific concepts. An essential element of the review should be the assessment a personal contribution to the solution of the issue by the reviewer. Correspondence to the style, logics and the availability of the narration to the scientific nature of the material and obtaining of the conclusions about the reliability and validity of the findings – are key aspects that must be noted in the review.

4. The issue about the received articles is considered after the obtaining of reviews, and then the final decision, based on the evaluation of reviews about the publication or refusal to publish articles, is made. On the basis of the decision the author (s) is sent a letter by e-mail or mail, which provides a general assessment of the article and the decision. In the case of failure in the publication, the reviewers remain anonymous.

5. The Editorial Board has the right to direct the article for additional external anonymous peer review. Editor in Chief directs the reviewer a letter asking for peer review. The letter includes an article and a recommended form of review.

6. The presence of positive reviews is not sufficient grounds for the publication of the article. The final decision on advisability of publication is taken by the editorial board.

7. In cases when the article is composed by a significant proportion of criticisms that have been made by the reviewer, as well as the overall positive recommendation, the Editorial Board can attribute the material to the category of polemical material and print it in the manner of scientific debate.

8. The Review originals are stored in „Moldavian Journal of International Law and International Relations”.

**RUBRICA REVISTEI
OUR JOURNAL
О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ**

**ТРЕБОВАНИЯ
к оформлению статей для публикации в
«Молдавском журнале международного права и международных отношений»**

Научно-теоретический журнал «Молдавский журнал Международного права и международных отношений» принимает к публикации статьи на молдавском (румынском), русском, английском, испанском, французском, немецком (по выбору автора) языках, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленные в соответствии с «Требованиями к оформлению статей».

Редакция «Молдавского журнала международного права и международных отношений» принимает к публикации рукописи, соответствующие профилям издания, не более 20 страниц, включая рисунки и таблицы. Рукопись должна содержать только оригинальный материал, выполненный на высоком научном уровне, отражая результаты исследований автора, завершаемых не более чем за год до публикации и содержать очевидный элемент создания нового знания. К печати принимаются материалы, ранее не издававшиеся и не предназначенные к одновременной публикации в других изданиях. Статьи подвергаются обязательному рецензированию, в соответствии с *Приложением 3*. Для аспирантов (соискателей) обязательна рецензия научного руководителя. Печатаются только статьи, получившие положительные рецензии. Гонорар за публикации не выплачивается.

Настоящие правила распространяются на все материалы, направляемые в редакцию журнала для публикации. Редакция вправе не принять материал к публикации в случае: а) несоблюдения автором правил оформления рукописи; б) выявления элементов плагиата; с) несоответствия материала тематике журнала.

В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись. Редакция оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, подвергая их редакционной правке, вносить редакционные (не меняющие общего смысла) изменения в авторский оригинал. Редакция может опубликовать материалы, не разделяя точку зрения автора (в порядке обсуждения). Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат и прочих сведений. В одном номере журнала может быть опубликована только одна статья одного автора.

Число авторов статьи не должно быть более двух человек. Автор (ы) присылают в редакцию 2 экземпляра статьи (подписанные автором) в печатном виде и направляют статью в электронном виде по электронной почте по адресу: alexandruburian@yahoo.com

Объем статьи не должен превышать 1,5 п. л. машинописного текста формата А4 (60 тыс. знаков, или 16-20 страниц текста), включая таблицы, список литературы и рисунки (схемы). При оформлении библиографических ссылок на английском языке необходимо указывать официальные англоязычные названия журналов.

Для размещения статьи в журнале необходимо предоставить в редакцию заявку, информацию об авторе (ах), статью, фотографию автора (ов) в формате JPG, аннотацию, представленную на трех языках (румынском, русском, английском) объемом – 200 слов, ключевые слова (5-7 слов). Аннотация не должна содержать ссылок на цитируемую литературу, рисунки, таблицы.

Информация об авторе (ах) содержит: ФИО авторов, место работы, должность, ученую степень, ученое звание, почтовый адрес, электронный адрес и контактный телефон. ФИО автора должно быть указано под названием статьи справа.

Технические требования к оформлению рукописи для публикации:

Название статьи не должно превышать трех строк. Название должно даваться только заглавными буквами (Times New Roman 16) и располагаться по центру. Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце (Библиография). Библиографический список приводится после текста статьи в соответствии с *Приложением 2*. Сноски на упомянутую литературу в тексте обязательны и должны быть оформлены внизу страницы в соответствии с *Приложением 1*. Ссылки на иностранные источники даются на иностранном языке и сопровождаются в случае перевода на румынский и русский язык указанием на перевод. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы (библиография) дается в алфавитном порядке по фамилиям первых авторов. Сокращения и аббревиатуры должны расшифровываться по месту первого упоминания в тексте статьи. В тексте на румынском, английском, французском, испанском языке используется немецкие кавычки („лапки”), в тексте на русском языке используются французские кавычки («ёлочки»).

Параметры страницы:

Документ должен быть сохранён в формате MS Word. Формат страницы А 4; поля страницы: верхнее и нижнее – 2 см, правое - 1,5 см, левое - 3 см. Шрифт - Times New Roman; кегль - 12; межстрочный интервал - 1,5. Выравнивание по ширине, отступ слева - 1,5. Нумерация страниц – сквозная, внизу страницы, по центру.

Оформление текста:

Использование ручных переносов (manual hyphenation) неприемлемо. Рисунки и таблицы должны иметь нумерационный и тематический заголовки и должны быть представлены в тексте после абзацев, содержащих ссылку на них.

Авторские экземпляры:

Каждому автору полагается один авторский экземпляр номера журнала вне зависимости от количества авторов статьи.

Редакционный совет

Приложение 1

Пример оформления библиографических сносок:

В библиографических сносках расстановка знаков препинания и предписанной пунктуации должна подчиняться тем же правилам, что и расстановка их в библиографическом описании.

Если текст цитируется не по первоисточнику, а по другому документу, то в начале ссылки приводят слова: Цит. по: (цитируется по), Приводится по: , с указанием источника заимствования:

Пример оформления:	Цит. по: Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г. США и Восточная Азия. Борьба за «новый порядок». М.: Международные отношения, 2010, с. 325.

При последовательном расположении первичной и повторной ссылок используют слова «Там же» или «Ibid.» (ibidem) для документов на языках, применяющих латинскую графику:

<i>Первичная</i>	Гаджиев К.С. Геополитика. Учебник для бакалавров. М.: Издательство Юрайт, 2012, с. 27.
<i>Повторная</i>	Там же, с. 47. или Ibid., p. 47.

В повторных сносках, содержащих запись на один и тот же документ, не следующих за первичной ссылкой, приводят заголовок, а основное заглавие и следующие за ним повторяющиеся элементы заменяют словами «Указ. соч.» (указанное сочинение), «Цит. соч.» (цитируемое сочинение), «Op. cit.» (opus citato):

<i>Первичная</i>	Жинкина Ю.В. Стратегия безопасности России: проблемы формирования понятийного аппарата. М.: Российский научный фонд, 1995, с. 87.
<i>Повторная</i>	Жинкина Ю.В. Указ. соч., с. 67. или Жинкина Ю.В. <i>Op. cit.</i> , p. 65.

Приложение 2

Примеры оформления списка библиографии:

Библиографический список приводится после текста статьи и следует после слова «Библиография». Все ссылки в списке последовательно нумеруются и располагаются в алфавитном порядке.

Описание книги одного автора:

Пример оформления	Гаджиев К.С. Геополитика. Учебник для бакалавров. М.: Издательство Юрайт, 2012. 479 с.

Описание книги четырех и более авторов:

Пример оформления	David G. Victor ... [et al.]. Natural gas and geopolitics: from 1970 to 2040. Cambridge; New York: Cambridge University Press Cambridge University Press, 2006. xxv + 508 p.

Описание статьи из журнала:

Для статьи из журнала нужно указать автора (ов) статьи, название статьи, название журнала, год, номер выпуска и страницы начала и окончания статьи.

Пример оформления	Конобеев В.Н. Геостратегия США в Евразии. В: Проблемы управления. 2008, №1 (26), с. 87 – 97.

Описание диссертаций

Пример оформления	Ганюхина Т.Г. Модификация свойств ПВХ в процессе синтеза: дис. ... канд. хим. наук: 02.00.06. Н. Новгород, 1999. 109 с.

Описание авторефератов диссертаций:

Пример оформления	Жуков Е.Н. Политический центризм в России: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2000. 24 с.

Описание электронных научных изданий:

Для электронных источников нужно указать практически те же данные, что и для журналов: автор, название статьи, название сайта (или раздела сайта) и адрес URL. В записи обязательно должен присутствовать текст [On-line]:, при ссылке на электронный ресурс после электронного адреса в круглых скобках приводят сведения о дате обращения к электронному сетевому ресурсу (после слов «дата обращения» указывают число, месяц и год): (Дата посещения: 02.03.2012)

Пример оформления	Китай встает на «правильную сторону истории» в Персидском заливе. В: Мировая политика и ресурсы. [On-line]: http://www.wpr.ru/?p=2591 . (Дата посещения: 07.01.2012).

ПОЛОЖЕНИЕ

о рецензировании научных статей в журнале «Молдавский журнал международного права и международных отношений»

1. Научные статьи, поступившие в редакцию журнала «Молдавский журнал международного права и международных отношений», проходят через институт рецензирования.

В журнале «Молдавский журнал международного права и международных отношений» принята четырехуровневая система рецензирования статей:

1^й уровень - рецензирование главным редактором (main editor peer review);

2^й уровень - открытое рецензирование (open peer review - автор и рецензент знают друг о друге) - рецензия, представленная в редакцию автором;

3^й уровень - одностороннее «слепое» рецензирование (single-blind - рецензент знает об авторе, автор – нет);

4^й уровень - двухстороннее «слепое» рецензирование (double-blind - оба не знают друг о друге).

2. Каждая научная статья должна иметь рецензии:

– открытые: 1^й уровень – рецензия (заключение) главного редактора; 2^й уровень официального рецензента – специалиста соответствующего научного профиля (доктора или кандидата наук);

– закрытые (слепые): 3^й уровень – научным редактором или одним из членов редколлегии; 4^й уровень – по решению редколлегии и только внешнее.

Для публикации статей аспирантов, соискателей ученой степени кандидата наук кроме рецензии должна быть представлена рекомендация профильной кафедры.

3. Редколлегия при оценке рецензий обращает внимание на наличие в материале актуальности решаемой автором научной проблемы. Рецензия должна однозначно характеризовать теоретическую или прикладную значимость исследования, соотносить выводы автора с существующими научными концепциями. Необходимым элементом рецензии должна служить оценка рецензентом личного вклада автора статьи в решение рассматриваемой проблемы. Целесообразно отметить в рецензии соответствие стиля, логики и доступности изложения научному характеру материала, а также получить заключение о достоверности и обоснованности выводов.

4. После получения рецензий рассматривается вопрос о поступивших статьях и принимается окончательное решение на основе оценки рецензий об опубликовании или отказе в опубликовании статей.

На основе принятого решения автору (авторам) по e-mail или почте направляется письмо, в котором дается общая оценка статьи и принятое решение. При отказе в публикации рецензенты остаются анонимными.

4. Редколлегия вправе направлять статьи на дополнительное внешнее анонимное рецензирование. Главный редактор направляет рецензенту письмо с просьбой о рецензировании. К письму прилагаются статья и рекомендуемая форма рецензии.

5. Наличие положительных рецензий не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимает редакционная коллегия.

6. При наличии в статье существенной доли критических замечаний рецензента и при общей положительной рекомендации редколлегия может отнести материал к разряду полемичных и печатать его в порядке научной дискуссии.

7. Оригиналы рецензий хранятся в редакции журнала «Молдавский журнал международного права и международных отношений».

**REVISTA MOLDOVENEASCĂ
DE DREPT INTERNAȚIONAL
ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE**

**MOLDAVIAN JOURNAL
OF INTERNATIONAL LAW
AND INTERNATIONAL RELATIONS**

**МОЛДАВСКИЙ ЖУРНАЛ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Nr. 4 (30), 2013

ISSN 1857-1999

www.rmdiri.md/

Bun de tipar 30.11.2013.

Format A4

Coli de tipar 19,43. Coli editoriale 19,45.

Tipar *Digital*. Hârtie ofset. Garnitura *Times New Roman*

Comanda _____. Tirajul 250 ex.

**Centrul Editorial Poligrafic al USM
(CEP USM)**

Str. Alexei Mateevici, 60

MD-2009, mun. Chișinău, Republica Moldova

Tel: (373) 22 57 76 41

E-mail: usmcep@mail.ru